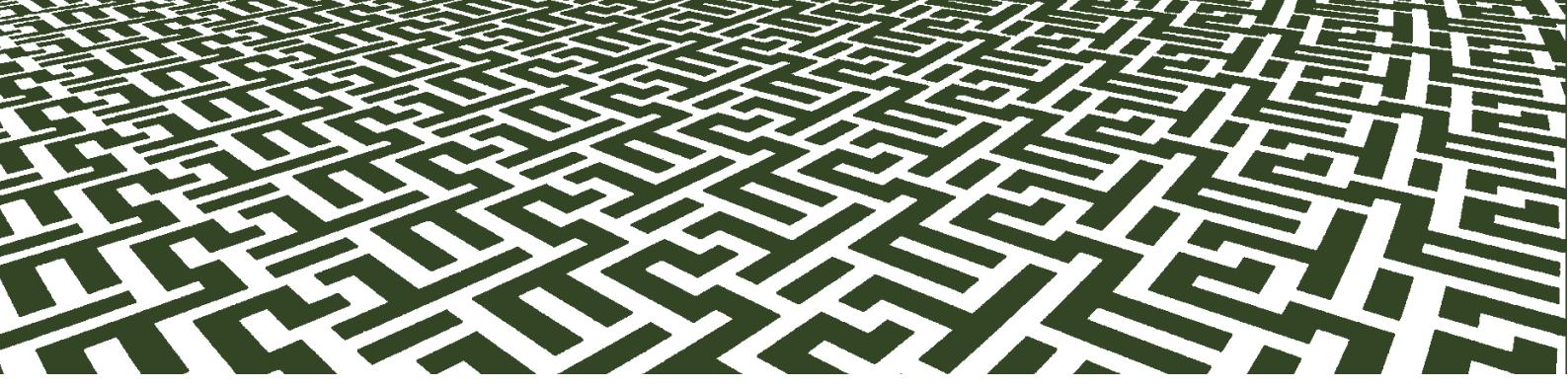

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

**№1
2026**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№1
2026

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 1/2026

дата публикации: 27.02.2026 г.

Является сетевым СМИ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.

ISSN 2587-7666

Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:

Экономические: 5.2.1. Экономическая теория

Социологические: 5.4.2. Экономическая социология

Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский

Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева
О.И. Ананьин	В.С. Мартьянов
М.Р. Байсингер (США)	В.Ю. Музычук
А.Е. Варшавский	А.Н. Олейник (Канада)
М.И. Воейков зам. гл. редактора	Н.М. Плискевич зам. гл. редактора
Г.Д. Гловели	Л.И. Полищук
Р.С. Гринберг	В.М. Полтерович
В.Е. Дементьев	Т.Ф. Ремингтон (США)
А.П. Заостровцев зам. гл. редактора	А.Я. Рубинштейн
Л.В. Зеленоборская	М.Е. Симон
Р.И. Капелюшников	Н.Е. Тихонова
С.Г. Кирдина-Чэндлер	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова зам. гл. редактора

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.

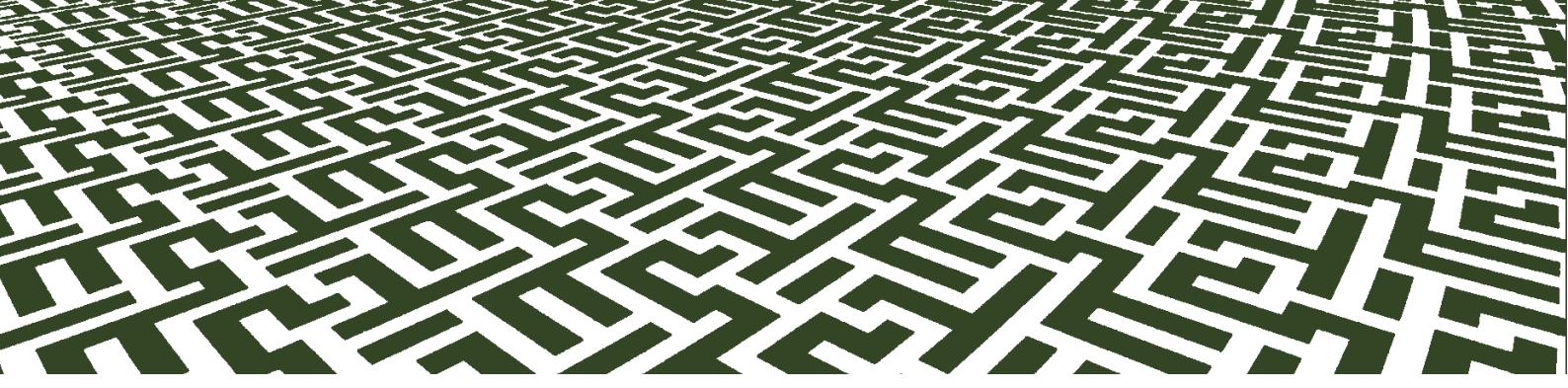
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

тел./факс: 8(499) 724-15-41

e-mail (издателя): ieras@inecon.ru

e-mail (для авторов статей): editorqet@inecon.ru

© Вопросы теоретической экономики, 2026

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

- **Economic Theory**
- **Methodology of economic science**
- **From Theory to Economic Policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary Studies**
- **Economic History**
- **Surveys & reviews**

Nº1
2026

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

scientific journal

№ 1/2026

Publication Date: 27.02.2026

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	A.N. Oleinik (Canada)
M.I. Voyeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
G.D. Gloveli	L.I. Polishchuk
R.S. Grinberg	V.M. Polterovich
V.E. Dementiev	T.F. Remington (USA)
A.P. Zaostrovtshev <i>Deputy Chief Editor</i>	A.Y. Rubinshtein
L.V. Zelenoborskaya	M.E. Simon
R.I. Kapelyushnikov	N.E. Tikhonova
S.G. Kirdina-Chandler	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.Я. Рубинштейн, Е.Э. Чуковская	
Научная деятельность в цифровую эпоху: производство и распространение знания	7
Н.В. Комаровская	
Неопределенность и экономическая активность: теоретические аспекты	22
И.К. Капульцевич	
Культурная трансформация как объект институционального проектирования: теоретические основы и эмпирические возможности C-NUDGE моделирования	39

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.С. Тишкин	
Науковедческие подходы Т. Куна и И. Лакатоса в методологии экономической науки и их критика	54

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

К.Э. Яновский, С.В. Жаворонков, И. Затковецкий	
Пенсии от государства: польза не очевидна, вред очевиден	70
М.Э. Дмитриев, А.А. Оконишников, А.Н. Семеняка	
Целевой жилищный капитал: социально ориентированный институциональный дизайн	92
К.Ф. Быковский, Д.Д. Карташев	
Образование и доход: парадоксы глобализации	112

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

О.Н. Борох	
Китайское экономическое образование в период кампаний критики второй половины 1950-х гг.	128

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский	
Добротель и порок: этические кодексы маргинальных сообществ современной России (Часть 1)	145
Ю.А. Нисневич	
Мир демократического правления в начале XXI в.	164

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

С.А. Васильев	
Программы реформирования экономики и запуск экономических реформ в России	189

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О.А. Кислицына	
Искусственный интеллект в здравоохранении: «лекарство» или «яд»?	215

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

A. Rubinstein, E. Chukovskaya	
Scientific Activityes in the Digital Age: Production and Dissemination of Knowledge	7
N. Komarovskiaia	
Uncertainty and Economic Activity: Theoretical Aspects	22
I. Kapultsevich	
Cultural Transformation as an Object of Institutional Design: Theoretical Foundations and Empirical Possibilities of C-Nudge Modeling	39

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

A. Tishkin	
The Scientific Approaches of T. Kuhn and I. Lacatos in the Methodology of Economic Science and Their Criticism	54

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

K. Yanovskiy, S. Zhavoronkov, I. Zatcovetsky	
Public Pensions: Unobvions Utilite with Obvions Damage	70
M. Dmitriev, A. Okonishnikov, A. Semenyaka	
Targeted Housing Capital: Socially Oriented Institutional Design	92
K. Bykovsky, D. Kartashev	
Education and Income: The Paradoxes of Globalization	112

HISTORY OF THOUGHT

O. Borokh	
Chinese Economic Education During the Criticism Campaigns of the Second Half of the 1950s	128

INTERDISCIPLINARY STUDIES

A. Medushevskiy	
Virtue and Vice: Ethical Codes of Marginal Communities in Modern Russia. Part 1	145
Yu. Nisnevich	
The World of Democratic Governance at the Beginning of the XXI Century	164

ECONOMIC HISTORY

S. Vasiliev	
Economic Reform Programs and the Launch of Economic Reform in Russia	189

SURVEYS & REVIEWES

O. Kislytsyna	
Artificial Intelligence in Healthcare: «Medicine» or «Poison»?	215

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.Я. Рубинштейн

*д.ф.н., руководитель научного направления «Теоретическая экономика»,
Институт экономики РАН (Москва)*

Е.Э. Чуковская

*к.ю.н., директор Научно-образовательного центра интеллектуальной
собственности и цифровой экономики (Москва)*

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗНАНИЯ

Аннотация. В статье представлен анализ современной ситуации, сложившейся спустя 12 лет после передачи в 2013 г. академических институтов сначала в подчинение Федерального агентства научных организаций (ФАНО), а затем Министерства науки и высшего образования, обусловившей фактическую утрату Российской академией наук статуса самоуправляемой организации гражданского общества. Это не могло не отразиться на авторитете РАН. Основной акцент сделан на исследовании актуальных проблем деятельности экономических институтов РАН и связанных с ними вопросах авторского права. В контексте поиска ответов на вопросы, относящиеся к научной деятельности и распространению знания, представлено мнение профессиональных экономистов, полученное в результате социологического интернет-исследования, выполненного на основе информационной системы НЭА. Важная особенность распространения знаний обусловлена проблемами интеллектуальной собственности и авторского права. Появление большого числа псевдо-произведений и объектов с невысоким уровнем творчества влияет и на рынок распространения знания. В условиях журнальной монополии, устанавливаемой в научометрических целях, модели взаимоотношений учёных и издателей сегодня искажены по сравнению с принципиальными правовыми подходами, традиционно представляющими автору власть над результатом своего труда, право на его неприкосненность и на вознаграждение. Использование новых технологий в научной деятельности несёт как преимущества, так и риски. С одной стороны, нейросеть в разы упрощает некоторые рутинные операции, тем самым являясь эффективным орудием интеллектуального труда на определённых этапах исследований. С другой стороны, не исключена подмена результатов человеческих умозаключений генерированными выводами алгоритма, базирующегося на принципах частотности словоупотребления и не свободного от недостатков. С позиций авторского права не решены вопросы «на входе» и «на выходе»: насколько легально использование охраняемых произведений для машинного обучения и кому должны принадлежать права на генерированный контент.

Ключевые слова: социологические исследования, распространение знания, интеллектуальная собственность, авторские права, нейросети, ранжирование журналов, рейтинг.

JEL: A14, B23, C43

УДК: 001, 001.3, 004, 009

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_7_21

© А.Я. Рубинштейн, Е.Э. Чуковская, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рубинштейн А.Я., Чуковская Е.Э. Научная деятельность в цифровую эпоху: производство и распространение знания // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_7_21.

FOR CITATION: Rubinstein A.Ya., Chukovskaya E.E. Scientific Activityes in the Digital Age: Production and Dissemination of Knowledge // Voprosy teorecheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_7_21.

Введение

В поисках ответов на вопросы, относящиеся к условиям и результатам научной деятельности, особый интерес представляют суждения профессиональных экономистов, не только обладающих знаниями в области экономической теории производства и распространения знания, но, что не менее важно, имеющих собственный опыт исследовательской и публикационной деятельности. В качестве экспертов для участия в данном проекте были приглашены около 10 тыс. учёных, представляющих институты РАН, университеты (вузы) и другие научные организации, ведущие исследования по всем направлениям экономической науки¹.

Формирование информационной системы Новой экономической ассоциации (НЭА) началось в 2009 г. при организации первого Российского экономического конгресса, в котором было зарегистрировано около 1 500 участников, представителей университетов, институтов РАН и других научных центров. К настоящему времени в Базе данных НЭА содержится информация о 9 131-м респонденте. Возможность проанализировать их мнения и оценки в отношении ряда аспектов научной деятельности была получена в результате интернет-социологического исследования, что стало информационной основой данной работы.

Следует особо отметить, что научные центры и институты РАН, главной задачей которых является проведение фундаментальных исследований, выступают, как правило, в двух ипостасях: в качестве и своеобразной «фабрики» по производству знания — научных организаций, и одного из учредителей экономических журналов, обеспечивающих распространение знания. Отдельно нужно сказать и о цели данного исследования. Речь идёт об изучении мнения сообщества экономистов в отношении ряда аспектов научной деятельности. При этом основной акцент сделан на проблемах экономической науки, обусловленных во многом отношениями науки и государства, о месте науки в обществе, о финансировании научных исследований, об оплате труда научных работников и финансировании публикационной деятельности, направленной на распространение знания, а также на вопросах производства и распространения знания экономическими институтами РАН и связанных с ними проблемах авторского права².

Научная деятельность и государство

Прошло уже больше десяти лет с момента передачи в 2013 г. академических институтов сначала в подчинение Федеральному агентству научных организаций (ФАНО), а затем Министерству науки и высшего образования³. Подобные реформы, обусловившие фактическую утрату Российской академией наук статуса самоуправляемой организации гражданского общества, не могли не отразиться на авторитете РАН. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопрос в рамках уже упоминавшегося социологического исследования: «Какие организации адекватно выражают интересы своих членов».

Результаты экспертного опроса указывают на то, что Российская академия наук, занимавшая до упомянутого изменения её статуса первую позицию в табеле о рангах, в 2024–2025 гг. уступила свое место Новой экономической ассоциации: соответственно,

¹ Руководитель информационного проекта «База данных НЭА» — научный сотрудник ИЭ РАН Н.А. Бурakov. Данные социологического мониторинга (2023–2024 гг.) и полученные на его основе результаты находятся в открытом доступе (<https://www.econorus.org/socmon.phtml>). Данные социологического мониторинга (2025 г.) будут выставлены на указанном сайте в феврале 2026 г.

² В статье использованы материалы нашего научного доклада «Наука и распространение знания в зеркале социологического исследования». — ИЭ РАН, 2025 г.

³ Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (№253-ФЗ от 27 сентября 2013 г.) и Указ Президента РФ «О структуре федеральных органов исполнительной власти» (№215 от 15 мая 2018 г.).

38,1 и 33,6% респондентов выбрали НЭА, 29,3 и 29,2% — РАН. Рассмотрим в связи с этим табл. 1 и 2, в которых представлены ответы экспертов.

Таблица 1⁴

Научные сообщества, адекватно выражющие интересы их членов %, N = 255

Научные сообщества	2024 г.	2025 г.
Новая экономическая ассоциация	38,1	33,6
Российская академия наук	29,3	29,2
Вольное экономическое общество	20,5	20,6
Российское профессорское собрание	4,3	5,1
Другие организации	7,7	11,6
Всего	100	100

Источник: расчёты авторов.

Учитывая же, что «смена лидера» проходила в течение последних двенадцати лет после принятия указанного Федерального закона, интересно понять, как эта ситуация меняется, при рассмотрении различных возрастных групп респондентов, каждая из которых стала на двенадцать лет старше.

Таблица 2

Научные сообщества и возрастная шкала экспертов, 2025 г., в %, N = 255

Общественные организации науки	35–44 года	45–64 года	65–74 года	75 и старше	Всего
Новая экономическая ассоциация	42,0	30,9	33,2	32,4	33,6
Российская академия наук	30,0	26,6	33,7	29,4	29,2
Вольное экономическое общество	18,0	22,3	21,8	16,2	20,6
Российское профессорское собрание	2,0	5,3	5,0	8,8	5,1
Другие организации	8,0	14,9	5,9	13,2	11,6
Всего	100	100	100	100	100

Источник: расчёты авторов.

Расчёты свидетельствуют, что в 2025 г. наибольшее количество экспертов в возрасте «от 35 до 44 лет» (42,0%) выбрали Новую экономическую ассоциацию как организацию, которая адекватно выражает интересы своих членов. Заметим, что это те эксперты, которые на момент проведения указанной реформы находились в молодёжной возрастной группе «от 23 до 33 лет», т. е. не имели большого опыта взаимодействия с Российской академией наук. Несколько иная ситуация, по мнению экспертов, наблюдается при выборе РАН в качестве организации,

⁴ В табл. 1–9 приведены результаты расчётов, выполненных авторами на основе социологического исследования, в «стихийную выборку» которых вошли 255 экспертов более чем из 60 российских городов, представляющих университетскую и академическую науку. Её характеристики дают основание для вывода, что выборка респондентов, ответивших на вопросы анкеты, с большой вероятностью является достаточно представительной. Подробнее об этом см.: [Рубинштейн, Чуковская, 2025. С. 6–18]. При этом все приведённые в статье расчёты относятся исключительно к фактическому (а не вероятностному) распределению ответов респондентов на вопросы анкеты, и потому они не нуждаются в проверке на статистическую значимость.

адекватно выражают интересы своих членов. Здесь лидируют эксперты в пожилом возрасте «от 65 до 74 лет», доля которых составляет 33,7%. Двенадцать лет назад они принадлежали группе «от 53 до 62 лет» и в отличие от молодых коллег уже имели положительный опыт взаимоотношения с Российской академией наук, который, собственно, и побудил их к выбору РАН.

Вынуждены повторить свой прежний вывод: если РАН продолжит своё зависимое и малоресурсное существование, то, к сожалению, можно ожидать ещё большего падения авторитета РАН [Рубинштейн, Чуковская, 2024], что и подтверждает данное исследование. Нетрудно прийти к общему заключению о необходимости реформирования управления отечественной наукой. Причём не только в области государственного финансирования производства и распространения знаний, но и в части проведения необходимых институциональных преобразований, обеспечивающих восстановление для Российской академии наук статуса самоуправляемой организации гражданского общества с возвращением в её подчинение всех научных институтов. Подтверждают это и ответы экспертов из различных научных институтов и вузов на вопрос о целесообразности возвращения академических институтов в лоно РАН (табл. 3).

К сказанному надо добавить, что реорганизация РАН с подчинением академических институтов Минобрнауки завершилась закреплением вмешательства патерналистского государства в научную жизнь страны с внедрением разного рода формальных показателей [Рубинштейн, Бураков, 2023]. В известной степени всё это трансформировалось в возрастающие требования к публикационной активности, количеству статей и «арифметике цитируемости» [Адлер, Эвинг, Тейлор, 2011]. С учётом этого экспертам был задан вопрос о проблемах в сфере научной деятельности, стоящих перед государством. Ответы на этот традиционный вопрос, касающийся производства и распространения знаний, приведены в табл. 4.

Таблица 3
Целесообразно ли вернуть академические институты в лоно Российской академии наук? (распределение ответов), %, N = 255

Место работы эксперта	Да	Затрудняюсь ответить	Нет	Всего
Институт РАН	81,6	16,3	2,0	100
Университет (вуз), НИИ в структуре вуза	56,1	27,3	16,7	100
Другие организации	47,4	28,9	23,7	100
Временно не работаю	87,5	12,5	0,0	100
Всего	61,2	24,7	14,1	100

Источник: расчёты авторов.

Таблица 4
Какие проблемы, на Ваш взгляд, в сфере научной деятельности стоят перед государством? %, N = 255

Проблемы научной деятельности	Уровень значимости проблем			Всего
	низкий	средний	высокий	
Недостаточное финансирование исследований	24,5	28,1	36,7	33,4
Низкая оплата труда научных работников	26,4	29,2	36,0	33,4
Недостаточное финансирование распространения знаний	49,1	42,7	27,3	33,2
Всего	100	100	100	100

Источник: расчёты авторов.

Результаты расчётов свидетельствуют, что наиболее значимой для обеспечения нормальной научной деятельности является «вечная» проблема общей «недостаточности финансирования исследований», которую как высокую обозначили 36,7% экспертов. Почти такая же часть экспертов (36,0%) оценила с высокой значимостью проблему «Низкой оплаты труда научных работников», что, по всей видимости, следует отнести к особенностям новой эпохи. Довольно неожиданно «недофинансирование распространения знаний», по мнению почти половины экспертов (49,1%), получило самый *низкий уровень значимости*.

Отсутствие авторских гонораров за публикацию научных статей и монографий и, наоборот, взимание платы с авторов статей за их публикацию (а это позволяют себе уже многие журналы) можно объяснить лишь нехваткой у издателей необходимых финансовых ресурсов. Решить эту проблему можно в результате соответствующего бюджетного финансирования. Если же исходить из наличия у государства интереса в распространении знаний, то подобные действия рациональны.

Распространение знаний и авторское право

Начнём с того, что современное понимание самого процесса распространения знания сформировалось в основном благодаря концепции «рассеянного знания» Ф. фон Хайека⁵, представленной им в статьях «Экономическая теория и знание» (1936) и «Использование знания в обществе» (1945), вошедших в виде отдельных глав в книгу «Индивидуализм и экономический порядок» [Хайек, 2001. С. 51–71, 89–101]. Её главная особенность заключена в тезисе автора о том, что знание не существует в явно выраженному виде, а рассеяно между людьми и существует только в их сознании и мышлении, обусловливая тем самым возможность рассмотрения знания в качестве никому не принадлежащего общественного блага [Machlup, 1984; Foray, 2004]⁶.

В этом пространстве «неразложимых социальных благ» находят отражение накопленные знания и весь прошлый опыт интеллектуальной деятельности. В соответствии с этой концепцией Ч. Тейлор отмечает: «чтобы происходить, существовать и быть именно теми мыслями, которыми они являются, мыслям необходим доступ к этому пространству» [Тейлор, 2001. С.9]. Более определённо этот вывод сформулировал Д. Форэй: «Знание появляется только тогда, когда оно выражено и записано и когда становится возможным закрепить за ним *право собственности*» [Foray, 2004. Р. 9]. Здесь, строго говоря, и возникает принципиальная особенность распространения знания, непосредственно связанная с проблемами интеллектуальной собственности и авторского права, определяющими условия превращения знания в продукты рыночного обмена.

При этом осуществляемая законодательством об авторских правах охрана интеллектуальной собственности породила множество теоретических и практических проблем. Они обусловлены нестыковкой институциональных реформ в сфере академической науки, вызванных инструментарием цифровизации результатов в научной деятельности, затрудняющим работу учёных. Среди этих теоретических и практических проблем можно выделить три ключевых группы:

- о допустимости вмешательства издателя в работу учёного и установления не обусловленных законодательством требований к результату его интеллектуального труда, включая определения новизны и оригинальности исследования;

⁵ См. также: [Витгенштейн, 2009; Тейлор, 2001. С. 10].

⁶ П. Дэвид иллюстрирует этот тезис следующими словами Т. Джейферсона: «Идеи — как огонь, распространяются по всему пространству, не уменьшая своей плотности ни в одной точке» [David, 1993. Р. 219].

- ▶ о распределении прав на конечный научный «продукт»: от принадлежности исключительного права до возможных финансовых обязательств в связи с публикацией и её дальнейшим использованием;
- ▶ о возможности и пределах использования нейросетевых технологий при проведении исследований и оформлении их результатов.

Более детальная расшифровка указанных вопросов касается хорошо известных сюжетов, связанных с возможностями: а) определения оригинальности исследования исключительно на основе наукометрических показателей; б) подходов к правилам цитирования (маркировки заимствования научных результатов в виде пересказа, переработки и т.п.); в) введения единообразной хронологической последовательности обнародования автором результатов своих исследований (например: доклад — препринт — статья — монография); г) определения условий публикации (сроки, отчуждение авторского права, размещение текста и/или аннотации на различных ресурсах), не учитывая мнение автора, и т.п.

Стало понятно, что ответы на столь широкий круг вопросов требуют от респондентов существенной вовлечённости в проблему. Поэтому в окончательный вариант анкеты социологического исследования 2025 г. вошло лишь ограниченное число вопросов, вскрывающих проблемы, прямо или косвенно относящиеся к правовым моментам регулирования интеллектуальной деятельности и позволяющих узнать мнение профессионального сообщества по основным аспектам, связанным, во-первых, с производством и распространением знания — о пределах прав издателей (табл. 5) и допустимой последовательности публикаций (табл. 6), во-вторых, о возможных проблемах и последствиях использования нейросетей.

Для определения глубины и остроты проблем, связанных с различным пониманием учёными, их работодателями и издателями журналов пределов своих правомочий, экспертом был задан вопрос о том, в каких случаях журналы превышают установленные законодательством полномочия (табл. 5).

Таблица 5

По каким аспектам публикации авторских статей, на Ваш взгляд, журналы превышают установленные законодательством полномочия? %, N = 255

Право у издателя научных публикаций	Вправе	Не вправе	Всего
Определять оригинальность работы на основе формальных наукометрических показателей	52,1	47,9	100
Вводить запрет или значимые ограничения на использование ранее опубликованных собственных текстов автора или их фрагментов	34,7	65,3	100
Вводить ограничения на количество источников в списке литературы	38,3	61,7	100
Отказывать вводить в статье, монографии, других публикациях обозначение даты подачи текста в издательство	40,1	59,9	100
Определять условия размещения текста публикации и/или его аннотации на различных информационных ресурсах без согласия автора	33,8	66,2	100
Вносить изменения в текст публикации без согласия автора	3,5	96,5	100

Источник: расчёты авторов.

Полученные ответы свидетельствуют, что в отношении «определения оригинальности работы на основе формальных научометрических показателей» мнения экспертов разделились почти в равных частях — 52,1% считают, к нашему удивлению, что такое право у издателей есть, а 47,9% придерживаются противоположной точки зрения. По всем остальным позициям эксперты указывают на явное превышение издателями своих полномочий. В качестве комментария добавим, что формальные требования «оригинальности» публикаций стали настоящим бичом для учёных. Оригинальность в принципе измерить невозможно и никакие ограничения использования результатов собственных исследований допускать нельзя, ибо они противоречат свободе творчества и принципам авторского права, которое поощряет правильно оформленные заимствования.

То же относится и к интеллектуально-правовым нормам (точнее, к их отсутствию) о порядке публикаций. Любая последовательность (*препринт — статья — монография*) научного текста может быть обусловлена стратегией исследователя, но не указаниями законодателя (табл. 6).

Таблица 6
Допустимая последовательность публикаций, %, N = 255

Возможная последовательность	Уровень значимости			Всего
	низкий	средний	высокий	
Препринт — статья — монография	18,8	29,2	52,0	100
Доклад на конференции — статья — монография	6,9	20,8	72,2	100
Статья — доклад на конференции — монография	19,9	29,6	50,5	100
Статья — брошюра — монография	36,3	38,9	24,7	100
Монография — статья — доклад на конференции	66,3	19,5	14,2	100
Монография — доклад на конференции — статья	66,7	18,5	14,8	100

Источник: расчёты авторов.

Ответы экспертов показали, что поставленные вопросы волнуют не только составителей анкеты, но и самих респондентов. Сегодня в условиях стремительно и спорадически меняющегося правового массива, регулирующего интеллектуальную деятельность и сферу науки в целом, а также в связи с развитием технологий, в первую очередь систем искусственного интеллекта, можно выделить несколько групп конфликтов, которые действующее законодательство не разрешает однозначным образом:

1. Конфликт принципов авторского права, предполагающих контроль правообладателя за использованием произведения, и конституционного права на доступ к информации (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации⁷), включающего свободу искать, получать, передавать, производить и распространять научную информацию любыми законными способами.

2. Противоречие между декларированным законом правом на вознаграждение за использование объектов авторского права (при допущении безвозмездных правоотношений между субъектами, не преследующими извлечение прибыли) и сложившейся практики безгонорарного издания научных текстов и ненадлежащего оформления договоров, порождающих у сторон правоотношений неверное понимание своих возможностей.

⁷ Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями от 1 июля 2020 г.). Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.12.2025).

3. Конфликт свободы научного и академического творчества (ч. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации), подразумевающей помимо прочего использование собственных работ и возможность продолжения, развития, углубления исследований, и притязаний работодателей и издателей на эксклюзивное использование научных результатов, стратегию их обнародования и распространения.

4. Коллизия между свободой творчества и тотальным господством наукометрии как основой для принятия управленческих, финансовых и статутных решений (например, при выделении финансирования, определении размера оплаты труда, присвоении учёных степеней и т.п.).

5. Разрыв между практическим удобством использования нейросети для рутинной работы и поиска информации и участившимися случаями подмены научных исследований результатами функционирования искусственного интеллекта без их обработки, отбора и критики.

На первый взгляд, эти «болевые точки» находятся на разных краях спектра, но если разложить сформулированные доступным языком и ощущаемые профессиональным сообществом проблемы на более мелкие составляющие, то можно обнаружить, что в их основе лежат одни и те же элементы. О соотношении некоторых конституционных прав, о «перевёрнутых с ног на голову» представлениях об исключительных правах на произведения науки, проблемах практики составления и заключения договоров и гонорарной политике современных специализированных журналов мы уже писали [Рубинштейн, Чуковская, 2024].

Оригинальность результатов интеллектуальной деятельности

Из других «кирпичиков» всех перечисленных коллизий нужно обратить внимание на подход к оригинальности результата интеллектуальной деятельности: эта проблема встаёт и при ограничениях цитирования и самоцитирования, и при установлении монополии на направления исследований, а также при критике использования генеративного контента, создаваемого искусственным интеллектом.

Оригинальность или новизна как критерий охраноспособности результатов интеллектуальной деятельности в определённом аспекте и границах характерна для «объектов содержания» — изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений. Для современного авторского права, охраняющего «объекты формы», сам эпитет «оригинальный» используется только в качестве элемента дилеммы в противопоставлении с производными (переработанными и составными) произведениями⁸.

В особых случаях «пограничного» (с точки зрения правового режима результатов) творчества — создания компьютерных программ, баз данных и топологий интегральных микросхем — упоминаемая в нормах оригинальность означает личное участие автора, продукт его собственного творческого труда⁹. Можно встретить требования к оригинальности

⁸ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 октября 1886 года (с изменениями). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&linkid=0&nd=203000755&collection=1>: см. также четвёртую часть Гражданского кодекса Российской Федерации № 230-ФЗ от 18 декабря 2006 г. (с последующими изменениями). Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629 (дата обращения: 17.12.2025).

⁹ Директива Совета ЕС «О правовой охране компьютерных программ» от 14 мая 1991 года. Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2565722/>; Директива Совета ЕС «О согласовании сроков защиты авторских и смежных прав» (29/10/1993). Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2565723/1caf24d049dc1e7707a22d98e9858f/>; Директива Европейского Парламента и Совета ЕС «О сроке действия охраны авторского права и некоторых смежных прав» от 12 декабря 2006 года. Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2568234/> (дата обращения: 17.12.2025).

фотографий, но этот вид произведений (в том числе научные и исследовательские снимки) с момента изобретения фотографии требовал корректировки правовых подходов.

В юридической науке есть как сторонники [Эдельман, 1983; Дюма, 1989; Гаврилов, 2004], так и противники [Витко, 2017] оценки оригинальности при решении об охраноспособности произведения. В.Я. Ионас выделял субъективную и объективную оригинальность, относя к первой новизну результата только для самого автора, а ко второй — не только для него, но и для третьих лиц: работодателей, пользователей (в том числе издателей) и публики [Ионас, 1963]. Европейская судебная практика [Огородникова, 2021; Свиридова, 2018] проводит грань между новизной и оригинальностью, определяя первую только по хронологическому критерию.

В любом случае оценка оригинальности зависит от кругозора оценивающего (даже сам автор при недостатке образования, начитанности и насмотренности может «изобрести велосипед»). Однако в подавляющем большинстве случаев учёные-юристы рассуждали об оригинальности с позиции охраноспособности «первичных» результатов творчества, при исследовании правоотношений между авторами изначального и производного произведения, а также для обоснования вероятности или невероятности параллельного художественного и научного творчества (которое не редкость в технических отраслях интеллектуальной деятельности), но никак не с точки зрения оценки возможности публикации и негативных последствий для учёного (за исключением случаев некорректного заимствования или откровенного присвоения авторства).

Исследователи проводили параллели между оригинальностью и интеллектуальной деятельностью в целом, сравнивали с представлениями об индивидуальности и самостоятельности творческой личности, рассуждали о том, должна ли оригинальность рождаться «в поте лица», только в результате долгих поисков или может быть плодом удачного экспромта. Известны случаи, когда погоня за оригинальностью имеет негативные последствия (например, французский академик, аббат Жак Делиль (1738–1813) перевёл трагедии Шекспира, приделав каждой из них хэппи-энд, чтобы не огорчить французскую публику).

Вопрос заимствования результатов чужих исследований также однозначно решён: цитирование в гражданском праве — только включение стороннего результата интеллектуальной деятельности или его фрагментов в свой собственный, для чего п. 1 ст. 1274 ГК РФ установлен особый режим свободного использования не только для того, чтобы поощрить поступательное развитие исследований, но и не затевать юридические процедуры по приобретению прав на использование по поводу каждого упоминания [Рубинштейн, Чуковская, 2024].

Цитирование в ГК РФ имеет чёткие правила и пределы и напрямую относится, в первую очередь, к научным, критическим и полемическим видам творчества. Понятия «самоцитирование» в ГК отсутствует именно исходя из того предположения, что автор сам с собой всегда договорится. Никакое самоцитирование, или, грубее, самоплагиат, не может быть юридическим критерием оценки охраноспособности научного текста. Однако, к сожалению, оно служит меткой, используемой в повсеместно внедрённых в практику системах проверки на заимствования или признаки генеративности.

Казалось бы, законодательный и правоприменительный подход ясен: оригинальность не является определяющим свойством результата творческой деятельности. Её нельзя измерить, в некоторых видах интеллектуальной деятельности она не только недостижима, но и вредна; никакие ограничения использования результатов собственных исследований не допускаются и противоречат конституционной свободе творчества, а правильно оформленные заимствования не только не запрещены, но и поощряются.

Также при анализе интеллектуально-правовых норм становится понятно, что нет и не может быть никаких правовых ограничений в хронологии публикаций. Любая траектория, «жизненный цикл» научного текста может быть обусловлен только конкуренцией в научной среде, сохранением до поры до времени результатов исследований в тайне,

а также экономическими соображениями издателя, но никак не юридическими дозволениями или запретами.

Эти тезисы справедливы для гражданского права, но ставятся под сомнение в других нормативных актах, регулирующих иные аспекты научной деятельности, от Закона о науке до порядка присвоения учёных степеней¹⁰. Получается, что принципы правового воздействия в одной и той же сфере «не синхронизированы» и меняются в зависимости от юридического аспекта и цели применения той или иной нормы, а часто и от личных предпочтений и частной точки зрения руководства исследовательской организации и чиновников от науки.

Причём в определённых аспектах коллизии двух нормативных систем выглядят ещё более острыми, как, например, принудительное обнародование авторефератов, диссертаций и финансируемых за счёт бюджетных средств научных исследований в системе ЕГИСУ НИОКР¹¹, требования к количеству и месту публикаций для соискания учёной степени, применение критериев новизны, достоверности, полезности, требования к квалификации автора и т.п.

В науке, как ни в одной другой сфере, остро стоит вопрос о правомерности и пределах редакторской правки. Широкое использование наукометрических данных в качестве подчас единственной основы для принятия административных решений также вызывает отторжение профессионального сообщества. Притом, что во многих юрисдикциях различные статистические методы применяются во благо автора, например, число обращений к научным текстам является базой для расчёта авторского вознаграждения в системе PLR (Public Lending Right), при которой авторы и другие правообладатели получают отчисления за предоставление их произведений в библиотеках, в том числе электронных, в рамках допустимой законодательством принудительной лицензии для определённых категорий пользователей.

Использование искусственного интеллекта

Вторая группа вопросов экспертам связана с использованием технологий искусственного интеллекта при проведении исследований и подготовке научных текстов к публикации. Результаты опроса представлены в табл. 7, 8 и 9.

Как видно из приведённых результатов опроса, респонденты с осторожностью допускают использование нейросетей в своей работе — ни один из ответов (даже о подспорье в выполнении рутинных задач) не достиг 50%. Осмелимся предположить, что новые инструменты находятся ещё на стадии апробации и внедрения, обрастаю мифами [Косяков, 2024]. Тому немало способствуют злободневные публикации СМИ, не всегда объективно и разносторонне преподносящие информацию. В итоге общественное мнение сегодня сформировано не в пользу особо продвинутых пользователей.

Хотя на первый взгляд это может показаться неочевидным, проблемы использования искусственного интеллекта также «упираются» в правовую трактовку понятия «оригинальность», поскольку каждый сгенерированный контент на сегодняшней стадии развития нейросетей — не более чем удачная (или неудачная) компиляция. Но этот процесс свойственен и для естественного интеллекта, только у последнего он происходит многократно медленнее.

¹⁰ Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 г. №127-ФЗ (с изменениями). Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/; Постановление Правительства РФ «О порядке присуждения учёных степеней» № 842 от 24 сентября 2013 г. (редакции от 16 октября 2025). Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152458/ (дата обращения: 17.12.2025).

¹¹ Постановление Правительства РФ «О единой государственной информационной системе учёта научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ» от 12 апреля 2013 г. (редакция от 24 июня 2025 г.) №327. Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70359576/> (дата обращения: 17.12.2025).

Таблица 7

Права на результаты работы искусственного интеллекта и квалификация экспертов, участвующих в опросе, %, N = 255

Кому должны принадлежать права на результаты работы искусственного интеллекта и нейросетей?	Доктор наук	Кандидат наук	Нет учёной степени	Всего
Пользователям нейросетей	48,8	40,0	11,2	100
Разработчикам нейросетей	58,8	35,3	5,9	100
Собственникам нейросетей	46,2	53,8	0,0	100
Всего	50,0	40,0	10,0	100

Источник: расчёты авторов.

Таблица 8

Проблема введения особого оборота результатов работы искусственного интеллекта и квалификация экспертов, участвующих в опросе, %, N = 255

Надо ли ввести особый режим оборота результатов работы искусственного интеллекта и нейросетей, отличающийся от системы интеллектуальных прав?	Доктор наук	Кандидат наук	Нет учёной степени	Всего
Да	50,0	39,5	10,5	100
Затрудняюсь ответить	37,8	51,4	10,8	100
Нет	29,3	46,3	24,4	100
Всего	42,4	43,2	13,1	100

Источник: расчёты авторов.

Таблица 9

В какой мере целесообразно использование искусственного интеллекта в науке, искусстве и квалификация экспертов, участвующих в опросе, %, N = 255

Использование искусственного интеллекта и нейросетей в науке и искусстве	Доктор наук	Кандидат наук	Нет учёной степени	Всего
Они эффективны для выполнения рутинной работы (анализ данных)	44,7	41,1	14,2	100
Со временем они заменят некоторые виды творческого труда	39,1	37,7	23,2	100
Они принципиально не могут заменить творческий труд в этих сферах	45,5	44,6	9,9	100
Созданные с их помощью научные тексты и произведения искусства должны маркироваться	41,8	45,1	13,1	100
Искусственный интеллект на основе больших данных определяет корреляции	40,5	45,5	14,0	100

Источник: расчёты авторов.

Как говорил английский писатель и художник Сэмюэл Батлер (1835–1902) «Любое человеческое творение, будь то литература, музыка или живопись — это всегда автопортрет». Это справедливо в том числе и в отношении научного произведения, оно отражает личность автора с его кругозором, начитанностью, насмотренностью и особенностями критического мышления, о чём и говорили исследователи (см. выше), часто ставя знак равенства между оригинальностью и индивидуальностью. При этом успешно применявшиеся в аналоговом мире тесты на оригинальность (например, швейцарский юрист Поль Брюггер опытным путём старался доказать, что невозможно получить разные результаты, выполняя одну и ту же работу [Свиридова, 2018]) не срабатывают в современных алгоритмах обработки промпта, у пользователя нейросети всегда есть возможность получения вариантов при неизменности запроса.

Половина респондентов — докторов экономических наук (см. табл. 8) — отметила необходимость введения специального правового режима, регулирующего отношения, связанные с искусственным интеллектом. По этому пути пытаются сегодня идти и Европейский Союз, принявший в 2024 г. и по частям вводящий в действие «Artificial Intelligence Act» 2024/1689¹². Национальные власти пока не торопятся с его введением, руководствуясь девизом Октавиана Августа «Festina lente» («Поспешай медленно»). Но дело в данном случае не в неповоротливости и инерционности законодательной машины (хотя юристы всегда были в положении догоняющих), а в стремительном развитии потенциального предмета регулирования, в его проникновении во все сферы человеческой деятельности. Поэтому вопросы авторского права при разработке и тренировке нейросетей, а также претензии на обладание правами на генерированные результаты многими (если не большинством) воспринимаются третьестепенной проблемой.

Однако этому аспекту удалено внимание в европейском AI-регламенте, как минимум, в двух нормах:

а) определена необходимость маркировки объектов, созданных с применением этих технологий (тут просматривается защита потребителей от введения в заблуждение, поскольку оборот генеративного контента составляет сегодня самостоятельный и динамично развивающийся сегмент рынка результатов интеллектуальной деятельности);

б) допустимость внедрения на национальном уровне принудительных лицензий на использование существующих объектов авторского и смежных прав в машинном обучении и майнинге данных с обязательной выплатой компенсационного вознаграждения обладателям прав на использованные в этих процессах произведения, фонограммы и пр.

Практически нигде в мире (кроме ЮАР и, возможно, в ближайшем будущем Австралии) сама технология искусственного интеллекта не рассматривается как субъект права¹³. Законодатели и правоприменители не готовы приравнять к физическим и юридическим лицам и публичным образованиям ещё и «электронное лицо» (хотя, конечно, время от времени случаются эксцессы типа признания в 2017 г. Верховным судом индийского штата Уттаракханд юридической личности реки Ганг и её главного притока — Ямуны).

Российский законодатель пока не видит необходимости во введении специального регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта, хотя среди вне-сённых в Государственную думу проектов можно обнаружить и точечные изменения в Гражданский кодекс, и «целый» Цифровой кодекс. В условиях законодательства, приспособленного к аналоговой среде, следует обратить внимание на тенденции развития судебной и правоприменительной практики. Так, абзац 5 п. 80 Постановления Пленума

¹² EU Artificial Intelligence Act. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (access date: 17.12.2025).

¹³ О попытках доктора Стивена Талера запатентовать объект, созданный разработанной им нейросетью DABUS см., например: Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/447105-bescelovecnyj-izobretatel-mozet-liskusstvennyj-intellekt-byt-nastoasim-avtorom>. (дата обращения: 17.12.2025).

Верховного Суда Российской Федерации разъясняет: «Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственоручно или с использованием технических средств. Вместе с тем результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются». Такой подход соответствует превалирующей в мире доктрине (например, ст. 3 и 9 Закона об авторском праве Великобритании 1988 г.).

Многие вопросы, которые ставят перед научным сообществом новые технологии, не разрешаются пока (а возможно, не будут решены никогда) правовыми средствами, но могут быть обеспечены деонтологическими правилами. В отсутствие позитивного правового регулирования на законодательном уровне (отдельные правила можно найти в «политиках» и пользовательских соглашениях платформ, предлагающих возможность генерации с помощью систем искусственного интеллекта) разработчики и пользователи сталкиваются с интеллектуально-правовыми проблемами на «входе» и на «выходе».

В том, кому принадлежат права на генеративный контент, респонденты отразили общую картину неопределенности. Мнения о том, кто должен получить монополию, разделились в пользу разработчиков и пользователей нейросетей (им отдали предпочтения доктора экономических наук) и собственников систем искусственного интеллекта (превалируют ответы кандидатов экономических наук). Судя по суммам ответов, респонденты допускают и совместное правообладание, что не вполне отвечает тенденциям развития российского интеллектуально-правового законодательства; при следующем анкетировании вопрос будет сформулирован более корректно.

Вместо заключения

Полученные ответы не позволяют сделать глобальных выводов, это лишь первый подход к осмыслению роли нового инструмента в научной среде. При формулировании вопросов об использовании нейросетей в профессиональной деятельности, а ещё конкретнее, при подготовке научных текстов, мы ограничивались рассмотрением вариантов добросовестного поведения (не выясняя и без того очевидное отношение к интеллектуальному мошенничеству и подтасовке), а также не затрагивали столь значимую для большинства респондентов сферу, как преподавание. Ведь правомерность использования генеративного контента в квалификационных студенческих работах является самостоятельной, чрезвычайно актуальной и широко обсуждаемой темой (к тому же любой среднестатистический школьник в использовании гаджетов заткнёт за пояс любого среднестатистического профессора).

Мы обнаружили, что учёные-экономисты пока видят в нейросетях лишь одно из орудий творческого труда, пригодное для выполнения рутинных и незначимых задач. В большинстве своём они не настаивают на маркировке генеративного контента, не усматривают конкуренции со стороны искусственного интеллекта (есть сферы, где картина совершенно иная: художники, переводчики, саунд-дизайнеры видят в технологиях угрозу исчезновения своих профессий), хотя допускают его тотальную экспансию в других отраслях; в общем, они полагаются на тезис, выдвинутый в 2024 г. доктором биологических наук Олегом Кубряком «Если нет естественного интеллекта, искусственный не поможет».

ЛИТЕРАТУРА

- Адлер Р., Эвинг Дж., Тейлор П. (2011). Статистики цитирования // *Игра в цифирь, или Как теперь оценивают труд учёного*: Сб. ст. о библиометрике. — М.: МЦНМО. С. 5–34.
- Витгенштейн Л. (2009). *Логико-философский трактат*. — М.: Наука.
- Витко В.С. (2017). О признаках понятия «плагиат» в авторском праве. — М.: Статут.
- Гавrilov Э.П. (2004). Оригинальность как критерий охраны объектов авторским правом // *Патенты и лицензии*. № 6. С. 45–51.
- Дюма Р. (1989). *Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции*. — М.: Международные отношения.
- Ионас В.Я. (1963). *Критерий творчества в авторском праве и судебной практике*. — М.: Юридическая литература.
- Косяков Д.В. (2024). Миры и легенды генеративного ИИ // Университетская книга. № 8. С. 38–45.
- Огородникова К.С. (2021). Проблема оригинальности произведения в авторском праве // *Вопросы российского и международного права*. Т. 11. №11А. С. 60–67.
- Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А. (2023). Журнальный табель о рангах: теория, методология, библиометрия // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 6. С. 126–142.
- Рубинштейн А.Я., Чуковская Е.Э. (2024). Наука, знание и интеллектуальная собственность: десять лет спустя. Ч. 1 // *Экономика и математические методы*. Т. 60. № 1. С. 5–16.
- Рубинштейн А.Я., Чуковская Е.Э. (2025). *Наука и распространение знания в зеркале социологического исследования*. Препринт научн. докл. — М.: Институт экономики РАН.
- Свиридовова Е.А. (2018). Критерий оригинальности объекта авторского права в российской и зарубежной судебной практике // *Образование и право*. № 6. С.140–144.
- Тейлор Ч. (2001). Неразложимо социальные блага // *Неприкосновенный запас*. №4. С. 7–18.
- Хайек Ф. А. (2001). *Индивидуализм и экономический порядок*. — М.: Изограф.
- Эйдельман Н. Я. (1983). *Последний летописец*. — М.: Книга.
- David P. (1993). Knowledge, property and the system dynamics of technological change // *Proceedings of the World Bank Annual Conference on Development Economics 1992*. — Washington, DC: World Bank. Pp. 215–248.
- Foray D. (2004). *The Economics of Knowledge*. — Cambridge, MA: The MIT Press.
- Machlup F. (1984). *The Economics of Information and Human Capital*. — Princeton, NJ: Princeton University Press.

REFERENCES

- Adler R., Ewing J., Taylor P. (2011). Citation Statistics // *The Numbers Game, or How the Work of Scientists is Now Evaluated*. — M.: MCNMO. Pp. 5–34. (In Russ.).
- David P. (1993). Knowledge, Property and the System Dynamics of Technological Change // *Proceedings of the World Bank Annual Conference on Development Economics 1992*. — Washington, DC: World Bank. Pp. 215–248.
- Dumas R. (1989). *Literary and Artistic Property. Copyright in France*. — M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya (International relations). (In Russ.).
- Eidelman N. Ya. (1983). *The Last Chronicler*. — M.: Kniga. (In Russ.).
- Foray D. (2004). *The Economics of Knowledge*. — Cambridge, MA: The MIT Press.
- Gavrilov E.P. (2004). Originality as a Criterion for Copyright Protection // *Patenty i litsenzi (Patents and Licences)*. No. 6. Pp. 45–51. (In Russ.).
- Hayek F. A. (2001). *Individualism and Economic Order*. — M.: Izograf. (In Russ.).
- Jonas V.Ya. (1963). *The Criterion of Creativity in Copyright Law and Judicial Practice*. — M.: Yuridicheskaya literatura (Legal literature). (In Russ.).
- Kosyakov D.V. (2024). Myths and Legends of Generative AI // *Universitetskaya kniga (University Book)*. No. 8. Pp. 38–45. (In Russ.).
- Machlup F. (1984). *The Economics of Information and Human Capital*. — Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Ogorodnikova K.S. (2021). The Problem of Originality of a Work in Copyright // *Voprosy rossiyskogo i mezdunarodnogo prava (Issues of Russian and international law)*. Vol. 11. No. 11A. Pp. 60–67. (In Russ.).
- Rubinstein A. Ya., Burakov N.A. (2023). Journal Table of Ranks: Theory, Methodology, Bibliometrics // *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz (Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecasts)*. Vol. 16. No. 6. Pp. 126–142. (In Russ.).
- Rubinstein A. Ya., Chukovskaya E.E. (2024). Science, Knowledge and Intellectual Property: Ten Years Later. P. 1 // *Ekonomika i matematicheskiye metody (Economics and mathematical methods)*. Vol. 60. No. 1. Pp. 5–16. (In Russ.).
- Rubinstein A. Y., Chukovskaya E.E. (2025). *Science and the Dissemination of Knowledge in the Mirror of Sociological Research*: Preprint. — M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Sviridova E.A. (2018). The Criterion of Originality of Copyright Objects in Russian and Foreign Judicial Practice. // *Obrazovanie i pravo (Education and Law)*. No. 6. Pp. 140–144. (In Russ.).
- Taylor C. (2001). Indivisible social goods // *The Inviolable Reserve*. No. 4 (18). Pp. 7–18.
- Vitko V.S. (2017). *On the Characteristics of the Concept of 'Plagiarism' in Copyright law*. — M.: Statut. (In Russ.).
- Wittgenstein L. (2009). *Tractatus Logico-Philosophicus*. — M.: Nauka. (In Russ.).

Рубинштейн Александр Яковлевич
arubin@aha.ru

Alexander Rubinshtein

Doctor of Philosophy, Head of the Theoretical Economics Research Division Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow)
arubin@aha.ru

Чуковская Екатерина Эдуардовна
echukovskaya@yandex.ru

Catherine Chukovskaya

Ph.D., Director of the Scientific and Educational Centre for Intellectual Property and Digital Economy (Moscow)
echukovskaya@yandex.ru

SCIENTIFIC ACTIVITIES IN THE DIGITAL AGE: PRODUCTION AND DISSEMINATION OF KNOWLEDGE

Abstract. The article presents an analysis of the current situation 12 years after the transfer in 2013 of academic institutions first to the Federal Agency for Scientific Organisations (FANO) and then to the Ministry of Science and Higher Education, which led to the Russian Academy of Sciences effectively losing its status as a self-governing civil society organization, which affected the authority of the RAS. The focus is on researching current problems in the activities of the RAS's economic institutions and related copyright issues. In the context of seeking answers to questions related to scientific activity and the dissemination of knowledge, the opinion of professional economists is presented, obtained because of an online sociological survey conducted because of the NEA information system. An important feature of the dissemination of knowledge is conditioned by issues of intellectual property and copyright. The emergence of many pseudo-works and objects with a low level of creativity also affects the market for the dissemination of knowledge. In the context of a journal monopoly established for scientometric purposes, the models of relations between scientists and publishers today are distorted compared to fundamental legal approaches that traditionally give authors power over the results of their work, the right to inviolability and the right to remuneration. The use of new technologies in scientific activity carries both advantages and risks. Neural networks greatly simplify some routine operations, thus being an effective tool for intellectual work at certain stages of research. On the other hand, there is a possibility that the results of human reasoning will be replaced by conclusions generated by an algorithm based on the principles of word frequency and not free from flaws. From the point of view of copyright, the issues of 'input' and 'output' remain unresolved: to what extent is the use of protected works for machine learning legal, and who should own the rights to the generated content?

Keywords: *sociological research, knowledge dissemination, intellectual property, copyright, neural networks, journal ranking, rating.*

JEL: A14, B23, C43.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Н.В. Комаровская

старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Москва)

НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В работе рассматриваются механизмы воздействия неопределенности на экономическую активность. Описаны каналы, через которые неопределенность оказывает как негативное влияние – эффект реальных опционов, финансовый канал и сокращение потребительских расходов, так и позитивное – механизм опционов роста и эффект Ои-Хартмана-Абеля. Такие аспекты механизма реальных опционов, как выжидательное поведение компаний и невозвратные издержки, сопровождающие реальное инвестирование и найм сотрудников, вызывают необходимость корректировки традиционного подхода к оценке инвестиционных проектов. Помимо негативного воздействия неопределенности на инвестиции, найм и занятость, канал реальных опционов может приводить к снижению чувствительности экономических агентов к изменению экономической конъюнктуры и, соответственно, меньшей эффективности экономической политики. Финансовый канал воздействия неопределенности связан с ограничениями кредитования и удорожанием финансирования в связи с ростом премии за риск, усиливающими эффект реального воздействия шоков неопределенности. Этот усиливающий эффект может быть измерен количественно с помощью мультипликатора финансовой неопределенности. Сокращение потребительских расходов негативно оказывается на совокупном спросе в краткосрочном периоде и в условиях недостаточно гибких цен и процентных ставок может привести к падению совокупного выпуска. С другой стороны, в соответствии с механизмом опционов роста высокая неопределенность может стимулировать рост инвестиций, прежде всего технологических и капиталоёмких компаний, так как неопределенность увеличивает размер потенциального выигрыша. Также при действии эффекта Ои-Хартмана-Абеля в случае выпуклой вниз зависимости прибыли фирмы от спроса или издержек рост неопределенности в отношении этих переменных может привести к увеличению ожидаемых выгод, что создаёт стимулы к экспансиионистскому поведению. Основную сложность в рамках взаимодействия отрицательного и положительного влияния неопределенности представляет определение значимости каждого отдельного передаточного механизма. Дан обзор исследований, определяющих превалирующий эффект, большая часть которых подтверждает негативное совокупное воздействие шоков неопределенности.

Ключевые слова: неопределенность, реальные опционы, финансовые трения, опционы роста, эффект Ои-Хартмана-Абеля.

JEL: D80, D81, E32

УДК: 338.12.015

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_22_38

© Н.В. Комаровская, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Комаровская Н.В. Неопределенность и экономическая активность: теоретические аспекты // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 22–38. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_22_38.

FOR CITATION: Komarovskaya N. Uncertainty and Economic Activity: Theoretical Aspects // Voprosy teoretičeskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 22–38. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_22_38.

Эффект реальных опционов

В настоящее время экономическая литература переживает бум научных работ, посвящённых роли экономической неопределенности. Неопределенность порождает сомнения экономических агентов в связи с отсутствием полной и точной информации для принятия обоснованных экономических решений. Её можно определить как сочетание эпистемологической и онтологической неопределенности. Эпистемологической неопределенностью (неясностью) называют ситуацию, когда информация отсутствует у лица, принимающего решение, но могла бы быть ему известна, то есть вообще существует. Онтологическая (фундаментальная) неопределенность возникает в том случае, когда информация, необходимая для принятия решения, не существует в данный момент и непознаваема, пока не наступило будущее¹.

Как показывают последние исследования, неопределенность влияет на экономическую активность через различные передаточные механизмы, посредством которых это влияние может быть как негативным, так и позитивным. Под экономической активностью подразумевается совокупность действий всех экономических агентов, то есть множество индивидуальных решений производителей и потребителей, результат которых приводит к изменениям макроэкономических показателей, таких как объём инвестиций и потребления, ВВП и безработица. К основным каналам, через которые неопределенность оказывает негативное воздействие, относят эффект реальных опционов, финансовый канал (удорожание финансирования и ограниченный доступ к кредитованию) и падение потребительских расходов. Позитивное влияние может возникнуть в связи с действием таких механизмов, как опционы роста и эффект Ои-Хартмана-Абеля.

Б. Бернанке первым formalизовал *механизм реальных опционов* (*real options mechanism*), суть которого в том, что фирмы откладывают любые необратимые решения с безвозвратными издержками, включающие издержки найма и увольнения, в условиях повышенной неопределенности [Bernanke, 1983]. Реальным опционом по аналогии с финансовым называют право, но не обязанность принять управлеченческое решение, главным образом в отношении реального инвестирования (строительства новых производственных мощностей, привлечения новых машин, оборудования и т. п.) и/или найма. Так как в период высокой неопределенности может значительно вырасти ценность возможности отложить инвестирование на будущее, управляющие компании активируют *выжидательный механизм* (*wait-and-see mechanism*) [Brennan, Schwartz, 1985], пытаясь собрать любую релевантную дополнительную информацию, которая могла бы уменьшить неопределенность и потенциально повысить ожидаемую доходность предпринимаемого действия. М. Бреннан и Э. Шварц были первыми, кто применил *метод реальных опционов* (*real options approach*, сокращённо *ROA*) для оценки реальных инвестиций в работе «Оценка инвестиций в природные ресурсы» [Ibid]. Продолжили применение метода и изучение эффекта реальных опционов Р. МакДональд и Д. Сигель («Ценность ожидания при инвестировании») [McDonald, Siegel, 1986], А. Диксит и Р. Пиндайк («Инвестиции в условиях неопределенности»), [Dixit, Pindyck, 1994], Н. Блум («Влияние

¹ Отметим, что в экономической литературе под неопределенностью иногда понимают понятие риска по Ф. Найту, то есть известное вероятностное распределение на некотором множестве событий. Найт противопоставил понятие неопределенности понятию риска, определив неопределенность как неспособность людей прогнозировать вероятность реализации тех или иных событий. Аналогично трактовал неопределенность Дж.М. Кейнс, который также противопоставил определимое неопределенному, и именно невозможность прогнозирования будущих событий с помощью теории вероятности стала одной из основных предпосылок его теории. В связи с тем, что в настоящий момент разработаны количественные способы оценки уровня неопределенности, появилась возможность интегрировать ранее не поддающуюся вычислению «найтианско-кейнсианскую неопределенность» (см. подробнее: [Комаровская, 2025]) в эконометрические модели, описываемые в данной работе.

шоков неопределенности») [Bloom, 2009], Р. Бахманн и К. Байер («Выжидательные бизнес-цикли?») [Bachmann, Bayer, 2013], Э. Шааль («Неопределенность и безработица») [Schaal, 2017] и другие исследователи.

Как показали исследования канала реальных опционов, в связи со склонностью компаний в условиях неопределенности откладывать управленческие решения, чреватые невозвратными потерями, может снижаться объем реальных инвестиций. Так как возможность отсрочить необратимые расходы может существенно повлиять на решение об инвестировании, это вызывает необходимость корректировки простого правила чистой приведенной стоимости (NPV), использующегося для оценки инвестиционных проектов². Совершение компанией необратимых расходов означает исполнение её опциона на инвестирование, то есть потерю возможности отказаться от капиталовложений в случае ухудшения рыночной ситуации или получения новой полезной информации. Эта упущененная стоимость опциона является альтернативной стоимостью (издержками упущенных возможностей), которая должна быть учтена при оценке инвестиционного проекта. Таким образом, правило чистой приведенной стоимости должно быть скорректировано следующим образом: инвестировать нужно тогда, когда приведенная стоимость капитального блага с создаваемым им потоком доходов превышает стоимость его приобретения и установки на сумму, равную стоимости сохранения инвестиционного опциона³. Эта альтернативная стоимость очень чувствительна к неопределенности относительно будущей стоимости проекта, поэтому меняющиеся экономические условия, которые формируют восприятие рискованности будущих денежных потоков, могут оказывать значительное влияние на инвестиционные расходы — большее, чем, например, изменение процентных ставок.

Как правило, издержки являются безвозвратными, если они специфичны для фирмы или отрасли. Расходы на получение лицензии, большинство затрат на рекламу и маркетинг специфичны для компаний и не могут быть возмещены, поэтому относятся к безвозвратным издержкам. Деревообрабатывающий завод, к примеру, специчен для отрасли, так как может использоваться только для производства пиломатериалов. Если цена на древесину упадёт, завод окажется постфактум невыгодным вложением как для построившей его компании, так и её конкурентов, поэтому выгодно продать им этот завод будет невозможно. Даже инвестиции, не привязанные к конкретной фирме или отрасли, нередко частично необратимы. Например, офисное оборудование, компьютеры, легковые и грузовые автомобили не привязаны к конкретной отрасли, и, хотя их можно продать компаниям в других отраслях, их стоимость при перепродаже будет значительно ниже покупной, даже если они почти новые. Возникает известная проблема «неблагоприятного отбора» на рынке «лимонов»: покупатели подержанных машин и оборудования, не имея возможности оценить качество товара, предложат цену, соответствующую среднему качеству на рынке [Акерлоф, 1994]. Кроме того, безвозвратные издержки при инвестировании могут представлять собой ущерб, вызванный повреждением оборудования во время установки и демонтажа. По существующим оценкам, безвозвратные издержки могут составлять до 50% стоимости капитальных благ [Ramey, Shapiro, 2001; Cooper, Haltiwanger, 2006].

² Правило чистой приведенной стоимости (NPV) говорит о том, что имеет смысл инвестировать, когда дисконтированная стоимость единицы физического капитала с приносящим им потоком доходов не менее стоимости его покупки и установки.

³ Отметим, что предприниматель может заложить эту альтернативную стоимость в качестве надбавки к оцениваемому им будущему потоку доходов, создаваемому капитальным благом (иначе говоря, повысить свою оценку желаемого дохода на вложенный капитал). Тогда корректировки правила NPV не потребуется.

Исследования влияния неопределенности на инвестиции на российских данных подтверждают то, что в условиях роста уровня неопределенности⁴ инвестиционная активность снижается. В работе Ю. Найденовой и В. Леонтьевой «Влияние неопределенности экономической политики на инвестиции российских компаний» [Найденова, Леонтьева, 2020] показано, что повышение неопределенности экономической политики, измеряемой предложенным С. Бейкером, Н. Блумом и С. Дэвисом индексом EPU⁵ [Baker, Bloom, Davis, 2015], отрицательно сказывалось на объеме инвестиций производственных компаний в 2009–2015 гг., причем особенно сильно этот эффект проявлялся в отношении крупных компаний, а, напротив, слабее — в отношении компаний без государственного участия в структуре капитала. Включение в модель (на полной выборке компаний) европейского и глобального индексов EPU⁶ показало, что на инвестиционную активность российских компаний влияет неопределенность экономической политики России, а не других стран. При этом оценка на выборке публичных компаний демонстрирует, что, напротив, неопределенность российской экономической политики не оказывает статистически значимого влияния на их деятельность, но негативное воздействие оказывает рост неопределенности на мировом рынке. Результаты анализа влияния неопределенности политики в период с I-го квартала 2001 г. по I-й квартал 2022 г. проведенного Д. Петровой и П. Труниным [Петрова, Трунин, 2023], подтвердили, что повышение модифицированного авторами индекса EPU для России сопряжено со снижением реальных инвестиций. Аналогичные исследования на данных китайских и американских компаний [Wang, Chen, Huang, 2014; Gulen, Ion, 2016] также показывают отрицательную зависимость между неопределенностью и объемом корпоративных инвестиций.

Отрицательная зависимость между неопределенностью и инвестициями проявляется еще сильнее в отношении прямых иностранных инвестиций [Julio, Yook, 2016; Nguyen, Kim, Papanastassiou, 2018; Azzimonti, 2019; Chen, Nie, Ge, 2019; Zhu, Jia, Wu, 2019; Honig, 2020; Choi, Furceri, Yoon, 2021]. Связано это, во-первых, с тем, что иностранные инвестиции сопряжены с более высокими постоянными издержками, чем внутренние инвестиции, в силу факторов, связанных с национальными границами. Во-вторых, иностранные инвестиции более чувствительны к политической среде, чем внутренние инвестиции, поскольку иностранные инвесторы имеют ограниченную информацию и защиту от правовых и политических институтов принимающей страны. С. Чой, Д. Фурчери и Ч. Юн на основе индекса неопределенности экономической политики EPU и данных о притоке ПИИ в 16 стран ОЭСР из 76 развитых и развивающихся стран в 1985 — 2013 гг. пришли к выводу о том, что усиление неопределенности во внутренней политике в 16 принимающих странах

⁴ К наиболее распространенным способам оценки уровня неопределенности относятся измерение ожидаемой волатильности фондового рынка, количества упоминаний «неопределенности» и связанных с ней понятий в средствах массовой информации, аналитических отчетах и в поисковых запросах в сети Интернет, волатильности ошибок экономических прогнозов, волатильности совокупной факторной производительности на уровне фирм, а также опросы потребителей и бизнеса (см. подробнее: [Комаровская, 2024]).

⁵ Индекс неопределенности экономической политики EPU (index of economic policy uncertainty), называемый еще индексом Бейкера-Блума-Дэвиса, отражает частоту появления в СМИ терминов, относящихся к экономике, неопределенности и политике. Первоначально был рассчитан Бейкером с соавторами для США, затем еще для одиннадцати стран, включая все страны G10. Эта же методология стала использоваться для расчёта аналогичных индикаторов для других стран другими исследователями. Индексы EPU постоянно обновляются и публикуются на сайте Economic Policy Uncertainty (URL: <https://www.policyuncertainty.com/>).

⁶ Европейский индекс EPU рассчитан на основе публикаций в СМИ Франции, Германии, Италии, Испании и Великобритании. Глобальный индекс EPU, изначально рассчитываемый как средневзвешенное по ВВП значение индексов EPU для 21 страны, в настоящий момент включает EPU 18 стран (Австралии, Бразилии, Канады, Чили, Китая, Франции, Германии, Греции, Индии, Ирландии, Италии, Японии, России, Южной Кореи, Испании, Швеции, Великобритании и США).

привело к значительному сокращению притока ПИИ, причём этот эффект проявляется себя сильнее в странах с более низким уровнем финансового развития [Choi, Furceri, Yoon, 2021].

Также эффект реальных опционов проявляется в снижении восприимчивости экономических агентов к стимулам, возникающим в связи с изменением экономической ситуации [Foote, Hurst, Leahy, 2000; Bertola, Guiso, Pistaferri, 2005; Vavra, 2014; Aastveit, Natvik, Sola, 2017]. В условиях неопределенности фирмы и потребители слабее реагируют на меры стимулирования, направленные на увеличение найма и расходов, в частности, потенциальные инвесторы менее чувствительны к снижению процентной ставки. В условиях низкой неопределенности эластичность инвестиций по процентной ставке может составлять -1 , а в условиях высокой падать до $-0,25$ [Блум, 2016]. Отсюда следует вывод, что в периоды высокой неопределенности государству нужно проводить более агрессивную стимулирующую экономическую политику, что, в свою очередь, должно привести к снижению уровня неопределенности.

Механизм реальных опционов описывает также негативное влияние неопределенности на спрос на труд. Фирмы принимают решения о том, когда нанимать или увольнять сотрудников, на основе сравнения ожидаемой производительности труда с затратами. Невозвратные издержки в этом случае могут включать издержки поиска и выбора сотрудников, их последующего обучения, а также выходное пособие при увольнении. По оценкам, их размер составляет примерно 10–20% годовой заработной платы [Nickell, 1986; Bloom, 2009]. При этом эффект реальных опционов имеет место только при принятии решений, сопряженных с ощутимыми издержками в случае их отмены. Например, анализ Шаала показал, что эффект реальных опционов проявляется достаточно слабо, когда издержки поиска являются единственными издержками, связанными с перераспределением рабочей силы. Этот вывод может, однако, измениться с введением дополнительных необратимых затрат, таких как инвестиции в человеческий капитал для выполнения конкретной работы [Schaal, 2017]. Если увольнение сотрудников (например, внештатных) не требует затрат, в частности, выплаты выходного пособия и пр., высокий уровень неопределенности не приводит к сокращению найма. В этом случае компании склонны переходить от использования форм полной занятости к частичной, что обусловлено высокой гибкостью внештатного труда [Valletta, Bengali, 2013]. Это подтверждается российской практикой — на российском рынке труда неполная занятость является одним из основных каналов адаптации к негативным экономическим шокам, сопровождающимся ростом неопределенности. В частности, во время финансового кризиса 2008–2009 гг. падение ВВП на 1 п.п. сопровождалось снижением количества отработанных часов на одного работника на 0,35 п.п., а во время коронакризиса — на 0,6 п.п., в то время как у занятости эластичность по выпуску была существенно ниже, чем у рабочего времени [Капельюшников, 2023. С. 43–44].

Ещё одна ситуация, в которой эффект реальных опционов не проявляется, связана с необходимостью компаний выигрывать в конкурентной борьбе. Если выживание чревато тем, что компания-конкурент выйдет на рынок первой с новым продуктом, быстрее зарегистрирует патент и т.п., то неопределенность не окажет негативного влияния на инвестиции и/или найм.

Финансовый канал

Под влиянием резкого скачка волатильности цен на активы и резкого увеличения кредитных спредов⁷ в течение финансового кризиса 2007–2009 гг. в экономических исследованиях *финансовые трения* (*financial frictions*), а именно, препятствия или издержки, которые мешают эффективному функционированию финансовых рынков, такие как

⁷ Кредитный спред — премия покупателей финансовых активов за принятие риска дефолта конкретной компании.

информационная асимметрия, высокие трансакционные издержки и бюрократия, стали указываться как один из основных каналов, через который высокая неопределенность может влиять на макроэкономические результаты. Удорожание финансирования в связи с ростом премии за риск рассматривается в качестве одной из причин негативного влияния неопределенности [Arellano, Bay, Kehoe, 2010; Christiano, Motto, Rostagno, 2014; Gilchrist, Sim, Zakrajsek, 2014; Choi, 2018; Choi, Furceri, Huang, Loungani, 2018; Arellano, Bay, Kehoe, 2019]. Если бы финансовые трения отсутствовали или, иными словами, если бы финансовый рынок был совершенно конкурентным, при сокращении банковского кредитования фирмы должны были бы иметь возможность без дополнительных издержек воспользоваться другими формами кредитования, такими как выпуск долговых обязательств, оставляя неизменными решения в отношении инвестиций и объема производства. Однако наличие рыночных несовершенств подразумевает, что эти различные формы финансирования не являются идеальными субститутами, что приводит к повышению реальной стоимости кредита для компаний и отраслей, которые более зависимы от кредитования. Любое ухудшение балансовых отчетов фирм приводит к росту стоимости внешнего финансирования. Увеличение степени рискованности активов компании приносит пользу держателям акций, так как высокий риск имеет потенциал более высокой доходности, при этом ограниченная ответственность освобождает от больших потерь в случае неблагоприятного исхода. В то же время держатели облигаций теряют выгоду из-за увеличения кредитных спредов, компенсирующего рост неопределенности, в результате чего спрос на облигации снижается, затрудняя компаниям доступ к финансированию. Кроме того, в той мере, в какой внешнее финансирование (как через долговые, так и фондовые рынки) сопряжено с агентскими издержками (*agency costs*)⁸ и/или проблемами морального риска (*moral hazard problems*)⁹, увеличение неопределенности повышает затраты пользователя заемного капитала, вызывая снижение инвестиционных расходов.

С. Гилкрест, Дж. Сим и Э. Закрайшек в работе «Неопределенность, финансовые трения и динамика инвестиций» [Gilchrist, Sim, Zakrajsek, 2014] предложили модель, в которой рассматривается взаимодействие неопределенности с несовершенствами финансового рынка. В соответствии с этой моделью колебания идиосинкразической неопределенности¹⁰ оказывают значительное влияние на инвестиции, а влияние неопределенности на инвестиции происходит главным образом в результате изменения кредитных спредов. Авторы пришли к выводу, что финансовые трения являются мощным каналом, через который шоки неопределенности влияют на совокупные инвестиции. С скачок неопределенности приводит к резкому и устойчивому расширению кредитных спредов, что побуждает компании одновременно сокращать капитальные расходы и снижать долю заемных средств. Этот важный канал отсутствует в экономике без финансовых искажений, где значительно более сдержанная реакция инвестиций на шоки неопределенности отражает исключительно совокупность стандартных выжидательных решений отдельных компаний.

В работе «Совокупная неопределенность и рост производительности в секторах: роль кредитных ограничений» С. Чой, Д. Фурчери, Й. Хуанг и П. Лунгани [Choi, Furceri,

⁸ К агентским издержкам относят потери, которые несет компания вследствие конфликта интересов принципала (собственника) и управляющего (агента).

⁹ Проблема морального риска (риска недобросовестности) возникает тогда, когда один участник сделки, защищенный от последствий рискованного поведения (например, страховкой), начинает действовать неосмотрительно, так как ответственность за ущерб переложена на другого участника сделки (страховщика). В отношениях принципала и агента моральный риск может возникнуть, к примеру, тогда, когда агент имеет больше информации о рисках и мог бы действовать более благородно, но его премия зависит от размера прибыли, а убытки несет только собственник, и в результате агент может принимать чрезмерно рискованные решения.

¹⁰ Под идиосинкразической неопределенностью подразумевается несистематическая, специфичная для конкретной компании неопределенность, не связанная с общими рыночными колебаниями.

Huang, Loungani, 2018] показали, что увеличение совокупной неопределенности, измеряемой как индексом волатильности фондового рынка VIX¹¹, так и EPU, в большей степени снижает рост производительности в отраслях, которые сильно зависят от внешнего финансирования. Этот эффект заметнее проявляется во время рецессий в связи с ужесточением финансовых ограничений. В периоды высокой неопределенности фирмы, испытывающие кредитные ограничения, меняют структуру капиталовложений путем сокращения инвестиций, повышающих производительность, таких как капитал в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые в большей степени подвержены рискам ликвидности.

К. Арельяно, Я. Бай и П. Кихо создали количественную модель общего равновесия, которая показывает, как повышенная неопределенность и финансовые трения приводят к экономическим спадам [Arellano, Bay, Kehoe, 2019]. Рост неопределенности в связи с увеличением волатильности идиосинкразических шоков производительности оказывает воздействие на выпуск фирм за счет ужесточения условий кредитования, ограниченного из-за роста риска дефолта. Сложности с финансированием проявляются в увеличении кредитных спредов компаний и снижении выкупа долговых обязательств и выплат по акциям. Чтобы избежать дефолта, сталкивающиеся с финансовыми трениями фирмы сокращают размер своих проектов и найм рабочей силы, что в результате может спровоцировать рецессию. Модель Арельяно и соавторов согласуется с особенностями Великой рецессии 2007–2010 гг., во время которой существенное снижение экономической активности, совокупного количества рабочих часов и кредитования сопровождалось значительным увеличением поперечной дисперсии (разброса) темпов роста компаний.

С. Чой и Ч. Юн [Choi, Yoon, 2019] привели убедительные доказательства того, что финансовые условия сыграли решающую роль в распространении шоков неопределенности в американской экономике в течение последних ста лет, поддержав исследования, подчеркивающие роль финансовых трений в понимании шоков неопределенности.

Дж. Каджано, Э. Кастельнуово, С. Дельрио и Р. Кима [Caggiano, Castelnuovo, Delrio, Kima, 2021] оценили количественно мультипликатор финансовой неопределенности (*FUM — finance uncertainty multiplier*¹²), представляющий собой усиливающий эффект реального воздействия шоков неопределенности в условиях финансовых трений. Для сравнения авторы опирались на два исторических события, связанных с экономикой США: резкий скачок финансовой неопределенности, произошедший в октябре 1987 г., который не сопровождался ухудшением условий кредитования¹³, и сопоставимый скачок финансовой неопределенности в сентябре 2008 г., который сопровождался ужесточением условий финансирования. Авторы обнаружили, что перебои в предоставлении кредита удваивают отрицательную реакцию выпуска на шок неопределенности, то есть оценили мультипликатор финансовой неопределенности как равный 2.

В исследовании «Финансовые трения и шоки неопределенности» Ш.-Я. Линь, И-Ч. Цай и П.-Ю. Ван [Lin, Tsai, Wang, 2025] рассмотрели еще один способ, через который финансовые ограничения усиливают негативные последствия повышенной экономической неопределенности. Рост неопределенности приводит к увеличению премий за риск

¹¹ Индекс волатильности фондового рынка VIX рассчитывается на основе опционов индекса S&P 500 (URL: https://www.cboe.com/tradable_products/vix/). Аналогичным индикатором в России является индекс волатильности Московской биржи RVI (RTS Volatility Index), рассчитываемый на основе фактических цен опционов на фьючерсы на индекс РТС (URL: <https://www.moex.com/ru/index/RVI>) (см. подробнее: [Комаровская, 2024]).

¹² Термин «мультипликатор финансовой неопределенности» предложен И. Альфаро, Н. Блумом и С. Линем [Alfaro, Bloom, Lin, 2024].

¹³ Биржевой крах в октябре 1987 г., названный «Чёрным понедельником», был вызван главным образом распространением автоматизированных торговых систем и переоценённостью акций. Меры центральных банков по обеспечению ликвидности предотвратили дальнейшую финансовую панику.

для залоговых активов, ужесточению ограничений на заимствования и снижению спроса на жильё. Перераспределение расходов домохозяйств в пользу товаров кратковременного пользования влияет на их выбор между работой и досугом, что приводит к снижению предложения труда и снижению совокупного объёма выпуска.

Сокращение потребительских расходов

В условиях высокой неопределенности люди склонны меньше потреблять и больше сберегать, откладывая крупные покупки товаров длительного пользования, таких как мебель или автомобили. На приобретении товаров быстрого потребления неопределенность, как правило, не оказывается (за исключением обратных проявлений характерной для пандемийного периода мобилизационной модели потребления — массовой закупки повседневных товаров долговременного хранения). В долгосрочном периоде рост объёма сбережений должен привести к снижению ставки процента, что, в свою очередь, должно вызвать рост инвестиций. Однако в открытых экономиках часть сбережений может быть экспортирована, что негативно скажется на внутреннем спросе. Кроме того, если, как предполагают новокейнсианские макроэкономические модели, процентная ставка и цены являются негибкими, то даже если они упадут вследствие сокращения потребительского спроса, этого падения не будет достаточно, чтобы стимулировать инвестиции. Тогда рост сбережений приведёт к сокращению объёма производства [Leduc, Liu, 2012; Fernández-Villaverde, Guerrón-Quintana, Kuester, Rubio-Ramírez, 2015; Basu, Bundick, 2017]. Рост неопределенности наиболее негативно оказывается в условиях близких к нулю процентных ставок, наблюдавшихся, в частности, в США, Великобритании, Японии и странах еврозоны в 2010-х гг. В отсутствие значительного экспорта сбережений и при условии гибкости цен и процентных ставок, что, как правило, более характерно для долгосрочного периода, падение расходов потребителей должно компенсироваться ростом инвестиций в связи с удешевлением финансирования, и в этом случае негативного воздействия на совокупный спрос наблюдаться не будет, а, напротив, возможно увеличение темпов роста в связи с ростом производительности.

Опционы роста

Ряд исследований признаёт возможность положительного влияния неопределенности для экономических агентов, стремящихся к риску, например, через канал *опционов (вариантов) роста (growth options)*. Опционами роста называют будущую возможность, которая может возникнуть из текущих инвестиций в НИОКР. Механизм опционов роста заключается в том, что высокая неопределенность может стимулировать некоторых агентов к интенсификации инвестиций, поскольку неопределенность увеличивает размер потенциального приза. Этот эффект наблюдается главным образом в отношении технологичных и капиталоёмких фирм.

Механизм опционов роста используется для объяснения бума на рынке акций интернет-компаний в конце 1990-х гг. Для компании нижний порог издержек в случае неуспеха был ограничен невозвратными издержками на разработку сайта, в то время как выгода от положительного исхода не была ограничена и росла с усилением неопределенности в отношении будущего Интернета. Инвестиции в разработку сайтов рассматривались как опцион колл на будущий успех, соответственно, рост неопределенности вызывал рост инвестиций. Аналогично объясняются интерес к инвестициям в инновационные биотехнологии, первый всплеск которого произошёл также в конце 1990-х гг., и текущий бум в сфере искусственного интеллекта. Исследование Х. Крафта, Э. Шварца и Ф. Вайс показало, что рост неопределенности приводит к росту стоимости акций компаний, фокусирующихся

на научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках и имеющих больше возможностей для роста, чем компании, не занимающиеся НИОКР [Kraft, Schwartz, Farina, 2013].

Нужно подчеркнуть, что движущей силой положительной связи между неопределенностью и инвестициями является конкуренция. Л. Во и Х. Ле в своей работе [Vo, Le, 2017] подтвердили теорию опционов роста и показали, что позитивное влияние неопределенности на инвестиции в НИОКР более выражено для компаний в более конкурентных отраслях, а также для компаний, обладающих меньшей рыночной властью.

Эффект Ои-Хартмана-Абеля

Положительное влияние неопределенности на экономическую активность описывает и основанный на концепции хеджирования *эффект Ои-Хартмана-Абеля (the Oi-Hartman-Abel effect)*, названный в честь У. Ои, Р. Хартмана и Э. Абеля [Oi, 1961; Hartman, 1972; Abel, 1983], согласно которому в случае выпуклой вниз зависимости прибыли фирмы от спроса или издержек рост неопределенности в отношении этих переменных может привести к увеличению ожидаемых выгод, что создает стимулы к экспансиионистскому поведению.

На рис. 1 изображена функция зависимости прибыли π от величины спроса на продукцию фирмы Q_d . Если сравнить два сценария — низкой и высокой неопределенности — с одним и тем же средним значением случайной переменной Q_{dm} , то её разброс в случае низкой неопределенности (от Q_{d1} в неблагоприятном случае до Q_{d2} в благоприятном) будет меньше, чем в случае высокой (от Q_{d3} до Q_{d4} , соответственно). Если предположить, что плохой (низкий спрос) и хороший (высокий спрос) исходы в обоих сценариях равновероятны, то ожидаемая величина прибыли в условиях низкой неопределенности (π_{eA}) окажется ниже, чем в условиях высокой (π_{eB}).

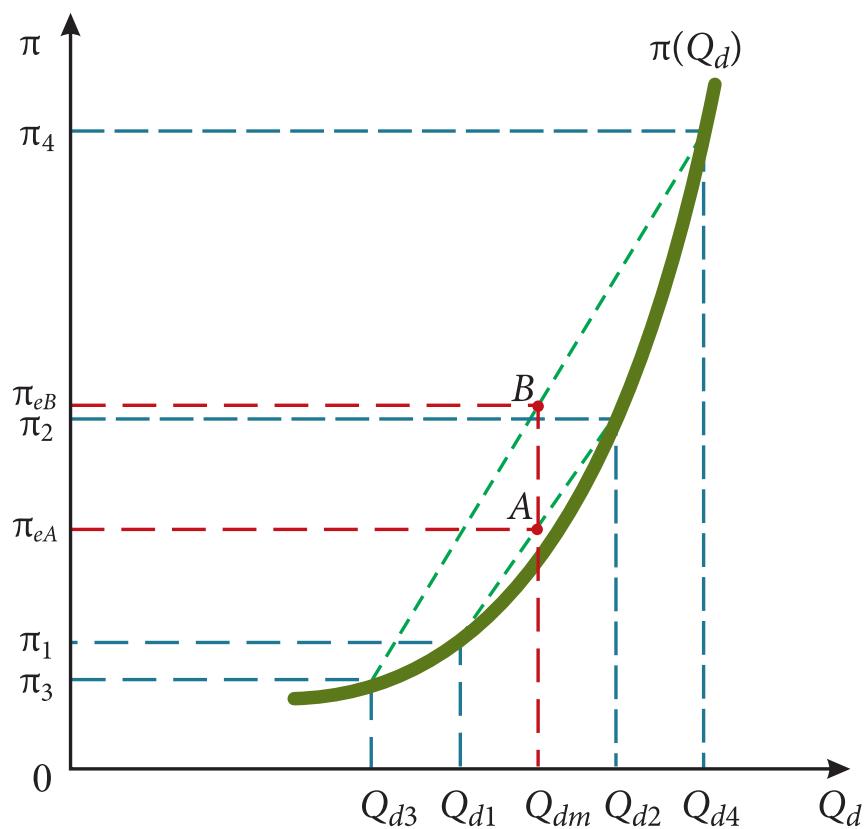

Рис. 1. Ожидаемая прибыль в условиях неопределенности
Источник: разработано автором.

Таким образом, повышенная неопределенность приводит к более высокой ожидаемой прибыли, что является основой эффекта Ои-Хартмана-Абеля. Если компания может легко увеличить объем производства в благоприятный период и сократить в неблагоприятный, при существующих контрактах она частично застрахована от негативного исхода и при этом может значительно увеличить прибыль в случае положительного исхода. Хотя из-за издержек подстройки эффект Ои-Хартмана-Абеля достаточно слабо выражен в краткосрочном периоде, в средне- и долгосрочном периоде он может проявляться сильнее [Блум, 2016].

Обратный эффект Ои-Хартмана-Абеля (*the inverse Oi-Hartman-Abel effect*) может наблюдаться в моделях с негибкими ценами. Он предполагает, что в ответ на рост неопределенности фирмы повышают цены, тем самым снижая объем производства. В этом случае неопределенность, напротив, будет негативно сказываться на экономической активности.

Взаимодействие негативного и позитивного влияния неопределенности

В рамках взаимодействия возможного отрицательного и положительного влияния неопределенности бывает трудно определить преобладающий совокупный эффект, не говоря уже об определении значимости каждого конкретного передаточного механизма. В частности, в отношении эффекта реальных опционов Э. Шааль в работе «Неопределенность и безработицы» [Schaal, 2017] отмечает, что он проявляется не только в отношении найма новых работников, но и увольнения уже работающих сотрудников компаний. В условиях более высокой неопределенности фирмы более неохотно расстаются со своими сотрудниками, поскольку поиск новых в случае роста будущей производительности станет дороже. Таким образом, совокупный эффект снижения найма и увольнений неоднозначен. Чтобы оценить влияние неопределенности на колебания безработицы, Шааль предложил модель равновесия, которая позволяет распутать и количественно оценить это многообразие сил. Модель Шаалля представляет собой модель поиска и согласования общего равновесия для рынка труда и учитывает ряд таких параметров, как динамика фирм и неоднородность их производительности и размера. В качестве индикатора неопределенности Шааль использует изменяющуюся во времени волатильность совокупной факторной производительности (total factor productivity — TFP) на уровне фирм. Этот показатель отражает идиосинкрезиский риск и учитывает, что отдельные компании сталкиваются с большей неопределенностью, что может повлиять на их решения о найме и инвестировании. Волатильность на уровне фирмы производит дополнительные эффекты, которые могут повлиять на уровень безработицы. Например, волатильность имеет тенденцию увеличивать перераспределение на рынке труда: увольняется больше работников, но некоторые фирмы, испытавшие крупные позитивные потрясения, существенно расширяются и увеличивают количество вакансий. Тестирование модели показало, что эффект реальных опционов выражен слабо по сравнению с явлением, названным автором *эффектом реализованной волатильности* (*realized volatility effect*). Суть этого эффекта в том, что шоки неопределенности главным образом вызывают значительные изменения на рынке труда посредством интенсификации перераспределения рабочей силы, когда увольнения происходят быстрее создания новых рабочих мест, и в результате растет безработица. Модель показывает, что волатильность является важной движущей силой колебаний безработицы в американской экономике, особенно во время рецессий 1990–1991, 2001 и 2007–2009 гг., и что высокая неопределенность лежит в основе примерно 40% роста безработицы во время рецессии 2007–2009 гг., хотя и не полностью объясняет её масштабы и устойчивость.

Несмотря на разнонаправленность передаточных механизмов, большая часть исследований признает негативное превалирующее влияние неопределенности на экономическую

активность. Например, исследование К. Гирелли, М. Хиль, Х. Переса и А. Уртасуна [Ghirelli, Gil, Pérez, Urtasun, 2021] показало, что рост неопределенности в Испании приводит к значительному и продолжительному падению потребительских расходов и реального ВВП, в то время как влияние на инвестиции является негативным, но менее продолжительным. Авторы пришли к выводу, что показатели, основанные на волатильности финансовых рынков и неопределенности экономической политики, наиболее релевантны для оценки этих негативных макроэкономических эффектов. В работе «Измерение неопределенности и её влияние на экономику» А. Карриеро, Т. Кларк и М. Марчеллино представили модель для оценки влияния макроэкономической и финансовой неопределенности на экономику США и пришли к выводу, что оба типа шоков неопределенности приводят к значительному и устойчивому снижению экономической активности, причем шок финансовой неопределенности влияет на некоторые показатели экономической активности (например, на жилищное строительство и потребление) меньше, чем шок макроэкономической неопределенности [Carriero, Clark, Marcellino, 2022].

Н. Блум совместно с М. Флототто, Н. Джаймовичем, И. Сапорта-Экстеном и С. Терри разработали теорию, согласно которой в результате шока неопределенности происходит снижение темпов роста производительности [Bloom, Floetotto, Jaimovich, Saporta-Eksten, Terry, 2012]. В периоды высокой неопределенности компании с высокой производительностью склонны расти меньшими темпами, а фирмы с низкой производительностью склонны меньшими темпами сокращать масштабы производства. Осторожность в принятии решений фирмами обоих типов приводит к тому, что ресурсы из менее производительных секторов медленнее направляются в более производительные. Таким образом, так как согласно исследованиям, именно перераспределение ресурсов является основной причиной роста производительности в экономике в целом [Foster, Haltiwanger, Krizan, 2000; 2006], рост уровня неопределенности приводит к снижению темпов роста производительности. Блум и соавторы показали, что микроэкономическая неопределенность отличается ярко выраженной контрикличностью и резко возрастает во время рецессий, особенно во время Великой рецессии 2007–2009 гг. Они количественно определили влияние изменяющейся во времени неопределенности на экономику в динамической стохастической модели общего равновесия с неоднородными фирмами и обнаружили, что шоки неопределенности могут объяснить падение ВВП примерно на 3%, а также, что повышенная неопределенность изменяет относительное влияние мер государственной политики, делая их сначала менее эффективными, а затем более эффективными. Здесь можно отметить, что в сравнении с макроэкономическими шоками, приводящими к изменению значения какой-либо экономической переменной, шоки неопределенности влияют на возможный разброс этих значений.

Основные положения теории Блума с соавторами согласуются с выводами о замедлении роста на микро- и макроуровне исследований, учитывающих финансовый канал влияния неопределенности на экономическую активность, в частности, моделей Арельяно, Бая и Кихо и Гилкриста, Сима и Зайкрайшека [Arellano, Bay, Kehoe, 2010; Gilchrist, Sim, Zakrajsek, 2014]. К аналогичным выводам приходят Л. Кристиано, Р. Мотто и М. Ростаньо, которые в работе «Шоки рисков» на основе монетарной динамической модели общего равновесия показали, что колебания рисков являются наиболее важным фактором, определяющим экономический цикл [Christiano, Motto, Rostagno, 2014]. При этом результаты анализа влияния выжидательной позиции немецких компаний в отношении инвестиций в периоды высокой неопределенности Р. Бахманна и К. Байера [Bachmann, Bayer, 2013] показывают, что один лишь эффект реальных опционов не проявляет себя настолько, чтобы стать основным источником колебаний бизнес-цикла.

Исследования влияния неопределенности на экономическую активность во время пандемии COVID-19 ожидаемо продемонстрировали, что повышенная неопределенность

ведёт к значительному сокращению инвестиций, найма и долгосрочного потребления фирмами и потребителями. Согласно оценке С. Бейкера, Н. Блума и С. Терри, вклад пандемийного шока неопределенности в спад ВВП США в 2020 г. составляет от 2 до 4% ВВП, хотя и не является главным драйвером совокупного падения [Baker, Bloom, Terry, 2024]. В начале пандемии все основные индексы неопределенности (VIX, EPU и др.) резко возросли, достигнув рекордно высоких значений. Если индикаторы волатильности фондового рынка относительно быстро упали, то показатели неопределенности, ощущаемой фирмами и домохозяйствами, достигали пика позже и оставались высокими в течение более длительного периода времени, что связано с массовой потерей рабочих мест. Как показало исследование Х. Барреро и Н. Блума «Экономическая неопределенность и восстановление», сохранявшийся высокий уровень неопределенности затормозил восстановление после пандемии [Barrero, Bloom, 2020]. Это связано с эффектом реальных опционов для компаний и отложенным спросом потребителей, предпочитающих ожидание принятию таких важных решений, как инвестиции и крупные покупки, со снижением эффективности денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, а также с неприятием риска и ростом премий за принятие риска.

В работе «Экономическая неопределенность и обработка естественного языка: случай России» В. Харемзы, С. Макаровой и К. Рыбиньского проанализировано влияние роста неопределенности экономической политики на промышленное производство России за 1998–2018 гг. [Charemza, Makarova, Rybiński, 2022]. Результаты анализа показали, что воздействие неопределенности представляет собой сочетание позитивных и негативных эффектов, но в среднем негативный эффект преобладает, что подтверждается снижением промышленного производства, как минимум, в течение двух месяцев после роста неопределенности. Анализ И. Прилепского также выявил значимое негативное влияние шоков неопределенности на объём производства в России в период 2004–2019 гг. [Прилепский, 2022].

Итак, неопределенность, порождая сомнения хозяйствующих субъектов в связи с отсутствием достаточной информации для принятия решений, может оказывать разнонаправленное воздействие: как создавать стимулы к экспансиионистскому поведению, так и, наоборот, вынуждать производителей и потребителей занимать выжидательную позицию. Как результат, воздействие на экономическую активность может быть как стимулирующим, так и сдерживающим. Как показал обзор современной литературы по влиянию неопределенности, большинство исследований, включая исследования на российских данных, демонстрируют негативное превалирующее воздействие неопределенности, выражющееся в снижении темпов экономического роста и росте безработицы. Так как анализ роли экономической неопределенности находится пока на этапе становления, многие вопросы остаются открытыми — как, например, установление причинно-следственной связи между неопределенностью и ростом или разграничение эффектов неопределенности и эффектов спада.

ЛИТЕРАТУРА

- Акерлоф Дж. (1994). Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS. Вып. 5. С. 91–104. URL: https://igitu.hse.ru/data/413/313/1234/5_1_4Akerl.pdf.
- Блум Н. (2016). Изменчивость уровня неопределенности в экономике // Вопросы экономики. №4. С. 30–55. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-4-30-55.
- Капельюшников Р. И. (2023). Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Комаровская Н. В. (2024). Способы измерения экономической неопределенности // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 6. С. 82–104. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-6-82-104.
- Комаровская Н. В. (2025). Определяя неопределенность // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 51–64. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_51_64.
- Найденова Ю.Н., Леонтьева В.В. (2020). Влияние неопределенности экономической политики на инвестиции российских компаний // Вопросы экономики. № 2. С. 141–159. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-2-141-159.

- Петрова Д., Трунин П. (2023). Оценка уровня неопределенности экономической политики // *Деньги и кредит*. Т.82. №3. С.48–61. URL: <https://rjmf.econs.online/upload/iblock/baf/Otsenka-urovnya-neopredelnosti-ekonomiceskoy-politiki.pdf>.
- Прилепский И.В. (2022). Построение индикаторов макроэкономической неопределенности для России // *Вопросы экономики*. № 9. С. 34–52. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-9-34-52.
- Aastveit K.A., Natvik G.J., Sola S. (2017). Economic uncertainty and the influence of monetary policy // *Journal of International Money and Finance*. Vol. 76 (C). Pp. 50–67. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2017.05.003.
- Abel A. B. (1983). Optimal investment under uncertainty // *American Economic Review*. Vol. 73. No. 1. Pp. 228–233. URL: <https://repository.upenn.edu/server/api/core/bitstreams/a183b310-5bb2-4690-bc42-7a270aa09e40/content>.
- Alfaro I., Bloom N., Lin X. (2024). The finance uncertainty multiplier // *Journal of political economy*. Vol. 132. No. 2. DOI: 10.1086/726230.
- Arellano C., Bay Y., Kehoe P. (2010). Financial markets and fluctuations in uncertainty // *Federal Reserve Bank of Minnesota Research Department Staff Report*. URL: https://www.minneapolisfed.org/research/conferences/research-events---conferences-and-programs/~/media/files/research/events/2010_04-23/papers/arellano10.pdf.
- Arellano C., Bay Y., Kehoe P. (2019). Financial frictions and fluctuations in volatility // *Journal of political economy*. Vol. 127. No. 5. Pp. 2049–2103. DOI: 10.1086/701792.
- Azzimonti M. (2019). Does partisan conflict deter FDI inflows to the US? // *Journal of International Economics*. Vol. 120. Pp. 162–178. DOI: 10.1016/j.inteco.2019.06.001.
- Bachmann R., Bayer C. (2013). «Wait-and-see» business cycles? // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 60. No. 6. Pp. 704–719. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2013.05.005.
- Baker S. R., Bloom N., Davis S. J. (2015). Measuring economic policy uncertainty // *NBER Working Papers*. No. 21633. DOI: 10.3386/w21633.
- Baker S., Bloom N., Terry S. (2024). Using disasters to estimate the impact of uncertainty // *Review of Economic Studies*. Vol. 91. No. 2. Pp. 720–747. DOI: 10.1093/restud/rdad036.
- Barrero J. M., Bloom N. (2020). Economic uncertainty and the recovery // *Navigating the Decade Ahead: Implications for Monetary Policy* / Federal Reserve Bank of Kansas City, Economic Policy Symposium Proceedings. Pp. 255–284. URL: https://www.kansascityfed.org/documents/7115/BloomPaper_JH2020.pdf.
- Basu S., Bundick B. (2017). Uncertainty shocks in a model of effective demand // *Econometrica*. Vol. 85. No. 3. Pp. 937–958. DOI: 10.3982/ECTA13960.
- Bernanke B. S. (1983). Irreversibility, uncertainty, and cyclical investment // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 98. No. 1. Pp. 85–106. DOI: 10.2307/1885568.
- Bertola G., Guiso L., Pistaferri L. (2005). Uncertainty and consumer durables adjustment // *Review of Economic Studies*. Vol. 72. No. 4. Pp. 973–1007. DOI: 10.1111/0034-6527.00358.
- Bloom N. (2009). The impact of uncertainty shocks // *Econometrica*. Vol. 77. No. 3. Pp. 623–685. DOI: 10.3982/ECTA6248.
- Bloom N., Floetotto M., Jaimovich N., Saporta-Eksten I., Terry S. J. (2012). Really uncertain business cycles // *NBER Working Papers*. No. 18245. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w18245/w18245.pdf.
- Brennan M. J., Schwartz E. S. (1985). Evaluating natural resource investments // *Journal of Business*. Vol. 58. No. 2. Pp. 135–157.
- Caggiano G., Castelnuovo E., Delrio S., Kima R. (2021). Financial uncertainty and real activity: The good, the bad, and the ugly // *European Economic Review*. Vol. 136. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2021.103750.
- Carriero A., Clark T. E., Marcellino M. (2022). Measuring uncertainty and its impact on the economy // *Federal Reserve Bank of Cleveland Working Paper*, No. 16-22R. DOI: 10.26509/frbc-wp-201622r.
- Charemza W., Makarova S., Rybiński K. (2022). Economic uncertainty and natural language processing: The case of Russia // *Economic Analysis and Policy*. Vol. 73 (C). Pp. 546–562. DOI: 10.1016/j.eap.2021.11.011.
- Chen K., Nie H., Ge Z. (2019). Policy uncertainty and FDI: Evidence from national elections // *Journal of International Trade & Economic Development*. Vol. 28. No. 4. Pp. 419–428. DOI: 10.1080/09638199.2018.1545860.
- Christiano L. J., Motto R., Rostagno M. (2014). Risk shocks // *American Economic Review*. Vol. 104. No. 1. Pp. 27–65. DOI: 10.1257/aer.104.1.27.
- Choi S. (2018). The impact of US financial uncertainty shocks on emerging market economies: an international credit channel // *Open Economies Review*. Vol. 29. Pp. 89–118. DOI: 10.1007/s11079-017-9471-y.
- Choi S., Furceri D., Huang Y., Loungani P. (2018). Aggregate uncertainty and sectoral productivity growth: the role of credit constraints // *Journal of International Money and Finance*. Vol. 88. Pp. 314–330. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2017.07.016.
- Choi S., Furceri D., Yoon C. (2021). Policy uncertainty and foreign direct investment // *Review of International Economics*. Vol. 29. No. 2. Pp. 195–227. DOI: 10.1111/roie.12495.
- Choi S., Yoon C. (2019). Uncertainty, financial markets, and monetary policy over the last century // *GRU Working Paper Series GRU_2019_020* / City University of Hong Kong, Department of Economics and Finance, Global Research Unit. URL: <http://121.254.254.220/repec/yon/wpaper/2019rwp-142.pdf>.

- Cooper R. W., Haltiwanger J. C. (2006). On the nature of capital adjustment costs // Review of Economic Studies. Vol. 73. No. 3. Pp. 611–633. DOI: 10.1111/j.1467-937X.2006.00389.x.*
- Dixit A. K., Pindyck R. S. (1994). Investment under uncertainty. — Princeton, NJ: Princeton University Press.*
- Fernández-Villaverde J., Guerrón-Quintana P., Kuester K., Rubio-Ramírez J. (2015). Fiscal volatility shocks and economic activity // American Economic Review. Vol. 105. Pp. 3352–3384. DOI: 10.1257/aer.20121236.*
- Foote C., Hurst E., Leahy J. (2000). Testing the (S, s) Model // American Economic Review. Vol. 90. No. 2. Pp. 116–119. DOI: 10.1257/aer.90.2.116.*
- Foster L., Haltiwanger J., Krizan C. J. (2000). Aggregate productivity growth: Lessons from microeconomic evidence // New developments in productivity analysis / C.R. Hulten, E.R. Dean, M.J. Harper (eds). — Chicago: University of Chicago Press. Pp. 303–372.*
- Foster L., Haltiwanger J., Krizan C. J. (2006). Market selection, reallocation and restructuring in the U.S. retail trade sector in the 1990s // Review of Economics and Statistics. Vol. 88. No. 4. Pp. 748–758. DOI: 10.1162/rest.88.4.748.*
- Ghirelli C., Gil M., Pérez J. J., Urtasun A. (2021). Measuring economic and economic policy uncertainty and their macroeconomic effects: the case of Spain // Empirical Economics. Vol. 60. Pp. 869–892. DOI: 10.1007/s00181-019-01772-8.*
- Gilchrist S., Sim J., Zakrajsek E. (2014). Uncertainty, financial frictions and investment dynamics // NBER Working Papers. No.20038. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w20038/w20038.pdf.*
- Gulen H., Ion M. (2016). Policy uncertainty and corporate investment // Review of Financial Studies. Vol. 29. No. 3. Pp. 523–564. DOI: 10.1093/rfs/hhv050.*
- Hartman R. (1972). The effects of price and cost uncertainty on investment // Journal of Economic Theory. Vol. 5. No. 2. Pp. 258–266. DOI: 10.1016/0022-0531(72)90105-6.*
- Honig A. (2020). Elections and capital flows // Journal of Money, Credit and Banking. Vol. 52. No. 2-3. Pp. 471–503. DOI: <https://doi.org/10.1111/jmcb.12599>.*
- Julio B., Yook Y. (2016). Policy uncertainty, irreversibility, and cross-border flows of capital // Journal of International Economics. Vol. 103. Pp. 13–26. DOI: 10.1016/j.inteco.2016.08.004.*
- Kraft H., Schwartz E. S., Farina W. (2013). Growth options and firm valuation // NBER Working Papers. No.18836. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w18836/w18836.pdf.*
- Leduc S., Liu Z. (2012). Uncertainty shocks are aggregate demand shocks // Federal Reserve Bank of San Francisco Working Papers, No.10. URL: <http://www.frbsf.org/economic-research/publications/working-papers/wp12-10bk.pdf>.*
- Lin S.-Y., Tsai Y.-C., Wang P.-Y. (2025). Financial frictions and uncertainty shocks // Macroeconomic dynamics. Vol. 29. e143. DOI: 10.1017/S1365100525100497.*
- McDonald R., Siegel D. (1986). The value of waiting to invest // Quarterly Journal of Economics. Vol. 101. No. 4. Pp. 707–727. DOI: 10.2307/1884175.*
- Nickell S. J. (1986). Dynamic models of labor demand. // Handbook of Labor Economics. Vol. 1. / O.C. Ashenfelter, R. Layard (eds). — Amsterdam: North-Holland. Pp. 473–522.*
- Nguyen Q., Kim T., Papanastassiou M. (2018). Policy uncertainty, derivatives use, and firm-level FDI // Journal of International Business Studies. Vol. 49. No. 1. Pp. 96–126. DOI: 10.1057/s41267-017-0090-z.*
- Oi W. Y. (1961). The desirability of price instability under perfect competition // Econometrica. Vol. 29. No. 1. Pp. 58–64. DOI: 10.2307/1907687.*
- Ramey V., Shapiro M. (2001). Displaced capital: a study of aerospace plant closings // Journal of Political Economy. Vol. 109. No. 5. Pp. 958–992. URL: https://econweb.ucsd.edu/~vramey/research/Displaced_Capital.pdf.*
- Schaal E. (2017). Uncertainty and unemployment // Econometrica. Vol. 85. No. 6. Pp. 1675–1721. DOI: 10.3982/ECTA10557.*
- Valletta R., Bengali L. (2013). What's behind the increase in part-time work? // San Francisco Federal Reserve Bank Economic Letter. URL: <https://www.frbsf.org/research-and-insights/publications/economic-letter/2013/08/part-time-work-employment-increase-recession/>.*
- Vavra J. (2013). Inflation dynamics and time-varying uncertainty: new evidence and an SS interpretation // Quarterly Journal of Economics. Vol. 129. No. 1. Pp. 215–258. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w19148/w19148.pdf.*
- Vo L. V., Le H. T. T. (2017). Strategic growth option, uncertainty, and R&D investment // International Review of Financial Analysis. Vol. 51. Pp. 16–24. DOI: 10.1016/j.irfa.2017.03.002.*
- Wang Y., Chen C. R., Huang Y. S. (2014). Economic policy uncertainty and corporate investment: Evidence from China // Pacific-Basin Finance Journal. Vol. 26 (C). Pp. 227–243. DOI: 10.1016/j.pacfin.2013.12.008.*
- Zhu J., Jia F., Wu H. (2019). Bankruptcy costs, economic policy uncertainty, and FDI entry and exit // Review of International Economics. Vol. 27. No. 4. Pp. 1063–1080. DOI: 10.1111/roie.12412.*

REFERENCES

- Aastveit K. A., Natvik G. J., Sola S. (2017). Economic uncertainty and the influence of monetary policy. *Journal of International Money and Finance*. Vol. 76 (C). Pp. 50–67. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2017.05.003.
- Abel A. B. (1983). Optimal investment under uncertainty // *American Economic Review*. Vol. 73. No. 1. Pp. 228–233. URL: <https://repository.upenn.edu/server/api/core/bitstreams/a183b310-5bb2-4690-bc42-7a270aa09e40/content>.
- Akerlof G. (1994). Market for ‘Lemons’: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // *THESIS*. Vol. 5. Pp. 91–104. URL: https://igiti.hse.ru/data/413/313/1234/5_1_Akerl.pdf (In Russ.).
- Alfaro I., Bloom N., Lin X. (2024). The finance uncertainty multiplier // *Journal of political economy*. Vol. 132. No. 2. Pp. 577–615. DOI: 10.1086/726230.
- Arellano C., Bay Y., Kehoe P. (2010). Financial markets and fluctuations in uncertainty // *Federal Reserve Bank of Minnesota Research Department Staff Report*/ URL: https://www.minneapolisfed.org/research/conferences-research-events---conferences-and-programs/~media/files/research/events/2010_04-23/papers/arellano10.pdf.
- Arellano C., Bay Y., Kehoe P. (2019). Financial frictions and fluctuations in volatility // *Journal of political economy*. Vol. 127. No. 5. Pp. 2049–2103. DOI: 10.1086/701792.
- Azzimonti M. (2019). Does partisan conflict deter FDI inflows to the US? // *Journal of International Economics*. Vol. 120. Pp. 162–178. DOI: 10.1016/j.inteco.2019.06.001.
- Bachmann R., Bayer C. (2013). «Wait-and-see» business cycles? // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 60. No. 6. Pp. 704–719. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2013.05.005.
- Baker S. R., Bloom N., Davis S. J. (2015). Measuring economic policy uncertainty // *NBER Working Papers*. No. 21633. DOI: 10.3386/w21633.
- Baker S., Bloom N., Terry S. (2024). Using disasters to estimate the impact of uncertainty // *Review of Economic Studies*. Vol. 91. No. 2. Pp. 720–747. DOI: 10.1093/restud/rdad036.
- Barrero J. M., Bloom N. (2020). Economic uncertainty and the recovery // *Navigating the Decade Ahead: Implications for Monetary Policy / Federal Reserve Bank of Kansas City, Economic Policy Symposium Proceedings*. Pp. 255–284. URL: https://www.kansascityfed.org/documents/7115/BloomPaper_JH2020.pdf.
- Basu S., Bundick B. (2017). Uncertainty shocks in a model of effective demand // *Econometrica*. Vol. 85. No. 3. Pp. 937–958. DOI: 10.3982/ECTA13960.
- Bernanke B. S. (1983). Irreversibility, uncertainty, and cyclical investment // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 98. No. 1. Pp. 85–106. DOI: 10.2307/1885568.
- Bertola G., Guiso L., Pistaferri L. (2005). Uncertainty and consumer durables adjustment // *Review of Economic Studies*. Vol. 72. No. 4. Pp. 973–1007. DOI: 10.1111/0034-6527.00358.
- Bloom N. (2009). The impact of uncertainty shocks // *Econometrica*. Vol. 77. No. 3. Pp. 623–685. DOI: 10.3982/ECTA6248.
- Bloom N. (2016). Fluctuations in Uncertainty // *Voprosy Ekonomiki*. No. 4. Pp. 30–55. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-4-30-55 (In Russ.).
- Bloom N., Floetotto M., Jaimovich N., Saporta-Eksten I., Terry S. J. (2012). Really uncertain business cycles // *NBER Working Papers*. No. 18245. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w18245/w18245.pdf.
- Brennan M. J., Schwartz E. S. (1985). Evaluating natural resource investments // *Journal of Business*. Vol. 58. No. 2. Pp. 135–157.
- Caggiano G., Castelnovo E., Delrio S., Kima R. (2021). Financial uncertainty and real activity: The good, the bad, and the ugly // *European Economic Review*. Vol. 136. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2021.103750.
- Carriero A., Clark T. E., Marcellino M. (2022). Measuring uncertainty and its impact on the economy // *Federal Reserve Bank of Cleveland Working Paper*. No. 16-22R. DOI: 10.26509/frbc-wp-201622r.
- Charemza W., Makarova S., Rybiński K. (2022). Economic uncertainty and natural language processing; The case of Russia // *Economic Analysis and Policy*. Vol. 73 (C). Pp. 546–562. DOI: 10.1016/j.eap.2021.11.011.
- Chen K., Nie H., Ge Z. (2019). Policy uncertainty and FDI: Evidence from national elections // *Journal of International Trade & Economic Development*. Vol. 28. No. 4. Pp. 419–428. DOI: 10.1080/09638199.2018.1545860.
- Christiano L. J., Motto R., Rostagno M. (2014). Risk shocks // *American Economic Review*. Vol. 104. No. 1. Pp. 27–65. DOI: 10.1257/aer.104.1.27.
- Choi S. (2018). The impact of US financial uncertainty shocks on emerging market economies: an international credit channel // *Open Economies Review*. Vol. 29. Pp. 89–118. DOI: 10.1007/s11079-017-9471-y.
- Choi S., Furceri D., Huang Y., Loungani P. (2018). Aggregate uncertainty and sectoral productivity growth: the role of credit constraints // *Journal of International Money and Finance*. Vol. 88. Pp. 314–330. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2017.07.016.
- Choi S., Furceri D., Yoon C. (2021). Policy uncertainty and foreign direct investment // *Review of International Economics*. Vol. 29. No. 2. Pp. 195–227. DOI: 10.1111/roie.12495.
- Choi S., Yoon C. (2019). Uncertainty, financial markets, and monetary policy over the last century // *GRU Working Paper Series GRU_2019_020, City University of Hong Kong, Department of Economics and Finance, Global Research Unit*. URL: <http://121.254.254.220/repec/yon/wpaper/2019rwp-142.pdf>.

- Cooper R. W., Haltiwanger J. C. (2006). On the nature of capital adjustment costs // *Review of Economic Studies*. Vol. 73. No. 3. Pp. 611–633. DOI: 10.1111/j.1467-937X.2006.00389.x.
- Dixit A. K., Pindyck R. S. (1994). *Investment under uncertainty*. — Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Fernández-Villaverde J., Guerrón-Quintana P., Kuester K., Rubio-Ramírez J. (2015). Fiscal volatility shocks and economic activity // *American Economic Review*. Vol. 105. Pp. 3352–3384. DOI: 10.1257/aer.20121236.
- Foote C., Hurst E., Leahy J. (2000). Testing the (S, s) Model // *American Economic Review*. Vol. 90. No. 2. Pp. 116–119. DOI: 10.1257/aer.90.2.116.
- Foster L., Haltiwanger J., Krizan C. J. (2000). Aggregate productivity growth: Lessons from microeconomic evidence // In: Hulten C. R., Dean E. R., Harper M. J. (eds.). *New developments in productivity analysis*. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 303–372.
- Foster L., Haltiwanger J., Krizan C. J. (2006). Market selection, reallocation and restructuring in the U.S. retail trade sector in the 1990s // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 88. No. 4. Pp. 748–758. DOI: 10.1162/rest.88.4.748.
- Ghirelli C., Gil M., Pérez J. J., Urtasun A. (2021). Measuring economic and economic policy uncertainty and their macroeconomic effects: the case of Spain // *Empirical Economics*. Vol. 60. Pp. 869–892. DOI: 10.1007/s00181-019-01772-8.
- Gilchrist S., Sim J., Zakrajsek E. (2014). Uncertainty, financial frictions and investment dynamics // *NBER Working Papers*. No. 20038. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w20038/w20038.pdf.
- Gulen H., Ion M. (2016). Policy uncertainty and corporate investment // *Review of Financial Studies*. Vol. 29. No. 3. Pp. 523–564. DOI: 10.1093/rfs/hhv050.
- Hartman R. (1972). The effects of price and cost uncertainty on investment // *Journal of Economic Theory*. Vol. 5. No. 2. Pp. 258–266. DOI: 10.1016/0022-0531(72)90105-6.
- Honig A. (2020). Elections and capital flows // *Journal of Money, Credit and Banking*. Vol. 52. No. 2-3. Pp. 471–503. DOI: 10.1111/jmcb.12599.
- Julio B., Yook Y. (2016). Policy uncertainty, irreversibility, and cross-border flows of capital // *Journal of International Economics*. Vol. 103. Pp. 13–26. DOI: 10.1016/j.inteco.2016.08.004.
- Kapeliushnikov R. I. (2023). *The Russian labor market: A statistical portrait on the crises background*. — M.: HSE Publishing House (In Russ.).
- Komarovskaya N. (2024). Methods for measuring economic uncertainty // *ETAP: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika*. No. 6. Pp. 82–104. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-6-82–104 (In Russ.).
- Komarovskaya N. (2025). Defining uncertainty // *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki*. No. 1. Pp. 51–64. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_51_64 (In Russ.).
- Kraft H., Schwartz E. S., Farina W. (2013). Growth options and firm valuation // *NBER Working Papers*, No. 18836. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w18836/w18836.pdf.
- Leduc S., Liu Z. (2012). Uncertainty shocks are aggregate demand shocks // *Federal Reserve Bank of San Francisco Working Papers*, No.10. URL: <http://www.frbsf.org/economic-research/publications/working-papers/wp12-10bk.pdf>.
- Lin S.-Y., Tsai Y.-C., Wang P.-Y. (2025). Financial frictions and uncertainty shocks // *Macroeconomic dynamics*. Vol. 29. e143. DOI: 10.1017/S1365100525100497.
- McDonald R., Siegel D. (1986). The value of waiting to invest // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 101. No. 4. Pp. 707–727. DOI: 10.2307/1884175.
- Naidenova I.N., Leontyeva V.V. (2020). Economic policy uncertainty and investment of Russian companies // *Voprosy Ekonomiki*. No. 2. Pp. 141–159. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-2-141-159. (In Russ.).
- Nickell S. J. (1986). Dynamic models of labor demand // *Handbook of Labor Economics*. Vol. 1. / O.C. Ashenfelter, R. Layard (eds.). — Amsterdam: North-Holland. Pp. 473–522.
- Nguyen Q., Kim T., Papanastassiou M. (2018). Policy uncertainty, derivatives use, and firm-level FDI // *Journal of International Business Studies*. Vol. 49. No. 1. Pp. 96–126. DOI: 10.1057/s41267-017-0090-z.
- Oi W. Y. (1961). The desirability of price instability under perfect competition // *Econometrica*. Vol. 29. No. 1. Pp. 58–64. DOI: 10.2307/1907687.
- Petrova D., Trunin P. (2023). Estimation of economic policy uncertainty // *Russian Journal of Money and Finance*. Vol. 82. No. 3. Pp. 48–61. URL: <https://rjmf.econs.online/upload/iblock/baf/Otsenka-urovnya-neopredelennosti-ekonomiceskoy-politiki.pdf> (In Russ.).
- Prilepskiy I. V. (2022). Macroeconomic uncertainty indicators for Russia // *Voprosy ekonomiki*. No. 9. Pp. 34–52. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-9-34-52 (In Russ.).
- Ramey V., Shapiro M. (2001). Displaced capital: a study of aerospace plant closings // *Journal of Political Economy*. Vol. 109. No. 5. Pp. 958–992. URL: https://econweb.ucsd.edu/~vramey/research/Displaced_Capital.pdf.
- Schaal E. (2017). Uncertainty and unemployment // *Econometrica*. Vol. 85. No. 6. Pp. 1675–1721. DOI: 10.3982/ECTA10557.
- Valletta R., Bengali L. (2013). What's behind the increase in part-time work? // *San Francisco Federal Reserve Bank Economic Letter*. URL: <https://www.frbsf.org/research-and-insights/publications/economic-letter/2013/08/part-time-work-employment-increase-recession/>.

- Vavra J. (2013). Inflation dynamics and time-varying uncertainty: new evidence and an SS interpretation // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 129. No. 1. Pp. 215–258. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w19148/w19148.pdf.
- Vo L. V., Le H.T.T. (2017). Strategic growth option, uncertainty, and R&D investment // *International Review of Financial Analysis*. Vol. 51. Pp. 16–24. DOI: 10.1016/j.irfa.2017.03.002.
- Wang Y., Chen C.R., Huang Y.S. (2014). Economic policy uncertainty and corporate investment: Evidence from China // *Pacific-Basin Finance Journal*. Vol. 26 (C). Pp. 227–243. DOI: 10.1016/j.pacfin.2013.12.008.
- Zhu J., Jia F., Wu H. (2019). Bankruptcy costs, economic policy uncertainty, and FDI entry and exit // *Review of International Economics*. Vol. 27. No. 4. Pp. 1063–1080. DOI: 10.1111/roie.12412.

Комаровская Наталья Владимировна

n.komarovskaya@inno.mgimo.ru

Natalya Komarovskaya

Senior Lecturer in the Department of Economics at Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow)

n.komarovskaya@inno.mgimo.ru

UNCERTAINTY AND ECONOMIC ACTIVITY: THEORETICAL ASPECTS

Abstract. This paper examines the mechanisms by which uncertainty influences economic activity. It describes the channels through which uncertainty exerts both a negative influence — the real options effect, the financial channel, and reduced consumer spending — and a positive influence—growth options and the Oi-Hartman-Abel effect. Aspects of the real options mechanism, such as companies' wait-and-see behavior and the sunk costs associated with real investment and hiring, necessitate adjustments to the traditional approach to evaluating investment projects. In addition to the negative impact of uncertainty on investment, hiring, and employment, the real options channel can lead to a lower sensitivity of economic agents to changes in the economic environment, and, consequently, to lower economic policy effectiveness. The financial channel of uncertainty is associated with financial frictions and increased financing costs due to an increase in the risk premium, which amplify the real impact of uncertainty shocks. This amplifying effect can be quantified using the financial uncertainty multiplier. A decline in consumer spending has a negative impact on aggregate demand in the short term and, if prices and interest rates are insufficiently flexible, may lead to a decline in aggregate output. On the other hand, according to the growth options mechanism, high uncertainty can stimulate increased investment, particularly in technology- and capital-intensive companies, since uncertainty increases the size of potential gains. Also, under the Oi-Hartman-Abel effect, in the case of a firm's profit being convexly dependent on demand or costs, an increase in uncertainty regarding these variables can lead to an increase in expected benefits, which creates incentives for expansionary behavior. The main difficulty in the interaction between the negative and positive effects of uncertainty is determining the significance of each individual transmission mechanism. A review of studies determining the prevailing effect is provided, the majority of which confirm the negative aggregate impact of uncertainty shocks.

Keywords: *uncertainty, real options, financial frictions, growth options, Oi-Hartman-Abel effect.*

JEL: D80, D81, E32.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

И.К. Капульцевич

аспирант, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ C-NUDGE МОДЕЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается роль культуры в экономическом развитии с позиции институциональной экономической школы, где культура определяется как совокупность ценностей и поведенческих установок, а гарантом выступает любой член общества. Понимание культуры в качестве неформального института позволяет органично включить её в качестве компонента институциональных реформ, где изменению подвержены неформальные правила. Анализируя новейшие теоретические и эмпирические работы в этой области, автор операционализирует культурную трансформацию как самостоятельный инструмент институционального проектирования. Описываются два основных направления культурных реформ: снижение трансакционных издержек, улучшающих координацию, и повышение эффективности формальных правил. Теоретическими базисами статьи выступают работы, посвящённые норм-наджингу и анализу влияния плотности норм на результаты реформ. На основе институциональной теории и междисциплинарных исследований норм и ценностей формируется набор инструментов культурной трансформации, предлагается их классификация и механизм выбора, основанные на каналах трансмиссии норм и уровнях социального взаимодействия. Отдельно рассматриваются потенциальные сбои в проектировании культурных реформ и предлагаются механизмы их предотвращения. Предложен новаторский метод поэтапного изменения ценностей и поведенческих установок, в основе которого лежит плотность норм в качестве дизайнера параметра культурного проектирования. Автор формирует не только теоретические рамки подхода, но и разрабатывает методологические основы для эмпирической оценки результатов реформирования норм. Обосновываются выбор подсистем для культурных изменений и параметры плотности норм. В статье разрабатывается индекс плотности норм как основной параметр методологии культурного проектирования. Особое внимание в статье уделяется рискам и возможным ограничениям, а также прикладным возможностям C-NUUDGE моделирования. Результаты адресованы дизайнерам реформ, государственным служащим и исследователям социокультурной экономики.

Ключевые слова: институциональные реформы, культурная трансформация, неформальные институты, социальные нормы, индекс плотности норм, норм-наджинг, C-NUUDGE.

JEL: B25, E02, E71, Z10

УДК: 330.88

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_39_53

© И.К. Капульцевич, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Капульцевич И.К. Культурная трансформация как объект институционального проектирования: теоретические основы и эмпирические возможности C-Nudge моделирования // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 39–53. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_39_53.

FOR CITATION: Kapultsevich I. Cultural Transformation as an Object of Institutional Design: Theoretical Foundations and Empirical Possibilities of C-Nudge Modeling // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 39–53. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_39_53.

Введение

Проблема «эффекта колеи» или зависимости от предшествующего развития подталкивает развивающиеся экономики к поиску неклассических инструментов экономического развития. Ключевой проблемой при проектировании реформ становится неэффективное функционирование формальных институтов, которое объясняется их несовместимостью с локальной социокультурной средой.

За последние десятилетия накоплены теоретические и эмпирические свидетельства влияния отдельных культурных факторов (доверие, семейные узлы, культурные индексы) на экономическое развитие. При этом культура в большинстве работ рассматривается как ограничение или фон, а не как полноценный инструмент институционального дизайна. Цель настоящей статьи — предложить системную рамку культурной трансформации как набора управляемых механизмов изменения ценностей и поведенческих установок, повышающих эффективность реформ.

Теоретической основой статьи, опирающейся на институциональную теорию, выступают работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные социальным нормам, обоснованию культуры в качестве неформального института и проблеме культурной плотности. Я выступаю с позиции, согласно которой культурная трансформация — разновидность институциональной, акультура — ключевой упущеный элемент реформ.

Теоретические рамки

В рамках институционального анализа культура рассматривается как совокупность неформальных институтов, набор неформальных правил (ценностей и поведенческих установок), эффективность которых поддерживается санкциями со стороны гаранта, которым выступает любой член общества [Аузан, Никишина, 2021]. Принимая во внимание классический подход, согласно которому изменение хотя бы одного элемента правила образует институциональную трансформацию, ситуацию изменения неформальных правил можно назвать культурной трансформацией.

Таким образом, культурная трансформация определяется как целенаправленное изменение неформальных институтов, реализуемое через воздействие на ценности и/или поведенческие установки индивидов и приводящее к трансформации институциональной среды, в которой функционируют данные индивиды [Капульцевич, 2024].

Культурные изменения имеют двойственное воздействие на экономическое развитие: прямое — через снижение неопределенности и трансакционных издержек в координации, и косвенное — через повышение эффективности формальных институтов [Alesina, Giuliano, 2015]. Выделяются два основных канала трансмиссии культурных норм: вертикальный, который реализуется через передачу установок и ценностей внутри семьи от родителей к детям, и горизонтальный, где социокультурные нормы приобретаются индивидом в процессе его социализации [Bisin, Verdier, 2000]. Исследования показывают значимость структуры норм и распределение допусков девиаций, которые я предлагаю рассматривать как плотность социальных норм [Gelfand et al., 2011. Р. 1100; Dimant, 2023]. Автор доказывает, что «тесные» нормы обеспечивают координацию и безопасность ценой снижения разнообразия, тогда как «рыхлые» повышают гибкость и инновационность [Gelfand et al., 2011]. Недавние эмпирические работы определяют количественные показатели, позволяющие измерять этот параметр на индивидуальном, организационном и национальном уровнях [Sun, Zhang, 2023]. В прикладных исследованиях плотность рассматривается в соотношении с правоприменением и реакцией на раздражители, что делает её удобным дизайнерским параметром для институциональных реформ, требующих соблюдения баланса между предсказуемостью изменений и их экспериментальностью [Gelfand et al., 2011; Dimant, 2023; Gelfand, 2018].

Наконец, за последние годы накоплены свидетельства зависимости изменений социокультурных норм от контекста, типа сообщения и установок аудитории, что предполагает точное определение выборки и комбинированные подходы к изменению ценностей [Lewandowsky *et al.*, 2022; Papakonstantinou *et al.*, 2025]. Важными для целей работы представляются исследования о норм-наджинге, которые восходят к теории нормативного поведения, согласно которой люди ориентируются и на то, что делают другие, и на то, что одобряется [Cialdini, Kallgren., Reno, 1990]. Есть свидетельства об эффективности динамических норм («всё больше людей делает это»), которые повышают принятие нововведений [Sparkman, Walton, 2017]. Подталкивание к нормам требует от разработчиков политики институциональных изменений определить конкретную социальную норму, которая будет подвергнута изменению, адаптировать нормативную информацию к конкретному социокультурному контексту и быть готовым к непредсказуемым последствиям для оперативной корректировки культурных изменений [Bicchieri, Diment, 2023]. Как показывают более ранние исследования, норм-наджинг при реализации обязательно требует этической калибровки и А/В-оценки результатов [Thaler, Sunstein, 2008].

Работы Э. Остром и её последователей показывают, что устойчивость правил колективного действия достигается не только за счёт формальных санкций, но и за счёт встраивания локальных норм и механизмов мониторинга в архитектуру институтов [Ostrom, 2005]. В прикладной экономике развитие получили экспериментальные и квазиэкспериментальные подходы к институциональным изменениям, прежде всего в рамках программ по борьбе с бедностью, где эксперименты позволяют проверять и оценивать изменения норм поведения и социальные сигналы [Banerjee, Duflo, 2011; Banerjee, Duflo, 2019]. Этот блок литературы важен для нашей задачи, поскольку показывает, что нормы могут быть объектом целевого воздействия, такие воздействия поддаются А/В-оценке, а дизайн коммуникаций и учёт локального контекста критичны для результата. Наконец, в урбанистике и исследованиях локальных сообществ накоплены примеры городских лабораторий и поведенческих интервенций (управление отходами, транспортное поведение, безопасность), фактически реализующих мезоуровневые культурные трансформации через комбинацию вертикальных и горизонтальных каналов [Evans, 2002; Broto, Bulkeley, 2013].

Как справедливо отмечал Д. Норт, институциональная среда задаётся не только формальными правилами, но и системой неформальных ограничений, которые обеспечивают фактическую предсказуемость взаимодействий и снижают издержки контроля. Именно несовпадение импортированных формальных правил с укоренёнными неформальными нормами и порождает описанную им институциональную неустойчивость и эффект зависимости от предшествующего развития [North, 1990; North, 2005]. В этом смысле предлагаемый в следующих разделах статьи подход можно интерпретировать как попытку целенаправленной калибровки неформальных ограничений (ценностей, поведенческих установок, санкций со стороны любого члена общества) под существующие формальные институты, чтобы сократить институциональный разрыв между правилами. Тем самым мы не выходим за рамки классической институциональной логики Норта, а уточняем её с точки зрения инструментов культурного дизайна.

Культурная трансформация как объект институционального проектирования

Если институциональная трансформация, основной объект которой — изменение формальных институтов, является широко описанным в литературе механизмом экономических реформ, то культурная трансформация на текущий момент мало исследована. Научному сообществу только предстоит определить теоретические рамки целенаправленного изменения ценностей и поведенческих установок, а также разработать практический инструментарий и эмпирическую обоснованность формирования неформальных институтов.

Классификатор инструментов культурной трансформации

Мы предлагаем рассматривать инструменты культурной трансформации в матрице «канал — уровень», где существуют два основных канала трансмиссии норм (вертикальный и горизонтальный) и три уровня экономической деятельности: микро (домохозяйства и компании), мезо (сектора и регионы) и макро (страна). Графически выбор инструментов может быть представлен табл. 1.

Таблица 1
Классификация инструментов культурной трансформации

	Микроуровень	Мезоуровень	Макроуровень
Горизонтальная трансмиссия	Командные проекты; peer-review; клубы добросовестности; токены репутации; восстановительные практики внутри организаций	Городские лаборатории кооперации; отраслевые клубы комплаенса; платформы взаимного мониторинга; открытые тендера	Публичные реестры обратной связи; гражданские аудиторы
Вертикальная трансмиссия	Родительские программы; кодексы поведения; обучение руководителей «педагогике доверия»; стандарты онбординга	Регуляторные «песочницы»; типовые положения и отраслевые стандарты; лицензирование с поведенческими KPI	Реформы образования; национальные стандарты открытости/комплаенса; архитектуры госуслуг

Источник: составлено автором.

Рассмотрим механизм трансмиссии норм на примере образования и воспитания.

Инструментарий изменения образования воздействует на общество через вертикальный канал трансмиссии культурных норм на макроуровне. Одним из инструментов может служить проектирование норм совместной деятельности в школах и университетах. Необходимо такое формирование образовательных программ, которое развивает навыки кооперации, нетерпимости к дискриминации, предпринимательского мышления и соблюдения институциональных процедур: дебаты, кейс-моделирование, командные capstone-проекты с оценкой по процессным критериям — соблюдение дедлайна, прозрачность реализации, выполнение договорённостей. Другим инструментом может служить педагогика доверия, где заключаются поведенческие контракты «студент–преподаватель». Они могут реализовываться в формате системы бесплатного повторного экзамена при добровольной явке («self-remediation») или peer-review заданий как способов формирования ожидания добросовестности и взаимного контроля.

Ключевым источником вертикальной трансмиссии норм выступает семья. Примером целенаправленного воздействия на изменение неформальных институтов могут служить программы родительства, доступные центры раннего развития, поддержка мужского участия в уходе (отцовские отпуска), которые корректируют межпоколенческую передачу установок об ответственности, труде и гендерных ролях.

Механизм выбора инструментов культурных изменений

Сформировав классификацию инструментов культурной трансформации, рассмотрим механизм выбора конкретного рычага влияния на ценности и поведенческие установки. Ключевая идея статьи — использовать плотность норм (строгость/допуск девиаций) как дизайнерский параметр институциональной среды. Это объясняется как теоретическими, так и эмпирическими свидетельствами влияния параметра на конечную

эффективность реформ. В сферах, требующих быстрой координации, важна большая плотность, а в инновационных нишах — ослабление санкций и расширение интервала допустимого поведения. Предлагается разделять две предустановки плотности норм: легитимность и инновационность. В первом случае плотность норм должна быть высокой (видимые жёсткие санкции за неисполнение, чек-листы, лимит дискреции в поведении). Во втором случае, напротив, важно обеспечить мягкость санкций и институционализировать право на ошибку. Управление этим параметром осуществляется инструментами из предыдущего раздела.

Однако до сих пор остаётся открытый вопрос: какой инструмент культурной трансформации выбрать при определении канала и уровня изменений. Мы предлагаем четыре параметра, которые в наибольшей степени отражают институциональную структуру общества, в которой реализуются реформы:

1. Координационная структура

Ключевой параметр, от которого зависит эффективность изменений и выбор инструментария. Если имеет место социальная дилемма, то инструмент культурной трансформации должен обеспечивать дисциплину и взаимный мониторинг. В случае наличия асимметрии информации или риска произвола необходимы прозрачность и ограничения дискреции. Наконец, при запросе на нормы справедливости и доверия важны восстановительные практики и репутация.

2. Риски и внешние эффекты

Они напрямую влияют на эффективность реформ. В общем виде выбор инструментария зависит от степени риска: чем выше вероятность неэффективности культурной трансформации в силу социокультурного контекста, тем выше должна быть плотность норм (сильнее санкции и уже интервал допустимого поведения).

3. Зрелость и поляризации норм

Если в процессе изменений имплементируются незрелые и/или разнородные нормы, то требуется меньшая плотность. Эффективность реформ будет обеспечиваться за счёт увеличения коммуникаций о новых нормах, а также реализации песочниц на различных уровнях. В случае внедрения зрелых и/или однородных норм важна легитимность реформ, поэтому необходимо обеспечить стандартизацию и сформировать санкции за нарушение правил.

4. Носитель нормы

От этого параметра напрямую зависит выбор инструментария, так как классификация подразумевает микроуровень (индивидуальные установки), мезоуровень (организационные процедуры) и макроуровень (отраслевые правила).

Приведём несколько примеров выбора инструментов культурной трансформации на основе сформированной классификации и параметров. Если доминирует социальная дилемма (неплатежи, безбилетники), то требуется инструментарий горизонтальной трансмиссии норм на мезо/макроуровне. Необходима большая плотность норм через платформы взаимного мониторинга, персонализированный норм-наджинг, предсказуемые санкции. Если координационная проблема (проблемы в процедурах закупок/учёта), то проектирование должно осуществляться вертикальной трансмиссией на мезоуровне. Необходимо внедрение стандартов и чек-листов, публичность, ограничение дискреции. Если имеется низкое доверие к гаранту (судам/ведомствам), то новая норма должна передаваться через горизонтальную трансмиссию и мезо/макроуровень. Требуются общественные наблюдатели, прозрачные процессы, восстановительные практики, а также усиление репутационных стимулов через рейтинги открытости. Если нужна инновация и предпримчивость, следует ориентироваться на горизонтальную трансмиссию и микро/мезоуровень. Важна меньшая плотность норм, поэтому инструментами реформ будут командные проекты, песочницы с правом на ошибку и обратная связь вместо карательных санкций.

Наконец, в случае высоких рисков и/или внешних эффектов (нарушение ПДД, пищевая безопасность) проектирование эффективно через вертикальную трансмиссию на мезо/макроуровне. Максимально высокая плотность норм через повышение частоты и обеспечение наглядности санкций, внедрение стандартов обучения.

Важным компонентом проектирования культурной трансформации являются потенциальные сбои в нормах и отклонение ожидаемого результата от фактического. На базе институциональной теории и научных исследований в этой области мы рассматриваем пять основных ошибок, которые могут возникать. По каждой предлагаются механизмы диагностики потенциального сбоя, инструментарий для эффективной культурной трансформации и направление изменения целевого параметра дизайна (плотности реформ — табл. 2).

Таблица 2
Сбои в проектировании культурной трансформации

Сбой	Диагностика	Инструменты культурной трансформации	Целевая плотность
Оппортунизм	Высокая допустимость девиаций, низкое взаимное доверие	Норм-наджинг с локальными референс-группами, взаимный мониторинг, восстановительные санкции первой ошибки	Средняя → высокая
Произвольность решений	Разброс исходов при схожих кейсах	Стандарты, чек-листы, лимиты дискреции, публичность, апелляционные возможности	Средняя → высокая
Иновационный коллапс	Низкая вариативность, страх санкций	Иновационные песочницы, право на ошибку, мягкие санкции	Низкая → средняя
Низкое доверие к институтам	Нелегитимность санкций	Внешние гаранты, прозрачность, восстановительные практики, участие граждан	Средняя
Цинизм к общему делу	Низкие показатели доверия/участия	Образовательные модули кооперации, коллективные проекты, символическое вознаграждение/репутация	Средняя

Источник: составлено автором.

Таким образом, предлагается алгоритм выбора инструментов культурной трансформации:

1. Определить координационную структуру.
2. Оценить риск и внешние эффекты и задать целевую плотность норм.
3. Проверить зрелость/поляризацию норм (опросы и исследования).
4. Выбрать канал и уровень по предложенной классификации.
5. Собрать связку по таблице сбоев и добавить локальную коммуникацию норм.
6. Запустить норму и оценить результат.

C-NUDGE — метод проектирования культурной трансформации: теоретический базис и эмпирические возможности

Концепция норм-наджинга обладает большим потенциалом, поскольку позволяет сформировать набор инструментов проектирования культурных реформ через постепенное изменение неформальных институтов. Также в последние годы в научной литературе

довольно детально были проработаны ограничения подхода и вторичные эффекты, способные снижать эффективность культурных реформ [Bicchieri, Dimant, 2023].

В то же время продолжают отсутствовать прикладные исследования, так как сам принцип «подталкивания» к реформам трудно поддаётся проектированию и измерению. На мой взгляд, упущенным компонентом может стать параметр плотности норм, позволяющий управлять реформами и эмпирически оценивать их результаты.

Предлагается новаторский метод культурной трансформации, объединяющий калиброванный наджинг с управлением плотностью норм и дающий операционную рамку реформирования неформальных институтов. В общем виде предлагаем использовать аббревиатуру C-NUDGE (Cultural-Norms Upgrading & Design for Governance Effectiveness), название которого раскрывает основные цели метода: настройка дизайна культурных норм, способного повышать эффективность правительственные реформ.

В методологической основе подхода лежит идея об управлении плотностью норм. Во-первых, это даёт возможность проектировать культурные реформы и делать их управляемыми. Во-вторых, возникает возможность эмпирически измерить результат. В-третьих, метод обладает универсальностью, так как базируется на данных Всемирного обзора ценностей, регулярно собираемых по большинству стран мира. В отличие от классического наджинга (в основном рассматривавшего индивидуальный выбор и формирующего дизайн реформ на микроуровне), C-NUDGE работает на уровне институтов и сети акторов, целенаправленно управляя плотностью и каналами трансмиссии норм.

Таким образом, C-NUDGE — это метод проектирования культурной трансформации, который:

- ▶ настраивает целевую плотность норм по подсистемам (τ^*);
- ▶ подбирает пакеты интервенций в нормы под тип координационной структуры и риск;
- ▶ измеряет культурные параметры;
- ▶ закрепляет успешные нормы через формальные институты.

Формализация методологии

Как было описано в предыдущем разделе, предлагается выделять две предустановки плотности норм: легитимность L (цель — в принуждении к требуемому поведению через видимые санкции) и инновационность I (цель — приучение к новой норме благодаря институционализации права на ошибку).

Культурная трансформация может быть реализована на различных уровнях (микро, мезо, макро), которые определяется как подсистема общества (s). Ими могут выступать любые области общественного взаимодействия, которые подвержены реформам (налоги, образование, правила дорожного движения и т.д.).

Любая институциональная реформа имеет целью снижение трансакционных издержек C , что важно учесть в анализе.

В результате получаем следующую методологическую основу: необходимо задать для подсистемы s целевую плотность τ_s^* и минимизировать совокупные издержки $C(\tau_s)$ при ограничениях на инновационность $I(\tau_s) \geq I_{\min}$ и легитимность $L(\tau_s) \geq L_{\min}$.

$$\begin{aligned} & \min \sum_s (C\tau_s) \\ & \text{s. t. } I(\tau_s) \geq I_{\min}, \quad L(\tau_s) \geq L_{\min}, \quad \tau_s \in [0, 1]. \end{aligned} \quad (1)$$

На практике это означает увеличение плотности норм в подсистемах, где важна легитимность реформ, и уменьшение в инновационных нишах при заданных порогах инноваций и легитимности.

При этом для каждой подсистемы s необходимо определить целевое значение плотности норм, находящееся в диапазоне от 0 до 1: $\tau_s^* \in [0,1]$. Целевая плотность должна отвечать на вопрос, сколько принуждения нужно (насколько жёсткими должны быть санкции за нарушение правила), чтобы снизить издержки координации, не подавив при этом адаптацию и инновации.

Параметры для определения фактической и целевой плотности

Я стремлюсь к унификации результатов исследования и возможности проводить межстрановой анализ для проектирования и оценки результатов культурной трансформации. По этой причине предлагается использовать параметры Всемирного обзора ценностей. Выбраны показатели, которые напрямую влияют на поведение акторов в подсистемах и помогают калибровать плотность:

Общее доверие: «Большинству людей можно доверять»

Доверие снижает издержки контроля и поддерживает правила эффективными. Кроме того, существует множество исследований о взаимосвязи между доверием и экономическим развитием.

Оправданность нарушений

Это показатель напрямую влияет на допуск девиаций в обществе и является ключевым в плотности норм, так как отвечает на вопрос о балансе между легитимностью и инновационностью реформ.

Доверие к институтам

Если гарантам не доверяют, то жёсткие санкции воспринимаются как нелегитимные, что приводит к росту сопротивления реформам. Данный параметр необходимо учесть в модели, чтобы оценить, насколько санкции эффективны при изменении конкретной культурной нормы.

Готовность к гражданскому участию / членство в ассоциациях

Ответы респондентов демонстрируют потенциал к горизонтальной координации и механизмам взаимного мониторинга.

Эти параметры выделены на основе следующих критериев. Во-первых, они отражают поведенческую релевантность, так как связаны с кооперацией, а не абстрактными ценностями. Во-вторых, параметры обеспечивают сравнимость на межстратном уровне, поскольку данные есть почти во всех странах/волнах Всемирного обзора ценностей, что позволяет исследователям формировать когорты по странам. В-третьих, они имеют прозрачную интерпретацию для тех, кто проектируют реформы.

В обобщённом виде можно сделать следующий вывод о целевой плотности с учётом выбранных параметров. Плотность выше там, где высока оправданность нарушений; высоки риски/внешние эффекты; доверие к гарантам достаточно высокое, чтобы санкции были легитимны. Плотность ниже там, где нужен эксперимент и/или обучение новой норме, особенно если уровень доверия низкий и требуется укреплять нормы через участие и институционализированное право на ошибку.

Таким образом, проведя нормирование определённых параметров из Всемирного обзора ценностей, можно сформировать *индекс плотности норм* для эмпирических исследований:

$$\hat{\tau}_s = w_1 \cdot (1 - JD) + w_2 \cdot IT + w_3 \cdot GT + w_4 \cdot CP, \quad (2)$$

где JD — допустимость нарушений (чем выше, тем ниже плотность); IT — доверие к институтам-гарантам; GT — общее доверие; CP — гражданское участие; $w_i \geq 0$, $\sum w_i = 1$.

Целевая плотность определяется по формуле:

$$\tau_s^* = f(\hat{\tau}_s, R_s, L_s), \quad (3)$$

где R_s — риск/внешние эффекты; L_s — порог легитимности санкций.

По каждой подсистеме, в которой реализуется реформа, необходимо задать весовую формулу (например, для правил дорожного движения должен быть больше вес допустимости нарушений и доверия к полиции; а для государственных закупок — доверие к судам, участие и допустимость нарушений). В результате получится целевое значение плотности норм для подсистемы и возможность сформировать набор инструментов реформ неформальных институтов.

Проектирование культурной трансформации на основе вышеизложенного можно свести к пяти последовательным шагам:

1. Рассчитать $\hat{\tau}_s$ по странам.
2. Задать пороги R_s и L_s и установить τ_s^* (увеличить в подсистемах, где важна легитимность, и смягчить в инновационных).
3. Сформировать список инструментов культурной трансформации из табл. 2.
4. Реализовать изменения (по возможности — провести А/В-тесты для последующей корректировки весов).
5. Институционализировать изменения через закрепление формальными правилами.

Калибровка весов w_i может быть выполнена на эмпирических данных тремя возможными инструментами:

(а) Регрессионным — для выбранной подсистемы берётся целевой исход (например, доля конкурентных процедур в закупках по регионам), предикторы ($1-JD$), IT , GT , CP стандартизируются, оценивается модель вида:

$$Y = \alpha + \beta_{JD}(1 - JD) + \beta_{IT}IT + \beta_{GT}GT + \beta_{CP}CP + \varepsilon, \quad (4)$$

после чего веса задаются как нормированные модули стандартизованных коэффициентов:

$$w_k = \frac{|\beta_k|}{\sum |\beta_j|}. \quad (5)$$

(б) Факторным анализом — переменные из Всемирного обзора ценностей группируются в латентные факторы «строгость», «доверие к гарантам», «горизонтальное доверие», «участие», и веса берутся пропорционально вкладу фактора в дисперсию;

(с) Экспертным — для новых подсистем (без данных) веса задаются через парные сравнения с участием отраслевых экспертов.

Комбинация этих процедур позволяет сделать индекс сопоставимым по странам и подсистемам и избежать произвольного выбора весов w_i .

Профиль плотности норм и рычаги управления

Для управления культурной трансформацией необходимо иметь возможность сравнивать страны. С целью унификации предлагаю определить профиль плотности норм для каждой из них. Обеспечить разнообразие профиля можно за счёт выбора такого набора подсистем, который позволяет включить в анализ принципиально разные показатели плотности норм. Я выделяю пять таких подсистем:

- ▶ образование — ключевой канал трансмиссии норм, в котором сосредоточено большинство инструментов культурной трансформации;
- ▶ инновационные песочницы — обеспечивают анализ на микроуровне и помогают достигать экономического роста через развитие технологий;
- ▶ налоги (МСП) — макропараметр, раскрывающий институциональные особенности страны с точки зрения эффективности формальных институтов;
- ▶ закупки — выявляют уровень доверия и позволяют корректировать нормы через инструменты культурной трансформации;
- ▶ правила дорожного движения — демонстрируют эффективность санкций и выступают ключевой подсистемой доминирования легитимности над инновационностью.

Описанные выше подсистемы были выбраны по трём ключевым причинам. Во-первых, они отражают различный риск и внешние эффекты как важный компонент проектирования целевой плотности норм (высокая плотность для ПДД, высокая инновационность для песочниц). Во-вторых, представляют разные каналы и уровни: налоги и закупки — вертикальные процедуры на макро- и мезоуровнях; образование — вертикальная трансмиссия ценностей от микро- к макроуровню; инновационные песочницы — горизонтальная трансмиссия норм на мезоуровне. Наконец, достигается политическая релевантность и измеримость, поскольку по выделенным подсистемам имеется параметр оценки результата (своевременная уплата налогов, доля конкурентных процедур в закупках, количество ДТП на тысячу транспортных средств, конверсия стартапов в успешные компании, и т.д.). Это позволяет сформировать точные рычаги управления плотностью норм.

Далее я выделяю шесть основных рычагов, которые позволяют увеличивать/снижать плотность норм с примерами их применения в зависимости от целей, стоящих перед авторами реформ, а также потенциальными рисками вторичных эффектов (табл. 3).

Таблица 3
Рычаги управления плотностью норм

Рычаг	Как влияет на «плотность»	Когда применять	Риски
Ясность норм (стандарты, чек-листы, кейс-буки)	↑ плотность: сужает допустимый разброс	Безопасность, процедурный комплаенс	Формализм, «игра по чек-листву»
Видимость/неотвратимость санкций	↑ плотность: дисциплинирует отклонения	Повторяющиеся нарушения, ПДД, промышленная безопасность	Уход в тень
Восстановительные практики	↓ карательность при сохранении нормы	Первая ошибка, МСП-комплаенс	Недооценка тяжёлых нарушений
Лимиты дискреции	Управляет вариативностью решений	Контроль/надзор, закупки	Бюрократизация, задержки
Прозрачность и взаимный мониторинг	Снижает анонимность девиаций	Закупки, распределение ресурсов	Публичное осуждение
«Песочницы» и пилоты	Локальное ↓ плотности для тестов	Инновации, регуляторные эксперименты	Репутационные риски при сбоях

Источник: составлено автором.

Целевая плотность норм

В обобщённом виде управление плотностью норм можно представить через два показателя: фактическую плотность норм и целевую — состояние, к которому должна прийти подсистема после реформирования неформальных институтов. Даются следующие определения:

Фактическая плотность τ_s — диагностический индекс для подсистемы s в интервале $[0; 1]$: чем выше, тем сильнее нормы и уже допуск девиаций.

Целевая плотность τ_s^* — требуемый уровень плотности для достижения управленческой цели (комплаенс, конкуренция, безопасность, инновации) с учётом рисков и легитимности.

Целевая плотность определяется локально в тех подсистемах, где это позволяет повысить целевые исходы без утраты легитимности и без подавления инициативы. Я предлагаю следующий алгоритм определения целевой плотности:

1. Определить исход успеха для подсистемы (доля своевременной уплаты налогов, доля конкурентных процедур, показатель смертности от ПДД, и т.д.).

2. Эмпирически найти «рабочую зону» — диапазон плотности норм, где малые изменения τ дают устойчивый прирост целевого исхода, не уменьшая легитимность и не повышаю риски.

3. Проверить легитимность: удостовериться, что доверие к санкциям/процедурам не падает при ужесточении. В противном случае необходимо снизить цель или добавить восстановительные механизмы (право на первую ошибку, апелляции).

4. Учесть политический режим: в условиях низкой легитимности пороги целевой плотности норм сдвигаются вверх по требованиям к справедливости и используются ограниченно.

Также считаю необходимым наметить эмпирические исследования, нужны для практической имплементации описанного метода. Прежде всего, требуется определить веса для расчёта фактической плотности норм. Отправной точкой должен стать выбор подсистем и предикторов (я предложил свои в предыдущих разделах статьи), которые предполагается стандартизировать и определить модули весов через линейную модель по странам на основе Всемирного обзора ценностей. Также необходимо сформировать пороги целевой плотности норм, которые позволят интерпретировать результаты и управлять показателем.

Это позволит перейти от теоретической к практической пользе метода C-NUDGE и имплементировать культурную трансформацию в институциональную теорию.

Этические и политические ограничения C-NUDGE

Предлагаемый подход к культурной трансформации через инструменты C-NUDGE изначально нацелен на выравнивание неформальных норм с целями институциональных реформ. Однако сам по себе факт, что государство (или любой другой актор, обладающий ресурсами коммуникации и санкций) может проектировать нормы, порождает отдельный класс рисков. Эти риски усиливаются в условиях, которые для модели особенно характерны: низкое доверие к институтам, асимметрия информации между дизайнером реформ и обществом, а также возможность вертикального навязывания «правильного» поведения через ценности и поведенческие установки. Поэтому этическая рамка должна быть не факультативным, а обязательным условием методологии — наравне с диагностикой и калибровкой плотности. Ниже фиксируем ключевые ограничения и способы их минимизации.

Риск подмены публично согласованных целей скрытым патернализмом

Поведенческие и нормативные интервенции тем и сильны, что они работают по умолчанию и часто не требуют от индивида дополнительных усилий, как описывали Талер и Санстейн в концепции «либертарианского патернализма» [Thaler, Sunstein, 2009]. Но в ситуации слабой подотчётности тот же механизм позволяет внедрять не согласованные с обществом цели под видом повышения дисциплины или борьбы с оппортунизмом. Поэтому любая C-NUDGE-интервенция должна сопровождаться явным объявлением цели (какая именно норма усиливается и зачем) и публикацией используемых каналов. Отсутствие прозрачности в этом случае — маркер некорректного применения метода.

Риск усиления авторитарных практик

Одни и те же инструменты (норм-сообщения, повышение видимости санкций, ограничение дискреции поведения) можно встроить и в демократический, и в недемократический контекст. Следовательно, без дополнительных ограничителей C-NUDGE может быть

использован как технология более тонкого контроля: через социальное сравнение, «норму большинства» или инфраструктурные дефолты. Это особенно чувствительно в подсистемах с высокой целевой плотностью (ПДД, налоги, контроль качества). Чтобы снизить этот риск, в дизайне необходимо учитывать принцип обратимости и внешний аудит: если после истечения периода действия меры не подтверждено улучшение исходов и не показано отсутствие непропорциональных издержек, мера должна автоматически прекращаться. Такая логика «обратимой плотности» прямо следует из более поздних работ по социальным нормам, где подчёркивается необходимость учитывать контекст и динамику норм, а не только их силу [Bicchieri, 2016; Bicchieri, Dimant, 2023].

Риск снижения автономии и выравнивания стратегии поведения

Культурный дизайн, нацеленный на повышение нормативной плотности, почти всегда работает против девиации. Но часть девиаций экономически продуктивна: инновации, предпринимательство, локальные эксперименты. Если не определить подсистемы, где допустима слабость норм, появится эффект сжатия пространства выбора. Поэтому в рамках C-NUDGE важно явно маркировать зоны, где норма может и должна быть слабее, а также встраивать восстановительные практики (право на первую ошибку, амнистия при добровольном исполнении). Это соответствует логике дифференциации норм у Гельфанд: чрезмерная «теснота» в нерискованных подсистемах порождает сопротивление и уход в тень [Gelfand et al., 2011; Gelfand, 2018].

Проблема легитимности дизайнера культурных реформ

Ещё один потенциальный риск в определении актора, который решает, что именно эта конкретная норма должна стать преобладающей. В классическом институциональном подходе (в том числе у Норта) акцент делается на эволюционности и согласованности формальных и неформальных ограничений. Предлагаемый подход тоже опирается на это: субъектом определения нормы не может быть только ведомство или узкая экспертная группа. Минимальным требованием здесь является инклюзивность и трассируемость: публичная консультация/обсуждение с целевыми группами; публикация метрик, по которым корректируется уровень плотности; возможность апелляции и пересмотра санкций. При отсутствии этих слоёв применение C-NUDGE в условиях низкого доверия будет восприниматься как дополнительное давление и, как показывают поведенческие исследования по нормам, способно дать обратный эффект — демобилизацию общества и цинизм [Schultz et al., 2007].

Необходимость доступа к данным

Поскольку C-NUDGE опирается на наблюдение и А/В-изменение сообщений, возникает вопрос: какие именно данные собираются, как долго хранятся и кто может это увидеть. Этический вариант — вести публичные журналы интервенций и предоставлять исследовательским и общественным структурам доступ к агрегированным данным. Это снижает асимметрию информации и делает поведенческие воздействия наблюдаемыми, то есть подлежащими критике.

Контекст низкого доверия как фактор усиления рисков

В странах и секторах, где индекс плотности норм показывает низкие значения *IT* и *GT*, любые попытки изменить нормы сверху будут интерпретироваться как манипуляция. Здесь этическая калибровка должна быть особенно жёсткой: сначала — меры по восстановлению процессуальной справедливости (прозрачные апелляции, сокращение дискреций, объяснительные кампании) и только потом — норм-наджинг. Иными словами, уровень допустимой плотности должен быть функцией от легитимности: чем ниже доверие к гаранту, тем более мягкими и обратимыми должны быть интервенции.

Формула этического применения

С учётом вышеописанных рисков необходима проработка конкретной формулы этического использования метода C-NUDGE. В практическом виде это можно сформулировать так:

- цель и предполагаемая норма публично описаны;
- есть механизм отказа/апелляции для затронутых групп;
- жёсткие меры имеют срок действия и условие продления;
- промежуточные данные открыты;
- есть внешние наблюдатели.

При соблюдении этих пяти условий C-NUDGE выступает как инструмент согласования формальных и неформальных институтов. При нарушении — как инструмент манипулирования. Однако требуются отдельные исследования для определения исчерпывающего перечня маркеров.

Отдельно отмечу, что сильной стороной C-NUDGE является то, что он изначально спроектирован как модульный метод: есть возможность в каждый модуль (диагностика, выбор канала, выбор уровня) встроить этические предохранители.

Заключение

Культурная трансформация — недостающий компонент в теории институциональных реформ. Рассматривая нормы как объект целенаправленного проектирования и управляя параметром плотности, можно уменьшить разрыв между формальными институтами и фактическими практиками. Предложенный метод C-NUDGE, разработанный на основе набора инструментов реформирования неформальных норм и методологии институционального дизайна, позволяет добавить культурную трансформацию в качестве инструмента изменения ценностей и поведенческих установок для повышения эффективности работы формальных институтов.

Дальнейшие исследования, на мой взгляд, должны быть направлены на верификацию индекса плотности норм и списка подсистем, разработку этических стандартов культурного дизайна, а также межстрановые квазиэксперименты с песочницами норм и цифровыми платформами коллективного действия.

Дополнительным направлением дальнейших исследований является построение межстрановых регрессионных и машинных моделей для автоматической калибровки весов w_j , что позволит перейти от экспертных оценок к полностью воспроизводимым индексам.

ЛИТЕРАТУРА

- Auzan A., Никишина Е. (2021). *Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика влияет на культуру: Курс лекций*. — М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Капульцевич И.К. (2024). Культурная трансформация: институциональный фактор экономического развития // *Научные исследования экономического факультета*. Т. 16. № 3. С. 7–20. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-3-7-20.
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944. DOI: 10.1257/jel.53.4.898.
- Andrighetto G., Gelfand M., Mace R., Gavrilets S. (2024). Social norm change: drivers and consequences // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Vol. 379. No. 1908. 0230023. DOI: 10.1098/rstb.2023.0023.
- Banerjee A.V., Duflo E. (2011). *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*. — New York: PublicAffairs.
- Banerjee A.V., Duflo E. (2019). *Good Economics for Hard Times*. — New York: PublicAffairs.
- Bicchieri C. (2016). *Norms in the Wild: How to Diagnose, Measure, and Change Social Norms*. — Oxford: Oxford University Press.
- Bicchieri C., Dimant E. (2023). Measuring and Changing Social Norms // *SSRN Working Paper*.

- Bisin A., Verdier T. (2000). Beyond the melting pot: cultural transmission, marriage, and the evolution of ethnic and religious traits // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 115. No. 3. Pp. 955–988. DOI: 10.1162/003355300554953.
- Broto V.C., Bulkeley H. (2013). A survey of urban climate change experiments in 100 cities // *Global Environmental Change*. Vol. 23. No. 1. P. 92–102. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2012.07.005.
- Cialdini R.B., Kallgren C.A., Reno R.R. (1990). A Focus Theory of Normative Conduct // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 24. Pp. 201–234.
- Dimant E. (2023). Beyond average: A method for measuring the tightness, looseness, and polarization of social norms // *Economics Letters*. Vol. 233. Article 111417. DOI: 10.1016/j.econlet.2023.111417.
- Evans P. (2002). Collective capabilities, culture, and Amartya Sen's Development as Freedom // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 37. No. 2. Pp. 54–60. DOI: 10.1007/BF02686261.
- Gelfand M.J., Raver J.L., Nishii L. et al. (2011). Differences between tight and loose cultures: A 33-nation study // *Science*. Vol. 332. No. 6033. Pp. 1100–1104. DOI: 10.1126/science.1197754.
- Gelfand M.J. (2018). *Rule Makers, Rule Breakers: How Tight and Loose Cultures Wire Our World*. — New York: Scribner.
- Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Seifert C.M., Schwarz N., Cook J. (2022). Interventions Based on Social Norms: A review // *Perspectives on Psychological Science*. DOI: 10.1177/15291006221114132.
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. — Princeton: Princeton University Press.
- Ostrom E. (2005). *Understanding Institutional Diversity*. — Princeton: Princeton University Press.
- Papakonstantinou T., Flecke S.L., Edmunds C.E.R., Cross R., Tran A., Gold N. (2025). A systematic review and meta-analysis of the effectiveness of social norms messaging approaches for improving health behaviours in developed countries // *Nature Human Behaviour*. DOI: 10.1038/s41562-025-02275-6.
- Schultz P.W., Nolan J.M., Cialdini R.B., Goldstein N.J., Griskevicius V. (2007). The constructive, destructive, and reconstructive power of social norms // *Psychological Science*. Vol. 18. No. 5. Pp. 429–434. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x.
- Sparkman G., Walton G.M. (2017). Dynamic norms promote sustained behavior change // *Psychological Science*. Vol. 28. No. 11. Pp. 1663–1674. DOI: 10.1177/0956797617719950.
- Sun S., Zhang H. (2023). Development of the Cultural Tightness–Looseness Scale // *Frontiers in Psychology*. DOI: 10.2147/PRBM.S402850.
- Thaler R.H., Sunstein C.R. (2009). *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. — Penguin.
- World Values Survey. Wave 7 (2017–2022). (2022): Documentation & codebook. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed date: 09.10.2025).

REFERENCES

- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944. DOI: 10.1257/jel.53.4.898.
- Andrighetto G., Gelfand M., Mace R., Gavrilets S. (2024). Social norm change: drivers and consequences // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Vol. 379. No. 1908. 0230023. DOI: 10.1098/rstb.2023.0023.
- Auzan A., Nikishina E. (2021). *Sociocultural economics: how culture influences the economy, and the economy influences culture: a course of lectures*. — M.: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).
- Banerjee A.V., Duflo E. (2011). *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*. — New York: PublicAffairs.
- Banerjee A.V., Duflo E. (2019). *Good Economics for Hard Times*. — New York: PublicAffairs.
- Bicchieri C. (2016). *Norms in the Wild: How to Diagnose, Measure, and Change Social Norms*. — Oxford: Oxford University Press.
- Bicchieri C., Dimant E. (2023). Measuring and Changing Social Norms // *SSRN Working Paper*.
- Bisin A., Verdier T. (2000). Beyond the melting pot: cultural transmission, marriage, and the evolution of ethnic and religious traits // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 115. No. 3. Pp. 955–988. DOI: 10.1162/003355300554953.
- Broto V.C., Bulkeley H. (2013). A survey of urban climate change experiments in 100 cities // *Global Environmental Change*. Vol. 23. No. 1. Pp. 92–102. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2012.07.005.
- Cialdini R.B., Kallgren C.A., Reno R.R. (1990). A Focus Theory of Normative Conduct // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 24. Pp. 201–234.
- Dimant E. (2023). Beyond average: A method for measuring the tightness, looseness, and polarization of social norms // *Economics Letters*. Vol. 233. Article 111417. DOI: 10.1016/j.econlet.2023.111417.
- Dinesen P.T., Schaeffer M., Sønderskov K.M. (2020). Ethnic diversity and social trust // *Annual Review of Political Science*. Vol. 23. Pp. 441–465. DOI: 10.1146/annurev-polisci-052918-020708.
- Evans P. (2002). Collective capabilities, culture, and Amartya Sen's Development as Freedom // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 37. No. 2. Pp. 54–60. DOI: 10.1007/BF02686261.

- Gelfand M.J., Raver J.L., Nishii L. et al. (2011). Differences between tight and loose cultures: A 33-nation study // *Science*. Vol. 332. No. 6033. Pp. 1100–1104. DOI: 10.1126/science.1197754.
- Gelfand M.J. (2018). *Rule Makers, Rule Breakers: How Tight and Loose Cultures Wire Our World*. — New York: Scribner.
- Kapultsevich I. (2024). Cultural transformation: an institutional factor of economic development // *Scientific research of the Faculty of Economics*. Vol. 16. No. 3. 2024. P. 7–20. (In Russ.). DOI: 10.3805/2078-3809-2024-16-3-7-20. (In Russ.).
- Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Seifert C.M., Schwarz N., Cook J. (2022). Interventions Based on Social Norms: A review // *Perspectives on Psychological Science*. DOI: 10.1177/15291006221114132.
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. — Princeton: Princeton University Press.
- Ostrom E. (2005). *Understanding Institutional Diversity*. — Princeton: Princeton University Press.
- Papakonstantinou T., Flecke S.L., Edmunds C.E.R., Cross R., Tran A., Gold N. (2025). A systematic review and meta-analysis of the effectiveness of social norms messaging approaches for improving health behaviours in developed countries // *Nature Human Behaviour*. DOI: 10.1038/s41562-025-02275-6.
- Schultz P.W., Nolan J.M., Cialdini R.B., Goldstein N.J., Griskevicius V. (2007). The constructive, destructive, and reconstructive power of social norms // *Psychological Science*. Vol. 18. No. 5. Pp. 429–434. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x.
- Sparkman G., Walton G.M. (2017). Dynamic norms promote sustained behavior change // *Psychological Science*. Vol. 28. No. 11. Pp. 1663–1674. DOI: 10.1177/0956797617719950.
- Sun S., Zhang H. (2023). Development of the Cultural Tightness–Looseness Scale // *Frontiers in Psychology*. DOI: 10.2147/PRBM.S402850.
- Thaler R.H., Sunstein C.R. (2009). *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. — Penguin.
- World Values Survey. Wave 7 (2017–2022). (2022): Documentation & codebook. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed date: 09.10.2025).

Капульцевич Илья Константинович

ilya.k.kapultsevich@gmail.com

Ilya Kapultsevich

Postgraduate student at Lomonosov Moscow State University

ilya.k.kapultsevich@gmail.com

TRANSFORMATION AS AN OBJECT OF INSTITUTIONAL DESIGN: THEORETICAL FOUNDATIONS AND EMPIRICAL POSSIBILITIES OF C-NUDGE MODELING

Abstract. This article examines the role of culture in economic development from the perspective of institutional economics, which defines culture as a set of values and behavioral attitudes, with any member of society acting as a guarantor. Including culture as an informal institution allows for its organic inclusion as a component of institutional reforms, where informal rules are subject to change. Analyzing the latest theoretical and empirical work in this area, the authors operationalize cultural transformation as an independent tool for institutional design. Two main directions of cultural reforms are described: reducing transaction costs, improving coordination, and increasing the effectiveness of formal rules. The article draws on works devoted to norm-nudging and analyzing the impact of norm density on reform outcomes. Drawing on institutional theory and interdisciplinary research on norms and values, a set of cultural transformation tools is developed, along with a proposed classification and selection mechanism based on norm transmission channels and levels of social interaction. Potential failures in the design of cultural reforms are separately considered, and mechanisms for their prevention are proposed. An innovative method for gradually changing values and behavioral attitudes is proposed, based on norm density as a design parameter for cultural design. The authors not only formulate the theoretical framework for the approach but also develop a methodological foundation for empirically assessing the results of norm reform. The selection of subsystems for cultural change and norm density parameters are substantiated. The article develops a norm density index as a key parameter for cultural design methodology. Particular attention is paid to the risks and potential limitations, as well as the practical potential of C-NUDGE modeling. The results are relevant to reform designers, civil servants, and researchers in sociocultural economics.

Keywords: *institutional reforms; cultural transformation; informal institutions; social norms; norm density index; norm nudging; C-NUDGE*.

JEL: B25, E02, E71, Z10.

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.С. Тишкин

аспирант, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ Т. КУНА И И. ЛАКАТОСА В МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ИХ КРИТИКА¹

Аннотация. В статье рассмотрен потенциал применения научоведческих подходов Т. Куна и И. Лакатоса к описанию развития экономической науки. Прежде всего представлена попытка систематизации подходов к анализу экономической теории как науки посредством выделения трёх направлений: научоведческого, нарративного (постмодернистского) и социологического подходов. В связи с тем, что мейнстрим экономической науки нередко представляют в виде своеобразной социальной физики, то для дальнейшего анализа был сделан выбор в пользу Т. Куна и И. Лакатоса, чьи подходы, как считается, гораздо лучше подходят для описания точных наук, чем социальных дисциплин. Развитие науки предстаёт нелинейным процессом: происходит либо скачкообразная смена парадигм, либо конкуренция научно-исследовательских программ, обладающих разными жёсткими ядрами. Применение кунианской оптики позволяет выделить несколько научных революций в экономической науке: маржиналистская революция, зарождение макроэкономики. По мнению автора, революция достоверности не является революцией с точки зрения Т. Куна, поскольку она затрагивает отдельные методологические вопросы доказательства наличия причинно-следственных связей с ограниченным применением. Несмотря на это, подход И. Лакатоса, как полагает автор, является более оправданным: сложно поверить, что в какой-то конкретный момент времени существует общая парадигма в экономической науке. Стоит признать наличие общих существенных недостатков научоведческих схем: неоднозначность основных определений; опора на ретроспективный анализ без перспективного взгляда в будущее. По мнению автора, указанные недостатки являются основанием для поиска иных подходов к анализу развития науки.

Ключевые слова: методология экономической науки, экономическая теория, история экономической мысли, научоведение.

JEL: B40, B10, B20

УДК: 303.01, 330.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_54_69

© А.С. Тишкин, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тишкин А.С. Науковедческие подходы Т. Куна и И. Лакатоса в методологии экономической науки и их критика // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 54–69.
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_54_69.

FOR CITATION: Tishkin A.S. The Scientific Approaches of T. Kuhn and I. Lacatos in the Methodology of Economic Science and Their Criticism // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 54–69.
DOI: 10.52342/2587-666VTE_2026_1_54_69.

¹ Благодарность: автор статьи выражает признательность А.А. Мальцеву за обсуждение идей, содержащихся в данной статье, а также анонимному рецензенту за ценные замечания, способствовавшие повышению качества статьи.

Введение

Вопрос о том, что оказывает большее влияние на социальную реальность, — идеи или интересы — вновь стал актуальным в социальных науках. Он также становится популярным и среди экономистов [Тамбовцев, 2019]. Не вдаваясь в длительную философскую дискуссию о соотношении материального и идеального, стоит отметить, что влияние экономических доктрин на общество не стоит недооценивать. Свидетельства такого влияния можно обнаружить в работе [Фуркад, Ольсон, Альган, 2015]. Несмотря на то, что статья Фуркад и соавторов в основном посвящена социологическим причинам «превосходства» экономистов в США над другими исследователями, работающими в сфере социальных наук, значимость идей экономистов для лиц, принимающих решения, высока: именно экономисты оказывают частные консультации бизнесу, входят в советы директоров, претендуют на имплементацию тех или иных предложений в сфере экономической политики. Поддержку значимости экономических идей также можно найти в работе [Caldwell, 2013]: переосмысливая значимость истории экономических учений в экономическом образовании, автор высказывает поддержку мыслям Ф.А. Хайека о том, что идеи имеют значение. Попытку моделирования соотношения идей и интересов и их взаимовлияния можно обнаружить в работе [Rodrik, Mukand, 2018]²: посредством расширения модели выбора медианного избирателя авторы демонстрируют механизмы влияния идей и интересов на принятие политических решений.

В последние годы в России дискуссия о значимости тех или иных экономических идей разворачивается в русле вопросов о будущем российского экономического образования. Попытки осмыслиения этой проблемы можно обнаружить в работе [Аузан, Мальцев, Курдин, 2023]: для решения глобальных проблем современный экономист должен знать широкий спектр экономических концепций для корректного выбора подходящих моделей и методов для конструирования релевантного дизайна экономической политики. О необходимости перемен в ядре экономического образования также пишут [Бузгалин, Глазьев, 2022; Бузгалин, Колганов, 2023]. Критика мейнстрима сводится к демонстрации нерелевантности постулатов «основного русла», отождествляемого этими авторами главным образом с неоклассикой, социально-экономическим вызовам современности. Общим является тезис о необходимости внедрения гетеродоксальных направлений экономической мысли в образовательные программы. Оригинальное обсуждение дискуссии по вопросам экономического образования можно обнаружить в работе [Ореховский, Разумов, 2025]: авторы отвечают на вопрос о том, чем является экономическая наука в настоящий момент. Отражает ли она реальность или же является симулякром в худшем смысле этого слова: в последнем случае она описывает несуществующие явления, подменяя реальность. Таким образом, мы видим широкую дискуссию по важным вопросам образования и попыткам решения насущных проблем.

Для того, чтобы лучше понять, как идеи экономистов влияют на жизнь общества, необходимо дать ответ на ряд методологических вопросов. Во-первых, нужно понять, каким способом появляются экономические идеи: кто их выдвигает, как они распространяются, какие из них становятся популярными, а какие — нет. Во-вторых, нужно определиться с концептуальной рамкой оценки их развития. В-третьих, необходимо выбрать критерий демаркации научного знания: какие теории можно признать научными, а какие — нет. Для ответа на эти вопросы рассмотрим научоведческие традиции, к числу главных из которых

² Стоит отметить два важных замечания в отношении данной работы. Прежде всего работа носит теоретический характер и базируется на модели медианного избирателя, которая содержит ряд существенных предпосылок. Второй момент — под политической экономией (political economy) авторы понимают моделирование политических выборов, что отличает их от отечественной традиции «классового» анализа.

можно отнести постпозитивизм, социологический и нарративный (постмодернистский) подходы. Мы не ставим целью описать все возможные способы исследования научного знания. Здесь мы определим лишь те методы, которые, на наш взгляд, являются наиболее релевантными для анализа объекта исследования: экономической теории. Прежде всего стоит выделить научоведческие подходы Т. Куна и И. Лакатоса, в которых предпринимается попытка решить проблему критерия фальсификации. Парадигмальный подход Куна и методология научно-исследовательских программ Лакатоса отличаются рядом деталей, которые будут рассмотрены ниже.

Иным подходом представляется видение экономической теории как науки в рамках нарративного (постмодернистского) подхода к описанию науки. Одними из наиболее значимых авторов этого подхода являются Д. Макклоски и А. Кламер [Макклоски, 2015; Кламер, 2015; Болдырев, 2006]. Единицей научного анализа при таком подходе является нарратив³, дать четкую дефиницию которому — достаточно сложная задача [Roos, Reccius, 2024]. Вместе с тем, возникает место для плюрализма мнений и потенциального диалога между соперничающими направлениями мысли. Ключевой проблемой для постмодернистов остаётся проблема выбора теории: при отсутствии каких-либо критериев оценки научного знания такой выбор весьма осложняется.

Третий способ характеристики экономической науки — социологический. Данный подход направлен на прямое изучение научного сообщества: исследование его научного этоса, саморефлексии, отношения к достижениям коллег и прочее. Социологические способы исследования научного знания можно встретить в работах [Colander, 2005; Мальцев, 2018]. Источником информации служат данные опросов, публикации учёных, библиография, а также информация об участии экономистов в конференциях⁴. Всё это позволяет судить о ценностях разных групп экономистов.

Обобщим информацию об учёных, применяющих различные подходы в табл. 1.

Какой же способ описания развития научного знания стоит выбрать? Вспомним важный вопрос о применимости математических методов для анализа социальной реальности. Его мы видели на страницах дискуссий об обновлении экономического образования в России (см. работы: [Бузгалин, Глазьев, 2022; Бузгалин, Колганов, 2023]). За рубежом эту дискуссию можно обнаружить в: [Colander, 2005; Quddus, Rashid, 1994; McCloskey, 2005].

Немного углубимся в историю вопроса. Укор в излишней математизации, на наш взгляд, стоит связать с так называемой physics envy (завистью перед физикой как научной дисциплиной), о чём свидетельствует работа [Mirowski, 1992]. Автор рассматривает влияние физики на развитие неоклассического направления, проводит параллели между теорией потребительского выбора и моделями из классической механики [Ruth, 1993]. Победу неоклассику автор связывает не с прогностической или описательной способностью экономикс, а с комплексом неполноценности экономистов перед физиками, что в итоге негативно сказывается на развитии науки. Об истории превращения экономической науки в математическую дисциплину также пишут отечественные учёные [Кошовец, Вархотов, 2020].

Если примерно до конца XX в. ориентиром для экономистов-исследователей была физика, теперь же образцом для подражания стала доказательная медицина. Так экономисты, занимающиеся экономикой развития, адаптируют методологию рандомизированных экспериментов для принятия решений в области экономической политики [Капелюшников, 2022]. Передним краем эти достижения являются и в прикладной

³ Или метафора, как у Д. Макклоски.

⁴ Данный список не является исчерпывающим, но даёт примерное представление с какими источниками данных работают учёные.

Таблица 1
Основные подходы к исследованию научного знания

Подход	Науковедческий подход (Т.Кун и И.Лакатос)	Нarrативный подход (постмодернистский подход)	Социологический подход
Основные представители	М. Блауг (M. Blaug), В. Автономов, А. Шаститко, О. Ананьин, Л. Кусургашева, С. Черновол	Д. Макклоски (D. McCloskey), А. Кламер, В. Вольчик, П. Ореховский, Е. Фурса, М. Рус (M. Roos), М. Реккиус (M. Reccius)	А. Мальцев, Д. Колландер (D. Colander), М. Фуркад (M. Fourcade), Э. Ольсон (E. Ollison), Я. Альган (Y. Algan)
Основное содержание	Развитие экономической науки можно описать в схемах постпозитивизма	Экономическая наука состоит из «метафор» или «диалогов», каждый из которых является равнозначным	Исследование мнения сообщества экономистов посредством опросов, анализа текстов
	Связь развития экономической науки с принципом фальсификации	Допускается плюрализм мнений	Саморефлексия сообщества, точки соприкосновения
	Критерий демаркации научности теории существует	Критерий демаркации научности теории отсутствует	Отражение мнения исследуемого научного сообщества о критерии демаркации научности теории

Источник: составлено автором. Список основных представителей составлен на основе [Блауг, 2004; Автономов, 2025; Тутов, Шаститко, 2017; Ананьин, 2009; Кусургашева, Черновол, 2024; Макклоски, 2015; Кламер, 2015; Ореховский, 2022; Вольчик, Фурса, 2023; Roos, Reccius, 2024; Мальцев, 2018; Colander, 2005; Фуркад, Ольсон, Альган, 2015].

медицине [Masic, Miocovic, Mihamedagic, 2008], что, казалось бы, должно придать уверенность в достоверности результатов. Новым модным направлением становятся атеоретические исследования⁵: исследования без обширной теории, рассматривающие причинные связи как таковые для анализа эффектов воздействия той или иной проводимой меры экономической политики.

Таким образом, даже этого короткого обзора достаточно, чтобы понять, что экономическая наука в разные периоды времени стремится легитимировать свой научный статус посредством адаптации методов естественных наук. Если подобный подход действительно является оправданным, значит к развитию экономической науки справедливо было бы применить те же критерии научности и те же модели развития науки, которые используются для описания естественных наук. В данной работе мы рассмотрим две наиболее известные модели оценки научного знания: парадигмальный подход Т. Куна и методологию научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Оба автора описывали развитие естественных наук, в частности физики, поэтому рассмотрим их подробнее, обозначив плюсы и минусы при описании экономической науки.

⁵ Между тем отметим, что дискуссия о справедливости атеоретических исследований не является чем-то новым. Например, аргументы в пользу такой позиции см. в: [Koortmans, 1947].

Науковедческие подходы Т. Куна и И. Лакатоса: краткое описание

Как уже говорилось, наиболее популярными подходами к описанию развития естественных наук являются схемы, предложенные современниками Т. Куном и И. Лакатосом. О значимости данных подходов для истории и философии не только экономической науки может сказать нам статистика Google Scholar⁶: основной труд Т. Куна цитируется 3 980 раз⁷, И. Лакатоса — 18 629^{8,9}. Работы обоих авторов являются ответом на трудности, вызванные применением принципа фальсификации К. Поппера: в соответствии с тезисом Дюгема-Куйна невозможно осуществить окончательный эксперимент, опровергающий ту или иную теорию. Работы Т. Куна и И. Лакатоса — попытка преодолеть (обойти) указанную проблему.

В рамках первого подхода, подхода Т. Куна [Кун, 2003], подразумевается некумулятивный рост научного знания. Основной категорией анализа является парадигма¹⁰ — система ценностей, убеждений, подходов, которая является доминирующей в данный момент в научном сообществе¹¹. В рамках функционирующей парадигмы на этапе «нормальной науки» учёные решают различные загадки: развивают текущую теорию на основе заданных критериев и подходов научной деятельности, постепенно накапливая аномалии, необъяснимые в рамках устоявшейся парадигмы. Со временем количество накопленных аномалий превышает критическое, в результате чего происходит слом парадигмы, сопровождающийся конкуренцией среди новых научных подходов, стремящихся стать новой парадигмой.

Несколько иным представляется ход развития науки у И. Лакатоса [Лакатос, 2008]. Последний считает, что единицей анализа является научно-исследовательская программа как совокупность теорий, которые используют исследователи. Каждая программа состоит из жёсткого ядра, то есть высказываний, которые носят аксиоматический характер и не меняются на протяжении использования программы. Защищает программу пояс концепций, который позволяет противостоять выявленным аномалиям. Ключевым, в отличие от некоторых позитивистов, является применение утончённого фальсификационизма — теория оказывается фальсифицированной, если помимо сбоя при верификации появляется дополнительная теория, объясняющая аномалию, а также поясняющая дополнительные условия, не объяснимые в рамках предыдущей программы. Таким образом, научной признаётся теория, которая потенциально может быть фальсифицируемой. Выбор между исследовательскими программами здесь гораздо сложнее: помимо фальсификации, необходимо также предоставить дополнительную теорию с добавочной объясняющей базой.

Т. Кун и И. Лакатос убедительно показали, что развитие науки осуществляется не при помощи эволюционной схемы К. Поппера, а несколько иначе. На наш взгляд подход И. Лакатоса является более удачным по сравнению с подходом Т.Куна для описания

⁶ Вероятнее всего эти данные не подвержены слишком существенным искажениям, так как работы написаны известными учёными достаточно давно. Примеры искажений в работе [Davis, 2012].

⁷ Результаты запроса работы Т. Куна «The structure of scientific revolutions» на сайте Google Scholar. URL: https://scholar.google.com/scholar?cites=2382017374541774325&as_sdt=2005&sciodt=0,5&hl=ru (access date: 17.08.2025).

⁸ Результаты запроса работы И.Лакатоса « Falsification and the methodology of scientific research programmes» на сайте Google Scholar. URL: https://scholar.google.com/scholar?cites=1642801689745141411&as_sdt=2005&sciodt=0,5&hl=ru (access date: 17.08.2025).

⁹ И хотя сопоставление в данном случае будет некорректным, отметим, что в то же время главный труд Д. Макклоски цитируется 2448 раз на сайте Google Scholar. Результаты запроса работы Д. Макклоски «The Rhetoric of Economics» на сайте Google Scholar URL: https://scholar.google.com/scholar?cites=15607686001875571940&as_sdt=2005&sciodt=0,5&hl=ru (access date: 17.08.2025).

¹⁰ Позже учёный перешёл к понятию дисциплинарной матрицы, но для простоты будем рассматривать парадигму.

¹¹ Допарадигмальный период накопления научного знания подробно описывается в работе [Кун, 2003], но на данный момент всё же не будет представлять интерес для нас.

развития экономической науки, поскольку в этой области знания сложно выделить какую-либо одну доминирующую парадигму. Остановимся на этом подробнее.

В научной литературе можно найти несколько мнений относительно соотнесения теории научных революций и научно-исследовательских программ. Некоторые отмечают наличие сходств в научоведческих схемах¹² [Блауг, 2004]. Как отмечает сам Т. Кун, подходы НИП и парадигм довольно схожи, но подход Лакатоса точнее реконструирует процесс развития науки. Несмотря на некоторые аналогии в подходах и терминах обоих теоретиков (например, эквивалентность парадигмы Куна и жёсткого ядра и защитного пояса Лакатоса), есть и различия [Jalladeau, Kuhn, 1978]. Признавая нормальную науку как один из этапов развития знания, Кун уделяет особое внимание психологии сообщества и его ценностям, то есть субъективным факторам. Для Лакатоса характерна картина постоянной конкуренции разных научно-исследовательских программ.

Науковедческие подходы и экономическая теория

Теперь рассмотрим развитие экономической науки через научоведческую оптику. Это поможет понять сильные и слабые стороны парадигмальной модели развития науки и методологии научно-исследовательских программ. Прежде всего остановимся на применении парадигмального подхода. В работе [Ананьин, 2009] можно выделить несколько парадигмальных переходов в науке: возникновение классической политической экономии¹³, критика политической экономии со стороны исторической школы, переход к экономикс (маржиналистская революция). Возникновение макроэкономики автор не считает научной революцией, так как не было создано новой парадигмы. Зачастую в исследованиях можно обнаружить иную интерпретацию возникновения макроэкономики (см, например: [Coats, 1969]). Тем не менее мы в дальнейшем будем рассматривать макроэкономику как научную революцию.

Подход Т. Куна, по мнению О.И. Ананьина, представляется наиболее подходящим для описания развития научной мысли в СССР, поскольку тогда доминировала одна парадигма — марксизм. В связи со срашиванием научной парадигмы с государственной идеологией период нормальной науки затянулся: столкнувшись с аномалиями, учёные были вынуждены принимать гипотезы *ad hoc*, либо отказываться от рассмотрения тех или иных проблемных вопросов. С обрушением социалистического блока произошёл подрыв этой доминирующей парадигмы, а поскольку развитие иных направлений мысли не допускалось, то, по мнению Ананьина, иная парадигма просто не смогла появиться в нашей стране. Этим и объясняется текущая фрагментарность различных школ мысли, отсутствие диалога. Сочувствующие старой идеологии учёные были вынуждены встать на защиту дискредитированной парадигмы, тогда как их критики не предложили что-то новое¹⁴.

Несмотря на то, что развитие советской экономической мысли может быть неплохо описано при помощи подхода Куна, современный этап развития российского экономического дискурса плохо вписывается в объяснительные рамки данной схемы прежде всего

¹² Но не идентичности.

¹³ Здесь мы употребляем данный термин для обозначения всего направления, а не в советской традиции.

¹⁴ На наш взгляд, описание периода СССР в отечественной экономической науке посредством парадигмы может быть также довольно дискуссионным. Если развитие было связано с одним доминирующим направлением мысли, остаётся непонятным столь быстрое возникновение иных направлений мысли в ландшафте отечественной науки. Возможно, иные течения были и во времена господства марксизма, просто они были достаточно хорошо замаскированы. Например, есть мнение, что уровень эрудиции и понимания экономико-математических моделей некоторых представителей теории оптимизации в СССР был адекватен уровню развития зарубежной макроэкономической мысли [Ореховский, 2022. С. 230–235]. Информацию о диалоге сотрудника ЦЭМИ В.М. Полтеровича и зарубежных коллег во времена СССР можно найти в [Boldyrev, Kirtchik, 2014].

из-за отсутствия в российских экономических дисциплинах явно выраженного мейнстрима — поддерживаемой большей частью экономистов доминирующей парадигмы. Подтверждение этого тезиса можно обнаружить у А.А. Мальцева [Мальцев, 2018]: разнородность академических экономистов в России затрудняет выработку общих критерии оценки качества работ, свидетельствует против наличия единой парадигмы. Сдвиги в парадигмах в экономической науке проиллюстрированы на рис. 1.

Рис. 1. Сдвиги в парадигмах экономической науки
Источник: составлено автором на основе работ [Ананьев, 2009], [Coats, 1969].

Дискуссионным в рис. 1 видится выделение исторической школы в качестве отдельной парадигмы ввиду её сосуществования с маржинализмом. Другим спорным моментом этой безусловно глубокой категоризации Ананьина¹⁵ видится игнорирование революции в макроэкономике, о чём, например, весьма убедительно писал [Coats, 1969]. Стоит отметить, что две революции в макроэкономике — Дж. Кейнса и Р. Лукаса, соответственно, — выделяет и В.С. Автономов в своей недавней работе [Автономов, 2025].

Помимо революций, обозначенных выше, стоит рассмотреть также современные сдвиги развития науки, претендующие на отнесение их к научным революциям. Прежде всего обратимся к революции достоверности как одному из наиболее известных событий в экономической науке: представители этого направления мысли получили в 2019 г. премию по экономике памяти Альфреда Нобеля (Э. Дюфло, А. Банерджи и М. Кремер). На наш взгляд, рассматривать революцию достоверности как кунианскую революцию не стоит. В работе [Angrist, Pischke, 2010] описываются основные положения современных экономистов-девелопменталистов. Речь в статье идёт, скорее, об инструментальных изменениях в проверке гипотез¹⁶, а не об изменениях в теории в широком смысле этого слова. Революция достоверности повлияла на то, как экономисты обращаются с данными, какими

¹⁵ Стоит отметить, что О.И. Ананьев сам отмечает условность применения подхода Т. Куна к экономической теории [Ананьев, 2009. С. 47].

¹⁶ Примечательно, что авторы описывают подтверждение наличия каузальных связей, а не проверку выводов той или иной теории.

эконометрическими моделями пользуются для нахождения эффектов или каузальных связей. Таким образом, речь не идёт о глобальном изменении теорий, а скорее о новом используемом инструментарии. Не удается также найти свидетельства того, что данное направление стало доминирующим в науке¹⁷ [Gelman, Fung, 2012]. В литературе можно найти мнение о том, что революция достоверности произвела парадигмальный переход [Forozish, 2024], но нам сложно согласиться с этим. По-видимому, масштаб явления переоценён. С позиций Т. Куна революция достоверности изменила лишь некоторые гуманитарные науки и области экономики, что не соответствует определению парадигмы.

Ещё один сюжет, который требует детального рассмотрения, — появление нового направления в экономической науке — поведенческой экономики. Первоначально данное направление мысли развивалось как гетеродоксальное, поскольку ставило под сомнение модель рационального человека [Автономов, 2019]. Со временем произошло взаимообогащение поведенческой экономики и неоклассики, в результате которого и родилось современное поведенческое направление экономических исследований [Avtonomov V, Avtonomov Y, 2019; Капелюшников, 2013], что не позволяет определить поведенческую экономику как новую парадигму.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что подход Т. Куна может быть привлекательным для описания развития экономической науки. Вместе с тем, необходимо рассмотреть недостатки применения методологии научных парадигм к анализу экономической теории. Несмотря на выделение обширных научных революций, таких как зарождение политической экономии, маржиналистская революция, сложно сказать, что в ходе этих серьёзных преобразований произошло оформление единой парадигмы. Например, можно вспомнить, что в работе А. Смита можно найти развитие двух теорий стоимости: трудовой и факторной. На этапе развития политической экономии учёные разделились относительно предпочтительной теории стоимости: Д. Рикардо, К. Маркс отдавали предпочтение трудовой теории стоимости, тогда как Дж.Ст. Милль, Ж.Б. Сэй — теории факторов производства¹⁸. Не меньше противоречий было и среди учёных, участвовавших в маржиналистской революции: не все из них были за применение математических методов. Некоторые выступали «за», потому развивали модели общего равновесия [Автономов, 2022]. Поэтому неудивительно, что многим видным науковедам и знатокам истории экономической мысли более предпочтительной видится методология НИП [Backhouse, 2012].

Перейдём к анализу применения подхода И. Лакатоса в описании развития экономической мысли. Информацию о применении методологии научно-исследовательских программ к анализу экономической науки можно обнаружить в работе [Drakopoulos, Karayannidis, 2005]. Подход широко применяется для выделения школ экономической мысли, например, классической, маржиналистской, австрийской и прочих, а также для описания истории развития направлений. Примером применения данной теории в отечественной науке могут служить работы [Тутов, Измайлова, 2022; Тутов, Измайлова, 2023]. В них авторы определяют жёсткое ядро и защитный пояс новой институциональной экономической теории, что позволяет обозначить её как исследовательскую программу.

Попытку рассмотреть марксизм как научно-исследовательскую программу можно обнаружить в работе [Burawoy, 1990]. Предваряя анализ марксизма, автор указывает на недостаточность рассмотрения научно-исследовательской программы в целом, следует сравнивать разные течения одной теории на предмет их прогрессивности или деградации. Так, в работе выделены семь ключевых положений, которые предположительно входят в жёсткое ядро марксизма. Постепенно сталкиваясь с новыми аномалиями, марксисты

¹⁷ Why «Freakonomics» failed to transform economics. The Economist. 21.03.2024. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/03/21/why-freakonomics-failed-to-transform-economics> (access date: 21.09.2025)

¹⁸ Более подробно о различии учёных см.: [Муравьева, 2012].

отказываются от части жёсткого ядра, реконструируя новый защитный пояс. Подводя итоги анализа, М. Буравой призывает марксистов исследовать наиболее значимые аномалии (крах СССР), не забывая как о внутренней логике развития марксизма, так и об иных, внешних факторах, влияющих на развитие НИП.

Впрочем, исследователи не ограничиваются применением схемы И. Лакатоса к изучению только одного направления экономической мысли. Для экономии места мы свели некоторые попытки применения методологии НИП к исследованию других школ экономической науки в табл. 2.

*Таблица 2
Примеры исследований направлений экономической мысли как НИП*

Работа	Название НИП	Основное содержание
[Тутов, Шаститко, 2017]	Новая институциональная экономическая теория (НИЭТ)	Авторы рассматривают НИЭТ с точки зрения подхода методологии НИП. Во-первых, отмечены трудности в определении жёсткого ядра такой исследовательской программы. Во-вторых, авторы отмечают неоднородность представителей НИЭТ. В этой связи применение методологии НИП к НИЭТ кажется затруднительным.
[Тутов, Измайлова, 2023]	Новая институциональная экономическая теория	Авторы несколько иначе подходят к определению жёсткого ядра программы, выделяют положительную эвристику НИЭТ, а также предлагают добавить в жёсткое ядро программы мезоинституты.
[Muñoz, 2013]	Марксизм	Три составляющие ядра: исторический материализм, классическая политическая экономия и утопический социализм Р. Оуэна, К.А. Сен-Симона и Ш. Фурье
[Nightingale, 1994]	Эволюционная экономика	Автор пытается доказать, что в экономической теории возникла новая эволюционная НИП. Данная НИП ослабляет предпосылки предыдущей неоклассической теории, потому является новой программой.
[Brahmachi, 2016]	Неоклассическая теория и модели эндогенного роста	В работе исследуется литература, связанная с применением подхода НИП к анализу неоклассики и моделей эндогенного роста. Зачастую неоклассика признаётся деградирующими НИП, модели эндогенного роста — не всегда.

Источник: построено автором.

Вместе с тем, можно найти работы, в которых рассматриваются оба научоведческих подхода [Блауг, 2004]. Прежде всего М. Блауг сравнивает и описывает подходы Т. Куна и И. Лакатоса, а затем применяет их к анализу экономической теории, основываясь в основном на методологии научно-исследовательских программ. Автор отмечает, что экономическая наука в целом восприняла идеи К. Поппера, однако использует критерий фальсификации в недостаточном объёме. Описываются и ограничения научоведческих подходов: они применимы лишь относительно, поскольку экономическая наука очень тесно связана с политикой. Проблемы применения методологии НИП указаны и в работе [Burawoy, 1990]: развитие НИП связано с достаточно частыми видоизменениями содержания жёсткого ядра и защитного пояса, для их понимания следует сопоставлять несколько направлений в рамках одной теории. Более справедливым, по мнению М. Буравого, является подход к рассмотрению направлений в рамках одной теории, что может позволить выделить деградирующее и позитивное направления.

Перейдём к характеристике критики научоведческого подхода. Прежде всего И. Лакатос предполагает обязательное существование верифицируемого нового эмпирического факта, который позволит доказать превосходство новой НИП над старой. В экономической науке это может быть не так. Затем применяемая терминология (положительная, отрицательная эвристика, гипотезы *ad hoc*) прекрасно работает *ex post*, но не позволяет выработать универсальный критерий выбора лучшей НИП *ex ante*: в текущий момент времени учёному трудно понять, на какой стадии находится его НИП, какие факты являются улучшением содержания программы, а какие — гипотезами *ad hoc*¹⁹. Дополнительные аргументы для критики научоведческих подходов, в частности парадигм Т. Куна, можно обнаружить в работе [Stigler, 1969]: неоднозначность теоретического аппарата («парадигма», «нормальная наука») не позволяет осуществить однозначную эмпирическую проверку. При отсутствии каких-либо критериев невозможно однозначно идентифицировать, имела ли место научная революция. На наш взгляд, с аналогичными проблемами сталкивается и методология научно-исследовательских программ: неоднозначная трактовка тех или иных определений затрудняет эмпирические проверки. Всё это перекликается с тем, как критиковал раннюю эконометрику Дж. М. Кейнс: мы не можем гарантировать, что несколько разных групп исследователей смогут прийти к одинаковым выводам относительно жёсткого ядра или парадигм разных направлений экономической мысли [Капелюшинников, 2024]. Все проблемы, перечисленные выше, затрудняют применение теоретического подхода И. Лакатоса и Т. Куна для анализа научного сообщества. Думается, что должны быть и иные способы оценки/выбора направления развития науки.

Обобщим основную критику научоведческих подходов в табл. 3.

Таблица 3
Критика применения научоведческих подходов в экономической науке

Парадигмальный подход Т. Куна	Методология НИП И. Лакатоса
Неоднозначность основных определений	
Искажения из-за связи экономической науки с политикой	
Хорошо работают при выборе теории <i>ex post</i> , но не подсказывают, что делать <i>ex ante</i>	
Отсутствие в экономической науке чётко выраженной парадигмы	Жёсткое ядро и защитный пояс изменяются в процессе развития НИП
	Сложности при эмпирической проверке теории

Источник: составлено автором на основе работ [Stigler, 1969; Блауг, 2004; Drakopoulos, Karayannidis, 2005].

Чем можно объяснить популярность применения методологии Т. Куна и И. Лакатоса в экономической науке при наличии таких серьёзных критических замечаний? В чём причина снижения данной популярности сейчас? Вероятнее всего первоначальная популярность была связана с математической ориентацией самой науки²⁰. Несмотря на то, что их популярность пришла на начало 1970-х гг., первоначальная ориентация на постпозитивистскую программу постепенно начинает терять влияние, начиная с 1980-х гг. [Backhouse, 2012]. Как отмечает Р. Бэххаус, научоведческие схемы зачастую позволяют так или иначе реконструировать научное знание, но вместе с тем критика даёт основания

¹⁹ Указанное описано в работе [Блауг, 2004]. Как отмечает М. Блауг, переоценка прогрессивности и регрессивности НИП должна осуществляться с течением времени, но тогда остаётся непонятным, что учёному делать здесь и сейчас, пока ретроспективная оценка ещё не может быть осуществлена.

²⁰ То, что мы называли *physics envy* во введении.

скептически относиться к этим направлениям философии науки. С течением времени это нанесло достаточно серьёзный удар по научоведческим подходам, которые стали вытесняться нарративным и иными подходами [Backhouse, 2012]. Жизнь показала, что развитие науки — гораздо более сложный процесс, который весьма сложно вписать в схемы Т. Куна и И. Лакатоса, поскольку нужно учитывать и социальные факторы.

Если говорить о текущем состоянии отечественной науки, скорее стоит доверять подходу И. Лакатоса, так как сообщество представляют разнородные группы [Ананьев, 2009; Мальцев, 2016]. Открытым остается вопрос влияния научоведческих подходов на исследования в области методологии экономической науки в России. Мы можем лишь предположить, что степень такого влияния является низкой. Это может быть связано с отсутствием достаточно большого интереса отечественных (и не только) экономистов к методологическим исследованиям в принципе. Зачастую, кроме достаточно узкой прослойки специалистов, такие вопросы едва ли находят отклик почти в любой среде учёных, о чём так же говорится в работе [Тамбовцев, 2021. С. 52–54]. Более того, методологические вопросы начинают интересовать экономистов только в условиях разного рода социально-экономических катализмов [Автономов, 2004. С. 13]. В частности, пик популярности Т. Куна и И. Лакатоса пришёлся на период кризиса 70-х, о чём было сказано выше.

Подведём итоги анализа научоведческих подходов. Первый из них, подход Т. Куна, подразумевает наличие единой парадигмы (или дисциплинарной матрицы) хотя бы на каком-то промежутке развития науки. Как было продемонстрировано выше, при описании экономической науки исследователь столкнётся с рядом трудностей. На наш взгляд, наиболее чувствительной проблемой является возможность наличия нескольких направлений: например, не все представители маржиналистского направления проповедовали единые методологические стандарты. Не менее сложным к применению кажется подход И. Лакатоса. Недостаточно ясные определения основных категорий затрудняют однозначное применение НИП к описанию экономической теории.

Какие выводы мы можем сделать из данного анализа? Прежде всего создание критерия демаркации научности того или иного подхода — скорее всего недостижимый идеал. При наличии существенных недостатков, например, «радикальности критики» и чрезмерном акценте на анализ неоклассики [Болдырев, 2006. С. 76], постмодернистский подход с определёнными поправками может быть более гибким, существенно расширяя объект исследования (научное знание). В соответствии с научоведческими подходами допускается наличие иных направлений мысли, но только в рамках соблюдения критериев научности знания. Постмодернизм отказывается от этого, признаёт наличие разных способов описания действительности, допуская плюрализм. Второй важный момент — научоведческие схемы абстрагируются от социальной составляющей научного исследования, представляя реконструкцию собственно научного знания. Однако социальная составляющая науки может быть важна. Например, как социальный феномен отмечается рост соавторства в научных экономических журналах [Bruno, 2014; Hollis, 2001]. Так образом, иные подходы к исследованию и описанию научного сообщества, помимо научоведческих, могут быть актуальными и востребованными.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2004). За что экономисты не любят методологов (предисл.) // Блауг М. *Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют*.
- Автономов Ю.В. (2019). Поведенческая история поведенческой экономики. (О книге Р. Талера «Новая поведенческая экономика») // Вопросы экономики. №8. С. 145–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-145-160.
- Автономов В.С. (2022). Три источника и три героя маржиналистской революции // Вопросы экономики. №7. С. 104–122. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-7-104-122.
- Автономов В.С. (2025). О революциях и кризисах в экономической науке // Препринты НИУ ВШЭ. Т. 8. №1. С. 1–17.
- Ананьин О.А. (2009). Экономическая теория: кризис парадигмы как кризис высшего профессионального образования // Экономика образования. №3. С. 35–50.
- Аузан А.А., Мальцев А.А., Курдин А.А. (2023). Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего // Вопросы экономики. №10. С. 5–26. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-5-26.
- Блауг М. (2004). От Поппера — к новой неортодоксии. Гл. 2. Выводы. Гл. 16. // Блауг М. *Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют*. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики» — С. 76–104, 357–371.
- Болдырев И. (2006). Экономическая методология и постмодернизм // Вопросы экономики. №11. С. 59–78. DOI: 10.32609/0042-8736-2006-11-59-78.
- Бузгалин А.В., Глазьев С.Ю. (2022). Российское образование в области экономической теории: необходимо обновление // Российский экономический журнал. №5. С. 4–21. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-4-21.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2023). Экономическое образование: качественное обновление необходимо и возможно // Вопросы экономики. №11. С. 141–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-141-160.
- Вольчик В.В., Фурса Е.В. (2023). Российская инновационная система: нарративы и экономическая политика // Journal of New Economy. № 4. С. 22–40.
- Капелюшников Р.И. (2013). Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть I. // Вопросы экономики. №9. С. 66–90. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-9-66-90.
- Капелюшников Р.И. (2022). Рандомисты: новая экономика развития. Препринт WP3/2022/07. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Капелюшников Р.И. (2024). Юность эконометрики: кейнсианцы contra Кейнс // Вопросы экономики. №11. С. 120–147. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-11-120-147.
- Кламер А. (2015). Странная наука экономика: приглашение к разговору. — М.; СПб: Изд-во Института Гайдара, Изд-во «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Кошовец О., Вархотов Т. (2020). Натурализация предмета экономики: от погони за естественно-научными стандартами к обладанию законами Природы // Логос. №3 (136). С. 21–54.
- Кун Т. (2003). Структура научных революций. — М.: ООО «Издательство АСТ».
- Кусургашева Л.В., Черновол С.Н. (2024). О применении концепции Лакатоса в экономической теории в контексте трансформации российского экономического образования // Вестник Алтайской академии экономики и права. №3-2. С. 224–230.
- Лакатос И. (2008). Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Избранные произведения по философии и методологии науки. — М.: Академический Проект; Трикста.
- Макклоски Д. (2015). Риторика экономической науки. — М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Мальцев А.А. (2016). Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы // Вопросы экономики. №11. С. 135–158. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-11-135-158.
- Мальцев А.А. (2018). Диаспора экономистов и российская экономическая наука: в поисках точек соприкосновения // Вопросы экономики. №4. С.129–148. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-4-129-148.
- Муравьева Л.А. (2012). Состояние европейской финансово-экономической мысли в первой половине XIX века // Финансы и кредит. №20 (500). С. 75–84.
- Ореховский П.А. (2022). После 1991 г.: разноцветные деньги, афазия и реинкарнация реализма. // Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР: Коллективная монография / Под ред. П.А. Ореховского. — СПб.: Алетейя. С. 230–234.
- Ореховский П.А., Разумов В.И. (2025). Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром // AlterEconomics. Т. 22. №1. С. 40–53. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4.
- Тамбовцев В.Л. (2019). Идеи и интересы, экономическая политика и институты // Вопросы экономики. №5. С.26-45. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-26-45.
- Тамбовцев В.Л. (2021). Методологии новой институциональной экономической теории: все ли мы имеем в виду одно и то же? // Вопросы теоретической экономики. №3. С. 52–74. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_52_74.
- Тутов Л.А., Измайлова А.А. (2022). Применение контент-анализа для выявления жесткого ядра новой институциональной экономической теории // Философия хозяйства. №6. С. 93–110.

- Тумов Л.А., Измайлова А.А. (2023). Защитный пояс новой институциональной экономической теории и ключевые направления его развития // *Философия хозяйства*. №4. С. 45–61.
- Тумов Л.А., Шаститко А.Е. (2017). Опыт предметной идентификации новой институциональной экономической теории // *Вопросы философии*. №6. С. 63–73.
- Фуркад М., Ольон Э., Альган Я. (2015). Превосходство экономистов // *Вопросы экономики*. №7. С. 45–72. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-7-45-72.
- Angrist J.D., Pischke J.S (2010). The Credibility Revolution in Empirical Economics: How Better Research Design Is Taking the Con out of Econometrics // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 3–30.
- Avtonomov V., Avtonomov Y. (2019). Four Methodenstreits between behavioral and mainstream economics // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 26. No. 3. Pp. 179–194.
- Backhouse R. (2012). The Rise and Fall of Popper and Lakatos in Economics // *Philosophy of Economics* / D.M. Gabbay, U. Mäki, P. Tagard, J. Woods (eds). — Amsterdam: North Holland. Pp. 25–48.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2014). General Equilibrium Theory Behind the Iron Curtain: The Case of Victor Polterovich // *History of Political Economy*. Vol. 46. No. 3. Pp. 435–461. DOI: 10.1215/00182702-2796221.
- Brahmachi D. (2016). Neoclassical Economics as a Method of Scientific Research Program: A review of existing literature // *Personal, Munich Archive*. Repec 75738.
- Bruno B. (2014). Economics of co-authorship // *Economic Analysis and Policy*. Vol. 44. Is. 2. Pp. 212–220.
- Burawoy M. (1990). Marxism as Science: Historical Challenges and Theoretical Growth // *American Sociological Review*. Vol. 55. No. 6. Pp. 775–793. DOI: 10.2307/2095745.
- Caldwell B. (2013). Of Positivism and the History of Economic Thought // *Southern Economic Journal*. Vol. 79. No. 4. Pp. 753–767.
- Coats A.W. (1969). Is There a «Structure of Scientific Revolution» in Economics? // *Kyklos*. Vol. 22. Is.2. Pp. 289–296. DOI: 10.1111/j.1467-6435.1969.tb02533.x.
- Colander D. (2005). The Making of an Economist Redux // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19. No. 1. Pp. 175–198.
- Davis P. (2012). Gaming Google Scholar Citations, Made Simple and Easy. Scholarlykitchen. URL: <https://scholarlykitchen.sspnet.org/2012/12/12/gaming-google-scholar-citations-made-simple-and-easy/> (access date: 07.12.2025).
- Drakopoulos S.A., Karayiannis A.D. (2005). A Review of Kuhnian and Lacatosian “Explanations” in Economics // *History of Economic Ideas*. Vol. 13. No. 2. Pp. 51–73. URL: <http://www.jstor.org/stable/23722878>
- Forozish A.O. (2024). How the Credibility Revolution Created a Paradigm Shift (February 1, 2024). SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=4744474>. DOI: 10.2139/ssrn.4744474.
- Gelman A., Fung L. (2012). Freakonomics: What Went Wrong? American Scientist. URL: <https://www.americanscientist.org/article/freakonomics-what-went-wrong> (access date: 21.09.2025).
- Hollis A. (2001). Co-authorship and the output of academic economists // *Labour Economics*. Vol. 8. Is. 4. Pp. 503–530.
- Jalladeau J., Kuhn, W.E. (1978). Research Program versus Paradigm in the Development of Economics // *Journal of Economic Issues*. Vol.12. No.3. Pp.583-608. URL: <http://www.jstor.org/stable/4224719>
- Koopmans T.C. (1947). Measurement Without Theory // *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 29. No. 3. Pp. 161–172. DOI: 10.2307/1928627.
- Masic I., Miokovic M., Muhamedagic B. (2008). Evidence based medicine — new approaches and challenges // *Acta Inform Med*. Vol. 16. No. 4. Pp. 219–225. DOI: 10.5455/aim.2008.16.219-225.
- McCloskey D. (2005). The Trouble with Mathematics and Statistics in Economics // *History of Economic Ideas*. Vol. 13. No. 3. Pp. 85–102.
- Mirowski P. (1992). Do economists suffer from physics envy? // *Finnish Economic Papers*. Vol. 5. No. 1. Pp. 61–68.
- Muñoz J. (2013). The Power of Marx-Engels Scientific Research Program and its Fulfilled Prediction: A Note on Heterodox Epistemology // *World Review of Political Economy*. Vol. 4. Iss. 1. Pp. 63–85.
- Nightingale J. (1994). Situational determinism revisited: scientific research programmes in economics twenty years on // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 1. Iss. 2. Pp. 233–252.
- Quddus M., Rashid S. (1994). The Overuse of Mathematics in Economics: Nobel Resistance // *Eastern Economic Journal*. Vol. 20. No. 3. Pp. 251–265. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/40325574>
- Rodrik D., Mukand S. (2018). The Political Economy of Ideas: On Ideas Versus Interests in Policymaking // *The Warwick Economics Research Paper Series (TWERPS)*. 1163.
- Roos M., Reccius M. (2024). Narratives in economics // *Journal of Economic Surveys*. Vol. 38. Iss. 2. Pp. 303–341. DOI: 10.1111/joes.12576.
- Ruth M. (1993). Integrating Core Concepts of Thermodynamics into Economics In: *Ecology, Economy & Environment*. Vol. 3. Pp. 63–75.
- Stigler G.J. (1969). Does Economics Have a Useful Past? // *History of Political Economy*. Vol. 1. Iss. 2. Pp. 217–230.

REFERENCES

- Ananin O.A. (2009). The Economic Theory: Crisis of The Paradigma as Crisis of Maximum Vocational Training // *Education economics*. No.3. Pp.35-50. (In Russ.)
- Angrist J.D., Pischke J.S (2010). The Credibility Revolution in Empirical Economics: How Better Research Design Is Taking the Con out of Econometrics // *Journal of Economic Perspectives*. Vol.24. No.2. Pp.3-30.
- Auzan A.A., Maltsev A.A., Kурдин А.А. (2023). Russian economic education: Image of the near future // *Voprosy Ekonomiki*. No.10. Pp.5-26. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-5-26 (In Russ.)
- Avtonomov V.S. (2004). Why don't economists like methodologists (preface) // Blaug M. *The Methodology of Economics or How Economists Explain* — M.: NP «Journal Voprosy Ekonomiki». Pp.11-16. (In Russ.)
- Avtonomov Yu.V. (2019). The making of behavioral economics: A subjective view (On the book by R. Thaler «Misbehaving. The making of behavioral economics») // *Voprosy Ekonomiki*. No.8. Pp.145-160. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-145-160 (In Russ.)
- Avtonomov V.S. (2022). Three sources and three heroes of the Marginal Revolution. // *Voprosy Ekonomiki*. No.7. Pp.104-122. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-7-104-122 (In Russ.).
- Avtonomov V.S. (2025). On Revolutions and Crises in Economic Science // *HSE Preprints*. Vol.8. No.1. Pp.1-18. (In Russ.).
- Avtonomov V., Avtonomov Y. (2019). Four Methodenstreits between behavioral and mainstream economics // *Journal of Economic Methodology*. Vol.26. No.3. Pp.179-194.
- Backhouse R. (2012). The Rise and Fall of Popper and Lakatos in Economics // *Philosophy of Economics* / D.M. Gabbay, U. Máki, P. Tagard, J. Woods (eds). — Amsterdam: North Holland. Pp. 25-48
- Blaug M. (2004). From Popper to New Not-Orthodoxy. Ch. 2. Conclusions. Ch. 16. // Blaug M. *The Methodology of Economics or How Economists Explain* — M.: NP «Journal Voprosy Ekonomiki» — Pp.76-104; 357-371. (In Russ.)
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2014). General Equilibrium Theory Behind the Iron Curtain: The Case of Victor Polterovich // *History of Political Economy*. Vol.46. No.3. Pp.435-461. DOI: 10.1215/00182702-2796221.
- Boldyrev I. (2006). Economic Methodology and Postmodernism // *Voprosy Ekonomiki*. No.11. Pp.59-78. DOI: 10.32609/0042-8736-2006-11-59-78 (In Russ.).
- Brahmachi D. (2016). Neoclassical Economics as a Method of Scientific Research Program: A review of existing literature // *Personal, Munich Archive*. Repec 75738.
- Bruno B. (2014). Economics of co-authorship // *Economic Analysis and Policy*. Vol.44. Is.2. Pp.212-220.
- Burawoy M. (1990). Marxism as Science: Historical Challenges and Theoretical Growth // *American Sociological Review*. Vol.55. No.6. Pp.775-793. DOI: 10.2307/2095745.
- Buzgalin A.V., Glazyev S.Yu. (2022). Russian education in the field of economic theory: An update is needed // *Russian Economic Journal*. No.5. Pp.4-21. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-4-21 (In Russ.).
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2023) Economic education: A qualitative renewal is necessary and possible // *Voprosy Ekonomiki*. No.11. Pp.141-160. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-141-160 (In Russ.).
- Caldwell B. (2013). Of Positivism and the History of Economic Thought // *Southern Economic Journal*. Vol.79. No.4. Pp.753-767.
- Coats A.W. (1969). Is There a «Structure of Scientific Revolution» in Economics? // *Kyklos*. Vol.22. Iss.2. Pp. 289-296. DOI: 10.1111/j.1467-6435.1969.tb02533.x.
- Colander D. (2005). The Making of an Economist Redux // *Journal of Economic Perspectives*. Vol.19. No.1. Pp.175-198.
- Davis P. (2012). Gaming Google Scholar Citations, Made Simple and Easy. Scholarlykitchen. URL: <https://scholarlykitchen.sspnet.org/2012/12/12/gaming-google-scholar-citations-made-simple-and-easy/> (access date: 07.12.2025).
- Drakopoulos S.A., Karayannidis A.D. (2005). A Review of Kuhnian and Lacatosian «Explanations» in Economics // *History of Economic Ideas*. Vol.13. No.2. Pp.51-73. <http://www.jstor.org/stable/23722878>
- Forozish A.O. (2024). *How the Credibility Revolution Created a Paradigm Shift* (February 1, 2024). SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=4744474>. DOI: 10.2139/ssrn.4744474.
- Fourcade M., Ollion E., Algan Y. (2015). The Superiority of Economists // *Voprosy Ekonomiki*. No.7. Pp.45-72. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-7-45-72 (In Russ.).
- Gelman A., Fung L. (2012). Freakonomics: What Went Wrong? American Scientist. URL: <https://www.americanscientist.org/article/freakonomics-what-went-wrong> (access date: 21.09.2025).
- Hollis A. (2001). Co-authorship and the output of academic economists // *Labour Economics*. Vol.6. Iss.4. Pp.503-530.
- Jalladeau J., Kuhn W.E. (1978). Research Program versus Paradigm in the Development of Economics // *Journal of Economic Issues*. Vol.12. No.3. Pp.583-608. <http://www.jstor.org/stable/4224719>
- Kapeliushnikov R.I. (2022). *Randomistas: A New Development Economics*. Preprint WP3/2022/07 — M.: HSE Publishing House (In Russ.).
- Kapeliushnikov R.I. (2013). Behavioral Economics and New Paternalism. (Part I) // *Voprosy Ekonomiki*. No.9. Pp.66-90. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-9-66-90 (In Russ.).
- Kapeliushnikov R.I. (2024). Youth of econometrics: Keynesians contra Keynes // *Voprosy Ekonomiki*. No.11. Pp.120-147. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-11-120-147 (In Russ.).

- Klamer A. (2015). *Speaking of Economics. How to get in the conversation.* — M.: Gaidar Institute Publishing House; «International Relations» Publishing House, Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University (In Russ.).
- Koopmans T.C. (1947). Measurement Without Theory // *The Review of Economics and Statistics*. Vol.29. No.3. Pp.161-172. DOI: 10.2307/1928627.
- Koshovets O., Varkhotov T. (2020). Naturalizing the Subject of Economics: from Following the Norms of Natural Science to Owning the Laws of Nature // *Logos*. No.3 (136). Pp.21-54. (In Russ.).
- Kuhn T. (2003). *The Structure of Scientific Revolutions.* — M.: AST (In Russ.).
- Kusurgasheva L. V., Chernovol S.N. (2024). On Application of Lacatoss Concept in Economic Theory within Context of Transformation of Economic Education in Russia // *Journal of Altai Academy of Economics and Law*. No.3-2. Pp.224-230. (In Russ.).
- Lacatos I. (2008). Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. // *Selected Works on the Philosophy and Methodology of Science.* — M.: Academic Project, Trixta. (In Russ.).
- Maltsev A.A. (2016). Russian community of economists: main features and perspectives // *Voprosy Ekonomiki*. No.11. Pp.135-158. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-11-135-158 (In Russ.).
- Maltsev A.A. (2018). Diaspora of economists and Russian economics: In search of common ground // *Voprosy Ekonomiki*. No.4. Pp.129-148. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-4-129-148. (In Russ.).
- Masic I., Miokovic M., Muhamedagic B. (2008) Evidence based medicine — new approaches and challenges // *Acta Inform Med.* Vol.16. No.4. Pp.219-225. DOI: 10.5455/aim.2008.16.219-225.
- McCloskey D. (2005). The Trouble with Mathematics and Statistics in Economics // *History of Economic Ideas*. Vol.13. No.3. Pp 85-102.
- McCloskey D. (2015). *The Rhetoric of Economics.* — M.: Gaidar Institute Publishing House; International Relations Publishing House, Faculty of Liberal Arts and Sciences St. Petersburg State University. (In Russ.).
- Mirowski P. (1992). Do economists suffer from physics envy? // *Finnish Economic Papers*. Vol.5. No.1. Pp.61-68.
- Muñoz J. (2013). The Power of Marx-Engels Scientific Research Program and its Fulfilled Prediction: A Note on Heterodox Epistemology // *World Review of Political Economy*. Vol.4. Is.1. Pp.63-85.
- Muraveva L.A. (2012). The State of European Financial and Economic Thought int the First Half of the 19th Century // *Finance and credit*. No.20 (500). Pp.75-84 (In Russ.).
- Nightingale J. (1994). Situational determinism revisited: scientific research programmes in economics twenty years on // *Journal of Economic Methodology*. Vol.1. Is.2. Pp.233-252.
- Orekhovsky P.A. (2022). After 1991: Multicolored Money, Aphasia, and the Reincarnation of Realism // *Cognitive Structures and Political Economy of Socialism in the USSR*: Collective Monograph / Ed. by P.A. Orekhovsky. — St. Petersburg: Aleteya. Pp. 230-234. (In Russ.).
- Orekhovsky P.A., Razumov V.I. (2025). Economic Thery of the «Classboard»: Between Reality and Simulacrum // *AlterEconomics* Vol.22. No.1. Pp.40-53. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4 (In Russ.).
- Quddus M., Rashid S. (1994). The Overuse of Mathematics in Economics: Nobel Resistance // *Eastern Economic Journal*. Vol.20. No.3. Pp.251-265. JSTOR. <http://www.jstor.org/stable/40325574>
- Rodrik D., Mukand S. (2018). The Political Economy of Ideas: On Ideas Versus Interests in Policymaking // *The Warwick Economics Research Paper Series (TWERPS)* 1163.
- Roos M., Reccius M. (2024). Narratives in economics // *Journal of Economic Surveys*. Vol.38. Is.2. Pp.303-341. DOI: 10.1111/joes.12576.
- Ruth M. (1993). Integrating Core Concepts of Thermodynamics into Economics // *Ecology, Economy & Environment*. Vol.3. Pp.63-75.
- Stigler G.J. (1969). Does Economics Have a Useful Past? // *History of Political Economy*. Vol.1. Is.2. Pp. 217-230.
- Tambovtsev V.L. (2019). Ideas and interests, economic policy and institutions // *Voprosy Ekonomiki*. No.5. Pp.26-45. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-26-45 (In Russ.).
- Tambovtsev V.L. (2021). Methodology of the New Institutional Economic Theory: Do We All Mean the Same? // *Issues of Economic Theory (Voprosy teoretycheskoy ekonomiki)*. No.3. Pp.52-74. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_52_74 (In Russ.).
- Tutov L.A., Ismailov A.A. (2022). The Application of Content Analysis to Identify the Hard Core of a New Institutional Economic Theory // *Philosophy of Economy*. No.6. Pp.93-110. (In Russ.).
- Tutov L.A., Ismailov A.A. (2023). The Protective Belt of the New Institutional Economic Theory and Key Directions of Its Development // *Philosophy of Economy*. No.4. Pp.45-61. (In Russ.).
- Tutov L.A., Shastitko A.E. (2017). The Experience of the Subject Identification of New Institutional Economic Theory // *Voprosy Filosofii*. Vol.6. Pp.63-73. (In Russ.).
- Volchik V.V., Fursa E.V. (2023). Russian innovation system: Narratives and economic policy // *Journal of New Economy*. Vol.24. No.4, Pp.22-40. (In Russ.).

Тишкин Александр Сергеевич
sash4tishkin35@yandex.ru

Aleksandr Tishkin
Postgraduate student Moscow State University Lomonosov Moscow State University
sash4tishkin35@yandex.ru

THE SCIENTIFIC APPROACHES OF T. KUHN AND I. LACATOS IN THE METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE AND THEIR CRITICISM

Abstract. The article examines the potential of applying the science studies approaches of T. Kuhn and I. Lakatos to describing the development of economic science. First, an attempt is made to systematize approaches to analyzing economic theory as a science by identifying three approaches: science-based, narrative (postmodernist), and sociological approaches. Given that mainstream economics is often presented as a kind of social physics, further analysis is focused on T. Kuhn and I. Lakatos, whose approaches are considered more suited to describing the exact sciences than the social disciplines. The development of science appears to be a nonlinear process: either an abrupt paradigm shift or competition between research programs with different hard cores. Applying Kuhn's lens can help one to identify several scientific revolutions in economics: the marginalist revolution and the emergence of macroeconomics. In the author's opinion, the credibility revolution is not a revolution from Kuhn's perspective, since it affects certain methodological issues of proving existence of cause-and-effect relationships of limited application. Despite this, I. Lakatos's approach, in the author's opinion, is more justified: it is difficult to believe that a common paradigm in economics exists at any given point in time. It is worth acknowledging the significant shortcomings of both scientific frameworks: the ambiguity of key definitions; a reliance on retrospective analysis without a prospective view of the future. According to the author, these shortcomings justify the usage of other approaches to analyzing the development of science.

Keywords: methodology of economic science, economic theory, history of economic thought, scientific studies.

JEL: B40, B10, B20.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

К.Э. Яновский

*к.э.н., Шомронский центр изучения экономической политики
(Израиль)*

С.В. Жаворонков

*независимый исследователь
(Москва)*

И. Затковецкий

*ст.н.с., Шомронский центр изучения экономической политики
(Израиль)*

ПЕНСИИ ОТ ГОСУДАРСТВА: ПОЛЬЗА НЕ ОЧЕВИДНА, ВРЕД ОЧЕВИДЕН

Аннотация. Старение населения и растущий дисбаланс доходов и обязательств пенсионных систем давно обсуждаются экономистами. В данной работе основное внимание уделено факторам, принципиально подрывающим возможности для частных решений проблемы сбережений на старость в рамках социального государства: инфляция, рост рисков инвестиций, в частности вследствие обесценения собственности, институциональные барьеры, осложняющие деловую активность. Отдельно рассмотрена проблема старения населения и показано, что она, по всей видимости, не является «стихийным бедствием», но также обусловлена активностью социального государства. Решение проблем, технически совсем несложное, выглядит пока политически нереализуемым. Правда, политические ограничения, особенно в ситуации тяжёлого кризиса, могут быстро и неожиданно исчезнуть.

Ключевые слова: *кризис пенсионных систем, частные сбережения, инфляция, регулирование бизнеса, старение населения.*

JEL: D73, D78, J14, J18, J26

УДК: 332, 327

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_70_91

© К.Э. Яновский, С.В. Жаворонков, И. Затковецкий, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Яновский К.Э., Жаворонков С.В., Затковецкий И. Пенсии от государства: польза не очевидна, вред очевиден // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 70–91.
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_70_91.

FOR CITATION: Yanovskiy K., Zhavoronkov S., Zatcovetsky I. Public Pensions: Unobvions Utilite with Obvions Damage // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 70–91. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_70_91.

Необходимо действовать. И немедленно ... мы рассказываем о грозящей нам опасности, а также о... весьма болезненных мерах, которые необходимо предпринять как стране в целом, так и каждому из нас...»

Лоренс Комликофф. «Пенсионная система перед бурей»

В области экономических явлений всякое действие, привычка, постановление, закон порождают не только какое-нибудь одно, но целый род следствий... Вся разница между плохим и хорошим экономистами в следующем: один придерживается только следствия, которое видно, а другой принимает в расчёт и то, что видно, и все те следствия, которые надо предвидеть. Это различие громадно, потому что почти всегда случается, что ближайший результат бывает благоприятен, а дальнейшие последствия пагубны, и наоборот.

Фредерик Бастия. «Что видно, и чего не видно»

Введение: решение проблемы до всеобщего государственного принуждения

Работающие решения проблемы сбережений на старость, содержания утративших физическую силу стариков намного старше цивилизаций, оставивших о себе сведения посредством письменных и архитектурных памятников.

«Избавление» от членов племени, не способных к охоте и бою, к тяжёлой работе не было редкостью в древности, но и не было всеобщей практикой [Brogden, 2000]. Любовь или, как минимум, поощряемая обществом лояльность детей родителям не были редкостью. Акценты в отношениях между детьми и родителями бывали разными в разных культурах. Так, в древнем Вавилоне «божественно санкционированной» была прежде всего забота родителей о детях [Емельянов, 2024]. Традиция этического монотеизма исходит из родительской любви к детям как из нормы и требует, прежде всего, почитания родителей детьми.

Основанные на этом почитании отношения обеспечивали возможность поддержки родителей взрослыми детьми. Для этого требовалась высокая рождаемость с учётом высокой детской смертности, неизбежной до эпохи современного экономического роста [Вишневский, 2005]. Поскольку во многих обществах такой рост начался сравнительно недавно, переход от очень высокой рождаемости «с запасом» к просто высокой отражён в статистике развитых стран, которые первыми создали условия для устойчивого роста душевых доходов.

Важные свидетельства другого способа сбережений на старость, своего уже цивилизованным обществам, защищающим права собственности, включая права наследования, даёт изучение архивов завещаний [Де Фрис, 2016]. Неприкосновенность собственника и его собственности в таких обществах стимулировала накопления с целью как обезопасить себя «на чёрный день» (болезнь или немощь в старости), так и оставления наследства. Относительная стабильность, а с промышленной революцией — рост покупательной способности золота, играли не последнюю роль в стимулах к сбережениям. А хороший крепкий дом представлял собой «актив двойного назначения». Это и место проведения достойной старости, и важная компонента имущества, оставляемого по завещанию.

Попытки государств «портить монету» всё чаще натыкались на контроль общества (в частности, посредством парламента). Такой контроль ослабевал только в военное время. Государственный долг, растущий в мирное время, ещё не был известен первым поколениям — свидетелям и бенефициарами современного экономического роста.

Соответственно, не была постоянной проблемой и инфляция, не было нужды в усилиях властей по удержанию её под контролем.

В хорошо изученный период после Гражданской войны в США и до Первой мировой войны подавляющее большинство работников от 55 лет и даже свыше 65 лет продолжали работать. При этом заметное меньшинство прекращало трудовую деятельность и жило на сбережения и/или подрабатывая на сравнительно лёгкой и не слишком ответственной работе. Последнюю стратегию чаще выбирали не те, кто, казалось бы, скорее мог её себе позволить за счёт больших накоплений. Эффект привлекательности высокого заработка, как показывает статистика, доминировал над привлекательностью досуга. Свои коррективы вносила быстрая индустриализация, иногда заметно менявшая возможности продолжения карьеры [Lee, 2005; Ransom, Sutch, 1986].

Среди первых экспериментов федеральных властей с пенсиями стали небольшие федеральные пенсии¹ ветеранам гражданской войны в США. Поначалу их получали только потерявшие трудоспособность, потом, уже после 1907 г., когда молодые солдаты 1861 г. уже состарились, категории получателей были расширены. Тем не менее даже в этой группе пожилых работников начала XX в. большинство старалось удержаться на работе [Salm, 2011; Lee, 2005]².

Как уже отмечалось, важным аргументом в пользу введения всеобщего (государственного) пенсионного обеспечения стали нередкие эксцессы периода быстрой урбанизации [Rowntree, 1901]. Большинство из них, по всей видимости, были следствием временного ослабления контроля гражданского общества (местных общин). Они стали заметны и в связи с ростом морального стандарта, и, главным образом, в силу спроса свободной прессы на драматические истории. Это был исторически непродолжительный период, когда сельская община уже не влияет на нового горожанина, а новая крепкая община в городе ещё не сложилась.

В новой политической реальности — когда независимость чиновников от избирателя наложилась на всеобщее избирательное право — эти истории легли в основу обоснования запуска проектов принудительной государственной заботы о нуждающихся [Де Яси, 2008; Yanovskiy, Zhavoronkov, 2018].

Заботу об образовании и здравоохранении (и её качество) мы уже рассмотрели ранее [Яновский, Жаворонков, 2022; Яновский, 2023]. Одним из трёх наиболее объёмных государственных социальных проектов стали пенсии. Исторически в Германии пенсионное законодательство стало первыми в серии крупных социальных инициатив властей. Их целью было ограничение популярности требований набиравших силу социал-демократов [Fay, 1950; Kersting, 2022]. Нельзя не отметить, что польза от социальных инициатив оказалась неочевидна, о чём свидетельствуют и роль факта вынужденной отмены законодательства, поставившего социалистов вне закона, и эlectorальной динамики Социал-демократическая партия Германии. Уступки властей фактически признали правоту социалистов, что уравновесило, если не перевесило, эффекты от частичного выполнения их требований и временного пребывания в подполье.

В настоящее время бремя расходов на содержание принудительной системы обеспечения в старости в развитых странах, как правило, превышают 10% валового внутреннего продукта и финансируются (за исключением Исландии) главным образом правительством

¹ Обычно, порядка 10–12 долларов в месяц [Salm, 2011. Table 1]. Это порядка 400–450 современных долл. и по группе доходов соответствовало современным получателям годового дохода в 40 тыс. долл. — намного ниже среднего. Measuring Worth. URL: <https://www.measuringworth.com/calculators/uscompare/> (access date 05.12.2025).

² Подробнее об этом периоде в экономической истории США в связи с пенсиями смотри обзор: Дополнительные ссылки и материалы к статье «Пенсии от государства: польза не очевидна, вред очевиден» DOI:10.13140/RG.2.2.19314.36801.

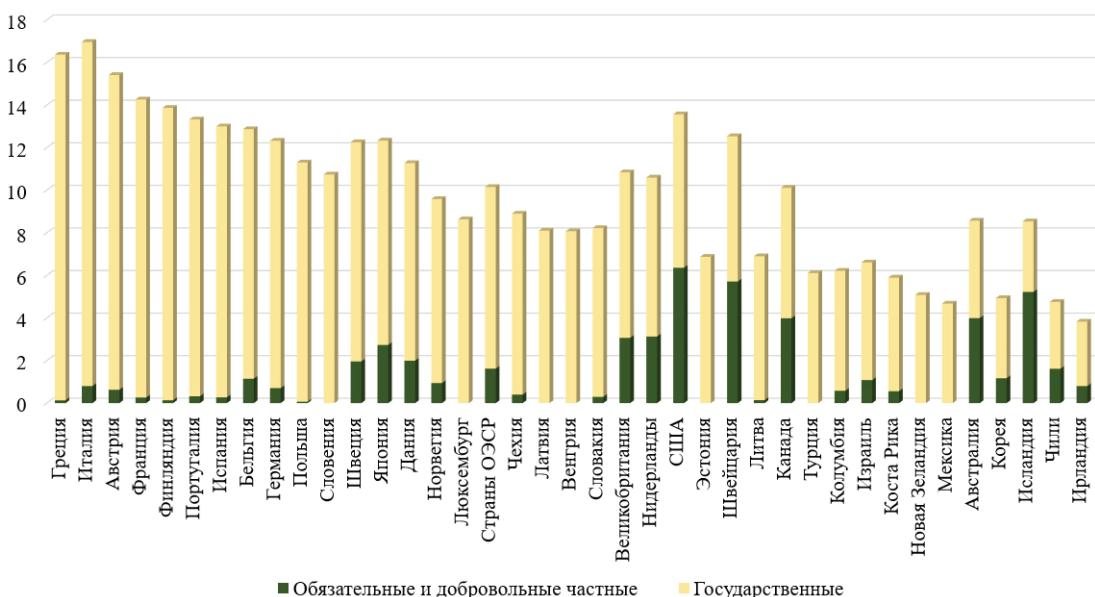

Рис.1. Соотношение обязательных и добровольных частных и государственных расходов на пенсионное обеспечение в странах ОЭСР

Источник: Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР — OECD).

URL: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/pension-spending.html>. Данные на 2021 г.

(рис. 1). При этом соответствующие расходы России ещё к концу 2000-х гг. достигли уровня 8% ВВП, т. е. уровня развитых стран — членов организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) при относительно более молодом населении [Назаров, 2012].

В этой работе мы разберём популярную среди коллег и публики аргументацию в пользу государственного принуждения к пенсионным «накоплениям». Среди них аргумент «объективно» и «неотвратимо» стареющего населения.

При том, что коллеги уже предлагали аргументы в пользу приватизации накоплений на старость [Назаров, 2010; Назаров, 2012], мы развернём и дополним их аргументацию с акцентом на провалы государства, которое одной рукой «даёт» стареющим и пожилым гражданам средства налогоплательщиков, а другой, обесценивает накопления на старость. Этот акцент позволит быстрее выйти на конкретные рекомендации по пакету мер, необходимому для защиты разных способов накоплений на старость.

Как государство «помогает» сберегать на старость. Регулирование деятельности банков

В последние сто — сто двадцать лет политическая машина социального государства [De Jasai, 2008] создала условия, благоприятные не для накоплений, а для инфляции. Постоянная инфляция и рост государственного долга стали «естественными» в мирное время³ вследствие давления групп, опирающихся на избирателей-«налогорастратчиков».

Популярная среди экспертов, бюрократов и политиков вера в возможность «контролируемой инфляции» игнорирует доверие публики (экономических агентов) как ключевой фактор скорости обращения денег и, соответственно, инфляции. Надёжный долгосрочный контроль над инфляцией столь же возможен, как и надёжный контроль над доверием людей. В рамках социального государства, редко справляющегося с балансированием бюджета, успехи отдельных правительств в деле стабилизации финансов только усиливают

³ См. Статистическое приложение к этой статье о государственных пенсиях. Statistical annex to the paper on Public Pensions. DOI: 10.13140/RG.2.2.18213.36327.

стимулы групп интересов давить на власти с требованием увеличить расходы бюджета, обеспечиваемые печатным станком. Это нередко встречает понимание даже со стороны тех, кто по должности должен был бы заботиться о стабильности национальной валюты (см., например: [Bernanke, 2002]).

Приёмы политиков и бюрократов по «стимулированию экономического роста» в мирное время хорошо изучены и подробно описаны в экономической литературе. Это достигается поощрением банков использовать срочные вклады для выдачи долгосрочных кредитов [De Soto, 2008]. Вполне естественно, что власти старались изыскивать источники для покрытия резко растущих расходов в военное время [De Soto, 2008; Ротбард, 2005]. Но эти стимулы сами по себе приводили и приводят к воспроизведству финансовой нестабильности и кризисов [Reinhart, Rogoff, 2009] (динамика изменений денежной массы приводится на рис. 2).

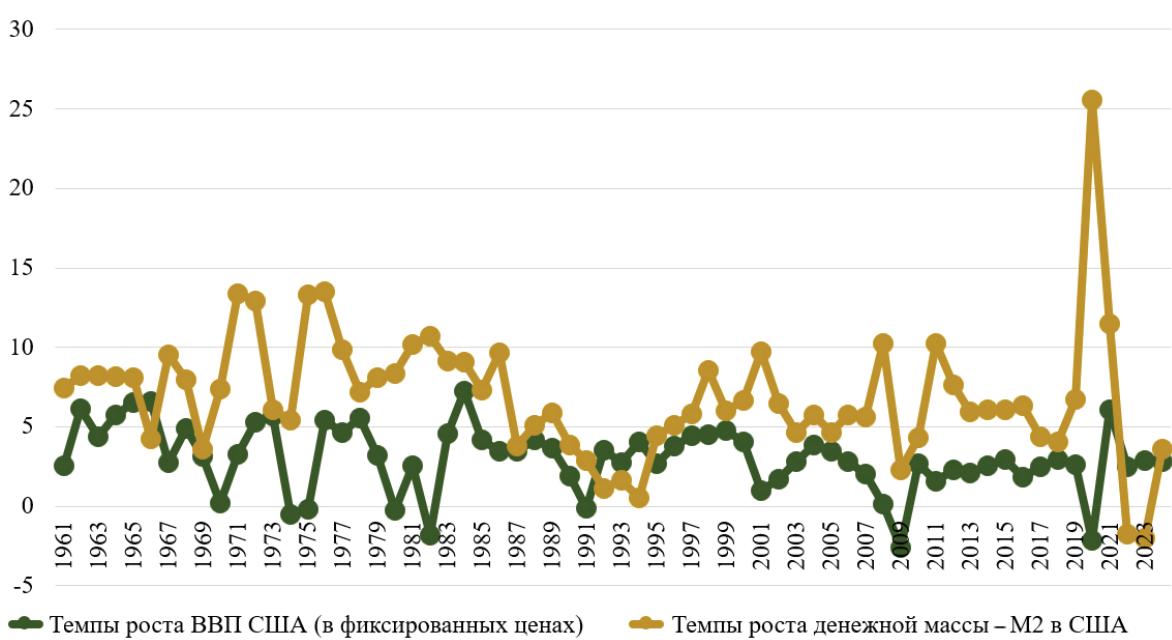

Рис. 2. Рост предложения денег и ВВП в США

Источники: ВВП: World Bank. World Development Indicators. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>; динамика индикатора M2 денежной массы: Federal Reserve Economic Data, Federal Reserve Bank of St. Louis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/M2SL> (access date: 12.11.2025).

Хронический бюджетный дефицит мирного времени и растущий государственный долг, характерные для социального государства, создают дополнительный соблазн для политиков и в особенности для бюрократов. Инфляция обесценивает долговые обязательства государства [Reinhart, Sbrancia, 2015]. Для политиков, зависимых от избирателя, существует проблема, ставшая актуальной с середины 1970-х гг.: тогда выяснилось, что большинство избирателей не желает далее терпеть эксперименты властей с денежной эмиссией и готово суворо наказывать политиков, допустивших инфляцию. Однако независимые от избираемых политиков, а значит и от избирателей бюрократы хуже сдерживаются этим фактором.

Успех биткойна и спрос на него⁴ свидетельствует об упадке доверия к постоянно размываемым инфляцией государственным валютам — даже к лучшим из них. Долгосрочная тенденция к росту его курса очевидна, несмотря на совершенно неофициальный статус этой валюты, не обеспеченной ни золотом, ни иными активами — по сути ничем, кроме доверия. Важно, что биткойн не страдает от потребности властей покупать поддержку различных групп избирателей и интересантов.

⁴ All-time Bitcoin price chart. URL: <https://bitcoin.zorinaq.com/price/> (access date: 05.12.2025).

Анализируя причины финансового кризиса 2007–2009 гг., B. May [May, 2009] обращает внимание на то, что искусственная накачка экономики деньгами приводит к поиску возможностей их защиты от инфляции. В идеале такая защита должна совмещаться с прибылью. Одним из последствий притока денег на фондовую биржу стало переключение интереса держателей акций с прибылей (дивидендов) на курсовую стоимость акций (капитализацию). May подчёркивает, что перестройка всей системы стимулирования менеджеров с долгосрочных задач достижения устойчивой прибыльности фирмы на задачи краткосрочного повышения курса акций не только вредит экономическому росту, но и дестабилизирует систему.

Действительно, просматривая деловую прессу, нельзя не обратить внимание на регулярность практики сброса непрофильных активов (*sell off non-core assets*) компаниями, попавшими в тяжёлую экономическую ситуацию или, реже, нуждающимися в ресурсах для новых проектов. Yahoo пытается продать такие активы на сумму от 1 до 2 млрд долл.⁵, Royal Dutch Shell выделяет такие активы для продажи на сумму порядка 40 млрд долл.⁶. Ищут возможности избавления от подобных приобретений General Electric⁷ и Dell⁸, и всё это — примеры только нескольких месяцев, что говорит о рутинности подобной практики.

Всё более модное и отчасти обоснованное (при участии в выборах клиентов социального государства) допущение о невежестве и неспособности заглядывать в будущее большинства рыночных агентов [Аккерлофф, Шиллер, 2010; Шиллер, 2013] обосновывает экспансию регуляций финансовых рынков.

Банковский сектор давно стал одним из наиболее зарегулированных в экономике развитых стран [de Rugy, Warren, 2010; Al-Ubaydli, McLaughlin, 2017; McLaughlin, Sherouse, Fabrizio, King, 2021], что не особо спасает вкладчиков. Последние могут рассчитывать на компенсации, которые сами же и оплатили в течение жизни переплатой за банковские услуги⁹. Особые отношения с государством обеспечивают банкирам защиту от гнева обманутых клиентов и заодно от жёсткой конкуренции. Чем тяжелее бремя регуляций, тем меньше фирм (банков), способных его выносить. Тем продолжительнее и теснее связи «старожилов» рынка с регуляторами (подробнее см. обзор литературы в [Яновский, 2022]).

Искусственное разделение некоторых видов инвестиционной деятельности формально направлено на предотвращение безответственных спекуляций за счёт вкладчиков банков. Однако, как было показано выше, есть более простые и надёжные способы ограничить риски вкладчиков, сократив государственное вмешательство. К тому же такое разделение дополнительно ограничивает конкуренцию и, как следствие, ограничивает возможности сбережений. Вместе с хронической инфляцией регуляторное бремя делает инвестиции сбережений «на чёрный день» в акции предприятий делом запретительно рискованным.

В 1964 г. Конгресс США принял широко известный Акт о гражданских правах (Civil Rights Act — CRA 1964¹⁰). Он был изначально опасен тем, что преследовал цель уничтожения дискриминации отдельных групп граждан не только со стороны государства, но также и частных лиц. Если хорошо подумать, намерение заставить частника «не дискриминировать»

⁵ Reuters. URL: <http://www.reuters.com/article/us-yahoo-assets-idUSKCN0W52F2> (access date: 05.12.2025).

⁶ Cunningham Tara (2016). Shell eyes \$40bn non-core asset spin-off to cut its huge debt pile . The Telegraph.

⁷ Fortune. URL: <http://fortune.com/2016/03/30/general-electric-selling-assets/> (access date: 05.12.2025).

⁸ CHANNELNOMICS. URL: <http://www.channelnomics.eu/channelnomics-eu/news/2454075/dell-and-emc-press-on-with-selling-non-core-assets-report> (access date: 05.12.2025).

⁹ Формально резервы формируются из платежей банков, которые неизбежно большой частью ложатся на плечи вкладчиков. Примеры из США: FDIC. URL: <https://www.fdic.gov/resources/deposit-insurance>; и Германии: Bundesbank. URL: <https://www.bundesbank.de/en/tasks/banking-supervision/individual-aspects-deposit-protection-622748> (access date: 05.12.2025).

¹⁰ Официальный текст: Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/88th-congress/house-bill/7152/text> краткий обзор основных положений: Congress. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/R46534> (access date: 05.12.2025).

(не выбирать себе партнёров по собственному усмотрению и вкусу) было равносильно уничтожению свободы выбора в частных отношениях, причём далеко не только экономических. Первым из коллег-экономистов оценил эту опасность Вальтер Блок. Он стал регулярно атаковать «антидискриминационную» политику, защищая свободу контракта [Block, 2010].

В 1970-е гг. возникла и быстро оформилась идея использовать Акт о гражданских правах для давления на банки. То есть отказ частного банка заемщику в выдаче кредита по реальной причине его некредитоспособности интерпретировался как незаконный, так как такие отказы чаще получали афроамериканцы. Проблема состояла в трудоёмкости сбора доказательств. Чтобы собрать статистику требовалось анализировать множество отдельных сделок, рекламы и т.п. Эту проблему решал Акт о раскрытии информации о залоговых кредитах 1975 (Home Mortgage Disclosure Act — HMDA [Butler in the Booth, 2009. Рр. 51–57]).

Акт о реинвестировании местных сообществ 1977 г. (Community Reinvestment Act — CRA, 1977¹¹) усугублял ситуацию для банков, поскольку определял намерение законодателя — важное для суда — принуждать банки выдавать необеспеченные кредиты во имя равного доступа этнических и расовых групп к собственному жилью. После этого речь уже не шла об интерпретации. Акт создал механизм проверок банков на соответствие его политики выдачи кредитов антидискриминационным критериям¹². С тех пор происходило накопление плохих кредитов под залог жилья (точнее, кредитов тем, кто в принципе не собирался их отдавать). Описанный механизм подготовил и значимо углубил кризис 2007–2009 гг. (подробнее: [Яновский, 2022]).

«Антидискриминационная» (она же — за «исправляющую» дискриминацию) активность государства не ограничена рынком недвижимости. Кроме удара по сбережениям, вложенным в недвижимость, «антидискриминация» прямо или косвенно бьёт по каждому бизнесу угрозами и рисками судебных преследований. Она превратилась в важное, если не ключевое, направление наращивания общего регуляторного бремени.

Издергки подчинения регуляциям, а также связанные с ними риски, неизбежно снижают спрос на работников, в особенности предпенсионного возраста [Garen, Berger, Scott, 1996], и повышают (искусственно) спрос на автоматизацию [Яновский, Жаворонков, 2024]. Заботливая регламентация государством труда пожилых граждан зачастую стимулирует работодателя избавляться от этой категории сотрудников, не говоря уже о найме новых пожилых работников [Golan, 2015]. Примером завышенного спроса на автоматизацию является массовое внедрение автоматических касс в магазинах, на которое не мог не повлиять иск против Walmart (Wal-Mart Stores, Inc. v. Dukes 10-277, 2011). Хотя эта фирма и другие крупные корпорации сумели тогда избежать худшего, их практики найма наименее неквалифицированных работников оказались чреватыми рисками. А автоматические кассы, пусть и не слишком удобные для клиентов, исков против фирмы не подают.

Хорошо известен следующий феномен: страны с минимальным регуляторным бременем могут позволить себе тяжёлое налоговое бремя и, соответственно, социальные расходы, не разрушая экономику (пример Дании: [Christensen, Mitchell, Globerman, 2023]). «Реставрация» положения с минимальным, ограниченным в полномочиях правительством (Limited Government), низкими налогами и незначительным регуляторным бременем резко расширяет возможности наиболее продуктивной занятости и накоплений. Такая ситуация стимулировала в своё время и наверняка ещё будет стимулировать людей дольше оставаться на рынке труда. Именно таким сочетанием и объясняется феномен высокой занятости в старших возрастных группах (наряду с мотивом оставления наследства) до экспансии «государства всеобщего благосостояния» [Lee, 2005; Ransom, Sutch, 1986; Wilkins, 2025].

¹¹ FDIC. URL: <https://www.fdic.gov/regulations/laws/rules/6500-2515.html> (access date: 05.12.2025).

¹² FederalReserve. URL: http://www.federalreserve.gov/communitydev/cra_about.htm (access date: 05.12.2025).

В своё время появление гарантий неприкосновенности частного собственника и его собственности дали мощный импульс к резкому расширению предложения труда и рыночной занятости начиная с XVII в. в некоторых западноевропейских странах [De Fries, 2016]. Лоуренс Котликофф, цитата из которого стала эпиграфом к первой части нашей работы, в начале 2000-х гг. советовал американцам вкладывать деньги в недвижимость, чтобы защитить сбережения от инфляции. Обычно осторожный в высказываниях, он смело утверждает: «завтрашние пенсионеры — владельцы собственных домов — ещё в большей степени будут в шоколаде» [Бёрнс, Котликофф, 2005. С. 149]. При этом он же, рассматривая экономические последствия иммиграции, фокусируется только на балансе уплачиваемых иммигрантами налогов и получаемых от правительства социальных благ [Там же. С. 162–164]. Однако Котликофф с соавтором игнорируют важный отрицательный эффект массового переселения в США людей, выросших в культуре, основанной не на силе права, а на праве силы.

Сильная отрицательная связь уровня преступности в районе и цен на недвижимость известна профессионалам рынка давно и хорошо¹³. Она известна и экономистам [Kallberg, Shimizu, 2025]. Не только профессионалам, но и простым гражданам известны истории упадка процветающих городских районов, когда там начинают селиться люди, воспитанные в культуре, не слишком ценящей человеческую жизнь, собственность, достоинство, не говоря уже о частной собственности [Harmon, Levine, 2012]. Изредка там, где власти не успевают вмешаться, может произойти и обратный процесс — вытеснения незаконопослушных жителей из района. Это происходит, если носители европейской культуры проявляют достаточную жёсткость, настойчивость и агрессивность. Например, район Брайтон Бич привлек дешевизной жилья внимание эмигрантов из СССР, и им удалось «выбить» носителей культуры не слишком благородного дикаря с этой территории, после чего недвижимость там снова сильно подорожала [Brown, Wyly, 2000].

Большое и заботливое правительство испытывает естественную слабость именно к современным дикарям, дающим бессрочные и бесчисленные основания для социальных программ, а вовсе не к собственникам жилья, теряющим огромные деньги. Так, канцлер Федеративной республики Германия Ангела Меркель, открывшая двери страны перед иммигрантами из стран, где вместо силы права господствует право силы, нанесла огромный ущерб миллионам своих соотечественников из-за обесценивания их недвижимости. Об этом свидетельствуют, в частности, рейтинги и успехи на выборах партии «Альтернатива для Германии». В связи с темой нашей статьи и отметим, что если относительно молодые собственники ещё имеют шанс накопить на новый дом или квартиру, то пожилые люди, вложившие свои сбережения в недвижимость в надежде уберечь их от инфляции, оказываются в крайне тяжёлой ситуации.

Популярные среди безответственных политиков утверждения о том, что иммиграция спасает от старения населения, были неправдой даже в США во второй половине 1990-х гг. [Auerbach, Oreopoulos, 1999] при сравнительно скромном пакете «бесплатных» благ от правительства. С тех пор, и в особенности в Западной Европе, проводимая миграционная политика стала весомой приманкой для тех жителей отсталых стран, которые ищут на Западе не свободы и возможности встать на ноги и содержать семью, занимаясь тяжёлым честным трудом и уплачивая налоги, а тех, кто намерен взымать дань с неразумных «аборигенов» (см., к примеру, данные исторических таблиц США к федеральному бюджету и в Европе, OECD¹⁴).

¹³ Как уровень преступности влияет на стоимость недвижимости? Изучаем взаимосвязь между уровнем преступности и ценами на недвижимость. REI insiders. URL: <https://reiinsiders.com/what-is-the-impact-of-crime-rates-on-property-value-exploring-the-relationship-between-crime-and-real-estate-prices/> (access date: 05.11.2025).

¹⁴ Статистическое приложение к статье о государственных пенсиях Statistical annex to the paper on Public Pensions. DOI: 10.13140/RG.2.2.18213.36327.

Способность плохих и хороших институтов привлекать в страну принципиально разных по качеству иммигрантов весьма наглядно показал Андреа Асони [Asoni, 2008]. Он приводит, в частности, примеры колоний Англии в Северной Америке, куда люди ехали строить (буквально) новую жизнь, на фоне Испании в Южной Америки, куда рвались искатели приключений для участия в переделе накопленных другими ресурсов.

Обесценение недвижимости — не единственный значимый отрицательный эффект «неизбирательной» иммиграции. В школах резко выросла доля учеников, плохо знающих язык принимающей страны, а зачастую имеющих и крайне ограниченный словарный запас своего родного языка. Травля «неверных» одноклассников и нападения на учителей демонстрируют полную невозможность поддерживать в классах дисциплину необходимую для усвоения учебного материала¹⁵. Такая ситуация даёт весьма солидные основания для предложений обложить иммигрантов из таких стран специальным налогом на порчу (буквально — на «разбавление») человеческого капитала в принимающей стране (brain dilution tax [Azarnert, 2025]).

Государство должно отказаться от попыток импортировать население из стран традиции «права силы», о котором можно бесконечно заботиться социальным бюрократам. Оно должно прекратить мешать гражданам защищать свою недвижимость. В идеале оно должно облегчить процедуру подачи коллективных исков от жителей района, пострадавших от обесценивания недвижимости, с требованием компенсации. Такие иски можно было бы подавать как к правонарушителям, осуждённым за действия на территории района, совершенных в период наблюдаемого падения цен, а также к тем, кто сдал им недвижимость в аренду или продал её.

К сожалению, с эрозией гражданских и рыночных навыков утверждение не слишком добросовестных экономистов о том, что ситуация настолько тяжёлая, что только государству по силам с нею справиться, не вызывает ни возмущения, ни заслуженных насмешек граждан. Выход из описанной выше ситуации есть, но политические препятствия на пути к нему делают его почти нереализуемым [Яновский, Жаворонков, 2017; Яновский, Жаворонков, 2025].

Старение населения: стихийное бедствие или искусственно созданная проблема?

Дети помогали своим родителям, руководствуясь чувством любви или долга. Теперь они делают взносы, чтобы оказать поддержку чужим родителям под принуждением или из чувства страха. Прежние трансферты укрепляли семейные узы, принудительные трансферты ослабляют их.
Милтон Фридман, Роза Фридман. «Свобода выбирать».

Попытки германских властей перехватить интеллектуально модную повестку социалистов, введя пенсии для рабочих, поначалу не имели большого практического значения. До пенсионного возраста, установленного в 1889 г. на уровне 70 лет¹⁶ [Назаров, 2012] при ожидаемой продолжительности жизни в 40 с небольшим лет¹⁷, не доживало подавляющее большинство рабочих (в основном мужчин). Как отмечает В. May, современный

¹⁵ Проблема насилия против учителей уже хорошо известна и в России. ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/23713571>; ВШЭ. URL: <https://cmd.hse.ru/education/researches/bullying>; Фонтанка <https://www.fontanka.ru/2025/04/22/75374012/> Подробнее см. Дополнительные ссылки и материалы к статье «Пенсии от государства: польза не очевидна, вред очевиден» DOI: 10.13140/RG.2.2.19314.36801.

¹⁶ Social Security URL: <https://www.ssa.gov/history/ottob.html> (access date: 05.11.2025).

¹⁷ Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/life-expectancy>; Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1041098/life-expectancy-germany-all-time/> Это даже при том, что среди доживших до возраста 5–7 лет этот показатель был, очевидно, значительно выше (access date: 05.11.2025).

аналог такого пенсионного возраста составляет, как минимум, 90 лет [May, 2016. С. 396]. Последовавшее в 1916 г. снижение возраста выхода на пенсию до 65 лет и постепенный рост продолжительности жизни сделали пенсионеров значительной и постоянно растущей группой населения. Введение государственных пенсий не только стимулировало резкое сокращение доли работающих в старших возрастных группах [Гайдар, 2005. С. 516], оно предложило замену сбережениям и усилиям по рождению и воспитанию детей, которые впоследствии брали бы на себя ответственность за содержание немощных родителей.

Государственные пенсии вместо помощи детей — это был только первый шаг. Заинтересованное внимание чиновников к проблемам семьи обернулось множеством реформ, направленных на то, чтобы государство брало на себя всё больше функций самих членов семьи и гражданского общества. Институт брачного договора был постепенно вытеснен специальным законодательством о семье. Редкий когда-то развод, не одобряемый религией и обществом, был максимально облегчён. Причём главными бенефициарами нередко становились супруги, изменившие своим мужьям и жёнам (появился «развод без указания причин» — «Non fault divorce»). Государство постепенно взяло на себя защиту жён от мужей и детей от родителей, хотя уголовное законодательство и до этих нововведений не защищало от ответственности лиц, наносивших побои членам семьи.

Отдельную проблему представляет быстро распространявшийся после 1960-х гг. на Западе институт «изнасилования в браке». Настоящее расследование и суд, основанные на процедурах и правилах правового государства, предполагают презумпцию невиновности обвиняемого в преступлении. При такой презумпции и без явно заметных следов побоев уличить насильника почти невозможно. Как заметил судья Мэтью Хейл — один из строителей правовых механизмов защиты частной жизни и собственности периода Реставрации в Англии, такие обвинения «легко выдвигаются, но трудно доказываются» («accusation easily to be made and hard to be proved»). Получить желанное обвинение можно только приняв без обсуждения версию предполагаемой жертвы. Как правило, жалоба в полицию является ещё и «безотзывной»: женщине, успокоившейся после ссоры, не дают даже попытаться восстановить нормальные отношения с мужем.

Таким образом, жертвой нового законодательства стала не только семья, но и сами основы справедливого судебного процесса. Идея превратить каждый семейный конфликт для мужа в потенциальное уголовное дело с реальным сроком лишения свободы, в дополнение к потере детей и имущества, выглядит «контрольным выстрелом» при уничтожении стимулов к вступлению в брак [Yanovskiy, Socol, 2023].

В результате были созданы предпосылки для того, чтобы основным объектом заботы социального государства становилась бесчестная и безответственная женщина¹⁸. За развод она «вознаграждалась» правом контроля над детьми, пособиями (как правило за счёт бывшего мужа, но не всегда). Нередко она получает весомый бонус в виде привилегий при разделе имущества. В результате наблюдается феномен, метко определённый в американской публицистике как «женщины замужем за государством» (*married to the state; “Brides Of The State”*).

¹⁸ В своей книге «Социализм хазири — “Свинский социализм”» Илья Затковецкий [Yanovskiy, Zatcovetsky, 2022] описывает две типовые ситуации в делах о семейном насилии. В одной ситуации запуганная опасными для жизни побоями женщина обращается в полицию. Она часто не в состоянии связно объяснить, что с ней произошло. Её муж склонен к насилию и не слишком приятен полицейскому следователю, не говоря уже о проблеме его насильственного привода для расследования. Зачастую после новых побоев или после краткого примирения избитая жена отзывает жалобу. В другом случае женщина, решившая оклеветать мужа, чтобы усилить позицию при разводе, напротив, приходит в полицию и с адвокатом, и с прекрасно проработанным рассказом / текстом жалобы. Её муж — законопослушный гражданин — безропотно явится по повестке. Работать с её делом намного проще и приятнее. Стимулы полиции побуждают должностных лиц делать выбор, при котором дурное поведение граждан (в данном случае — жены) вознаграждается, хорошее — наказывается.

Риски вступления в брак демотивируют мужчину средних моральных качеств делать предложение. Ситуация нежелания мужчин создавать семью подробно на примерах описана американским социологом Хелен Смит как «забастовка мужчин» (*«Men on Strike» [Smith, 2014]*). К сожалению, эта забастовка имеет и непосредственное влияние на пенсионную систему. Именно мужчины стараются при первой же возможности покинуть рынок труда. До введения государственных пенсий большинство мужчин в возрасте старше 60 лет и со здоровьем современного в лучшем случае семидесятилетнего человека продолжали работать, а подавляющее большинство современных физически вполне крепких мужчин в том же возрасте рационально предпочитает праздность [*Гайдар, 2005; Бёрнс, Котликофф. С. 161*]).

До эксперимента с социальным государством большинство мужчин стремилось работать как можно больше с тем, чтобы не только не быть обузой для детей, но и оставить им заметное наследство. Социальное государство успешно борется с этим стимулом. Его адвокаты вполне серьёзно утверждают, что супружеская верность и уверенность мужчины в том, что его сын рождён его женой именно от него — суть пережиток аграрной цивилизации. То есть современного инженера, программиста, учёного и предпринимателя все эти «условности» не должны волновать [*Caldwell, 2004. Р. 298¹⁹*]. В реальности всё обстоит совсем не так (подробнее: обзор литературы в главе 6 нашей работы [*Яновский, Жаворонков, 2025*]).

Другим опасным изобретением политиков и чиновников социального государства стала узурпация полномочий родителей в отношении детей. Дети, по сути, объявлены государственным активом, содержать и заботиться о котором обязаны родители. Но ребёнок может быть «в его лучших интересах» отнят государством, если оно сочтёт это необходимым. Приоритет современной концепции «национализации детей» с отменой родительской власти (её перехватывает государство) принадлежит первому коммунистическому правительству России. Формальным обоснованием присвоения властями таких полномочий являлись интересы ребёнка, которые власть чудесным образом знала лучше родителей (статья 153 КЗАГС, 1918²⁰).

В 1989 г. была подписана и быстро ратифицирована огромным большинством стран мира Конвенция о правах ребенка. При её внимательном чтении бросается в глаза полная пустота документа, не защищающего ни одного реального права. Статьи и положения наполнены демагогией вместо реального содержания. Исключение составляет ст. 9 (часть третья), передающая государству без установления каких-либо чётких критериев власть над ребёнком вплоть до изъятия его из семьи²¹. Пока является обязательным демагогическое заклинание: «в лучших интересах ребенка». Эта норма и практика её применения напоминает о страшном налоге на христиан (*devşirme*), введённом Османской империей [*Yilmaz, 2015*]. Уверенные в преимуществах единственно верного мусульманского учения и военной карьеры османы имели куда больше, нежели современные социальные чиновники, оснований полагать, что отъём сыновей у христиан производится ими «в наилучших интересах ребёнка».

Сама идея о том, что пусть даже самый добросовестный чиновник, эксперт или судья за полчаса-час определит «наилучшие интересы ребёнка», превзойдя в качестве

¹⁹ «To safeguard inheritance, members placed great emphasis on the centrality of the family, ... and on the suppression of female sexual activity before and outside marriage. The morality of agriculture became the morality of the world religions to such an extent that the term “immorality” was most often identified with female nonmarital sexuality».

²⁰ Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (КЗАГС) от 18 сентября 1918 года. URL: https://nnav.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/kodeksy_18 (дата обращения: 05.11.2025).

²¹ ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (access date: 05.11.2025).

такого определения родителей этого ребёнка, демонстрирует пример «пагубной самонадеянности». Пагубной не для самого чиновника, а для объекта его заботы.

В результате перечисленных нововведений риски и издержки вступления в брак, деторождения драматически растут, а выигрыши падают. Отметим здесь без подробностей наличие очевидного и сильного политического интереса сторонников расширения власти социального государства в разрушении нормальной семьи. Оставшись вне семьи, а следовательно, потерявший самые надёжные и естественные связи с обществом человек чаще уповаёт на доброе правительство. Если убедить подростка в том, что семья — вредный и устаревший институт, а выбор альтернативной сексуальной ориентации или смена пола — признак продвинутой личности, он (она) с высокой вероятностью станет надёжным избирателем или даже активистом новой разновидности социалистических движений²². Смена пола представляется тут оптимальным выбором, поскольку она буквально отрезает подростку путь назад к возможности построить классическую семью из отца, матери и их детей. Опыт репатриантов в Израиль показывает, что даже небольшого и временного снижения давления государства на семью оказывается достаточно для сравнительно быстрой реакции в виде заметного роста рождаемости [Tolts, 2015].

Однако эта ситуация уникальная. В данном примере заметная часть прироста рождаемости связана с меньшинством, выбравшим после репатриации соблюдение еврейской религиозной традиции и поселившимся в религиозных кварталах и посёлках. Одного религиозного фактора достаточно, чтобы объяснить резкий рост рождаемости в этой группе. Но наряду с ним стоит заметить, что жёсткость правоприменения в этих кварталах и посёлках заметно ниже, чем в среднем по стране. Проживающие там же государственные служащие и социальные работники резонно опасаются бойкота со стороны общин за использование власти в сомнительных ситуациях.

Ликвидация полномочий государства и структур власти — от социальных служб до полиции и судов по вмешательству в дела семьи быстро начнёт приносить первые плоды в виде стабилизации института брака и семьи. При проведении реформ следует исходить, однако, из того, что полное восстановление института семьи займёт немалое время. По всей видимости, должно будет вырасти новое поколение, не обременённое личным болезненным опытом столкновения с социальными службами, полицейскими и судьями по вопросам семейной жизни, с одной стороны, и без надежды на решение своих проблем социальным государством — с другой.

Кому при государственных пенсиях жить хорошо

Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство, и сколько тут денег загребли — того ни в сказке сказать, ни пером описать!
Михаил Салтыков-Щедрин. Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил.

Пенсии государственным служащим в США²³, Канаде²⁴, Западной Европе и Китае [Zhu, Walker, 2018] построены так, чтобы максимально защитить получателей от стандартных проблем всех пенсионеров. Прежде всего, от инфляционного обесценения

²² Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2024/04/09/partisanship-by-gender-sexual-orientation-marital-and-parental-status/> (access date: 05.11.2025).

²³ NCPERS. URL: <https://www.ncpers.org/surveys> (access date: 05.11.2025).

²⁴ PSPP. URL: <https://www.pspp.ca/> (access date: 05.11.2025).

пенсий²⁵. Многие государственные служащие выходят на пенсию намного ранее возраста установленного «для простых смертных»²⁶.

В Израиле до 2002 г. государственные служащие получали так называемые бюджетные пенсии. От обычных они отличались, во-первых, тем, что пенсионные отчисления делало только государство, а во-вторых, тем, что в случае смерти пенсию продолжали бы получать наследники. По соглашению с профсоюзом государственных служащих с 2002 г. к этой программе прекратили присоединять новых участников. Тем не менее в 2020 г. долг государства по бюджетным пенсиям составлял 853 млрд шекелей²⁷ (почти четверть триллиона долларов).

То же характерно и для стран с переходной экономикой. Например, в РФ военнослужащие, сотрудники МВД, ФСБ, Росгвардии имеют право выхода на пенсию после 20 лет службы (т. е., в случае высшего образования, которое, как правило, заканчивается в 22 года, в сорок с небольшим лет, для военнослужащего, заканчивающего службу по призыву в 19 лет, ещё меньше)²⁸. При этом пенсионный возраст для «простого смертного» мужчины составляет 65 лет. Директор Научно-исследовательского финансового института Минфина России при Министерстве финансов РФ В. Назаров признаёт, что в России треть пенсионеров имеют льготные пенсии²⁹. Это колоссальное количество, и его невозможно рационально оправдать: разумеется, в России нет такого количества работников Крайнего Севера, работников вредных производств, ветеранов боевых действий, инвалидов и пенсионеров других категорий, чьё право на льготную пенсию легко обосновать рационально. А чем же объяснимо право на льготную пенсию, например, у прокурора? У него особенно трудная, тяжёлая работа? На самом деле, конечно, речь идёт о государственных служащих. У них есть и другие льготы: увеличенный отпуск, субсидия на приобретение жилья, льготные санаторно-курортные путёвки вместе с членами семьи и др.³⁰ Возможна просто покупка жилья за государственный счёт без каких-либо чётко установленных оснований. И это всё вдобавок к высокой по отношению к большинству населения зарплате.

Для сравнения с современными практиками приведём исторический пример инициативы в области, которая даже многими классическими либералами рассматривается как естественно государственная. После наполеоновских войн в богатой по стандартам начала XIX в., но довольно бедной по нынешним меркам Британии³¹, не существовало пенсий для военных, даже для ветеранов и инвалидов войн. Тогда Патриотический фонд Ллойда³²

²⁵ См., например: Do All Pensions Increase With Inflation? ACCOUNTINGINSIGHTS. URL: <https://accountinginsights.org/do-all-pensions-increase-with-inflation/>; Indexing rate — Retired members — Pension. Government of Canada. URL: <https://www.canada.ca/en/treasury-board-secretariat/services/pension-plan/retired-members/rate-pension.html>; PSPP. URL: <https://pspp.pensionsbc.ca/inflation-adjustments>.

²⁶ How recent changes to the civil service affect federal employee benefits. Partnership for public service. URL: <https://ourpublicservice.org/blog/how-recent-changes-to-the-civil-service-affect-federal-employee-benefits-retirement-federal-employee-explainer-series-webinar/>; Gov.UK. Check your State Pension age. URL: <https://www.gov.uk/state-pension-age> (access date: 05.11.2025).

²⁷ GOV.IL. URL: <https://www.gov.il/he/departments/dynamiccollectors/financial-reports> Финансовые отчеты правительства Израиля по годам (иврит). Отчёт за 2020 г. (access date: 05.11.2025).

²⁸ Численность этих структур весьма внушительная, что обуславливает значимость этой компоненты обязательств правительства: свыше 920 тыс. в органах внутренних дел. Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433339/; численность Росгвардии — свыше 600 тыс. чел. ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19836829>. (дата обращения: 05.11.2025).

²⁹ Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/economics/2020/01/05/avtor-pensionnoy-reformy-podvledee-pervye-itogi.html> (дата обращения: 05.11.2025).

³⁰ Актион-Кадры и HR. URL: <https://www.kdeilo.ru/art/385647-lgoty-gosslujashchim-v-rossii-19-m11> (дата обращения: 05.11.2025).

³¹ ВВП на душу населения порядка 3300 долларов США в ценах 2011 года — см [Bolt, Van Zanden, 2024]; <https://dataVERSE.nl/api/access/datafile/421302> (access date: 05.11.2025).

³² Lloyd. URL: <https://www.lloyds.com/lloyds/corporate-responsibility/charity/patriotic-fund> (access date: 05.11.2025).

(действующий и поныне) собрал (только к марта 1804 г.) 174 тыс. фунтов³³ (сопоставимых с современными 13,6 млн фунтов, или 20 млн долл.³⁴). Деньги были использованы на лечение раненых, а также на пенсии вдовам погибших военных.

Особенно хорошо подходит идея «приватизации» пенсий в случае с генеральскими пенсиями в Израиле. В сравнительно небольшой и потому информационно прозрачной стране такая приватизация может качественно изменить ситуацию. Гарантированные высокие пенсии в сочетании с огромным влиянием неизбираемых властей [Яновский, 2023; Яновский, Жаворонков, 2025] стимулируют среди высшего офицерства стратегию избегания рисков войны до решительной победы [Yanovskiy, Zatcovetsky, 2022; Яновский, Жаворонков, Кокурина, 2021].

Так, генерал Бени Ганц, будучи начальником генштаба, систематически дезинформировал правительство о размерах угрозы со стороны ХАМАСа, стремясь избегнуть серьёзной операции в Газе³⁵. Параллельно он сокращал численность сухопутных сил армии³⁶ и отбирал оружие у отрядов гражданской обороны в посёлках вокруг Газы — тоже исходя из концепции «недопущения излишней конфронтации». Такая позиция обеспечила ему благоволение неизбираемой элиты и позволила легко войти в израильскую политическую жизнь, где он прославился решительной победой в борьбе за увеличение пенсий отставным военным. Проведённые им в бытность министром обороны предложения в этой области должны были обходиться бюджету министерства обороны не менее 1,5 млрд шекелей в год (примерно 430 млн долл.)³⁷. Напротив, необходимость строить репутацию победителя среди своих солдат и членов их семей как будущих кормильцев, будет отбирать и продвигать генералов, которые, как минимум, стремятся к полному разгрому врага.

В заключение приведём реальную и совсем недавнюю историю, затмевающую успехи щедринских генералов по добыче денег в казначействе. Исправно получавший свою зарплату прокурор — главный государственный обвинитель (в Израиле это отдельная должность, не генеральный прокурор) Шай Ницан перед уходом на пенсию напрямую обратился к начальнику управления государственной службы Даниэлю Гершковичу с просьбой изменить процедуру начисления пенсий. Гершкович рассмотрел просьбу и решил вопрос положительно. Новая процедура начисления принесла Ницану дополнительно сотни тысяч шекелей (порядка ста тысяч долларов). Походом в казначейство обвинитель не ограничился. По традиции высокопоставленных служащих судебно-прокурорского сословия, уход на пенсию — не повод отказываться от подобающей важным лицам занятости. Так и Шай Ницан занял не слишком обременительный пост ректора Национальной библиотеки. В чём заключаются обязанности ректора — неясно, поскольку реальным руководством занят генеральный директор этой библиотеки. Более того, до назначения Шая Ницана этой должности не существовало, а когда отставной страж закона перешёл на другой пост, её упразднили³⁸.

³³ Lloyd. URL: <http://www.lloydsswords.com/background.php> (access date: 05.11.2025).

³⁴ Measuring Word. URL: <https://www.measuringworth.com/ukcompare/> (access date: 5.11.2025).

³⁵ Доклад государственного контролера Израиля от 28 февраля 2017 года о процессе принятия решений правительством по сектору Газа накануне операции «Цук эйтан» (Нерушимая скала — июль–август 2014). URL: <https://library.mevaker.gov.il/stat/DigitalLibrary/Pages/Reports/1106-1.aspx> (На иврите, access date: 05.11.2025).

³⁶ INSS. URL: <https://www.inss.org.il/wp-content/uploads/2024/03/special-publication-240324-1.pdf> — доклад израильского института изучения проблем национальной безопасности (Institute for National Security Studies), укомплектованного отставными генералами где решения о таких сокращениях описаны, и где их пытаются косвенно оправдать (access date: 05.11.2025).

³⁷ CALCALIST. URL: https://www.calcalist.co.il/local_news/article/ryny5nlek (На иврите, access date: 05.11.2025).

³⁸ Национальная библиотека Израиля, справочник по структуре и должностным лицам. NLI URL: <https://www.nli.org.il/he/at-your-service/who-we-are/committees-and-departments> (На иврите, access date: 05.11.2025).

Впрочем, и на новой должности (глава отдела по литературному содержанию) Ницан не бедствует. Его зарплата (606 600 шекелей — свыше 170 тыс. долл. в год) равна зарплате гендиректора и примерно на 25% выше, чем у других начальников отделов³⁹.

«Непроверенных» граждан государственная политика прямо или косвенно вытесняет с рынка труда. «Проверенным» открывает возможности высоких, престижных и не особо трудоёмких «подработок».

Попытки реформ: принуждение к частным сбережениям и пенсионный возраст

В настоящее время пенсионные системы развитых стран можно условно разделить на системы «бисмарковского типа» и «принудительных пенсионных накоплений». В первых (Италия, Германия, Франция, Швеция, Греция и др.) правительство берёт на себя почти всю ответственность за выплаты лицам, достигшим пенсионного возраста. Другими словами, ответственность здесь ложится на налогоплательщиков. В системах второго типа (США, Австралия, Канада, Швейцария и др.) наряду с поддержкой пенсионеров из бюджета существуют значимые обязательные пенсионные накопления граждан, аккумулируемые в частных, хотя и контролируемых властями, фондах. В этих странах общий объём таких накоплений зачастую сопоставим со всем ВВП страны. На самом деле, во всех развитых странах есть как более или менее прямые выплаты из бюджета на пенсионные нужды и различные виды частных накоплений — обязательные (принудительные) и добровольные.

Не меняя системы, «бисмарковскую» модель можно поддерживать на плаву только увеличивая возраст выхода на пенсию. К этому и сводится большинство реформ в Германии, Франции, Дании и других странах. Во Франции эти реформы вызывали наиболее массовое сопротивление. Власти иногда отступали, однако в 2012 г. пенсионный возраст был повышен с 60 до 62 лет (со вступлением в силу в 2017 г.⁴⁰), а в 2023 — с 62 до 64-х лет⁴¹.

Если до 1980-х гг., особенно в первые десятилетия после Второй мировой войны и последовавшего «бэбибума», в некоторых странах пенсионный возраст понижали, то в последние десятилетия тенденция была явно переломлена [Chomik, Whitehouse, 2010]. Постепенно всё идёт к возвращению пенсионного возраста к «бисмарковским» 70-ти годам, правда, при средней продолжительности жизни даже среди мужчин существенно выше этого возраста.

Также можно попробовать перейти к системе с большей долей доходов от частных накоплений. В литературе достаточно широко освещались реформы по снижению прямых трансфертов из бюджета на пенсии в Великобритании и в Чили (см., например, [Квасов, 1998]; подробнее см. [Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий, 2018]).

Следует также отметить эффект, напоминающий цель, которую ставил М.Фридман перед системой школьных ваучеров, — постепенно возвратить у граждан навыки самостоятельного принятия решений. Чем больше у них возможностей выбора — как фонда, так и параметров /портфеля накоплений, тем легче им будет со временем привыкнуть к полной самостоятельности при организации сбережений на старость и на случай тяжёлой болезни.

³⁹ Получатели высоких зарплат найдены в соответствии с должностями, указанными в предыдущей сноске в поиске по указателю 8 сентября 2025 г.: <https://www.guidestar.org.il/organization/514152420/documents> (На иврите, access date: 05.11.2025).

⁴⁰ International Longevity Centre, France. URL: <https://www.ilcfrance.org/images/upload/pages/16%2009%2014%20retirement%20in%20France%20word%20final.pdf> (access date: 05.11.2025).

⁴¹ «French minister says U-turn on retirement age ‘not realistic’ The government has indicated in recent days that it would not budge on the reform’s flagship measure, an increase in the retirement age from 62 to 64». Le Monde, 2025. 17.03. URL: https://www.lemonde.fr/en/france/article/2025/03/17/french-minister-says-u-turn-on-retirement-age-not-realistic_6739251_7.html (access date: 05.11.2025).

В России наглядный урок обрушения социалистической экономики заложил основания для понимания опасности упования на государство в трудной ситуации. В 1990-е гг. начинают создаваться негосударственные (частные) пенсионные фонды (НПФ). В 2000-е гг. осознание тупиковости «бисмарковской» системы, казалось, стало всеобщим. На основе нового законодательства начались отчисления в накопительную часть пенсии, которую по выбору налогоплательщика можно было держать в НПФ [Малева, Синявская, 2005; Назаров, 2010. С. 5]. Большинство владельцев накоплений не решилось выбрать такой фонд, и их средства оказались под управлением Внешэкономбанка (ныне — государственная корпорация ВЭБ РФ). Выявила проблема остройнейшей нехватки активов, в которые можно было бы вкладывать накопления. Проблему усугубляет отсутствие в России у населения опыта самостоятельного принятия решений о сбережениях и инвестициях. Тут ситуация намного хуже даже не слишком радужной американской, описанной в книге Котликоффа. В результате львиная доля накоплений оказалась использована для приобретения государственных обязательств [Назаров, 2010. С. 19–20].

Кризис 2007–2009 гг., старение населения и растущий дефицит пенсионной системы дали российским властям основания для заморозки отчислений в накопительную часть пенсий, начиная с 2014 г. (фактически реформы 2000-х гг. были заморожены)⁴². Беда в том, что это решение почти не повлияло на отрицательную динамику баланса Пенсионного фонда России. Были сохранены обязательства перед каждым пенсионером, что вызвало увеличение пенсионного возраста в 2018 г. с вступлением в силу закона о постепенным увеличении выхода на пенсию в течение пяти лет с 2023 г.⁴³

Даже если бы будущий российский пенсионер смог быстро восполнить дефицит опыта и знаний в этой сфере, есть ещё одна проблема, неразрешимая без основательного демонтажа всего социального государства. Джулиано Боноли [Bonoli, 2003] предупреждает о том, что в мире, состоящем из стареющих стран, переход к частным накоплениям при продолжении негативных демографических тенденций в долгосрочной — 40–60 лет и далее — перспективе не спасает. Накопленные колоссальные сбережения пенсионных фондов неизбежно начнут истощаться и при этом давать меньшую прибыль. То есть преимущества частных накопительных систем под государственным надзором и с обязательностью вложений очевидны (и то не везде) только в среднесрочной перспективе.

Поскольку никаких обоснованных надежд на перелом ситуации с тех пор не наблюдалось, растет число оснований для скепсиса коллег, считающих единственным выходом постепенное сворачивание государственных пенсионных программ с концентрацией средств на помощи только наиболее остро нуждающимся и заведомо нетрудоспособным людям [May, 2016. С. 394–398; Назаров, 2010; Назаров, 2012]. Остальным так или иначе придётся заботиться о себе самостоятельно[Nagarajan, Sixsmith, 2023].

Правда, в современной России по сравнению с развитыми странами есть значительный резерв для экономии в виду аномально высоких (по меркам развитых стран, кроме Израиля) расходов на вооружённые силы и, в особенности, на структуры, выполняющие полицейские функции, а также на дотации государственным корпорациям. Однако такая экономия может лишь несколько отсрочить кризис и полный развал пенсионной системы.

⁴² Смотри хронологию событий, охватывающую более позднее развитие ситуации. ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/2328493> (дата обращения: 05.11.2025).

⁴³ Федеральный закон от 3 октября 2018 года №350-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 05.11.2025).

Заключение

Обилие проблем, создаваемых «государством принудительной заботы» своим гражданам, имеет оборотную сторону, дающую реальную надежду на лучшее будущее. Наш анализ показывает, что технически многие меры, закладывающие фундамент действительно надёжных, защищённых накоплений на старость, просты и не требуют расходов. Напротив, они требуют ликвидации ряда полномочий власти с упразднением многих государственных структур, наделённых ими. Что даст даже определённую экономию расходов бюджета в начале реформ.

Сокращение социальных программ и возвращение ответственности за образование и здравоохранение семье, обществу и частным поставщикам услуг с соответствующим снижением налогов оставят в прошлом хронический бюджетный дефицит, а с ним и инфляцию. Дерегулирование банковских услуг и инвестирования, прекращение борьбы с частной дискриминацией (т.е. со свободой контрактов) усилят конкуренцию и создадут дополнительные возможности для накоплений.

Прекращение вмешательства государства в дела семьи [Yanovskiy, 2023] вернёт мужчине уважение и ответственность, а с ними и желание работать, пока есть силы и стремление оставить наследство своим детям и внукам. Вернётся, наверное, наиболее эффективный в истории тип разделения труда, при котором большая часть женщин работает дома, а огромное большинство мужчин выходит на рынок труда или ведёт собственный бизнес. Восстановление уровня рождаемости выше минимального порога воспроизводства законопослушного и образованного населения снимет разговоры о необходимости массовой неизбирательной иммиграции из культурно отсталых стран и усилит давление общества на власти с требованием депортации иммигрантов — нарушителей закона. Риски обесценения собственности (недвижимости) начнут постепенно снижаться.

Технологическая революция, связанная с массовым внедрением искусственного интеллекта, скорее расширит круг тех, кто будет заинтересован и при этом востребован на рынке труда, нежели вытеснит их с него. Естественно, при условии расширения и укрепления гарантий личных прав и собственности [Яновский, Жаворонков, 2024].

Нам, перед чьими глазами произошло крушение классической версии социализма, не составит труда представить последствия обрушения социального государства. Чем больше граждане, семьи, гражданское общество будут заранее готовы к самостоятельному выбору, тем с меньшими издержками произойдёт возвращение к испытанным частным решениям.

ЛИТЕРАТУРА

- Акерлоф Дж., Шиллер Р. (2010). *Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма*. — М.: Альпина Бизнес Букс.
- Бернс С., Комликофф Л. (2005). *Пенсионная система перед бурей*. — М.: Ирисен.
- Вишневский А. (2005). *Избранные демографические труды*. — М.: Наука.
- Гайдар Е.Т. (2005). *Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории*. — М.: Дело.
- Де Сото Х. (2008). *Деньги, банковский кредит и экономические циклы*. — Челябинск: Социум.
- Де Фрис Я. (2016). *Революция трудолюбия. Потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней*. — М.: РАНХиГС.
- Де Ясаи Э. (2008). *Государство*. — М.: Ирисэн.
- Емельянов В. (2024). «Разговор отца с сыном» — новый памятник вавилонской этической мысли // *Asiatica: труды по философии и культурам Востока*. № 18/2. С. 3–24.
- Квасов А. (1998). *Чилийские экономические реформы: практический опыт и его актуальность для России*. — М.: Московский общественный научный фонд.
- Малева Т., Синявская О. (2005). *Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. Аналитический доклад*. — М.: Независимый институт социальной политики, Поматур.

- May B. (2009). Глобальный кризис: опыт прошлого и вызовы будущего // Экономическая политика. №4. С. 47–61.
- May B. (2016). Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Назаров В. (2010). Актуальные проблемы пенсионной реформы. — М.: Дело.
- Назаров В. (2012). Будущее пенсионной системы: параметрические реформы или смена парадигмы? // Вопросы экономики. №9. С. 67–87. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/analit02.php>
- Ротбард М. (2005). История денежного обращения и банковского дела в США. — Челябинск: Социум.
- Шиллер Р. (2013). Иррациональный оптимизм. — М.: Альпина паблишер.
- Яновский К.Э. (2022). Политико-экономические заметки о финансовом кризисе 2007–2009. DOI: 10.2139/ssrn.4067706.
- Яновский К.Э. (2023). Излечение здравоохранения: исторический опыт старых демократий и уроки для России // Вопросы теоретической экономики. № 4. С. 22–40. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_22_40.
- Яновский К.Э., Жаворонков С.В. (2017). Несколько заметок о моральности всеобщей избирательной привилегии // Экономическая политика. № 6. С. 102–123.
- Яновский К.Э., Жаворонков С.В. (2022). Всеобщее принудительное: что случилось с образованием и можно ли перезапустить мотор экономического роста? // Вопросы теоретической экономики. № 4. С. 57–76. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_57_76.
- Яновский К.Э., Жаворонков С.В. (2024). «Нашествие роботов»: приступ луддизма или реальный вызов? // Вопросы теоретической экономики. № 4. С. 86–99. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_86_99.
- Яновский К.Э. Жаворонков С.В. (2025). Консерваторы: невыученные уроки. — М., Челябинск: Социум.
- Яновский К.Э., Жаворонков С.В., Кокурина А.Д. (2021). Государство победившего масла, или Оборона с ограниченной ответственностью // Вопросы теоретической экономики. №3. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_7_21.
- Яновский К., Жаворонков С., ЧерныЙ Д., Затковецкий И. (2018). Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира. — М.: Дело.
- Al-Ubaydli O., McLaughlin P. A. (2017). RegData: A numerical database on industry-specific regulations for all United States industries and federal regulations, 1997–2012 // Regulation and Governance. Vol. 11. Is. 1. Pp. 109–123. DOI: 10.1111/rego.12107.
- Asoni A. (2008). Colonial Heritage and Economic Development // IFN Working Paper No. 758. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/81391/1/wp758.pdf>.
- Azarnert L.V. (2025). Migration, child education, human capital accumulation, and a brain dilution tax // Journal of Demographic Economics. Published online 2025:1–18. DOI: 10.1017/dem.2025.4.
- Auerbach A. J., Oreopoulos P. (1999). Analyzing the Fiscal Impact of U.S. Immigration // American Economic Review. Vol. 89 No.2. Pp. 176–180. DOI: 10.1257/aer.89.2.176.
- Bernanke B.S. (2002). Remarks by Governor Before the National Economists Club. Washington, D.C. November 21. URL: <https://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2002/20021121/default.htm>. DOI: 10.2139/ssrn.2662520.
- Block W. (2010). The Case for Discrimination. — Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute. <https://mises.org/library/case-discrimination>
- Bolt J., Van Zanden J. (2024). Maddison style estimates of the evolution of the world economy: A new 2023 update // Journal of Economic Surveys. Pp. 1–41. DOI: 10.1111/joes.12618.
- Bonoli G. (2003). Two Worlds of Pension Reform in Western Europe // Comparative Politics. Vol. 35. No. 4. Pp. 399–416. DOI: 10.2307/4150187.
- Brogden M. (2000). Geronticide: Killing the Elderly. — London, GBR: Jessica Kingsley Publishers.
- Brown K., Wyly E. (2000). A New Gentrification? A Case Study of the Russification of Brighton Beach, New York // The Geographical Bulletin: Vol. 42. No. 2. Article 4. URL: <https://digitalcommons.kennesaw.edu/thegeographicalbulletin/vol42/iss2/4/>.
- Butler E. (2009). The Financial Crisis: Blame Governments, Not Bankers // Verdict on the Crash: Causes and Policy Implications / P. Booth (ed.). — London: The Institute of Economic Affairs London. 2009. Pp. 51–58. URL: <https://iea.org.uk/publications/research/verdict-on-the-crash-causes-and-policy-implications>.
- Caldwell J.C. (2004). Demographic Theory: A Long View // Population and Development Review Vol. 30. No. 2. Pp. 297–316. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2004.014_1.x.
- Chomik R., Whitehouse E. (2010). Trends in Pension Eligibility Ages and Life Expectancy, 1950–2050. // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. No. 105. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/5km68fzhs2q4-en.
- Christensen L., Mitchell M. D., Globerman S. (2023). The Free Enterprise Welfare State. A History of Denmark's Unique Economic Model. — Vancouver, British Columbia: Fraser Institute.
- de Rugy V., Warren M. (2010). Expansion of Regulatory Budgets and Staffing Continues in the New Administration: An Analysis of the U.S. Budget for Fiscal Years 2009 and 2010. Mercatus Center at George Mason University October 2009 Regulators' Budget Report 31.

- Fay S.B. (1950). Bismarck's Welfare State // *Current History*. Vol. 18. No 101. Pp. 1–7. URL: <http://www.jstor.org/stable/45307677>.
- Garen J., Berger M., Scott F. (1996). Pensions, Non-Discrimination Policies, and the Employment of Older Workers // *The Quarterly Review of Economics and Finance*. Vol. 36. No 4. Pp. 417–429. DOI: 10.1016/S1062-9769(96)90043-5.
- Golan Z (2015). The «New Oldsters» as a Working and Learning Population Senior Citizens: Our Largest Reservoir of Unexploited Resources // *Adult Education in Israel*. Vol. 14. Pp. 231–266. URL: https://meyda.education.gov.il/files/AdultEducation/2015/Zev_Golan.pdf.
- Harmon L., Levine H. (2012). *The Death of an American Jewish Community: A Tragedy of Good Intentions*. — Lexington, MA: Plunkett Lake Press.
- Kallberg J.G., Shimizu Y. (2025). Crime Measures and Housing Prices: an Analysis Using Quantile Regression and Spatial Autocorrelation // *Journal of Real Estate Finance and Economics*. <https://link.springer.com/article/10.1007/s11146-024-09997-w>. DOI: 10.1007/S11146-024-09997-w.
- Kersting F. (2022). Welfare Reform and Repression in an Autocracy: Bismarck and the Socialists // *EHES Working Paper*, No. 227. September. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/298421/1/1819536882.pdf>.
- Lee C. (2005). Labor Market Status of Older Males in the United States, 1880–1940 // *Social Science History*. No 1. Pp. 77–105. URL: <http://www.jstor.org/stable/40267867>.
- McLaughlin P., Sherouse O., Fabrizio M., King St. (2021). Is Dodd-Frank the Biggest Law Ever? // *Journal of Financial Regulation*. Vol. 7. No. 1. Pp. 149–74.
- Nagarajan N.R., Sixsmith A. (2023). Policy Initiatives to Address the Challenges of an Older Population in the Workforce // *Ageing International*. Vol. 48. Pp. 41–77. DOI: 10.1007/s12126-021-09442-w.
- Ransom R., Sutch R. (1986). The Labor of Older Americans: Retirement of Men On and Off the Job, 1870–1937 // *The Journal of Economic History*. Vol. 46. No 1. Pp. 1–30. DOI: 10.1017/S0022050700045472.
- Ransom R. L., Richard S. (1989). The Trend in the Rate of Labor Force Participation of Older Men, 1870–1930: A Reply to Moen // *The Journal of Economic History*. Vol. 49. No. 1. Pp. 170–83. <http://www.jstor.org/stable/2121423>.
- Reinhart C.M., Sbrancia M.B. (2015). The Liquidation of Government Debt // *IMF Working Papers*. WP/15/7. URL: <https://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2011/res2/pdf/crbs.pdf>
- Reinhart C.M., Rogoff K.S. (2009). *This Time is Different*. — Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rowntree B. (1901). *Poverty: A study of town life*. — London: Macmillan.
- Salm M. (2011). The Effect of Pensions on Longevity: Evidence from Union Army Veterans // *The Economic Journal*. Vol. 121. No. 552. Pp. 595–619. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2011.02427.x.
- Smith H. (2014). *Men on Strike: Why Men Are Boycotting Marriage, Fatherhood, and the American Dream — and Why It Matters*. — N.Y.: Encounter Books. Kindle Edition.
- Tolts M. (2015). *Demographic Transformations among Ex-Soviet Migrants in Israel. Research in Jewish Demography and Identity*. — Boston, MA: Academic Studies Press. Pp. 146–168. DOI: 10.1515/9781618114402-008.
- Wilkins M. (2025). Golden Years: Older Americans at Work and Play, Beyond the Numbers // *Employment & Unemployment*. Vol. 14. No. 5. (U.S. Bureau of Labor Statistics, May 2025), URL: <https://www.bls.gov/opub/btn/volume-14/golden-years-older-americans-at-work-and-play.htm>
- Yanovskiy M. (2023). Does Government Crowd out the Family? Rethinking the Gender Perspective According to the Free Thought (Free Society Decline) // *Derecho y religión*. No 18. Pp. 123–140. DOI: 10.2139/ssrn.4829949.
- Yanovskiy M., Socol Y. (2023). Marriage under Gender Perspective: Marital Rape Institution vs. Judeo-Christian Tradition // *Derecho y religión*. No 18. Pp. 185–194.
- Yanovskiy M., Zatcovetsky I. (2022). *Pig Socialism (Socialism Haziri — Hebrew)*. — Tel Aviv: Kineret — Zmora-Dvir Publishers.
- Yanovskiy M., Zhavoronkov S. (2018). Universal Suffrage: The Century of Corrupting Incentives? // *New Perspectives on Political Economy*. Vol. 14. No. 1–2. Pp. 63–89. DOI: 10.62374/gtbs9e20.
- Yilmaz G. (2015). The Devshirme System and the Levied Children of Bursa in 1603–4. // *Turk Tarih Kurumu Belleten (Bulletin of Turkish Historical Society)*. Pp. 877–900. DOI: 10.37879/bulleten.2015.901.
- Zhu H., Walker A. (2018). Pension System Reform in China: Who Gets what Pensions? // *Social Policy and Administration*. Vol. 52. No. 7. Pp. 1410–1424. DOI: 10.1111/spol.12368.

REFERENCES

- Al-Ubaydli O., McLaughlin P. A. (2017). RegData: A Numerical Database on Industry-specific Regulations for all United States Industries and Federal Regulations, 1997–2012 // *Regulation and Governance*. Vol. 11. Is. 1. Pp. 109–123. DOI: 10.1111/rego.12107.
- Asoni A. (2008). Colonial Heritage and Economic Development // *IFN Working Paper* No. 758. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/81391/1/wp758.pdf>.
- Azarnert L. V. (2025). Migration, Child Education, Human Capital Accumulation, and a Brain Dilution Tax // *Journal of Demographic Economics*. Published online 2025:1–18. DOI: 10.1017/dem.2025.4.
- Auerbach A. J., Oreopoulos P. (1999). Analyzing the Fiscal Impact of U.S. Immigration // *American Economic Review*. Vol. 89. No. 2. Pp. 176–180. DOI: 10.1257/aer.89.2.176.

- Bernanke B.S. (2002). *Remarks by Governor Before the National Economists Club*. Washington, D.C. November 21. URL: <https://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2002/20021121/default.htm> DOI: 10.2139/ssrn.2662520.
- Block W. (2010). *The Case for Discrimination*. — Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute. URL: <https://mises.org/library/case-discrimination>
- Bolt J., Van Zanden J. (2024). Maddison Style Estimates of the Evolution of the World Economy: A New 2023 Update // *Journal of Economic Surveys*. Pp. 1–41. DOI: 10.1111/joes.12618.
- Bonoli G. (2003). Two Worlds of Pension Reform in Western Europe // *Comparative Politics*. Vol. 35. No. 4. Pp. 399–416. DOI: 10.2307/4150187.
- Brogden M. (2000). *Geronticide: Killing the Elderly*. — London, GBR: Jessica Kingsley Publishers.
- Brown K., Wyly E (2000). A New Gentrification? A Case Study of the Russification of Brighton Beach, New York // *The Geographical Bulletin*. Vol. 42. No. 2. Article 4. URL: <https://digitalcommons.kennesaw.edu/thegeographicalbulletin/vol42/iss2/4/>
- Burns S., Kotlikoff L. (2005). *The Pension System Before the Storm*. — M.: Irisen. (In Russ.).
- Butler E. (2009). The Financial Crisis: Blame Governments, not Bankers // *Verdict on the Crash: Causes and Policy Implications* / P. Booth (ed). — London: The Institute of Economic Affairs London. Pp. 51–58. URL: <https://iea.org.uk/publications/research/verdict-on-the-crash-causes-and-policy-implications>.
- Caldwell J.C. (2004). Demographic Theory: A Long View // *Population and Development Review*. Vol. 30 No. 2. Pp. 297–316. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2004.014_1.x.
- Chomik R., Whitehouse E. (2010). Trends in Pension Eligibility Ages and Life Expectancy, 1950–2050 // *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. No. 105, OECD Publishing. Paris. DOI: 10.1787/5km68fzhs2q4-en.
- Christensen L., Mitchell M. D., Globberman S. (2023). *The Free Enterprise Welfare State. A History of Denmark's Unique Economic Model*. — Vancouver, British Columbia: Fraser Institute.
- De Jasay A. (2008). *The State*. — M.: Irisen. (In Russ.).
- de Rugy V., Warren M. (2010). *Expansion of Regulatory Budgets and Staffing Continues in the New Administration: An Analysis of the U.S. Budget for Fiscal Years 2009 and 2010* / Mercatus Center at George Mason University October 2009 Regulators' Budget Report 31.
- De Soto H. (2008). *Money, Bank Credit, and Economic Cycles*. — Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.).
- De Vries J. (2016). *The Industrious Revolution. Consumer Behavior and the Household Economy 1650 to present*. — M.: RANKHIGS. (In Russ.).
- Emelyanov V. (2024). «A Conversation Between a Father and a Son» — a New Monument of Babylonian Ethical Thought // *Asiatica: Works on the Philosophy and Cultures of the East*. No. 18/2. Pp. 3-24.
- Fay S.B. (1950). Bismarck's Welfare State // *Current History*. Vol. 18. No. 101. Pp. 1–7. <http://www.jstor.org/stable/45307677>.
- Gaidar Y. (2005). *A Long Time. Russia and the Word. Essays on Economic History*. — M.: Delo. (In Russ.).
- Garen J., Berger M., Scott F. (1996). Pensions, Non-Discrimination Policies, and the Employment of Older Workers // *The Quarterly Review of Economics and Finance*. Vol. 36. No 4. Pp. 417–429. DOI: 10.1016/S1062-9769(96)90043-5.
- Golan Z (2015). The «New Oldsters» as a Working and Learning Population Senior Citizens: Our Largest Reservoir of Unexploited Resources // *Adult Education in Israel*. Vol. 14. Pp. 231–266. URL: https://meyda.education.gov.il/files/AdultEducation/2015/Zev_Golan.pdf
- Harmon L., Levine H. (2012). *The Death of an American Jewish Community: A Tragedy of Good Intentions*. — Lexington, MA: Plunkett Lake Press.
- Kallberg J.G., Shimizu Y. (2025). Crime Measures and Housing Prices: an Analysis Using Quantile Regression and Spatial Autocorrelation // *Journal of Real Estate Finance and Economics*. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11146-024-09997-w>. DOI: 10.1007/S11146-024-09997-w.
- Kersting F. (2022). *Welfare Reform and Repression in an Autocracy: Bismarck and the Socialists*. EHES Working Paper, No. 227 September. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/298421/1/1819536882.pdf>
- Kvasov A. (1998) *Chilean Economic Reforms: Practical Experience and its Relevance for Russia*. — M.: Moscow Public Scientific Foundation. (In Russ.).
- Lee C. (2005). Labor Market Status of Older Males in the United States, 1880–1940 // *Social Science History*. No 1. Pp. 77–105. URL: <http://www.jstor.org/stable/40267867>
- McLaughlin P., Sherouse O., Fabrizio M., King St. (2021). Is Dodd-Frank the Biggest Law Ever? // *Journal of Financial Regulation*. Vol. 7. No. 1. Pp. 149–74.
- Maleva O., Sinyavskaya O. (2005). *Pension Reform in Russia: History, Outcomes and Prospects*. — M.: Independent Institute for Social Policy, Pomatur. (In Russ.).
- Mau V. (2009). The Global Crisis: Past Experiences and Future Challenges // *Economic Policy*. No.4. Pp. 47–61. (In Russ.).
- Mau V. (2016). *Crises and Lessons. Russia's Economy in an Era of Turbulence*. — M.: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).

- Nagarajan N.R., Sixsmith A. (2023). Policy Initiatives to Address the Challenges of an Older Population in the Workforce. // *Ageing International*. Vol. 48. Pp. 41–77. DOI: 10.1007/s12126-021-09442-w.
- Nazarov V. (2010). *Current Issues of Pension Reform*. — M.: Delo. (In Russ.).
- Nazarov V. (2012). The Future of the Pension System: Parametric Reforms or a Paradigm Shift? // *Voprosy Ekonomiki (Issues of Economics)*. No.9. Pp. 67-87 URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/analit02.php> (In Russ.).
- Ransom R., Sutch R. (1986). The Labor of Older Americans: Retirement of Men On and Off the Job, 1870–1937 // *The Journal of Economic History*. Vol. 46. No 1. Pp. 1-30. DOI: 10.1017/S0022050700045472.
- Ransom R. L., Richard S. (1989). The Trend in the Rate of Labor Force Participation of Older Men, 1870-1930: A Reply to Moen // *The Journal of Economic History*. Vol. 49. No. 1. Pp. 170–83. URL: <http://www.jstor.org/stable/2121423>.
- Reinhart C.M., Sbrancia M.B. (2015). The Liquidation of Government Debt // *IMF Working Papers* WP/15/7 <https://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2011/res2/pdf/crbs.pdf>.
- Reinhart C.M., Rogoff K.S. (2009). *This Time is Different*. — Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rothbard M. (2005). *History of Money and Banking in the United States*. — Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.).
- Rowntree B. (1901). *Poverty: A Study of Town Life*. — London: Macmillan.
- Salm M. (2011). The Effect of Pensions on Longevity: Evidence from Union Army Veterans // *The Economic Journal*. Vol. 121. No. 552. Pp. 595–619. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2011.02427.x.
- Shiller R. (2013). *Irrational Optimism*. — M.: Alpina publisher. (In Russ.).
- Smith H. (2014). *Men on Strike: Why Men Are Boycotting Marriage, Fatherhood, and the American Dream — and Why It Matters*. — N.Y.: Encounter Books. Kindle Edition.
- Tolts M. (2015). *Demographic Transformations among Ex-Soviet Migrants in Israel. Research in Jewish Demography and Identity*. — Boston, MA: Academic Studies Press, Pp. 146-168. DOI: 10.1515/9781618114402-008.
- Vishnevsky A. (2005). *Selected Demographic Works*. — M.: Nauka. (In Russ.).
- Wilkins M. (2025). Golden Years: Older Americans at Work and Play, Beyond the Numbers // *Employment & Unemployment*. Vol. 14. No. 5. (U.S. Bureau of Labor Statistics, May 2025). URL: <https://www.bls.gov/opub/btn/volume-14/golden-years-older-americans-at-work-and-play.htm>
- Yanovskiy K. (2022). *Politico-Economic Notes on Crisis 2007 — 2009*. DOI: 10.2139/ssrn.4067706. (In Russ.).
- Yanovskiy K. (2023). The Healthcare Cure: Old Democracies' Experience and Lessons for Russia] // *Issues of Economic Theory (Voprosy teoreticheskoy ekonomiki)*. No. 4. Pp. 22-40. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_22_40. (In Russ.).
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S. (2017). The Few Notes on Universal Suffrage Morality // *Economic Policy*. No. 6. Pp. 102-123. www.repec.ranepa.ru/rnp/ecopol/ep1764.pdf или <https://ssrn.com/abstract=3125681>. (In Russ.).
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S. (2022). Universal and Compulsory: What has Happened to Education and is it Possible to Restart the Motor of Economic Growth? // *Issues of Economic Theory (Voprosy teoreticheskoy ekonomiki)*. No.4. Pp. 57-76. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_57_76. (In Russ.).
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S. (2024). «Robots' Invasion»: New Attack of Luddism or Real Challenge?] // *Issues of Economic Theory (Voprosy teoreticheskoy ekonomiki)*. No.4. Pp. 86–99. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_86_99. (In Russ.).
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S. (2025). *Conservatives: Unlearned Lessons*. — M., Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.).
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S., Cherny D., Zatcovetsky I. (2018). *The Strategy of Lasting Prosperity: In Search for the Lost Constellation*. — M.: Delo. (In Russ.).
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S., Kokurina A. (2021). The State of Victorious Butter or Défense with Limited Liability // *Issues of Economic Theory (Voprosy teoreticheskoy ekonomiki)*. No.3. Pp. 7-21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_7_21 (In Russ.).
- Yanovskiy M. (2023). Does Government Crowd out the Family? Rethinking the Gender Perspective According to the Free Thought (Free Society Decline). // *Derecho y religión*. No 18. Pp. 123–140. DOI: 10.2139/ssrn.4829949.
- Yanovskiy M., Socol Y. (2023). Marriage under Gender Perspective: Marital rape institution vs. Judeo-Christian tradition // *Derecho y religión*. No. 18. Pp. 185-194.
- Yanovskiy M., Zatcovetsky I. (2022). *Pig Socialism (Socialism Haziri — Hebrew)*. — Tel Aviv: Kineret — Zmora-Dvir Publishers.
- Yanovskiy M., Zhavoronkov S. (2018). Universal Suffrage: The Century of Corrupting Incentives? // *New Perspectives on Political Economy*. Vol. 14. No. 1-2. Pp. 63-89. DOI: 10.62374/gtbs9e20.
- Yilmaz G. (2015). The Devshirme System and the Levied Children of Bursa in 1603-4. Pp. 877-900 // *Turk Tarih Kurumu Belleten (Bulletin of Turkish Historical Society)*. DOI: 10.37879/belleten.2015.901.
- Zhu H., Walker A. (2018). Pension System Reform in China: Who Gets what Pensions? // *Social Policy and Administration*. Vol. 52. No. 7. Pp. 1410–1424. DOI: 10.1111/spol.12368.

Яновский Константин Эдуардович

mosheya@jct.ac.il

Konstantin Yanovskiy

PhD, head of Shomron Center for Economic Policy Research (Israel)

mosheya@jct.ac.il

Жаворонков Сергей Владимирович

javoronkov@iep.ru

Sergei Zhavoronkov

Independent researcher (Moscow)

javoronkov@iep.ru

Затковецкий Илья

ilia18613@gmail.com

Ilia Zatcovetsky

Shomron Center for Economic Policy Research (Israel) senior research fellow.

ilia18613@gmail.com

PUBLIC PENSIONS: UNOBlVIOUS UTILITY WITH OBVIOUS DAMAGE

Abstract. The ageing of populations and the increasing imbalance between the income and liabilities of pension systems have long been topics of concern among economists. This study focuses on several key factors that fundamentally undermine the prospects for private solutions to old-age savings within the framework of the welfare state: inflation, rising investment risks (especially due to property depreciation), and institutional barriers. The problem of population ageing is considered separately and shown not to be a “natural disaster,” but rather a phenomenon influenced by the policies and actions of the welfare state itself. While technically feasible solutions exist, their implementation appears politically impractical—at least under normal circumstances. However, in situations of acute crisis, such political obstacles may rapidly and unexpectedly disappear.

Keywords: *crisis of pension systems, private savings, inflation, business regulation, population ageing.*

JEL: D73, D78, J14, J18, J26.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

М.Э. Дмитриев

*д.э.н., президент, Хозяйственное партнерство
«Новый экономический рост» (Москва)*

А.А. Оконишников

*к.т.н., старший научный сотрудник, руководитель проектов
ООО «Центр экономики инфраструктуры» (Москва)*

А.Н. Семеняка

к.э.н., независимый эксперт (Москва)

ЦЕЛЕВОЙ ЖИЛИЩНЫЙ КАПИТАЛ: СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН

Аннотация. В статье, подготовленной в развитие предшествующих исследований авторов, в контексте концепции жизненного цикла Ф. Модильяни рассматриваются практические вопросы институционального дизайна программы Целевого жилищного капитала. Эта программа предназначена для монетизации жилищных активов домохозяйств пожилых людей и использования этих средств владельцами недвижимости для покрытия расходов на дорогостоящие медико-социальные услуги, которые в настоящее время не финансируются из общественных источников. В статье рассматривается возможная роль институтов развития, использование современных цифровых решений, митигация социальных, демографических, правовых и финансовых рисков, а также анализируется долгосрочная устойчивость программы и оценивается потенциал её масштабирования.

Ключевые слова: рынок жилья, долговременный уход, старение населения, обратная ипотека, медицинское страхование.

JEL: I13, I18, I38, J14, G20, G22

УДК: 338.2

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_92_111

© М.Э. Дмитриев, А.А. Оконишников, А.Н. Семеняка, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дмитриев М.Э., Оконишников А.А., Семеняка А.Н. Целевой жилищный капитал: социально ориентированный институциональный дизайн // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 92–111. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_92_111.

FOR CITATION: Dmitriev M., Okonishnikov A., Semenyaka A. Targeted housing capital: socially oriented institutional design // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 92–111. DOI: 10.52342/2587-666VTE_2026_1_92_111.

Введение

Данная статья является продолжением серии исследований и публикаций, которые были выполнены при участии авторов и ряда исследователей из РАНХиГС и НИУ ВШЭ в период 2016–2024 гг. В контексте экономической теории разрабатываемые нами подходы представляют собой одно из возможных направлений решения фундаментальной проблемы, возникающей в рамках концепции жизненного цикла Франко Модильяни [Modigliani, 1949]. Согласно этой концепции, рациональные экономические агенты должны сглаживать потребление на протяжении жизненного цикла, увеличивая накопление в трудоспособном возрасте и поддерживая потребление за счёт этих накоплений в старших возрастах. Однако институциональные барьеры, в том числе на финансовых рынках и рынках недвижимости, могут затруднять эффективную конвертацию неликвидных активов домохозяйств в поток потребления.

В российских реалиях эта проблема оказывается особенно острой, поскольку финансовые активы большинства домохозяйств недостаточны для процессов сглаживания потребления на протяжении жизненного цикла. Наиболее значимым из имеющихся активов являются объекты жилой недвижимости. По данным Банка России, в структуре финансовых активов домохозяйств в 2024 г. преобладали банковские счета (есть у 75,4% домохозяйств), медианный размер средств на которых составляет всего 30 тыс. руб. [Бессонова, Иванова, Москаleva, 2025. С. 21]. В процессе приватизации жилья и последующего развития рынка жилой недвижимости преобладало приобретение жилья в собственность для проживания, а не арендные отношения, предполагающие извлечение дохода от инвестиций в недвижимость. Это привело к тому, что подавляющее большинство пожилых граждан России являются собственниками жилья и проживают именно в нём. Согласно данным Банка России, владельцами жилой недвижимости являются до 85% всех домохозяйств [Там же. С. 16], что заметно превышает уровни, характерные для большинства развитых стран. Но при наличии в собственности единственного жилья конвертация этого актива в поток текущего потребления затруднена даже в случае возникновения экзистенциальных потребностей, таких как оплата лечения и ухода при катастрофических заболеваниях или дорогостоящего ухода при инвалидизации. Продажа такого жилья требует поиска альтернативного места для последующего проживания. Но если для домохозяйств, включающих людей трудоспособного возраста, переезд в арендное жилье — нередко реальная альтернатива благодаря достаточному потоку текущих доходов, то для домохозяйств, состоящих из пенсионеров (далее — пожилых домохозяйств), такая возможность, как правило, исключена из-за отсутствия трудовых доходов и недостаточного размера пенсий.

Таким образом, значительную часть пожилых домохозяйств в России можно охарактеризовать как «богатые активами, но бедные ликвидностью». Именно это и предопределяет в российских условиях актуальность поиска институциональных решений для социально приемлемых механизмов конвертации нефинансовых активов в поток ликвидности. Как уже отмечалось в наших предыдущих публикациях по этой теме, для пожилых домохозяйств в России особо острой является не столько проблема поддержания приемлемого уровня текущих расходов на повседневные нужды, сколько поиск источников средств для покрытия крупных социально-значимых расходов, таких как дорогостоящий уход и лечение, которые далеко не всегда полностью покрываются за счёт государственных средств [Дмитриев, Нейштадт, 2020; Дмитриев, 2024]. Такие потребности возникают не у всех пожилых людей, но с возрастом вероятность их появления резко растёт, в то время как их оплата за счёт текущих доходов в большинстве случаев не представляется возможной.

В рамках предыдущих наших исследований по этой проблематике мы провели репрезентативный социологический опрос, который позволил получить доказательные

оценки потенциала монетизации недвижимости пожилых домохозяйств для дополнительного финансирования высокотехнологичной медицинской помощи и дорогостоящего ухода [Дмитриев, Нейштадт, 2020]. Свыше половины пожилых респондентов были склонны использовать механизм монетизации жилья при условии, что он будет исключать злоупотребления и гарантирует им возможность пожизненного проживания в этом жилье.

Между тем, в собственности пожилых семей в России сконцентрирован колоссальный жилищный капитал. По нашим оценкам, в 2024 г. стоимость только городской жилой недвижимости (это примерно ¾ всего жилого фонда России) с учётом средних цен на вторичном рынке составила почти 350 трлн руб. и более чем 1,7 раза превысила объём ВВП (оценки авторов на основе данных Росстата и Института экономики города¹). Из этого объёма, если ориентироваться на данные переписи населения, порядка 20% приходится на пожилые домохозяйства. По нашим оценкам, монетизация данного капитала с учётом выявленной в рамках опросов склонности граждан к использованию этих ресурсов для оплаты дорогостоящего лечения и ухода, может со временем привести к достижению дополнительного объёма ежегодного финансирования медицинской помощи и дорогостоящего ухода в размере порядка 2% ВВП (без учёта возможных государственных субсидий). Это составляет около трети всех расходов, идущих в России на указанные цели [Дмитриев, Нейштадт, 2020].

В рамках предыдущих проектов мы провели предварительную проработку возможных институциональных решений, облегчающих пожилым гражданам монетизацию их жилищных активов, включая субсидируемую государством модель обратной ипотеки [Дмитриев, Оконишников, 2019]. Но механизм обратной ипотеки, несмотря на долгую историю его применения во многих странах мира, так и не стал массовым. Глобальный рынок обратной ипотеки в 2025 г. оценивается всего в 2,16 млрд долл. [Reverse mortgage..., 2025]. В США эта статистика включает прежде всего сделки home equity conversion mortgage (HECM), которые страхуются через фонд Федеральной жилищной администрации (*Federal Housing Administration*) [Минина, Столяров, 2012]. Наиболее распространены сделки, в которых ссуда и связанная с ней переуступка прав собственности распространяются не на весь жилой актив, а лишь на некоторую его часть, что делает оставшуюся долю стоимости жилья доступной для наследования.

Сдерживающим фактором для распространения обратной ипотеки в коммерческом формате служат риски неопределённости дожития, с которыми сталкиваются коммерческие кредиторы и заёмщики. Банки закладывают в ставку риск падения цен на недвижимость и риск долгожительства, что ведёт к сильному удорожанию продукта. Для владельцев недвижимости это означает очень большие дисконты относительно рыночной стоимости их жилья, в результате чего сделки воспринимаются как невыгодные и даже несправедливые. Размер предлагаемых выплат нередко составляет лишь 30–40% от рыночной стоимости недвижимости. Поскольку рынки обратной ипотеки сильно фрагментированы, это препятствует объединению ипотечных объектов в большие пулы для снижения дисконта за счёт усреднения рисков дожития бенефициаров одного возраста.

Пилотная программа обратной ипотеки, запущенная в России в 2012 г. через ОАО «Агентство реструктуризации ипотечных жилищных кредитов» (АРИЖК), формально устранила риск недобросовестности частного плательщика. Но в целом банк принимал на себя те же риски, что и в других странах. Высокая процентная ставка значительно уменьшила сумму выплат бенефициарам. Также банк принимал риск превышения выплат над

¹ Генцлер И.В. Состояние жилого фонда в Российской Федерации. Фонд «Институт экономики города». URL: https://urbanconomics.ru/sites/default/files/i_v_gencler.pdf (дата обращения: 24.12.2025).

стоимостью залога, поэтому стремился его компенсировать через увеличение процентной маржи и ограничение срока программы. В результате продукт так и не вышел за рамки эксперимента, а объём рынка не превысил нескольких сотен сделок.

Дополнительные трудности для широкого внедрения обратной ипотеки в России, как показал наш предварительный анализ, связаны с необходимостью урегулирования правовых коллизий, которые пока не учитывает гражданское законодательство и право-применительные практики. Прежде всего это касается вопросов заключения сделки на неопределённый срок, в отличие от обычных ипотечных кредитов, где срок заранее известен, а также реализации залога только после смерти бенефициара и других постоянно проживающих в данном жилье пожилых людей.

Другой классический инструмент монетизации жилья для пожилых людей — договор ренты. Он уже давно практикуется в России. Российское законодательство определяет этот продукт как пожизненное содержание с иждивением (глава 33 ГК РФ). Договор решает задачу конвертации жилья в поток выплат.

Но в качестве коммерческого продукта договор ренты создаёт опасный конфликт интересов. Плательщик ренты (физическое или юридическое лицо) экономически заинтересован в скорейшей смерти получателя ренты. Это порождает криминальные риски и понятное недоверие граждан. Кроме того, риск банкротства плательщика оставляет пенсионера без защиты. В результате объём сделок ренты не превышает нескольких тысяч в год по всей стране. Но даже если договоры ренты, как это практиковалось в некоторых российских регионах, реализуются на некоммерческой основе при участии государства, т.е. являются относительно безопасными для владельцев жилья, их недостатком является невозможность единовременного получения крупных сумм. Иными словами, такой способ ориентирован на поддержание приемлемого уровня текущего потребления, но не на большие единовременные расходы, без которых пожилым людям нередко бывает трудно получить необходимое долгостоящее лечение и уход.

Все эти обстоятельства побудили нас задуматься о разработке нового инструмента монетизации жилой недвижимости, который бы наилучшим образом соответствовал правовым и экономическим условиям российского рынка, а также был бы максимально удобен для пожилых владельцев домохозяйств и ориентирован на удовлетворение их приоритетных социальных потребностей. Главный вопрос заключается в адекватном институциональном дизайне, который бы обеспечил пожилым гражданам безопасность, прозрачность, понятность и бесшовность всех операций, финансовую привлекательность для владельцев недвижимости и инвесторов, а также оперативный доступ к источникам рыночной ликвидности. Фактически, речь идёт о новом социально ориентированном финансовом продукте, который не только учитывает реалии российского финансового рынка и рынка недвижимости, но и опирается на новые технологические возможности, возникающие благодаря быстрой цифровизации этих рынков.

Институциональный дизайн

В качестве альтернативы имеющимся на сегодня механизмам монетизации жилья для пожилых мы рассмотрели возможность реализации программы Целевого жилищного капитала (ЦЖК), ключевые особенности которой включают:

- использование института доверительного управления, что сохраняет за бенефициарами пожизненное право собственности на жильё и снимает широко распространённые опасения граждан насчёт угрозы выселения из жилья после утраты права собственности на него;
- администрирование программы уполномоченным государственным институтом развития, что призвано повысить защищённость граждан и снять их опасения по

- поводу потенциального мошенничества и злоупотреблений, прежде всего выселения из занимаемого жилья;
- объединение контрактов в единый пул, чтобы распределение дожития было максимально приближено к генеральной совокупности граждан соответствующих возрастов; это позволит снизить потенциальную ошибку актуарных прогнозов и размеры дисконта при расчёте выплат ЦЖК;
 - предоставление оператору программы ЦЖК государственных гарантий для случаев, когда фактический период дожития пула бенефициаров начнёт устойчиво превышать актуарный прогноз, а также для экстремальных падений цен и ликвидности на рынках жилья;
 - создание компании специального назначения (КСН) для токенизации активов ЦЖК с целью их рефинансирования;
 - ограничение использования ЦЖК исключительно на цели связанные с оплатой дорогостоящего лечения и ухода, которые не финансируются из государственных источников, и использование цифрового рубля в качестве инструмента контроля за целевым расходованием ЦЖК;
 - расходование средств ЦЖК через страховую медицинскую организацию (СМО).

На рис. 1 представлены основные элементы институционального дизайна программы ЦЖК.

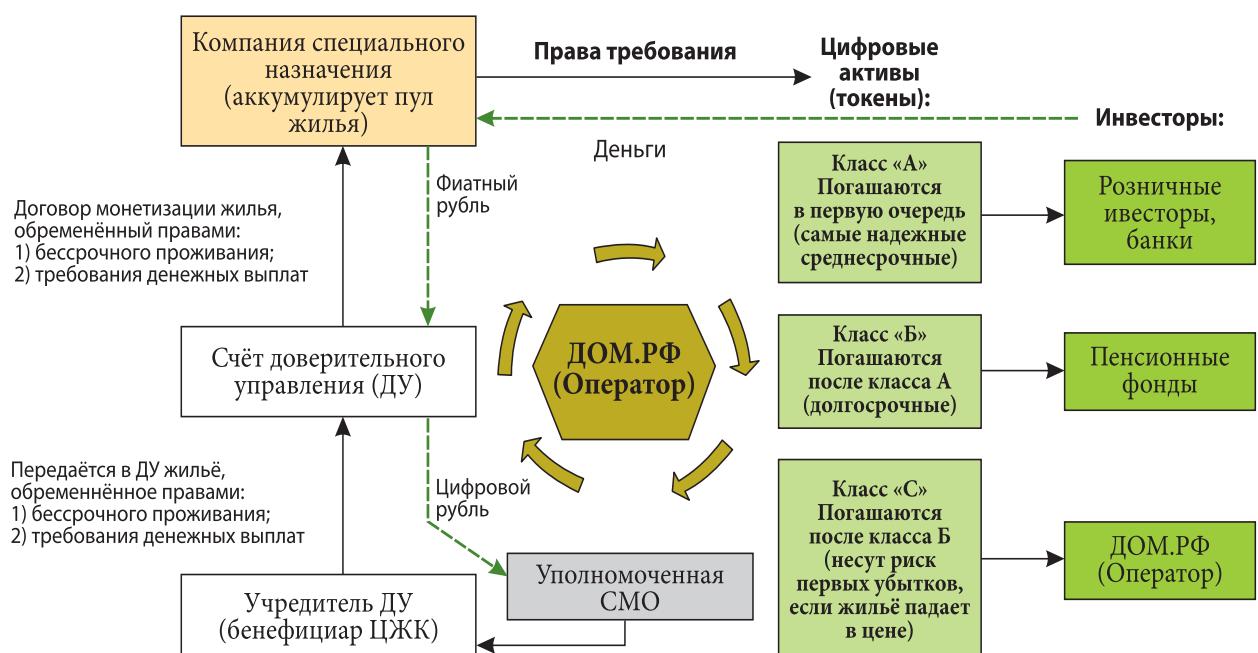

Рис. 1. Основные элементы институционального дизайна программы ЦЖК
Источник: составлено авторами.

Программа ЦЖК предполагает использование института доверительного управления (глава 53 ГК РФ) как юридической основы конвертации жилищного актива в денежные выплаты. Ключевое отличие от ренты и обратной ипотеки — передача управления жильём профессиональному оператору. При этом владельцы жилой недвижимости, присоединившиеся к программе ЦЖК, сохраняют пожизненное право собственности на этот актив и право на пожизненное проживание всех членов пожилого домохозяйства в этом жилье. При определённых условиях возникает возможность полной или частичной передачи жилищного актива наследникам. За счёт этого снимается одно из основных опасений потенциальных бенефициаров такой программы: риск преждевременной утраты собственности и возможности дальнейшего проживания в своём жилье.

Договор доверительного управления (ДДУ) заключается между владельцем недвижимости пенсионного возраста (далее — бенефициаром) и оператором программы ЦЖК, причём за членами пожилого домохозяйства закрепляется право бессрочного проживания в данном жилье. Договором определяется формула расчёта требования денежных средств в пределах стоимости чистых активов (СЧА) и объём прав по распоряжению жилой недвижимостью, которые учредитель делегирует доверительному управляющему.

СЧА в доверительном управлении рассчитывается как рыночная стоимость жилья, которая подлежит ежегодной переоценке, за вычетом: а) выплат ЦЖК в предыдущие периоды; б) дисконта, детерминированного комплексом факторов (актуарной оценкой периода дожития, ожидаемой реальной процентной маржой, расходами собственника на содержание жилья, наличием ипотечного обременения, процентной маржой оператора программы ЦЖК на риски снижения жилищных цен и размером комиссии на покрытие расходов оператора программы ЦЖК). СЧА будет больше, если бенефициар решит продолжать нести расходы собственника на содержание жилья.

Как показано на рис. 2 на примере расчёта для средней стоимости квартиры в Центральном федеральном округе, номинальная сумма ЦЖК при единовременном использовании составит чуть больше 6 млн руб., в то время как при ежегодной выплате страховой премии она превысит 8,5 млн руб. накопленным итогом. Это достигается благодаря уменьшению суммарного дисконта в результате сокращения ожидаемого средневзвешенного периода, на который привлекается капитал с финансовых рынков.

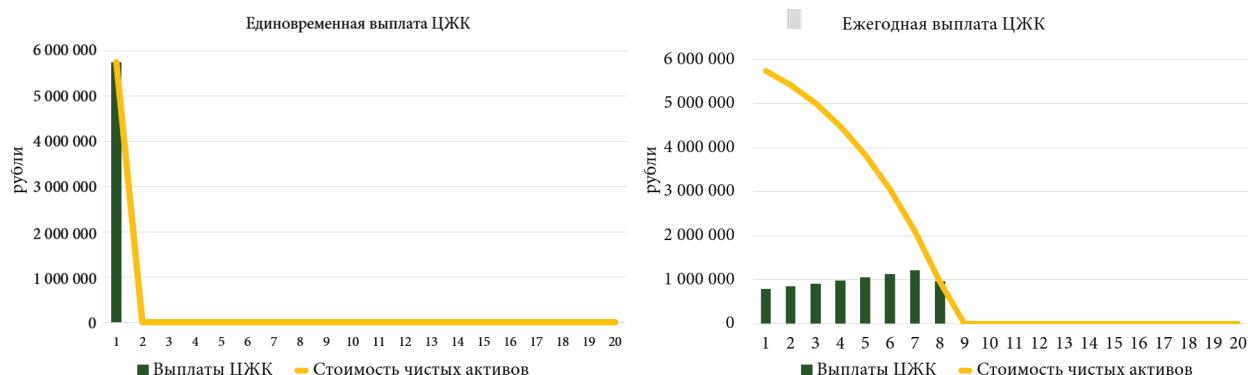

Рис. 2. Сравнительные размеры СЧА при единовременной (в первый год присоединения к программе ЦЖК) и ежегодных (в течение 10 лет) выплатах.

Источник: расчёты А.Н. Семеняки на примере средней стоимости квартиры в Центральном федеральном округе.

Действие ДДУ прекращается после смерти последнего из членов домохозяйства бенефициара. После этого активы (денежные средства и права требования выплаты денег в пределах СЧА), находящиеся в доверительном управлении, переходят в состав наследства и становятся объектом наследования, а наследники вступают в права после оформления наследства у нотариуса и имеют преимущественное право выкупа жилья.

Поскольку необходимость исполнения обязательств в рамках операций по монетизации жилья исключает для наследников возможность претендовать после смерти бенефициара и остальных членов пожилого домохозяйства на получение жилья в собственность целиком, а не в пределах СЧА, доверительному управляющему в рамках ДДУ должно быть делегировано право распоряжения жильём в форме права продажи с отсрочкой передачи права собственности. Оператор программы ЦЖК организует продажу жилья с баланса КСН по рыночной цене. При отказе наследников от преимущественного права приобретения этого жилья проводится открытый аукцион. За счёт выручки от продажи жилья оператор программы ЦЖК и/или по его поручению оператор информационной системы, выбранной оператором программы ЦЖК для выпуска и обращения токенов, организует

частичное погашение токенов и иных обязательств, выпущенных КСН, и расчёты с их держателями.

В качестве наиболее предпочтительного доверительного управляющего — единого оператора программы ЦЖК мы видим ПАО «ДОМ.РФ», чьи компетенции и полномочия как государственного института развития сосредоточены в жилищной сфере и смежных с ней сегментах финансового рынка. Оператор программы ЦЖК должен получить государственные гарантии и поддержку в случаях возникновения рисков превышения продолжительности жизни пула бенефициаров по сравнению с ожидаемой на основе актуарных расчётов, а также в ситуациях экстремальных падений цен и ликвидности на рынках жилья. Государство в этих случаях предоставляет финансовое плечо, благодаря которому в конечном счёте программа ЦЖК сможет привлечь на социально значимые цели многократно больший объём ресурсов с финансового рынка.

Распоряжение жильём позволит оператору программы ЦЖК обременить жильё обязательством в пользу КСН в обмен на денежный поток, поступающий на счёт монетизации пула жилищных активов. КСН создаётся оператором программы ЦЖК для монетизации пула жилищных активов по типу специализированных финансовых обществ (СФО) в соответствии с Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» (ст. 15.1). В отношении КСН оператор программы ЦЖК будет выступать в роли оригинариатора, создающего пул активов, монетизацию которых будет обеспечивать КСН. Это позволяет отделить риски конкретного актива (пула объектов жилой недвижимости) от рисков оригинариатора и перенести эти риски на инвесторов. Это также обеспечивает защиту КСН от банкротства и открывает возможность создания цифровых биржевых фондов на базе цифровых активов (токенов). Предпочтительность токенов объясняется тем, что процедура их эмиссии проще, чем классических облигаций, что облегчает задачу наращивания выпуска токенов по мере роста пула активов.

Первоначальное финансирование выплат в пользу бенефициаров производит оператор программы ЦЖК за счёт собственных средств (капитала). Дополнительный капитал, необходимый для выполнения функций оператора программы ЦЖК должен поступить из бюджетных источников. В дальнейшем оператор программы ЦЖК возмещает эти расходы за счёт выручки от размещения инструментов рефинансирования, эмитируемых КСН. После смерти всех членов пожилого домохозяйства оператор программы ЦЖК реализует жильё и через КСН распределяет выручку между держателями соответствующих финансовых инструментов и наследниками.

В зависимости от состояния рынка и эволюции регулирования финансовых рынков токены могут дополняться и другими востребованными рынком инструментами, такими как долевые инструменты и конвертируемые облигации. Для оптимального распределения предложения между группами инвесторов с учётом их «аппетита» к риску предполагается использовать классическую трёхуровневую структуру трансформирования, которая включает старший, средний и младший транши. Подробнее эти вопросы рассматриваются ниже в разделе, посвящённом инструментам рефинансирования.

Важным элементом данной программы выступает использование цифрового рубля со встроенным смарт-контрактом, обеспечивающим «окрашивание» платежей и целевое использование средств исключительно для оплаты медицинских услуг и долгостоящего ухода. Данное технологическое решение минимизирует трансакционные издержки мониторинга целевого использования. КСН переводит на счёт доверительного управления фиатные рубли, и далее оператор приобретает у Банка России цифровые рубли, которые поступают на счёт уполномоченной СМО, осуществляющей оплату и организацию предоставления медико-социальных услуг по программе ЦЖК.

Важность участия СМО в программе ЦЖК обусловлена не только необходимостью организации предоставления медико-социальных услуг, особенно в сложных случаях,

когда к их оказанию привлекаются разные провайдеры, но и потребностью в частичном покрытии рисков, связанных с неопределенностью объемов и стоимости этих услуг (например, в случае неопределенности длительности дорогостоящего ухода и реабилитации). Целесообразность объединения этих рисков в рамках максимально большого пул застрахованных делает предпочтительным, по крайней мере на начальных этапах программы ЦЖК, привлечение в неё лишь одной уполномоченной СМО.

Предоставление медико-социальных услуг в рамках программы ЦЖК

К участию в программе ЦЖК допускаются домохозяйства, соответствующие трём необходимым условиям:

1. Они состоят исключительно из людей пожилого возраста. Минимальный возраст самого младшего члена домохозяйства, позволяющий присоединиться к программе ЦЖК, должен определяться законодательно. Судя по нашим оценкам чувствительности возможных выплат ЦЖК к возрасту членов домохозяйства, приведённым в табл. 1, предпочтительный минимальный возраст может находиться в районе 60 лет.

2. Как минимум, один из членов домохозяйства владеет на правах собственности жильём, в котором члены этого домохозяйства постоянно проживают; причём они не имеют в собственности иного жилья, пригодного для постоянного проживания.

3. Один или несколько членов домохозяйства нуждаются по медицинским показаниям в дорогостоящей медико-социальной помощи, получение которой в полном объеме на бесплатной основе не представляется возможным.

При невыполнении хотя бы одного из перечисленных выше условий оператор программы ЦЖК имеет право мотивированного отказа в заключении ДДУ с потенциальным бенефициаром. Также при наличии обоснованных сомнений в дееспособности бенефициара, оператор программы ЦЖК обязан требовать проведения оценки дееспособности в соответствии с действующим законодательством и назначения опекуна в случае, если дееспособность не будет подтверждена.

Наши обсуждения со специалистами в области экономики здравоохранения вопроса о возможных границах, в которых медико-социальная помощь могла бы финансироваться из средств ЦЖК, показали, что, по меньшей мере на стадии запуска программы ЦЖК, предпочтение должно отдаваться не дорогостоящей медицинской помощи, а долговременному уходу и реабилитации. Можно назвать три основных причины для этого.

Во-первых, в сфере оказания дорогостоящей медицинской помощи в настоящее время границы между платной и бесплатной медициной довольно сильно размыты и могут сильно варьироваться по регионам в зависимости от их бюджетной обеспеченности.

Во-вторых, бюджетное финансирование дорогостоящей медицинской помощи в целом покрывает значительную часть потребностей в лечении наиболее распространённых заболеваний, в том числе катастрофических (например, онкологических и сердечно-сосудистых). С поправкой на различия со странами ОЭСР в ожидаемой продолжительности жизни, Россия не слишком сильно отстаёт от них по уровню государственных расходов на здравоохранение в % к ВВП, а по совокупным расходам в % к ВВП на эти цели из всех источников находится на уровне среднего по ОЭСР [Структурные изменения..., 2022; Дмитриев, 2024].

В-третьих, в сфере дорогостоящего ухода, реабилитации и связанных с ними медицинских услуг ситуация кардинально иная. Эта сфера критически недофинансируется государством, а бремя долговременного ухода в значительной мере переносится на родственников. Например, по доле в коекном фонде коек долговременного ухода Россия сейчас почти в 10 раз отстаёт от среднего уровня по ОЭСР, и это отставание не сокращается, а, напротив, имеет тенденцию к нарастанию по мере роста ожидаемой продолжительности жизни в России [Структурные изменения..., 2022; Дмитриев, 2024]. Предпосылки для

кардинального сокращения этого разрыва за счёт бюджетных источников отсутствуют. Это связано не только с перспективой роста численности населения старших возрастов, но и с ужесточением финансовых ограничений, с которыми уже столкнулась и будет в дальнейшем сталкиваться бюджетная система в условиях долгосрочной стагнации или снижения нефтегазовых доходов.

Инерционное развитие системы долговременного ухода ведёт к накоплению проблем, которые ограничивают доступ пожилых граждан к жизненно важным видам помощи и серьёзно ухудшают качество жизни тех, кто в этой помощи нуждается, но не в состоянии её оплатить. Доступ к бесплатной помощи из-за её повсеместного недофинансирования сопровождается разнообразными барьерами. Например, требуется предоставить обоснование, почему за нуждающимся в помощи не могут ухаживать родственники. Пожилые люди не всегда в состоянии это сделать. Бюджетная компенсация ухода за родственником настолько мала, что, как правило, не возмещает утраченного заработка тех, кто вынужден заниматься уходом. При этом многие пожилые домохозяйства не имеют достаточных средств для оплаты коммерческих услуг частных сиделок, клиник или домов престарелых.

Хроническое бюджетное недофинансирование жизненно важных медико-социальных услуг создаёт вынужденные ограничения со стороны не только спроса, но и предложения. Это выражается как в острой нехватке коечного фонда, так и в дефиците кадров — врачей и среднего медицинского персонала (в 2023 г. он достигал в общей сложности свыше 90 тыс. чел.), а также помощников по уходу, организаторов и экспертов по оценке нуждаемости. В больницах часто отсутствуют должности сиделки, а в домах престарелых преобладают санитарки без медицинского образования.

В 2025 г. Минтруд России подготовил законопроект, позволяющий с 2027 г. интегрировать долговременный уход в общую систему социального обслуживания. Законопроект предусматривает утверждение социального пакета долговременного ухода, порядка и условий его предоставления, подачу электронного заявления через «Госуслуги», обучение родственников в специальных школах ухода и прокат технических средств реабилитации. Но всё это не решает главную проблему — критическое бюджетное недофинансирование этих услуг. В таких условиях привлечение значительных дополнительных источников через программу ЦЖК приобретает особую актуальность, поскольку оно способно практически полностью восполнить дефицит бюджетного финансирования.

Оказание медико-социальных услуг по программе ЦЖК предполагает заключение договора добровольного медико-социального страхования (далее — ДМСС), между бенефициаром и уполномоченной СМО. Для заключения ДМСС бенефициар должен представить уполномоченной СМО документы, подтверждающие наличие у застрахованного лица необходимых для этого медицинских показаний. Застрахованным лицом может быть непосредственно бенефициар или один/несколько постоянно проживающих с ним членов пожилого домохозяйства. Выгодоприобретателем — получателем страховых выплат — может быть либо непосредственно застрахованное лицо (или его представитель по доверенности), либо провайдер, оказывающий услуги застрахованному.

Период оказания услуг по ДМСС зависит от многих факторов, прежде всего размера ЦЖК, стоимости услуг провайдеров, а также динамики цен на жильё и на услуги провайдеров. В Приложении 1 в качестве иллюстрации представлены расчёты средней суммы ЦЖК и оценки, исходя из этой суммы, возможной продолжительности оказания патронажных услуг на дому или пребывания в доме престарелых в Москве и федеральных округах. Как следует из результатов расчётов, среднего размера ЦЖК в условиях 2025 г. (исходя из минимальных расценок) может хватить более чем на 6 лет оплаты непрерывного патронажного ухода на дому и более чем на 10 лет оплаты пребывания в доме престарелых.

ДМСС в зависимости от диагноза, срока действия договора и суммы ЦЖК может включать в различных сочетаниях медико-социальную помощь на дому, услуги поликлиник,

лабораторий, диагностических и реабилитационных центров, пребывание в стационарных лечебных учреждениях различного типа, а также приобретение лекарств, носимых медицинских устройств, технических средств и расходных материалов для облегчения повседневной жизни людей с инвалидностью и другими ограничениями жизнедеятельности.

Страховая премия (страховой взнос) по ДМСС выплачивается уполномоченной СМО в виде цифровых рублей оператором программы ЦЖК. В зависимости от условий ДМСС страховая премия может уплачиваться единовременно или в виде периодических платежей. Последний вариант, как было показано выше, значительно увеличивает СЧА. Тем самым, у бенефициара появляется возможность увеличить при прочих равных условиях потенциальную величину ЦЖК, доступную для выплаты страховой премии и/или непосредственной оплаты медико-социальных услуг. Это, в свою очередь, открывает возможности для увеличения объёма и продолжительности получения медико-социальных услуг.

Инструменты рефинансирования

Трансформация жилой недвижимости, ключевого актива «серебряной экономики», в ликвидность реализуется через многоступенчатую схему рефинансирования. Оператор ЦЖК формирует КСН, аккумулирующую имущественные права на жильё учредителей доверительного управления и создающую пул активов для последующего рефинансирования. Данная структура аналогична механизмам ипотечной секьюритизации, но адаптирована к специфике рассматриваемых имущественных прав.

Схема рефинансирования допускает возможность использования следующих финансовых инструментов, выбор между которыми определяется состоянием законодательной базы и конъюнктурой финансового рынка:

- *цифровые финансовые активы (ЦФА)* — токены, эмитируемые в соответствии с Федеральным законом № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г. «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте», предоставляющие держателям право участия в выручке от будущей реализации жилья. Токенизация квадратных метров создаёт функционально новый класс активов, выступающих индексом рыночной стоимости жилья и обеспечивающих защиту инвесторов от жилищной инфляции. Эмиссия различных серий токенов с дифференцированными характеристиками риска и срока погашения позволяет структурировать предложение под предпочтения инвесторов;
- *долевые инструменты* — представлены ипотечными сертификатами участия согласно ФЗ № 152-ФЗ от 11 ноября 2003 г. «Об ипотечных ценных бумагах» либо паями закрытого паевого инвестиционного фонда в соответствии с ФЗ № 156-ФЗ от 29 ноября 2001 г. «Об инвестиционных фондах». Адаптация существующих нормативных конструкций к вышеуказанным договорам монетизации жилья потребует внесения специальных поправок с целью использования апробированной институциональной инфраструктуры;
- *конвертируемые облигации* — гибридные инструменты, сочетающие характеристики долговых и долевых ценных бумаг, конвертируемые в доли участия в выручке от реализации жилья при наступлении определённых условий. Данный инструмент обеспечивает дополнительную гибкость при структурировании и позволяет хеджировать риск долговременного падения жилищных цен для привлечения консервативных инвесторов.

При рефинансировании предлагается использовать классическую трёхуровневую структуру транширования, обеспечивающую оптимальное распределение рисков между гетерогенными группами инвесторов с дифференцированными предпочтениями. Причём

иерархическая архитектура транширования создаёт каскадную схему распределения денежных потоков и аллокации убытков:

- *старший транш (senior tranche)* характеризуется приоритетным правом на денежные потоки и минимальным кредитным риском, что делает его привлекательным для консервативных институциональных инвесторов — банков и розничных инвесторов. Принципиальным новаторством программы ЦЖК выступает целевая ориентация старшего транша на молодые семьи, аккумулирующие средства для первоначального взноса на первое жильё. Инвестиции в «условные квадратные метры» обеспечивают естественную защиту от жилищной инфляции и эlimинируют ключевой риск накопления первоначального взноса — обесценение сбережений относительно стоимости жилья;
- *средний транш (mezzanine tranche)* позиционируется для негосударственных пенсионных фондов и страховых компаний, чьи инвестиционные горизонты и толерантность к риску соответствуют характеристикам данного инструмента. Умеренный профиль риск-доходность согласуется с требованиями пруденциального регулирования институциональных инвесторов, а долгосрочный характер инвестиций позволяет абсорбировать временную волатильность жилищного рынка и обеспечивает соответствие долгосрочным пенсионным обязательствам;
- *младший транш (junior tranche)* удерживается оператором программы ЦЖК, абсорбирующем за счёт собственного капитала первые убытки от реализации программы (принцип *skin in the game*). Данная конструкция решает фундаментальную проблему асимметрии информации между оператором программы ЦЖК и внешними инвесторами: удержание младшего транша создаёт стимулы к качественному андеррайтингу и эффективному управлению портфелем активов. Оператор программы ЦЖК принимает риск долгосрочного снижения жилищных цен, риск краткосрочной волатильности и концентрирует риск долголетия (*longevity risk*), поскольку младший транш погашается последним после полного погашения старшего и среднего траншей.

При материализации в долгосрочной перспективе остаточных рисков Российская Федерация несёт субсидиарную ответственность и при необходимости должна будет обеспечивать докапитализацию оператора программы ЦЖК с целью поддержания устойчивости рассматриваемого механизма.

Анализ чувствительности и управление финансовыми рисками

В табл. 1 представлен анализ чувствительности выплат по программе ЦЖК в процентах от рыночной стоимости жилья к величине реальной процентной ставки и ожидаемой продолжительности жизни членов пожилого домохозяйства. Реальная процентная ставка определяется в данном случае как процентный доход, исчисляемый по формуле простых (а не сложных) процентов согласно практике использования простых процентов, сложившейся на рынке флоатеров (облигации с плавающей ставкой), и ожидаемый потенциальными инвесторами сверх среднегодового прироста стоимости жилищного актива за период инвестирования (с учётом его амортизации). Как видно из таблицы, даже при периоде дожития в 30 лет и реальной процентной ставке не выше 1,5% расчётный размер целевого капитала остаётся близким к 70%. Между тем, как будет показано далее, таких больших периодов дожития у мужчин и женщин в возрасте от 60 лет и старше пока не прогнозируется вплоть до середины текущего столетия.

Разумеется, данные расчёты являются иллюстративными, поскольку не учитывают некоторые факторы, влияющие на размер дисконта, например, размер процентной маржи на риски снижения жилищных цен и размер комиссии на покрытие расходов оператора

программы ЦЖК. Но даже с учётом этих дополнительных факторов потенциальные разные выплаты по программе ЦЖК в процентах от рыночной стоимости жилья могут быть заметно выше уровней, характерных, как было показано в начале статьи, для обратной ипотеки в развитых странах. Главная причина этого обусловлена повышенными системными рисками, которые вынуждены брать на себя коммерческие операторы обратной ипотеки в силу специфики дизайна этого финансового продукта.

Таблица 1
Чувствительность целевого капитала (в % от цены продажи жилья) к периоду дожития (количество лет) и реальной процентной ставке (простые %)

Реальная процентная ставка	Период дожития					
	5	10	15	20	25	30
1	2	3	4	5	6	7
1	95	91	87	83	80	77
1,25	94	89	84	80	76	73
1,5	93	87	82	77	73	69
1,75	92	85	79	74	70	66
2	91	83	77	71	67	63
2,25	90	82	75	69	64	60
2,5	89	80	73	67	62	57

Источник: расчёты Н. А. Семеняки.

Средний период дожития, используемый при определении суммы ЦЖК, берётся для того члена пожилого домохозяйства, у которого он является максимальным. Реализация программы ЦЖК рассчитана на долгосрочную перспективу. И, вероятно, этот процесс будет происходить в условиях существенного роста ожидаемой продолжительности жизни населения старших возрастов. Чтобы получить представление о возможной динамике таких изменений, мы провели прогнозные расчёты ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин пожилых возрастов на период до 2050 г., результаты которых представлены в Приложении 2.

Данный прогноз был сделан исходя из предположения об инерционном снижении вероятностей смертности по возрастам с учётом ретроспективной среднегодовой половозрастной динамики вероятностей смертности за истекшие 20 лет, исключая период COVID-19. Если судить по полученным результатам, к 2050 г. период дожития для мужчин и женщин старше 60 лет может увеличиться примерно на 2–3 года. С точки зрения долгосрочной устойчивости программы ЦЖК такой прирост не является критическим.

Как следует из табл. П2.1 в Приложении 2, даже к 2050 г. ожидаемый период дожития для мужчин и женщин в возрасте 60 в инерционном сценарии останется в пределах 22–25 лет, что при реальной процентной ставке 1,5% позволяет рассчитывать на ЦЖК в размере порядка $\frac{3}{4}$ от рыночной стоимости жилья. Это указывает на высокую жизнеспособность рассматриваемого дизайна программы ЦЖК и её потенциальную финансово-привлекательность для возможных бенефициаров. Тем не менее со временем может потребоваться увеличение минимального возраста допуска к участию в программе ЦЖК. Поэтапный прирост минимального возраста допуска (например, на полгода каждые 5 лет) может быть изначально заложен в правила программы ЦЖК в момент её запуска.

Программа ЦЖК подвержена комплексу специфических рисков, требующих принятия защитных мер. Ключевым выступает риск долголетия — превышение фактического срока жизни бенефициаров в пуле над актуарной оценкой среднего ожидаемого периода дожития, положенного в основу расчёта дисконта. Увеличение периода дожития приводит к отсрочке момента реализации жилья, что снижает эффективную доходность для инвесторов в инструменты рефинансирования, поскольку она определяется размером дисконта, рассчитанного по актуарным данным.

Обратной ситуацией является риск сокращения фактического срока жизни бенефициаров в пуле над актуарной оценкой среднего, например при пандемии. В этом случае инвесторы также рискуют получить убытки вследствие реализации большого объёма жилья в относительно короткие сроки и на депрессивном рынке.

Транширование частично нейтрализует риск ошибки в оценке среднего по пулу периода дожития через его концентрацию в младшем транше, удерживаемом оператором. Последовательная схема погашения (сначала старший, затем средний, в последнюю очередь младший транш) обеспечивает защиту внешних инвесторов от неблагоприятного развития демографических трендов.

Риск снижения стоимости жилья дифференцируется на долгосрочный и краткосрочный компоненты. Краткосрочная волатильность жилищных цен абсорбируется через транширование и маржу на риск, причём умеренная историческая волатильность жилищного рынка позволяет минимизировать размер такой маржи. Долгосрочная депрессия жилищного рынка, обусловленная структурным избытком предложения, представляет макроэкономический риск, который в наихудших условиях затронет не только регионы с депрессивной экономикой и падающей численностью населения, но и большую часть остальной территории страны. Покрытие данного риска обеспечивается субсидиарной ответственностью Российской Федерации.

Риск рыночной ликвидности материализуется в периоды финансовой турбулентности, когда выпуск и размещение новых инструментов рефинансирования затруднён. Институциональным решением выступает возможность получения оператором программы ЦЖК стабилизационных кредитов от Банка России в цифровых рублях, обеспечивающих непрерывность выплат инвесторам и бенефициарам до нормализации рыночной конъюнктуры.

Риск неадекватной оценки рыночной доходности при запуске программы может привести к отсутствию спроса на инструменты рефинансирования, если дисконт будет рассчитан на основе заниженной процентной маржи. Снижение данного риска достигается через предварительные консультации с потенциальными инвесторами и формирование предварительной книги заявок на участие в будущем размещении.

В заключение следует упомянуть два риска, специфических для сделок с жильём пожилых домохозяйств. Во-первых, риски оспаривания сделок продавцами или их наследниками, которые могут ссылаться на неосведомлённость, введение в заблуждение или недееспособность продавца. Как показало резонансное дело Л. Долиной, правовое регулирование вторичного рынка жилья в России всё ещё содержит немало пробелов, являющихся источниками трансакционных рисков и порождающих противоречивую судебную практику (в том числе отсутствие стандартизованных методик проверки воли продавца, вопросы истребования жилья наследниками). Эти вопросы потребуют правового регулирования.

Во-вторых, если суммарные выплаты бенефициару по программе ЦЖК вместе с величиной дисконта оказываются ниже, чем оценочная рыночная стоимость его жилья, у наследников возникает право на долю стоимости актива в пределах СЧА. Вопрос о размере этой доли потенциально может быть оспорен наследниками. Предметом спора может быть корректность как оценки рыночной стоимости жилья, так и расчёта величины

дисконта. В таких ситуациях максимальная прозрачность и чёткость алгоритма расчёта параметров ЦЖК позволяют минимизировать возможные негативные последствия для устойчивости программы.

Нормативно-правовое обеспечение программы ЦЖК

Для реализации программы ЦЖК потребуется разработать и принять ряд нормативно-правовых документов, включая:

- Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки пожилых семей для оплаты дорогостоящих медицинских и иных социальных услуг» и связанный с ним Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- Постановление Правительства РФ об утверждении Правил предоставления целевого финансирования из федерального бюджета Публичному акционерному обществу «ДОМ.РФ» в целях возмещения затрат общества по запуску программы ЦЖК;
- поправки в ФЗ «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» № 259 от 31 июля 2020 г. с целью защиты КСН от банкротства по аналогии с СФО/СОПФ и возможностью создания цифровых биржевых фондов на базе цифровых активов, а также для достижения иных целей, предусмотренных проектом;
- нормативные акты Банка России, связанные с использованием цифрового рубля в программе ЦЖК;
- Постановления Правительства РФ, регулирующие особенности оказания услуг медико-социального страхования по программе ЦЖК, включая требования к ДМСС и особенности определения размеров страховых выплат по рискам, включённым в ДМСС.

Также потребуется внести изменения в законы и другие нормативные акты, связанные с регулированием вторичного рынка жилой недвижимости с целью минимизации отмеченных выше трансакционных рисков, влияющих на устойчивость программы ЦМК.

Заключение

Программа ЦЖК предназначена для решения двух в равной мере масштабных и взаимосвязанных задач:

1. Создание социально безопасного инструмента преобразования ключевого «спящего актива» пожилых домохозяйств — принадлежащего им жилья — в эффективно работающий капитал посредством рыночной монетизации жилой недвижимости.
2. Уменьшение нарастающих по мере старения общества экзистенциальных рисков, связанных с недофинансированием потребностей пожилого населения в дорогостоящих медико-социальных услугах.

Институциональный дизайн программы ЦЖК представляет собой своего рода «конструктор», который за небольшими исключениями опирается на уже сложившиеся, хорошо себя зарекомендовавшие и доказавшие работоспособность в российских реалиях институты и практики. Даже там, где предполагается использование инновационных цифровых инструментов, таких как цифровой рубль, смарт-контракты и токены, все они уже применяются на практике, и нет оснований сомневаться в перспективах их успешного встраивания в программу ЦЖК. Нормативно правовое обеспечение программы ЦЖК не предполагает каких-либо кардинальных правовых новаций и в основном призвано дополнить и уточнить действующее законодательство с учётом особенностей предлагаемого институционального дизайна.

Участие государства в программе ЦЖК реализуется через специализированный институт развития и субсидиарную ответственность, обеспечивающие оптимальное сочетание рыночных механизмов и публичных гарантий. Действующий институт развития в жилищной сфере ПАО «ДОМ.РФ» позиционируется как оператор и методологический центр программы ЦЖК, выполняющий критические функции институционального дизайна: разработку стандартов контрактации и методологии оценки СЧА, организацию расчётов с использованием цифрового рубля, координацию взаимодействия с СМО. Институт развития обеспечивает создание необходимой инфраструктуры и запуск рыночного механизма рефинансирования, используя экспертизу в структурировании сложных финансовых продуктов жилищного сектора.

Фундаментальной функцией государства выступает покрытие остаточных рисков (*residual risks*) долголетия, превышающих официальные демографические прогнозы, и рисков долгосрочного снижения жилищных цен, обусловленных провалами территориального развития и иными долгосрочными факторами. Субсидиарная ответственность РФ по обязательствам института развития, принимающего данные риски, обеспечит уверенность частных инвесторов и сформирует устойчивый спрос на инструменты рефинансирования.

Государство принимает на себя риски, которые невозможно эффективно хеджировать рыночными инструментами, в то время как идиосинкритические и диверсифицируемые риски передаются частным инвесторам через рыночные механизмы ценообразования. Таким образом, роль государственных источников финансирования в рамках субсидиарной ответственности выражается прежде всего в создании значительного финансового плеча, позволяющего с минимальными бюджетными затратами использовать ёмкость финансовых рынков для оплаты социально значимой помощи пожилому населению, которую без этих источников оно не сможет получать в необходимом объёме.

Действенные инструменты, направленные на снижение социальных и системных финансовых рисков и встроенные в программу ЦЖК, выгодно отличают её от других аналогичных продуктов, таких как обратная ипотека и договоры пожизненной ренты (табл. 2).

Благодаря заложенным в программу ЦЖК механизмам управления социальными и финансовыми рисками в сочетании с её потенциальной финансовой привлекательностью для бенефициаров и ориентацией на удовлетворение растущих социально значимых потребностей пожилых людей, открываются возможности для её успешного масштабирования. В результате такого масштабирования её положительные последствия могут иметь достаточно широкие экономические и социальные последствия. В частности, программа ЦЖК генерирует ряд положительных эффектов через каналы спроса, предложения и развитие финансовых рынков.

Активация латентной покупательной способности пожилых домохозяйств создаёт дополнительный спрос на медицинские услуги и услуги долгосрочного ухода, запуская мультиплекативные эффекты в секторе здравоохранения. Расширение платёжеспособного спроса стимулирует наращивание предложения медицинскими организациями и производителями оборудования, способствует привлечению кадров, повышению квалификации персонала и внедрению инновационных технологий диагностики и лечения. Это также сделает более доступными высокотехнологические виды помощи, технические возможности для внедрения которых быстро расширяются.

Приток финансирования и участие институциональных организаторов медико-социальной помощи в лице СМО позволит создать прозрачный, развитый и безопасный рынок медико-социальных услуг для пожилых граждан. В качестве сопутствующего результата это может способствовать снижению нагрузки на систему общественного здравоохранения. Своевременный доступ пожилых граждан к профилактическим мероприятиям, диагностике, реабилитации и качественному уходу в рамках программы ЦЖК поможет

предотвращать дальнейшее ухудшение состояния их здоровья, которое сопряжено с дорогостоящим стационарным лечением за счёт средств бюджетов и ОМС.

Возможность аккумуляции первоначального взноса на ипотеку в защищённой от жилищной инфляции форме сокращает для семей молодых и средних возрастов период накопления и увеличивает доступность ипотечного кредитования. Это транслируется в рост эффективного спроса на первичном рынке жилья. Учитывая высокий мультиплексор строительного сектора, данный эффект потенциально генерирует дополнительный экономический рост.

Таблица 2

Сравнительные характеристики программы ЦЖК, обратной ипотеки и пожизненной ренты

№	Характеристики	Программа ЦЖК	Обратная ипотека	Пожизненная рента
1	2	3	4	5
1	Переход права собственности	Доверительное управление, собственность сохраняется до смерти бенефициара	Залог без перехода права собственности до смерти бенефициара	Немедленный переход права собственности
2	Целевое расходование средств бенефициаром	Обязательно, с контролем через цифровой рубль	Отсутствует	Отсутствует
3	Возможность единовременной или крупной выплаты бенефициару	Имеется	Имеется	Исключена
4	Риск мошенничества	Минимизирован технологически и институционально	Средний риск	Высокий риск в случае коммерческого контракта
5	Роль государства	Институт развития как оператор несёт основные риски при субсидиарной ответственности Российской Федерации	Минимальная в России, субсидиарная ответственность государственного института по некоторым рискам в США	Отсутствует в случае коммерческого контракта
6	Возможность наследования	Частично сохраняется в пределах СЧА	Частично сохраняется в НЕСМ (США) и в home reversion (Великобритания)	Отсутствует

Источник: составлено авторами.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Возможный период патронажного ухода, который в среднем может быть профинансирован исходя из среднего размера ЦЖК по федеральным округам

Таблица П1.1

Средняя величина ЦЖК по федеральным округам

Федеральные округа	Цена (кв.м, руб. вторичный рынок, III кв. 2025 г.)	Средняя площадь (кв. м)	Средняя цена жилья (руб., III кв. 2025 г.)	Среднегодовой прирост жилищных цен за период 2015–2025 гг. (% в год)	ЦЖК			
					Период дожития (лет)	Ставка дисконта (% в год, среднегодовой прирост жилья +2%)	Руб., при- ведённая стоимость к IV кв. 2025 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Центральный	162 847	51	8 305 218	7,5	20	9,5	5 743 780	69,2
Северо-Западный	150 923	52	7 847 984	11,1	20	13,1	5 493 292	70,0
Южный	107 440	49	5 264 552	7,4	20	9,4	3 640 098	69,1
Северо-Кавказский	86 826	56	4 862 283	8,8	20	10,8	3 377 196	69,5
Приволжский	113 954	49	5 583 745	8,5	20	10,5	3 875 584	69,4
Уральский	107 862	50	5 393 120	6,5	20	8,5	3 717 121	68,9
Сибирский	106 727	50	5 336 326	8,3	20	10,3	3 700 453	69,3
Дальневосточный	138 390	48	6 642 735	6,6	20	8,6	4 580 783	69,0
Город Москва	369 497	56	20 691 809	7,0	20	9,0	14 287 350	69,0

Источник: расчёты А.Н. Семеняки по данным Росстата.

Таблица П1.2

Возможный период патронажного ухода и пребывания в доме престарелых исходя из среднего размера ЦЖК по федеральным округам

Федеральные округа	% от цены жилья	Почасовая ставка сиделки (руб., 2025 г.)	Стоймость ухода за месяц (8ч×30дн) (руб., 2025 г.)	Номинальная инфляция услуг сиделки (% в год)	Возможный период патронажного ухода исходя из размера ЦЖК		Стоймость пребывания в доме престарелых за месяц (руб., 2025 г.)	Возможный период пребывания в доме престарелых исходя из размера ЦЖК	
					Мес.	% от периода дожития		Мес.	% от периода дожития
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Центральный	69,2	274	65 760	7,5	95	40	35 260	163	69
Северо-Западный	70,0	236	56 640	11,1	107	45	30 317	181	76
Южный	69,1	154	36 960	7,4	108	45	19 747	184	77
Северо-Кавказский	69,5	113	27 120	8,8	141	59	14 478	233	98
Приволжский	69,4	167	40 080	8,5	106	44	21 589	180	75
Уральский	68,9	225	54 000	6,5	74	31	28 938	128	54
Сибирский	69,3	189	45 360	8,3	88	37	24 328	152	64
Дальневосточный	69,0	248	59 520	6,6	83	35	31 823	144	61
Город Москва	69,0	350	84 000	7,0	201	84	45 000	317	133

Источник: расчёты А.Н. Семеняки по данным Росстата.

Для сопоставимости средняя площадь жилья и период дожития приняты равными по всем регионам. Почасовая ставка сиделки в Москве взята минимальной, для других регионов пересчитана пропорционально средним зарплатам. Стоимость пребывания в доме престарелых взята минимальной.

Приложение 2

Таблица П2.1

Инерционный прогноз периода дожития для мужчин и женщин старше 60 лет

Возраст	2025		2030		2035		2040		2045		2050	
	муж.	жен.										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
60	18	23	18,8	23,4	19,7	23,9	20,5	24,3	21,4	24,8	22,2	25,2
61	17,4	22,2	18,2	22,6	19	23	19,9	23,5	20,7	23,9	21,6	24,3
62	16,8	21,4	17,6	21,8	18,4	22,2	19,2	22,6	20,1	23,1	20,9	23,5
63	16,2	20,5	17	21	17,8	21,4	18,6	21,8	19,4	22,2	20,2	22,7
64	15,6	19,7	16,4	20,1	17,2	20,6	18	21	18,8	21,4	19,6	21,8
65	15,1	18,9	15,8	19,3	16,6	19,8	17,4	20,2	18,1	20,6	18,9	21
66	14,5	18,2	15,3	18,6	16	19	16,8	19,4	17,5	19,8	18,3	20,2
67	14	17,4	14,7	17,8	15,4	18,2	16,2	18,6	16,9	19	17,7	19,4
68	13,5	16,6	14,2	17	14,9	17,4	15,6	17,8	16,3	18,2	17,1	18,5
69	13	15,8	13,6	16,2	14,3	16,6	15	17	15,7	17,4	16,5	17,8
70	12,5	15,1	13,1	15,5	13,8	15,8	14,5	16,2	15,2	16,6	15,9	17
71	12	14,4	12,6	14,7	13,3	15,1	13,9	15,5	14,6	15,8	15,3	16,2
72	11,5	13,6	12,1	14	12,8	14,4	13,4	14,7	14,1	15,1	14,7	15,4
73	11	12,9	11,7	13,3	12,3	13,6	12,9	14	13,5	14,3	14,2	14,7
74	10,6	12,2	11,2	12,6	11,8	12,9	12,4	13,3	13	13,6	13,6	14
75	10,2	11,6	10,7	11,9	11,3	12,2	11,9	12,6	12,5	12,9	13,1	13,2
76	9,7	10,9	10,2	11,2	10,8	11,5	11,4	11,9	12	12,2	12,6	12,5
77	9,3	10,3	9,9	10,6	10,4	10,9	11	11,2	11,5	11,5	12,1	11,9
78	8,9	9,6	9,4	9,9	9,9	10,2	10,4	10,5	11	10,9	11,5	11,2
79	8,4	9	8,9	9,3	9,4	9,6	9,9	9,9	10,4	10,2	10,9	10,5
80	7,9	8,4	8,4	8,7	8,9	9	9,4	9,3	9,9	9,6	10,4	9,8
81	7,4	7,8	7,9	8,1	8,4	8,3	8,8	8,6	9,3	8,9	9,8	9,2
82	7,1	7,3	7,5	7,5	8	7,8	8,5	8,1	8,9	8,3	9,4	8,6
83	6,7	6,8	7,1	7	7,6	7,3	8	7,5	8,5	7,8	8,9	8
84	6,4	6,3	6,8	6,5	7,2	6,7	7,6	7	8,1	7,2	8,5	7,5
85	6,1	5,8	6,5	6	6,9	6,3	7,3	6,5	7,7	6,7	8,1	7
86	5,8	5,4	6,1	5,6	6,5	5,8	6,9	6	7,3	6,3	7,7	6,5
87	5,5	5	5,8	5,2	6,2	5,4	6,6	5,6	6,9	5,8	7,3	6
88	5,2	4,6	5,5	4,8	5,9	5	6,2	5,2	6,5	5,4	6,9	5,6
89	4,9	4,2	5,2	4,4	5,5	4,6	5,9	4,8	6,2	5	6,5	5,2
90	4,6	3,9	4,9	4	5,2	4,2	5,5	4,4	5,8	4,6	6,1	4,8
91	4,3	3,5	4,5	3,6	4,8	3,8	5,1	4	5,4	4,2	5,6	4,3
92	4	3,2	4,2	3,3	4,5	3,5	4,7	3,6	5	3,8	5,2	3,9
93	3,7	2,9	3,9	3	4,2	3,2	4,4	3,3	4,6	3,5	4,8	3,6
94	3,4	2,7	3,7	2,8	3,9	2,9	4,1	3,1	4,3	3,2	4,5	3,3
95	3,3	2,5	3,4	2,6	3,6	2,7	3,8	2,8	4	2,9	4,1	3,1
96	3	2,3	3,2	2,4	3,3	2,5	3,4	2,6	3,6	2,7	3,7	2,8
97	2,6	2,1	2,7	2,2	2,9	2,2	3	2,3	3,1	2,4	3,2	2,5
98	2,1	1,7	2,2	1,8	2,3	1,9	2,4	1,9	2,5	2	2,5	2,1
99	1,4	1,2	1,5	1,3	1,6	1,3	1,6	1,4	1,7	1,4	1,8	1,5
100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Источник: прогнозные расчёты выполнены А.Н. Семенякой по данным Росстата.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессонова Е., Иванова Н., Москаlevа А. (2025). *Финансы российских домохозяйств в 2024 году: Аналитическая записка*. — М.: Банк России.
- Дмитриев М.Э. (2024). Ход реализации и итоги реформ социальной сферы начала 2000-х в России: переосмысление в ретроспективе // *Вопросы теоретической экономики*. №3. С. 7–30.
- Дмитриев М.Э., Нейштадт И.В. (2020). Потенциал увеличения финансирования здравоохранения и дорогостоящего ухода с использованием ресурсов населения и государства // *Финансы и бизнес*. №1. С. 73–87.
- Дмитриев М.Э., Оконишников А.А. (2019). Анализ возможностей использования обратной ипотеки для финансирования услуг здравоохранения и долгосрочного ухода // *Карельский научный журнал*. Т. 8. № 4. С. 122–126.
- Мишина Е. А., Столяров Д.Л. (2012). Обратная ипотека: обзор мировой практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. №3. С. 173–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2012.3.173.184.
- Структурные изменения в здравоохранении: тенденции и перспективы* (2022): Докл. / С.В. Шишкин (ред.). — М.: НИУ ВШЭ.
- Modigliani F. (1949). Fluctuations in the Saving-Income Ratio: A Problem in Economic Forecasting // *Studies in Income and Wealth*. No. 11. — New York: National Bureau of Economic Research.
- Reverse mortgage market overview (2025). Business Research Insights. URL: <https://www.businessresearchinsights.com/market-reports/reverse-mortgage-market-104996>

REFERENCES

- Bessonova E., Ivanova N., Moskaleva A. (2025). *Finances of Russian households in 2024*. Analytical note. — M.: Bank of Russia. (In Russ.).
- Dmitriev M. E. (2024). Implementation and outcomes of social policy reforms of early 2000s in Russia: reassessment in hindsight // *Issues of Economic Theory (Voprosy teoreticheskoy ekonomiki)*. No. 3. Pp. 7–30. (In Russ.).
- Dmitriev M.E., Neystadt I.V. (2020). Assessment of potential for better financing of healthcare and expensive nursing care from public and private sources // *Finansy i Biznes*. No.1. Pp. 73–87. (In Russ.).
- Dmitriev M.E., Okonishnikov A.A. (2019). Analysis of potential for reverse mortgage financing of healthcare and expensive nursing care // *Karel'skiy nauchnyi journal*. T. 8. No. 4. Pp. 122–126. (In Russ.).
- Modigliani F. (1949). Fluctuations in the Saving-Income Ratio: A Problem in Economic Forecasting // *Studies in Income and Wealth*. No. 11. — N. Y.: National Bureau of Economic Research.
- Mishina E., Stolyarov D. (2012). Reverse Mortgage: Review of International Practice // Law. Journal of the Higher School of Economics. N3., Pp. 173–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2012.3.173.184.
- Reverse mortgage market overview (2025). Business Research Insights. URL: <https://www.businessresearchinsights.com/market-reports/reverse-mortgage-market-104996>
- Structural changes in healthcare: trends and perspectives* (2022): Report. / S.V. Shishkin (ed.). — M.: NRU HSE. (In Russ.).

Дмитриев Михаил Эгонович

mikhaildm@mail.ru

Mikhail Dmitriev

Doctor of Economic Sciences, President, Business Partnership “New Economic Growth” (Moscow)

mikhaildm@mail.ru

Оконишников Арий Ариевич

a.okonishnikov@mail.ru

Arii Okonishnikov

PhD (technology), Senior research fellow, Project leader, Center of Infrastructure Economy (Moscow)

mikhaildm@mail.ru

Семеняка Александр Николаевич

asemenyaka@yandex.ru

Alexandr Semenyaka

PhD (economics), independent expert (Moscow)

asemenyaka@yandex.ru

TARGETED HOUSING CAPITAL: SOCIALLY ORIENTED INSTITUTIONAL DESIGN

Abstract. The article, a follow up of our previous research projects, considers the practical implications of the life-cycle hypothesis by F. Modigliani for the institutional design of the program of Targeted housing capital for the Russian elderly. The program is designed as socially oriented monetization vehicle for extensive housing assets of Russia’s elderly households enabling them to cover costs of expensive healthcare and social services wherever public financing is not available. The paper explores the possible role of development institutions, digital financial technologies, mitigation of social, demographic, legal, and financial risks, long-term sustainability of the program, and potential for scaling up.

Keywords: housing market, long-term care, population ageing, reverse mortgage, health insurance.

JEL: I13, I18, I38, J14, G20, G22.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

К.Ф. Быковский

*студент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
(Москва)*

Д.Д. Карташев

*студент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
(Москва)*

ОБРАЗОВАНИЕ И ДОХОД: ПАРАДОКСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

Аннотация. В работе рассматривается гипотеза Г. Беккера о прямой связи между продолжительностью образования и уровнем доходов в национальных экономиках в период 2000–2023 гг. В целом классическая гипотеза полностью подтверждается (коэффициенты корреляции 0,782 для ВВП на душу населения в текущих ценах и 0,8 для постоянных цен). Тем не менее в рассматриваемом периоде имела место определённая дефляция, которая должна была отрицательно влиять на рассматриваемую связь. При разбивке стран на отдельные четыре группы по уровню дохода (богатые, выше среднемирового уровня, ниже среднемирового уровня, бедные), используемые в статистике Всемирного банка, оказалось, что для богатых стран связь между продолжительностью образования и доходом отсутствует (<0), для стран с доходом выше среднего она относительно существенная, с доходом ниже среднего — существенная. Для бедных стран такая связь ослабевает, но остаётся существенной. Таким образом, инвестиции в образование обнаруживают хорошо известную в микроэкономике убывающую отдачу, которая проявляет себя для высоких уровней дохода и, соответственно, достаточно высокой продолжительности образования (и переходе к массовому высшему образованию). Эта тенденция, однако, может быть также связана с потоками миграции образованных работников из сравнительно бедных стран в богатые страны.

Ключевые слова: гипотеза Беккера, человеческий капитал, образование, доход, глобализация.

JEL: I20, I25

УДК: 330.341, 371

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_112_127

© К.Ф. Быковский, Д.Д. Карташев, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Быковский К.Ф., Карташев Д.Д. Образование и доход: парадоксы глобализации // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 112–127. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_112_127.

FOR CITATION: Bykovsky K., Kartashev D. Education and Income: The Paradoxes of Globalization // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 112–127. DOI: 10.52342/2587-666VTE_2026_1_112_127.

¹ Благодарности: авторы выражают свою признательность д.э.н., главному научному сотруднику Института экономики РАН О.А. Кислицыной за советы и помощь в проведении расчётов и подготовке текста статьи. Исследование выполнено при финансовой поддержке программы «Шаг в науку» РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Введение

Разрушение феодальных порядков в Новое время, рост промышленности в Нидерландах и Великобритании сопровождались распространением грамотности и облегчением доступа широких слоёв населения к образованию. Постепенно в самых разных государствах утверждались представления о том, что рост образованности общества ведёт к росту производительности труда, зарплаты, и — как общее следствие — к росту доходов общества в целом. Г. Беккер предложил распространить экономический подход к анализу ряда социальных феноменов, начиная с образования. Это привело к тому, что затраты в данной сфере стали рассматриваться как инвестиции в создание человеческого капитала, а с помощью уровня образованности, измеряемого через количество лет образования, стали объяснять разницу в доходах различных работников.

Однако в XXI в. уровень образованности в богатых странах стал достаточно высоким, чтобы вызывать опасения у людей, причастных к научным занятиям. Так, в 1999 г. Дж. Кац, профессор физики из Университета Вашингтон, опубликовал пост с названием «Не становитесь учёными!», указав на избыток образованного населения, желающего заняться наукой. Спустя 25 лет, 20 января 2025 г. международной группой учёных были опубликованы результаты социологического исследования карьерного пути 45 тыс. так называемых «постдоков» [Duan et al., 2024]. Ситуация ухудшилась. «...В среднем на одну открытую позицию в академической среде на рассмотрение поступают от десяти до пятидесяти резюме молодых учёных, полностью соответствующих критериям отбора и обладающих необходимой квалификацией. И это несмотря на то, что работа постдокторантов характеризуется терминами “разочарование”, “постоянный стресс”, “несчастный” и “эксплуатируемый”» [«Не становитесь учёными!», 2025].

Что происходит? Нобелевская премия, которую получил Г. Беккер, была присуждена «за распространение сферы микроэкономического анализа на целый ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение» [Беккер, 2003а]. Одной из посылок микроэкономики является убывающая отдача от инвестиций в большинство активов (факторы производства). Может ли быть так, что, начиная с какого-то уровня образования общества, дополнительные затраты на образование перестают приносить положительную отдачу? Анализу этого вопроса посвящена наша работа.

Постановка проблемы

Согласно Беккеру, человеческий капитал — это имеющийся у каждого запас знаний, навыков, мотиваций. Инвестициями в него могут быть образование, накопление производственного опыта, охрана здоровья, географическая мобильность, поиск информации. Для накопления этого самого запаса необходимы значительные вложения. Расходы, способствующие повышению производительности человеческого капитала или увеличению его срока службы, следует рассматривать как инвестиции, поскольку текущие расходы осуществляются с тем расчётом, что они будут многократно компенсированы значительным потоком доходов в будущем.

Основой для гипотезы Беккера о связи накопленного количества лет образования и доходов стала идея о рациональности поведения учащихся и их родителей. При принятии решений о продолжении обучения они проводят экономический анализ, сопоставляя потенциальную отдачу от образовательных инвестиций с альтернативными вариантами вложения средств. Этот процесс напоминает классическую инвестиционную оценку, где предельная норма отдачи образования сравнивается с доходностью других активов, таких как банковские депозиты или ценные бумаги. Показатель нормы отдачи служит важным индикатором: его высокие значения сигнализируют о дефиците

инвестиций в определённые образовательные программы, тогда как низкие — о возможном переинвестировании.

Помимо теоретического обоснования Беккер первым осуществил и практический, статистически корректный подсчёт экономической эффективности образования. Для определения дохода, например, от высшего образования из пожизненных заработков тех, кто окончил колледж, вычитались пожизненные заработки тех, кто не пошёл дальше средней школы. В составе издержек обучения в качестве главного элемента выделялись «потерянные заработки», то есть доход, недополученный учащимися за годы учёбы [Беккер, 2003b].

Работы Г. Беккера стали экономической классикой. Однако исследования, посвящённые инвестициям в образование и его отдаче, основывались на данных 1950–1960-х гг. в США. В наше время ведутся активные дискуссии о том, насколько окупаются инвестиции в человеческий капитал. Известный российский экономист В.Е. Гимпельсон указывает на проблему недоиспользования человеческого капитала, которая укоренилась на российском рынке труда. Невостребованная работодателями разница не участвует в производстве новой стоимости, быстро обесценивается и теряет свою производительную ценность как для работника, так и для экономики в целом. «Наши исследования говорят о том, что в середине 2000-х годов доля выполнявших тогда работу, не требовавшую уровня образования, который у них был, составляла около $\frac{1}{3}$. За прошедшее время доля обладателей высшего образования среди занятого населения возросла (примерно с 26 до 32%), а спрос на них, по-видимому, сократился. Значит, этот разрыв, как минимум, не уменьшился» [Гимпельсон, 2016. С. 136].

Примерно о том же, хотя и несколько в ином ракурсе, пишет и В.Ф. Аникин. Он полагает, что показатель числа лет обучения уже не имеет большого значения при анализе различий в оплате труда для разных регионов России. Согласно его оценке, руководители и специалисты довольствуются оклонулевой отдачей от дополнительного года обучения, а рабочие и служащие имеют лишь 2,5–4%. В то же время один только факт переезда в мегаполис может увеличить доходы россиянина не в десятки, а в сотни раз! При этом характерно снижение требований работодателей с высокого уровня знаний к чисто прикладным навыкам: «...достаточно тревожной является тенденция явного переключения столиц с процессов накопления и развития фундаментальных показателей человеческого капитала в пользу развития практических навыков (работа на компьютере для профессионалов, знание иностранных языков — для управленцев)» [Аникин, 2018. С. 111].

Напротив, другой известный российский экономист, Р.И. Капелюшников, отвергает популярный тезис о сверхнизкой норме отдачи российского образования, указывая на недостатки используемой учёными НИУ ВШЭ статистики. По его мнению, они основываются на единственном источнике данных, а именно Российском мониторинге экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ ВШЭ). И действительно, расчёты, проведённые на этих данных, демонстрируют критически низкий уровень отдачи от образовательных инвестиций в человеческий капитал в России (2–5%). Однако данные, полученные из альтернативных источников, таких как Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени (ВНИСФВ), Выборочное наблюдение доходов населения (ВНДН), Обследования заработной платы по профессиям Росстата (ОЗПП), показывают намного более позитивные результаты (10–13%) [Капелюшников, 2021].

Ситуация, когда отдача от высшего образования в стране оценивается учёными диаметрально противоположным образом, характерна не только для России. Английский экономист Г. Стэндинг, с именем которого связана популярность в 2010-х гг. термина «прекариат», указывал: «Коммодификация образования (превращение образования в товар) также вызывает разочарованность и недовольство. Система образования, направленная на улучшение “человеческого капитала”, не обеспечивает лучшими рабочими местами. Образование, продающееся как некое капиталовложение (которое для большинства

покупателей никогда не окупится), — это просто обман. Взять хотя бы такой пример: в Испании 40 процентов выпускников университетов через год после окончания вуза оказываются на малоквалифицированных должностях, для которых такой уровень подготовки, как у них, не требуется. И это приводит лишь к повальной статусной фрустрации» [Стэндинг, 2014. С. 123–124]. Молодые люди долго откладывают средства на колледж, мечтая о работе «с белым воротничком» как об освобождении, а в итоге становятся жертвами упавшей отдачи от образования и, проживая с родителями, не приносят домой ничего, кроме злосчастного диплома. К ним же относятся и прочие лица, не имеющие постоянной занятости. И именно они, недовольные таким обществом, формируют опасный прекариат.

Примерно так же оценивает национальную систему образования американский политолог Т. Николс, критикуя последствия образовательного бума: «В худшем случае дипломы не подтверждают ни обучение, ни подготовку, а только посещение. А порой и вовсе свидетельствуют лишь о своевременно вносимой плате за обучение» [Николс, 2019. С. 77]. Он указывает на то, что обычный студент из ученика превратился в потребителя образовательных услуг и в университете он занимается чем угодно, кроме учёбы. Отсюда и вытекает вопрос: «А нужно ли оно вообще?». Ведь каждый год колоссальные деньги расходуются на это самое «образование», увеличивается коэффициент охвата, да и сам этот процесс может занимать и 10, и 15 лет, значит, и образованность населения, и пожизненная отдача, и ВВП должны расти. Если этого не происходит, то высшее образование — это действительно не более, чем несколько весёлых лет между школой и первой неквалифицированной работой. В результате оно и превращается не в способ разбогатеть, а в развлечение для уже богатых.

Легко заметить, что приведённые выше оценки сильно расходятся с подходом Г. Беккера. Тем не менее, если дистанцироваться от чисто микроэкономического подхода, то можно заметить, что образование — не совсем обычное благо. Оно имеет определённые «внешние эффекты»: достаточно правдоподобным выглядит допущение, что в более образованных странах будет ниже преступность, выше продолжительность жизни, более высоким будет и качество товаров и услуг, которые производятся и в частном, и в государственном секторе. В этом отношении личный человеческий капитал, рассматриваемый как часть общего богатства страны, может давать некий синергетический эффект, который не сводится к сумме заработков отдельных индивидов. Такой подход позволяет в какой-то степени примирить разные позиции, приведённые выше. И этот же подход предполагает достаточно простой, учитывая развитую международную статистику по сравнению с той, что была доступна Беккеру, механизм верификации. Первая гипотеза, которую можно назвать гипотезой Беккера, будет заключаться в том, что в любом рассматриваемом периоде наблюдается достаточно сильная положительная корреляция между количеством лет образования и уровнем душевого ВВП в национальных экономиках, по которым есть данные в ООН, Мировом Банке и МВФ.

Состав информации, гипотезы и их проверка

Период наблюдений, в рамках которого предполагается проанализировать правдоподобность гипотезы Беккера, — 2000–2023 гг. включительно. В качестве фактора — причины рассматривалась длительность обучения (лет), в качестве результирующего фактора — доход на душу населения. Последний рассматривался в долларах по паритету покупательной способности (ППС), впоследствии этот показатель был уточнён и приведён к «постоянным ценам». Базисом для последних был 2021 г. — именно для этого года приводятся данные Всемирного банка [World Bank. 2025a].

Наша выборка состоит из 158 государств, которые охватывают основную часть экономики и населения земли (не вошло несколько малых — по населению и территории

стран). Гипотеза Беккера первоначально проверялась на всём массиве доступных данных (24 года, 158 государств). В дальнейшем государства были разбиты на четыре квартиля по уровню дохода, согласно методологии Всемирного банка: богатые страны (H), страны с доходом выше среднего (UM), страны с доходом ниже среднего (LM), страны с низким уровнем дохода (L). Данные об этих государствах — с доходом по ППС в текущих ценах и с доходом по ППС в ценах 2021 г. приводятся в Приложении, в табл. П1, П2.

Приведём описательную статистику (табл. 1).

**Таблица 1
Образование и доход на душу населения в мире в целом и в четырёх группах стран**

По всей выборке (158*24) 3 792				
Переменные	Среднее (Mean)	Ст. отклонение (s. d.)	Минимум	Максимум
Количество лет образования	12,8283	3,2969	3,0017	23,2477
Доход на душу населения по ППС в текущих ценах, долл.	20 642,8994	22 964,7700	471,9673	180 939,43
Доход на душу населения по ППС в ценах 2021 г., долл.	24 631,4575	25 568,8111	711,9764	145 591,019
По выборке богатых стран (H) 1185				
Количество лет образования	15,7197	2,2242	5,9844	23,2477
Доход на душу населения по ППС в текущих ценах, долл.	47071,8908	23538,1897	15075,9509	180939,4300
Доход на душу населения по ППС в ценах 2021 г., долл.	55298,1477	23757,1561	15683,8847	145591,019
По выборке стран с доходом выше среднего (UM) 909				
Количество лет образования	13,6326	1,9491	5,9844	18,8302
Доход на душу населения по ППС в текущих ценах, долл.	15606,7876	6422,2332	3589,6688	48689,1979
Доход на душу населения по ППС в ценах 2021 г., долл.	18896,8340	6959,3956	4244,0443	57968,9959
По выборке стран с доходом ниже среднего (LM) 928				
Количество лет образования	11,4682	2,3003	3,4070	15,8614
Доход на душу населения по ППС в текущих ценах, долл.	6562,4467	2928,8203	1515,7090	17846,41
Доход на душу населения по ППС в ценах 2021 г., долл.	8374,9894	3874,8342	2275,0161	24302,6582
По выборке стран с низким доходом (L) 770				
Количество лет образования	8,8916	2,1254	3,0017	14,1334
Доход на душу населения по ППС в текущих ценах, долл.	2043,0656	1203,7398	471,9673	14496,1744
Доход на душу населения по ППС в ценах 2021 г., долл.	2764,1741	1798,5355	711,9764	21709,5751

Источник: построено авторами на основе данных Всемирного банка (2000–2023 гг.).

Беглый анализ показывает, что, если ориентироваться на средние показатели, то и в различных группах стран, и в мире в целом имел место процесс дефляции (в мире в целом средний доход в ценах 2021 г.: 24 631,46 долл., а в текущих ценах: 20 642,90 на душу населения; сходные тенденции обнаруживаются во всех четырёх группах). Однако есть и существенное исключение — в странах с максимальным доходом в рассматриваемом периоде шла инфляция (максимальный доход в ценах 2021 г. составлял 145 591,019 на душу населения, в то время как в текущих ценах — 180 939,43 долл.). Образованность населения в мире, как и во всех группах стран постоянно росла: в 2000 г. среднее количество лет обучения составляло около двенадцати лет, в 2024 г. уже приблизительно тринадцать лет (табл. 2). Поэтому можно ожидать, что это может сильно ослабить гипотезу Беккера: количество лет образования и доходы могут из-за дефляции меняться в разных направлениях. С другой стороны, дефляция в целом не мешала мировой экономике в целом иметь положительные темпы роста; и, несмотря на шоки 2008–2009 гг. (мировой финансовый кризис) и 2020 г. (COVID-19), рост наблюдался и во всех группах стран.

Таблица 2
Динамика анализируемых показателей в среднем по миру за 2000–2023 гг.

	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Количество лет образования	12,16	12,41	12,87	13,15	13,09	13,04
Доход на душу населения по ППС в текущих ценах, долл.	13513,33	16663,35	19472,78	21196,93	24014,42	30969,59
Доход на душу населения по ППС в ценах 2021 г., долл.	20705,91	23109,52	24203,61	25472,94	25472,08	28170,48

Источник: построено авторами на основе данных Всемирного банка (2000–2023).

Таким образом, основываясь, с одной стороны, на рассмотренных в предыдущем разделе публикациях, а с другой стороны, на приведённых выше данных о количестве лет образования и доходах, можно сделать вывод, что характер связи между этими параметрами неоднозначен. Вряд ли имеет смысл пытаться строить коэффициенты эластичности отдачи образования для разных стран; напротив, следует проверить наличие взаимосвязи между этими показателями. И если немного откорректировать гипотезу Беккера с поправкой на уровень дохода в разных странах, то можно выдвинуть для проверки следующие простые и внешне правдоподобные гипотезы:

1) в странах с высоким уровнем дохода образование даёт «убывающую» отдачу, поэтому корреляция между доходом и образованием будет стремиться к нулю;

2) чем ниже уровень дохода в небогатых странах, тем сильнее будет корреляция между образованностью и доходом. Самая сильная корреляция будет наблюдаться в бедных странах, немного ниже — в странах с доходом ниже среднего, ещё ниже, но тем не менее достаточно сильная, — в странах с доходом выше среднего;

3) инфляция и, соответственно, удорожание образования может оказать влияние на направление взаимной зависимости дохода и образования в богатых странах. В остальных странах коэффициенты корреляции, рассчитанные для доходов по ППС в текущих ценах и для доходов по ППС в ценах 2021 г., не должны сильно различаться.

В ходе анализа распределений ВВП на душу населения и числа лет обучения была проведена проверка нормальности с использованием тестов Шапиро-Уилка и Колмогорова-Смирнова, вычисления асимметрии и эксцесса, а также построения гистограмм и графиков Q-Q и P-P. Все эти методы показали, что распределения ВВП на душу населения отличаются от нормального. Для приведения распределений ВВП к нормальному виду было выполнено

Таблица 3

Образование и доход на душу населения в мире в целом и в четырёх группах стран

По всей выборке (158*24) 3 792				
Переменные	Среднее (Mean)	Ст. отклонение (s. d.)	Минимум	Максимум
Количество лет образования	12,8283	3,2969	3,0017	23,2477
Натуральный логарифм ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах, долл.	9,292	1,237	6,157	12,106
Натуральный логарифм ВВП на душу населения по ППС в ценах 2021 г., долл.	9,513	1,204	0,620	11,889
По выборке богатых стран (H) 1185				
Количество лет образования	15,7432	2,2324	5,9843	23,2477
Натуральный логарифм ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах, долл.	10,654	0,448	9,621	12,106
Натуральный логарифм ВВП на душу населения по ППС в ценах 2021 г., долл.	10,837	0,406	9,660	11,889
По выборке стран с доходом выше среднего (UM) 909				
Количество лет образования	13,6883	1,9479	5,9844	18,8302
Натуральный логарифм ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах, долл.	9,582	0,382	8,186	10,793
Натуральный логарифм ВВП на душу населения по ППС в ценах 2021 г., долл.	9,780	0,373	8,353	10,968
По выборке стран с доходом ниже среднего (LM) 928				
Количество лет образования	11,5570	2,3100	3,4070	16,0449
Натуральный логарифм ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах, долл.	8,689	0,455	7,324	9,790
Натуральный логарифм ВВП на душу населения по ППС в ценах 2021 г., долл.	8,926	0,470	7,730	10,098
По выборке стран с низким доходом (L) 770				
Количество лет образования	8,9638	2,1504	3,0017	14,1334
Натуральный логарифм ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах, долл.	7,4877	0,5187	6,157	9,582
Натуральный логарифм ВВП на душу населения по ППС в ценах 2021 г., долл.	7,772	0,579	0,620	9,986

логарифмическое преобразование (натуральный логарифм). В табл. 3 представлены скорректированные после логарифмирования описательные статистики и графики распределения логарифмированных значений ВВП.

На рис. 1 и 2 представлены значения логарифма ВВП в зависимости от накопленного в странах группы Н уровня образования. С таким рассеиванием установить линейную взаимосвязь (её отсутствие) для корреляции Пирсона не удается: значение функции для каждого нового аргумента изменяется прочти хаотично. Это свидетельствует о влиянии прочих, не связанных с накоплением образования, факторов на ВВП. Однако линия тренда имеет отрицательный наклон на обоих графиках. Предварительный анализ данных

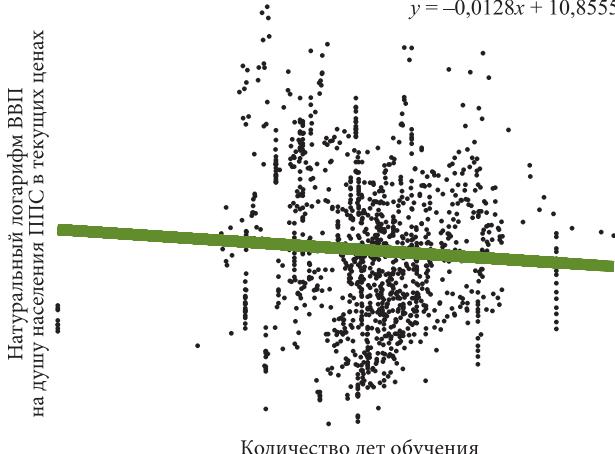

Рис. 1. Натуральный логарифм дохода на душу (долл.) и образование (число лет) в странах с высоким уровнем дохода (текущие цены)

Источник: расчёты авторов.

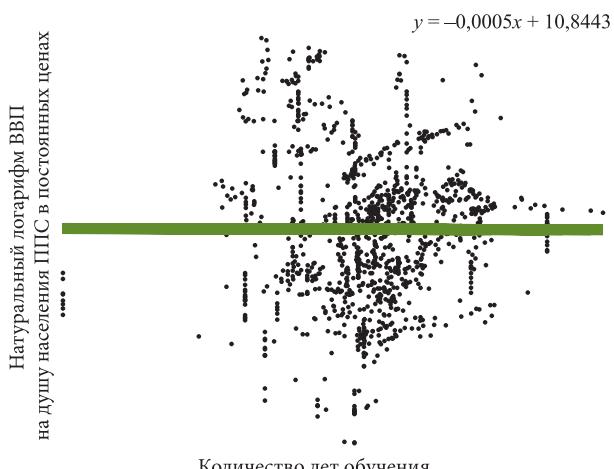

Рис. 2. Натуральный логарифм дохода на душу (долл.) и образование (число лет) в странах с высоким уровнем дохода (цены 2021 г.)

Источник: расчёты авторов.

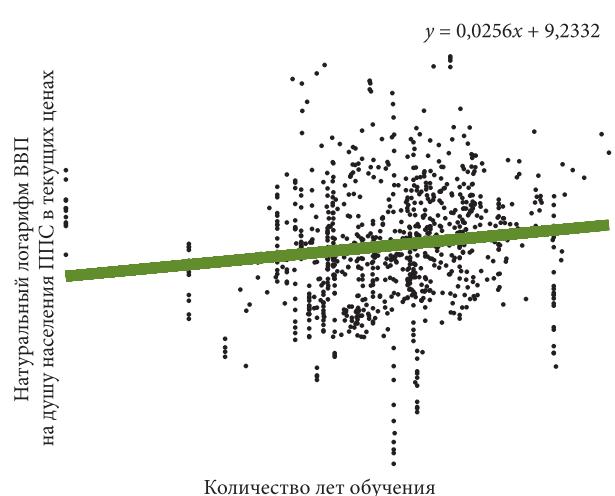

Рис. 3. Натуральный логарифм дохода на душу (долл.) и образование (число лет) в странах с доходом выше среднего (текущие цены)

Источник: расчёты авторов.

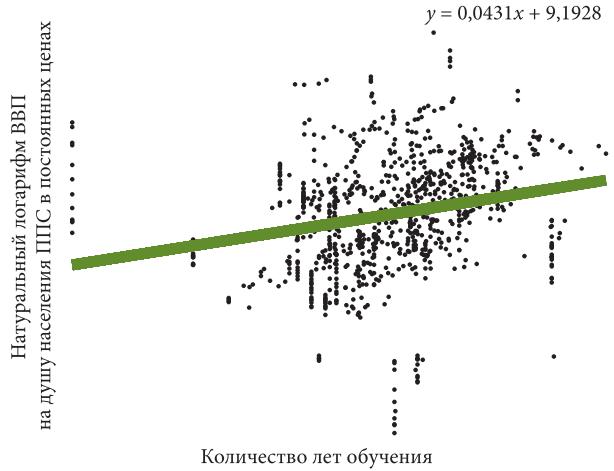

Рис. 4. Натуральный логарифм дохода на душу (долл.) и образование (число лет) в странах с уровнем дохода выше среднего (цены 2021 г.)

Источник: расчёты авторов.

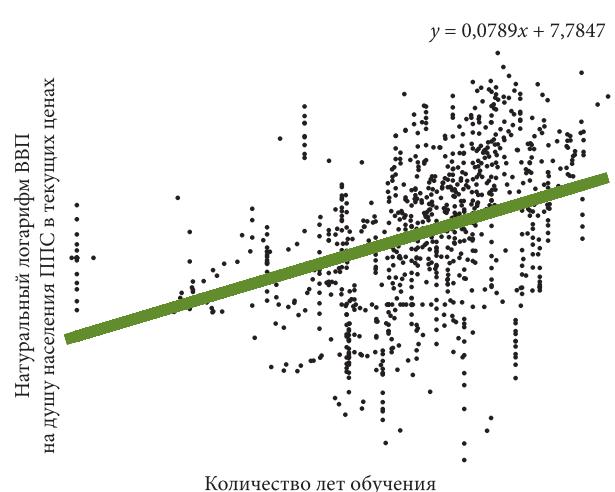

Рис. 5. Натуральный логарифм дохода на душу (долл.) и образование (число лет) в странах с доходом ниже среднего (текущие цены)

Источник: расчёты авторов.

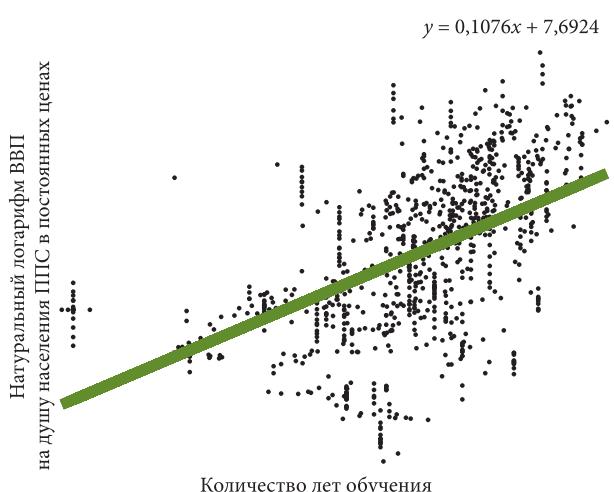

Рис. 6. Натуральный логарифм дохода на душу (долл.) и образование (число лет) в странах с уровнем дохода ниже среднего (цены 2021 г.)

Источник: расчёты авторов.

подтверждает отсутствие взаимосвязи (незначительную отрицательную связь) между образованием и доходом в группе богатых стран (H).

На рис. 3 и 4 представлены значения логарифма ВВП в зависимости от накопленного в странах группы UM уровня образования. Так же, как и на графиках стран предыдущей группы, здесь наблюдается интенсивное рассеивание, хотя разброс значений заметно ниже. Несмотря на то, что случайные факторы явно имеют сильное влияние на значение ВВП в этой группе, линия тренда обретает слабый положительный наклон.

На рис. 5 и 6 представлены значения логарифма ВВП в зависимости от накопленного в странах группы LM уровня образования. Здесь рассеивание становится умеренным и выделить тренд становится проще: с увеличением количества лет обучения ВВП растет. График с откорректированным на цены 2021 г. ВВП и вовсе имеет наиболее крутой наклон линии среди представленных, что позволяет сделать предположение о высокой силе взаимосвязи именно в группе LM.

На рис. 7 и 8 представлены значения логарифма ВВП в зависимости от накопленного в странах группы L уровня образования. В данной группе стран наиболее заметен линейный тренд. Линия восходящая, предположение о высокой связи между образованием и доходом в группе беднейших стран вполне может подтвердиться при расчёте коэффициента корреляции.

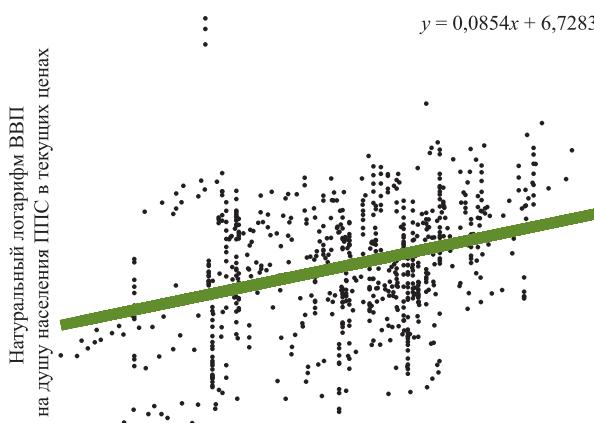

Рис. 7. Натуральный логарифм дохода на душу (долл.) и образование (число лет) в странах с низким доходом (текущие цены)

Источник: расчёты авторов.

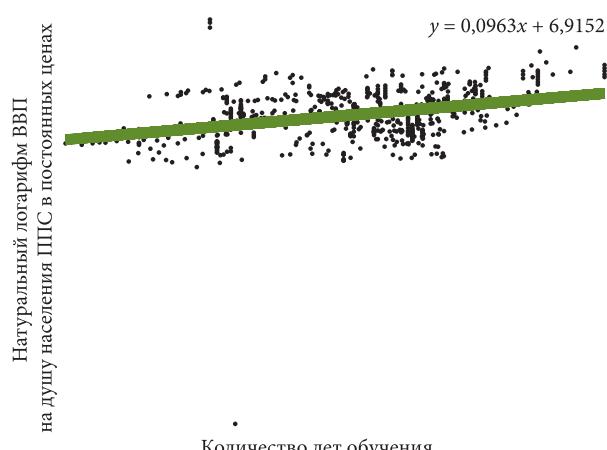

Рис. 8. Натуральный логарифм дохода на душу (долл.) и образование (число лет) в странах с низким уровнем дохода (цены 2021 г.)

Источник: расчёты авторов.

Для проверки всех предположений, сделанных на основе описательной статистики и графиков в ходе предварительного анализа, был произведён расчёт коэффициентов корреляции в целом по миру и для каждой группы стран.

Корреляция между образованием и доходом. Интерпретация результатов

Полученные результаты расчётов корреляции для разных вариантов представлены в табл. 4.

Анализ, выполненный для 158 стран за период 2000–2023 гг. (3792 наблюдения), показывает, что в глобальной выборке существует сильная положительная связь между средней продолжительностью обучения и ВВП на душу населения по ППС. Коэффициенты корреляции составляют 0,5430 для текущих цен и 0,5890 для цен 2021 г., при этом оба показателя статистически значимы на уровне $p < 0,001$. Это подтверждает устойчивость гипотезы о положительном влиянии образования на доходы на глобальном уровне.

Таблица 4

Значение коэффициентов корреляции для уровня образования (числа лет) и дохода на душу населения разных стран, определяемых через ППС в текущих ценах и через ППС в ценах 2021 г.

Выборка: 2000–2023 гг. Число наблюдений: 24 Число стран: 158		
	Образование и доход по ППС в текущих ценах	Образование и доход по ППС в ценах 2021 г.
Коэффициент корреляции	0,5430	0,5890
t-статистика	55,3188	59,2908
Вероятность	0,000000	0,000000
Богатые страны (доход: см. Приложение) Выборка: 2000–2023 гг. Число наблюдений: 1185		
Коэффициент корреляции	-0,1168041	-0,0735507
t-статистика	68,8181037	80,1035624
Вероятность	0,0000557	0,0113203
Страны с доходом выше среднего (доход: см. Приложение) Выборка: 2000–2023 гг. Число наблюдений: 909		
Коэффициент корреляции	0,1196488	0,2209889
t-статистика	73,2031632	81,8061632
Вероятность	0,0002999	0,0000000
Страны с доходом ниже среднего (доход: см. Приложение) Выборка: 2000–2023 гг. Число наблюдений: 928		
Коэффициент корреляции	0,4187552	0,5303691
t-статистика	68,1376728	65,7521488
Вероятность	0,0000000	0,0000000
Страны с низкими доходами (доход: см. Приложение) Выборка: 2000–2023 гг. Число наблюдений: 770		
Коэффициент корреляции	0,2510962	0,2754810
t-статистика	45,9074320	41,6174039
Вероятность	0,0000000	0,0000000

Источник: расчеты авторов.

Однако детальный анализ по группам стран демонстрирует значительную неоднородность результатов.

Для группы стран с высоким уровнем дохода (1185 наблюдений) обнаружена слабая отрицательная связь между продолжительностью обучения и уровнем дохода (-0,117 и -0,074). Оба коэффициента статистически значимы ($p < 0,001$ и $p < 0,01$, соответственно). Это может отражать эффект насыщения: в развитых экономиках дополнительные годы обучения дают меньший или даже отрицательный маржинальный вклад в доход.

В странах с доходом выше среднего (909 наблюдений) выявлена слабая, но статистически значимая положительная связь — 0,120 в текущих ценах и 0,221 в ценах 2021 г. Это указывает на то, что в экономически формирующихся странах образование приносит заметный, хотя и умеренный экономический эффект.

Для стран с доходом ниже среднего. (928 наблюдений) корреляция становится значительно сильнее: 0,419 и 0,530 соответственно. Оба показателя значимы при $p < 0,001$. Здесь наблюдается одна из наиболее выраженных зависимостей, что свидетельствует о существенной отдаче от образования в странах среднего уровня развития.

В беднейших странах (770 наблюдений) обнаружены умеренные положительные связи — 0,251 и 0,276. Оба коэффициента значимы на уровне $p < 0,001$. Хотя эффект слабее, чем в странах с доходом ниже среднего, он остаётся устойчивым, что может отражать влияние структурных ограничений и недостатка экономических возможностей.

Полученные результаты подтверждают первую гипотезу: богатые страны (H) — единственная группа, у которой наблюдается отсутствие положительной взаимосвязи между накопленным числом лет обучения и доходом. Вероятно, микроэкономический закон убывающей отдачи от капитала снижает экономический эффект от образования в экономиках, где оно уже стало массовым. Экстенсивное наращивание человеческого капитала больше не обеспечивает прироста национального дохода, в отличие от стран с доходом выше среднего (UM), где связь остаётся слабо положительной. Весьма заметная разница (почти в 2 раза) для последних возникает при корректировке ВВП на цены 2021 г., сильно влияя на интерпретацию коэффициента корреляции: в случае рассмотрения ВВП на уровне текущих цен взаимосвязи почти нет, но если взять ВВП на уровне цен 2021 г., взаимосвязь усиливается. Очевидно, что это следствие дефляции в наблюдаемом периоде.

Наиболее сильная взаимосвязь наблюдается в странах с доходом ниже среднего (LM). На данном этапе развития их экономики испытывают высокий спрос на среднеквалифицированных специалистов, тогда как образование остаётся относительно менее доступным, и наличие диплома действительно повышает производительность и уровень доходов. Однако эта зависимость может ослабляться из-за «утечки мозгов», превращающей эти страны в поставщиков человеческого капитала для богатых государств.

Беднейшие страны (L), несмотря на средний уровень накопленных лет образования около 14, также испытывают дефицит квалифицированных кадров, что объясняет положительную связь между образованием и доходом. Хотя коэффициенты корреляции здесь ниже, чем в соседней группе, взаимосвязь остаётся значимой. Частично это может объясняться миграционным оттоком, аграрной структурой национальных экономик и низким качеством образования.

Заключение

В недавней работе Д.А. Авдеевой и Д.А. Веселова [Авдеева, Веселов, 2025] рассматриваются взаимосвязи институтов, образования и экономического роста (134 страны, период 1970–2015 гг.). Качество институтов оценивается с помощью Индекса экономической свободы, рассчитываемого на основе данных международных организаций (МВФ, Всемирный банк, и т.д.). Делается вывод о том, что качественное, длительное образование способствует хорошим институтам, и всё это вместе обуславливает экономический рост.

Полученные нами результаты *по выборке в целом* не противоречат данному выводу, однако показывают, что даже при простом делении стран на четыре группы по доходу картина существенно меняется. Стоит уточнить также, что, возможно, характер этой связи для богатых стран меняется уже в XXI в., когда во многих из них происходит постепенный переход к массовому высшему образованию. И, конечно, это никак не затрагивает правомерности вывода о связи качества институтов с экономическим ростом.

Естественно, что «нобелевская» гипотеза Г. Беккера продолжает сохранять своё значение для стран «мирового большинства». Тем не менее определённая ирония заключается в том, что в эпоху «экономики знаний», где тенденция возрастающей отдачи становится теоретическим мейнстримом, взаимосвязь между длительностью образования и доходом ослабевает именно в богатых странах, располагающим х наибольшим запасом знаний. Стоит также отметить, что, несмотря на усилившуюся неомеркантилистские тенденции, феномен глобализации сохраняет своё значение, и переток рабочей силы между странами продолжается. Тем самым сохраняется и логика отношений Центра — периферии, в рамках которой системы относительно бедных стран, в сущности, спонсируют развитие богатых стран. И этот фактор также ослабляет взаимосвязь между образованием и доходом в последних.

Как показывает наш анализ, связь между количеством лет образования и доходом ослабевает и для стран с доходом выше среднемирового. По-видимому, для того, чтобы сохранить высокую отдачу от инвестиций в образование, необходимы какие-то институциональные изменения. Однако анализ характера этих изменений выходит далеко за рамки нашего исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Таблица П1
Группировка стран по уровню дохода в текущих ценах, долл.*

Страны с высоким доходом на душу населения (H)	Страны с доходом на душу населения выше среднего (UM)	Страны с доходом на душу населения ниже среднего (LM)	Страны с низким доходом на душу населения (L)
более 20 000 долл.	8 000–20 000 долл.	3 500–8 000 долл.	до 3 500 долл.
Венгрия (2007–2011, после 2014), Андорра, Объединённые Арабские Эмираты, Австралия, Австрия, Бельгия, Бермуды, Бруней-Даруссалам, Канада, Швейцария, Кипр, Каймановы о-ва, Германия, Дания, Италия, Испания, Финляндия, Франция, Греция, Ирландия, Исландия, Израиль, Нидерланды, Япония, Кувейт, Люксембург, Новая Зеландия, Норвегия, Катар, Португалия, Словения, Швеция, Сингапур, Сан-Марино, США, Мальта (кроме 2001), Пуэрто-Рико (после 2002), Барбадос (после 2006), Эстония (после 2007), Тринидад и Тобаго (после 2007), Антигуа и Барбуда (2005–2009, после 2012), Венгрия (2007–2011, после 2014),	Ботсвана, Гренада, Габон, Коста-Рика, Мексика, Маврикий (кроме 2019), Малайзия, Аргентина (кроме 2014, 2017), Ливан (до 2021), Южно-Африканская Республика (2000, с 2004), Бразилия (кроме 2002–2005), Сербия, Палау (кроме 2016–2020, 2023), Белиз (кроме 2000–2001, 2008–2011, 2020), Панама (до 2017), Черногория, Суринам (после 2007), Ямайка (после 2007), Колумбия (после 2008), Беларусь (после 2007), Болгария (после 2006, кроме 2023), Перу (после 2008), Намибия (после 2007), Доминиканская Республика (после 2008), Босния и Герцеговина (после 2008), Азербайджан (после 2009), Казахстан (после 2006), Фиджи (после 2007, кроме 2010–2011), Эквадор (после 2010), Румыния (с 2005 по 2018), Сейшельские Острова (до 2014), Таиланд (после 2010), Албания (после 2009, кроме 2011), Китай (после 2010), Мальдивы (после 2010), Туркменистан (после 2012), Маршалловы Острова (после 2012), Уругвай (после 2012),	Вануату, Филиппины, Марокко, Гондурас, Сальвадор (до 2022), Самоа (до 2016 и 2020–2023), Шри-Ланка (кроме 2018), Тунис (кроме 2010–2014), Камерун (после 2005), Лесото (после 2005), Никарагуа (после 2005), Индонезия (кроме 2000–2002, 2019, 2022–2023), Восточный Тимор (после 2007), Бутан (после 2006), Сирийская Арабская Республика (до 2017), Индия (после 2007), Гватемала (до 2017), Украина (кроме 2000–2001, 2023), Нигерия (после 2008), Пакистан (после 2009), Сан-Томе и Принсипи (после 2008), Армения (после 2017), Ангола (после 2004, кроме 2011), Узбекистан (после 2009), Гайана (до 2015), Молдавия (2005–2019), Грузия (2003–2017), Вьетнам (после 2009), Гана (после 2010), Парагвай (до 2014), Иордания (до 2010, 2016, 2022–2023), Тонга (до 2012, 2015), Монголия (после 2007, кроме 2014 и 2023), Мавритания (после 2010, кроме 2011), Сенегал (после 2009, кроме 2015–2017), Судан (2007–2018), Маршалловы Острова (до 2012), Ирак (до 2012), Туркменистан (до 2011), Албания (до 2009, 2011), Китай (до 2010),	Афганистан, Центрально-африканская Республика, Буркина-Фасо, Бурунди, Гвинея-Бисау, Эфиопия, Нигер, Малави, Мозамбик, Уганда, Того, Чад, Руанда, Сьерра-Леоне, Мадагаскар, Либерия, Мали, Гвинея (до 2022), Непал (до 2019), Бенин (до 2019), Зимбабве (до 2018), Коморы (до 2018), Таджикистан (кроме 2014–2016, 2020–2023), Камбоджа (до 2015), Бангладеш (до 2014), Кения (до 2014), Мьянма (до 2014), Сенегал (до 2009 и 2015–2017), Судан (до 2007 и после 2019), Мавритания (до 2010, кроме 2011), Гана (до 2010), Вьетнам (до 2009), Узбекистан (до 2009), Пакистан (до 2008), Нигерия (до 2008), Сан-Томе и Принсипи (до 2008), Сирийская Арабская Республика (после 2017), Монголия (до 2007), Индия (до 2007),

Страны с высоким доходом на душу населения (H)	Страны с доходом на душу населения выше среднего (UM)	Страны с доходом на душу населения ниже среднего (LM)	Страны с низким доходом на душу населения (L)
более 20 000 долл.	8 000–20 000 долл.	3 500–8 000 долл.	до 3 500 долл.
Хорватия (после 2008, кроме 2016), Польша (после 2009), Теркс и Кайкос (после 2009), Синт-Мартен (после 2010), Латвия (после 2009), Чили (после 2012), Литва (после 2012), Уругвай (после 2012), Сейшельские Острова (после 2014), Панама (после 2017), Палау (после 2016), Российская Федерация (2012–2014, 2023), Румыния (после 2019), Аргентина (2014 и 2017), Гайана (после 2022), о. Маврикий (2019), Болгария (2023)	Чили (до 2012), Российская Федерация (после 2004, кроме 2012–2014, 2023), Алжир (после 2008, кроме 2019–2020), Литва (2001–2011), Тонга (после 2012, кроме 2015), Иордания (после 2010, кроме 2016, 2022–2023), Парагвай (после 2014), Латвия (после 2009, кроме 2010–2011), Польша (2000–2008), Хорватия (до 2008 и 2016), Венгрия (до 2007 и 2012–2013), Антигуа и Барбуда (2000, 2001, 2003–2004, 2009–2011), Гватемала (после 2017), Гайана (после 2015), Армения (после 2017), Грузия (2015 и после 2018), Эстония (до 2006), Тринидад и Тобаго (до 2006), Тунис (2010–2014), Самоа (2016–2019), Барбадос (2001 и 2003–2005), Молдова (после 2020), Индонезия (2019 и 2022–2023), Пуэрто-Рико (до 2002), Сальвадор (после 2022), Монголия (2014 и 2023), Мальта (2001), Ангола (2001), Шри-Ланка (2018), Украина (2023)	Алжир (до 2008 и 2019–2020), Эквадор (до 2010), Кения (после 2014), Таиланд (до 2010), Бангладеш (после 2014), Мьянма (после 2014), Мальдивы (до 2010), Камбоджа (после 2015), Фиджи (до 2007 и 2010–2011), Колумбия (до 2008), Босния и Герцеговина (до 2008), Доминиканская Республика (до 2008), Намибия (до 2008), Перу (до 2008), Белиз (2000–2001, 2008–2011, 2020), Таджикистан (после 2014, кроме 2017–2019), Суринам (до 2007), Беларусь (до 2007), Ямайка (до 2007), Казахстан (до 2006), Болгария (до 2006), Коморы (после 2018), Азербайджан (с 2003 по 2008), Зимбабве (после 2018), Непал (после 2019), Бенин (после 2019), Румыния (до 2005), Бразилия (2002–2005), Российская Федерация (до 2004), Ливан (после 2021), Южно-Африканская Республика (2001 — 2003), Гвинея (после 2022), Экваториальная Гвинея, Литва (2000), Латвия (2000)	Восточный Тимор (до 2007, кроме 2000), Бутан (до 2006), Камерун (до 2005), Никарагуа (до 2005), Молдова (до 2005), Лесото (до 2005), Ангола (до 2004), Азербайджан (до 2003), Грузия (до 2003), Индонезия (до 2003), Армения (до 2002), Украина (до 2002), Экваториальная Гвинея (2001)

Таблица П2

Группировка стран по уровню дохода в постоянных ценах, долл.

Страны с высоким доходом на душу населения (H)	Страны с доходом на душу населения выше среднего (UM)	Страны с доходом на душу населения ниже среднего (LM)	Страны с низким доходом на душу населения (L)
Более 25 000 долл.	8 100–25 000 долл.	3 500–8 100 долл.	до 3 500 долл.
Венгрия (2007–2011, после 2014), Андорра, Объединённые Арабские Эмираты, Австралия, Австрия, Бельгия, Бермуды, Бруней-Даруссалам, Канада, Швейцария, Кипр, Каймановы о-ва, Германия, Дания, Италия, Испания, Финляндия, Франция, Греция, Ирландия, Исландия, Израиль, Нидерланды, Япония, Кувейт, Люксембург	Ботсвана, Гренада, Габон, Коста-Рика, Мексика, Маврикий (кроме 2019), Малайзия, Аргентина (кроме 2014, 2017), Ливан (до 2021), Южно-Африканская Республика (2000, с 2004), Бразилия (кроме 2002–2005), Сербия, Палау (кроме 2016–2020, 2023), Белиз (кроме 2000–2001, 2008–2011, 2020), Панама (до 2017), Черногория, Суринам (после 2007), Ямайка (после 2007), Колумбия (после 2008), Беларусь (после 2007), Болгария (после 2006, кроме 2023), Перу (после 2008), Намибия (после 2007),	Вануату, Филиппины, Марокко, Гондурас, Сальвадор (до 2022), Самоа (до 2016 и 2020–2023), Шри-Ланка (кроме 2018), Тунис (кроме 2010–2014), Камерун (после 2005), Лесото (после 2005), Никарагуа (после 2005), Индонезия (кроме 2000–2002, 2019, 2022–2023), Восточный Тимор (после 2007), Бутан (после 2006), Сирийская Арабская Республика (до 2017), Индия (после 2007), Гватемала (до 2017), Украина (кроме 2000–2001, 2023), Нигерия (после 2008), Пакистан (после 2009), Сан-Томе и Принсипи (после 2008),	Афганистан, Центрально-африканская Республика, Буркина-Фасо, Бурунди, Гвинея-Бисау, Эфиопия, Нигер, Малави, Мозамбик, Уганда, Того, Чад, Руанда, Сьерра-Леоне, Мадагаскар, Либерия, Мали, Гвинея (до 2022), Непал (до 2019), Бенин (до 2019), Зимбабве (до 2018), Коморы (до 2018), Таджикистан (кроме 2014–2016, 2020–2023), Камбоджа (до 2015), Бангладеш (до 2014),

Страны с высоким доходом на душу населения (H)	Страны с доходом на душу населения выше среднего (UM)	Страны с доходом на душу населения выше среднего (LM)	Страны с низким доходом на душу населения (L)
Более 25 000 долл.	8 100–25 000 долл.	5 000–8 100 долл.	до 5 000 долл.
Новая Зеландия, Норвегия, Катар, Португалия, Словения, Швеция, Сингапур, Сан-Марино, США, Мальта (кроме 2001), Пуэрто-Рико (после 2002), Барбадос (после 2006), Эстония (после 2007), Тринидад и Тобаго (после 2007), Антигуа и Барбуда (2005–2009, после 2012 года), Венгрия (2007–2011, после 2014), Хорватия (после 2008, кроме 2016), Польша (после 2009), Теркс и Кайкос (после 2009), Синт-Мартен (после 2010), Латвия (после 2009), Чили (после 2012), Литва (после 2012), Уругвай (после 2012), Сейшельские Острова (после 2014), Панама (после 2017), Палау (после 2016), Российская Федерация (2012–2014, 2023), Румыния (после 2019), Аргентина (2014 и 2017), Гайана (после 2022), о. Маврикий (2019), Болгария (2023)	Доминиканская Республика (после 2008), Босния и Герцеговина (после 2008), Азербайджан (после 2009), Казахстан (после 2006), Фиджи (после 2007, кроме 2010–2011), Эквадор (после 2010), Румыния (2005–2018), Сейшельские Острова (до 2014), Таиланд (после 2010), Албания (после 2009, кроме 2011), Китай (после 2010), Мальдивы (после 2010), Туркменистан (после 2012), Маршалловы Острова (после 2012), Уругвай (после 2012), Чили (до 2012), Российская Федерация (после 2004, кроме 2012–2014, 2023), Алжир (после 2008, кроме 2019–2020), Литва (2001–2011), Тонга (после 2012, кроме 2015), Иордания (после 2010, кроме 2016, 2022–2023), Парагвай (после 2014), Латвия (после 2009, кроме 2010–2011), Польша (с 2000 по 2008), Хорватия (до 2008 и 2016), Венгрия (до 2007 и 2012–2013), Антигуа и Барбуда (2000, 2001, 2003–2004, 2009–2011), Гватемала (после 2017), Гайана (после 2015), Армения (после 2017), Грузия (2015 и после 2018), Эстония (до 2006), Тринидад и Тобаго (до 2006), Тунис (2010–2014), Самоа (2016–2019), Барбадос (2001 и 2003–2005), Молдова (после 2020), Индонезия (2019 и 2022–2023), Пуэрто-Рико (до 2002), Сальвадор (после 2022), Монголия (2014 и 2023), Мальта (2001), Ангола (2001), Шри-Ланка (2018), Украина (2023)	Армения (после 2017), Ангола (после 2004, кроме 2011), Узбекистан (после 2009), Гайана (до 2015), Молдова (2005–2019), Грузия (с 2003–2017), Вьетнам (после 2009), Гана (после 2010), Парагвай (до 2014), Иордания (до 2010, 2016, 2022–2023), Тонга (до 2012, 2015), Монголия (после 2007, кроме 2014 и 2023), Мавритания (после 2010, кроме 2011), Сенегал (после 2009, кроме 2015–2017), Судан (2007–2018), Маршалловы Острова (до 2012), Ирак (до 2012), Туркменистан (до 2011), Албания (до 2009, 2011), Китай (до 2010), Алжир (до 2008 и 2019–2020), Эквадор (до 2010), Кения (после 2014), Таиланд (до 2010), Бангладеш (после 2014), Мьянма (после 2014), Мальдивы (до 2010), Камбоджа (после 2015), Фиджи (до 2007 и 2010–2011), Колумбия (до 2008), Босния и Герцеговина (до 2008), Доминиканская Республика (до 2008), Намибия (до 2008), Перу (до 2008), Белиз (2000–2001, 2008–2011, 2020), Таджикистан (после 2014, кроме 2017–2019), Суринам (до 2007), Беларусь (до 2007), Ямайка (до 2007), Казахстан (до 2006), Болгария (до 2006), Коморы (после 2018), Азербайджан (2003–2008), Зимбабве (после 2018), Непал (после 2019), Бенин (после 2019), Румыния (до 2005), Бразилия (2002–2005), Российская Федерация (до 2004), Ливан (после 2021), Южно-Африканская Республика (2001–2003), Гвинея (после 2022), Экваториальная Гвинея, Литва (2000), Латвия (2000)	Кения (до 2014), Мьянма (до 2014), Сенегал (до 2009 и 2015–2017), Судан (до 2007 и после 2019), Мавритания (до 2010, кроме 2011), Гана (до 2010), Вьетнам (до 2009), Узбекистан (до 2009), Пакистан (до 2008), Нигерия (до 2008), Сан-Томе и Принсипи (до 2008), Сирийская Арабская Республика (после 2017), Монголия (до 2007), Индия (до 2007), Восточный Тимор (до 2007, кроме 2000), Бутан (до 2006), Камерун (до 2005), Никарагуа (до 2005), Молдова (до 2005), Лесото (до 2005), Ангола (до 2004), Азербайджан (до 2003), Грузия (до 2003), Индонезия (до 2003), Армения (до 2002), Украина (до 2002), Экваториальная Гвинея (2001)

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеева Д.А., Веселов Д.А. (2025). Образование и экономический рост: роль институтов // *Вопросы экономики*. №8. С. 102–120. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-8-102-120.
- Аникин В.Ф. (2018). Человеческий капитал в пост-кризисной России: состояние и отдача // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. Т. 10. № 2. С. 90–117. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117..
- Беккер Г. (2003a). Нобелевская лекция // Г. Беккер *Человеческое поведение: экономический подход*. Избранные труды по экономической теории. — М.: ГУ ВШЭ. С. 581–609.
- Беккер Г. (2003b). Воздействие инвестиций в человеческий капитал на заработки // Г. Беккер *Человеческое поведение: экономический подход*. Избранные труды по экономической теории. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 20-89.
- Гимпельсон В.Е. (2016). Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // *Вопросы экономики*. №10. С. 129–143. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-129-143. С. 136.
- Капелищников Р.И. (2021). Отдача от образования в России: ниже некуда? // *Вопросы экономики*. №8. С. 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68.
- «Не становитесь учёными!» (2025): Что с перепроизводством научных кадров спустя четверть века после публикации манифеста? Хабр. URL: <https://habr.com/ru/articles/875730/> (дата обращения: 25.08.2025).
- Николс Т. (2019). *Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания*. — М.: Бомбара, Эксмо.
- Стэндинг Г. (2014). *Прекариат: новый опасный класс*. — М.: Ад Маргинем Пресс.
- Duan Yu., Memon Sh.A., AlShebli B., Duan Q., Holme P., Rahwan T. (2024). *Where Postdoctoral Journeys Lead*. Preprint. ARXIV.ORG. URL: <https://arxiv.org/pdf/2411.03938.pdf> (access date: 25.08.2025).
- World Bank. (2025a). World Development Indicators. WorldBank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (access date: 25.08.2025).
- World Bank (2025b). World Development Indicators: GDP per capita, PPP (constant 2021 US\$) WorldBank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD> (access date: 25.08.2025).
- World Bank (2025c). World Development Indicators: GDP per capita, PPP (current US\$). WorldBank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD> (access date: 25.08.2025).

REFERENCES

- Avdeeva D.A., Veselov D.A. (2025). Education and economic growth: The role of institutions // *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. Pp. 102–120. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2025-8-102-120. (In Russ.).
- Anikin V.F. (2018). Human Capital in Post-Crisis Russia: State and Returns // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 10. No. 2. Pp. 90–117. (In Russ.). DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117. (In Russ.).
- Becker G.S. (2003a). The Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // *G.S. Becker Human Behavior: An Economic Approach*. Selected Papers on Economic Theory. — М.: HSE Publishing House. Pp. 581–609. (In Russ.).
- Becker G.S. (2003b). Investment in Human Capital: Effects on Earnings. // *G.S. Becker Human Behavior: An Economic Approach*. Selected Papers on Economic Theory. — М.: HSE Publishing House. Pp. 20-89. (In Russ.).
- «Don't Become Scientists!» (2025): What Happened to the Overproduction of Scientific Personnel a Quarter of a Century After the Manifesto's Publication? Habr. URL: <https://habr.com/ru/articles/875730/> (accessed: 25.08.2025). (In Russ.).
- Duan Yu., Memon Sh.A., AlShebli B., Duan Q., Holme P., Rahwan T. (2024). *Where Postdoctoral Journeys*. Preprint. ARXIV.ORG. <https://arxiv.org/pdf/2411.03938.pdf> (access date: 25.08.2025).
- Gimpelson V.E. (2016). Does the Russian Economy Need Human Capital? Ten Doubts // *Voprosy Ekonomiki*. No. 10. Pp. 129–143. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-129-143. P. 136. (In Russ.).
- Kapeliushnikov R.I. (2021). The Return to Education in Russia: Can It Get Any Worse? // *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. Pp. 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68. (In Russ.).
- Nichols T. (2019). *The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge and Why it Matters*. — М.: Bombora, Eksmo. (In Russ.).
- Standing G. (2014). *The Precariat: The New Dangerous Class*. — М.: Ad Marginem Press. (In Russ.).
- World Bank. (2025a). World Development Indicators. WorldBank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (access date: 25.08.2025).
- World Bank (2025b). World Development Indicators: GDP per capita, PPP (constant 2021 US\$) WorldBank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD> (access date: 25.08.2025).
- World Bank (2025c). World Development Indicators: GDP per capita, PPP (current US\$). WorldBank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD> (access date: 25.08.2025).

Быковский Кирилл Федорович

bykovskiykf@gmail.com

Kirill Bykovsky

student, Plekhanov Russian Economic University (Moscow)

bykovskiykf@gmail.com

Карташев Даниил Дмитриевич

superdan.kar@gmail.com

Daniil Kartashev

student, Plekhanov Russian Economic University (Moscow)

superdan.kar@gmail.com

EDUCATION AND INCOME: THE PARADOXES OF GLOBALIZATION²

Abstract. This paper examines G. Becker's hypothesis on the direct relationship between the duration of education and income levels in national economies over the period 2000–2023. Overall, the classical hypothesis is fully confirmed (correlation coefficients of 0.782 for GDP per capita at current prices and 0.8 for constant prices). However, a certain deflation occurred during the period under review, which should have negatively impacted the relationship under consideration. When dividing countries into four separate income groups (rich, above the global average, below the global average, and poor), as used in World Bank statistics, it turned out that for rich countries, the relationship between the duration of education and income is absent (<0), while for upper-middle-income countries, it is relatively significant, and for lower-middle-income countries, it is significant. For poor countries, this relationship weakens, but remains significant. Thus, investments in education exhibit diminishing returns, well known in microeconomics, which manifest themselves at high income levels and, accordingly, at a sufficiently long duration of education (and the transition to mass higher education). This trend, however, may also be linked to migration flows of educated workers from relatively poor countries to rich countries.

Keywords: *Becker hypothesis, human capital, education, income, globalization.*

JEL: I20, I25.

² Acknowledgments: The authors express their gratitude to Doctor Habilatus in economics, Chief Researcher Institute of Economics of the RAS O.A. Kislytsyna for advice and assistance in carrying out calculations and preparing the text of the article. The study was carried out with the financial support of the «Step into Science» program of the Plekhanov Russian University of Economics.

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

О.Н. Борох

к.э.н, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (Москва)

КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРИОД КАМПАНИЙ КРИТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х ГГ.

Аннотация. Во второй половине 1950-х гг. в Китае развернулись споры о недостатках созданной по советскому образцу системы экономического образования. Часть профессиональных экономистов подвергла критике постулаты марксистской политэкономии и призывала к использованию полезных компонентов западной экономической науки. Они считали советскую версию марксизма непригодной для решения практических задач, указывали на низкий уровень и отсутствие теоретических достижений экономической науки в СССР, призывали власти ослабить идеально-воспитательное давление на экономическое сообщество. Защитников этой точки зрения объявили в Китае помышлявшими о реставрации капитализма «правыми элементами», были подвергнуты критике китайские трактовки мальтизианства и теории процента. Сторонники марксизма упрекали советскую модель образования в догматизме и отрыве от китайской реальности, её влиянием объяснялось одностороннее внимание преподавателей к истории зарубежной экономической мысли при недостаточном интересе к актуальным вопросам развития КНР. На первый план вышли рекомендации наполнить преподавание китайскими материалами, переосмыслить шаблон советского учебника политэкономии, укрепить партийный классовый характер обучения, уделить больше внимания разоблачению «реакционных» экономических теорий. Итогом споров 1957–1958 гг. стал курс на сближение экономической теории с практикой, популяризацию марксистской политэкономии, соединение в образовательном процессе воспитания политического мировоззрения с передачей профессиональных знаний. Основным направлением стала китаизация советской системы экономического образования без её полного отвержения. В результате интенсификация идеологической критики в сфере экономической науки наряду с активным продвижением политэкономии в народные массы привели к существенному упрощению трактовки теоретических проблем.

Ключевые слова: советская политическая экономия, марксизм, западная экономическая наука, движение «ста цветов», кампания против «правых элементов», Чэн Чжэнъхань, популяризация экономических знаний.

JEL: B2, B24, A2

УДК: 330.85

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_128_144

© О.Н. Борох, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Борох О.Н. Китайское экономическое образование в период кампаний критики второй половины 1950-х гг. // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 128–144. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_128_144.

FOR CITATION: Borokh O. Chinese Economic Education During the Criticism Campaigns of the Second Half of the 1950s // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 128–144. DOI: 10.52342/2587-666VTE_2026_1_128_144.

Введение

Стартовавшая в начале 1950-х гг. реформа экономического образования в КНР завершилась к середине десятилетия. Марксистская теория заняла главенствующее положение, была налажена подготовка преподавателей политэкономии. В качестве составной части набора обязательных марксистских «политических дисциплин» советская политэкономия пришла во все китайские вузы.

На ранних стадиях освоения и распространения марксистской политэкономии в КНР китайские экономисты не пытались открыто ставить под сомнение советский опыт. В первой половине 1950-х гг. приоритетной задачей были выявление и осмысление национальной специфики, её соединение с формулировками советской политэкономии [Борох, 2025].

В 1956 г. китайское руководство санкционировало критическую переоценку модели построения социализма в СССР. После этого развернулись широкомасштабные споры о недостатках образовательных программ, созданных по советскому образцу.

Переосмысление советского опыта обрело две основные формы. На короткий срок право слова получила старая профессура, сохранившая негативное отношение к замене преподавания западной экономической науки марксистской политической экономией. Учёные поставили под сомнение обоснованность теоретических постулатов советской политэкономии, выразив недовольство упрощением экономического знания и сковывающим влиянием партийной идеологии.

Сторонники официальных взглядов критиковали советскую модель за догматизм и предлагали больше учитывать китайскую реальность в преподавании экономических дисциплин. Призывы к позитивному пересмотру отношения к буржуазной экономической науке для китайских марксистов были неприемлемы, не говоря уже о попытках оппозиционных интеллектуалов поставить под сомнение руководящую роль КПК.

Некоторые критические суждения о советской политэкономии, представленные во второй половине 1950-х гг., отчасти повторяли доводы, звучавшие в начале десятилетия. Однако ситуация принципиально изменилась. Китай уже располагал сформированной под влиянием советской модели собственной системой экономического образования. Главной темой стал выбор направления её реформирования. С опорой на китайские материалы в статье исследуется история обсуждения этой проблемы во второй половине 1950-х гг.

Разоблачение «правых» экономистов

Китайская интелигенция получила возможность высказаться по широкому кругу вопросов развития страны в 1957 г. во время движения «ста цветов». Выступления против недостатков советской модели переросли в критику политики КПК. Власти быстро свернули кампанию и нанесли удар по несогласным — их объявили «правыми элементами».

Отражением настроений представителей экономического сообщества с западным образованием стало письмо «Наши некоторые мнения относительно современной работы в экономической науке». Весной 1957 г. его составил вместе с единомышленниками профессор экономического факультета Пекинского университета Чэн Чжэнъхань [Chen Zhenhan et al., 1957]. Он получил докторскую степень в Гарвардском университете, поддержавшие его коллеги с факультета также обладали степенями престижных зарубежных университетов: Ло Чжижу учился в Гарварде, Сюй Юйнань — в Кембридже.

Центральной темой «Мнений» было место западной экономической теории в условиях социализма. Авторы предложили сначала тщательно изучить буржуазную экономическую науку, после чего рассмотреть вопрос о возможности использования некоторых западных «полезных концепций и методов анализа», например мультипликатора Кейнса, теории предельных величин и методов статистики. Они также указали на отрыв

экономической науки КНР от практики, на засилье советских шаблонов, отсутствие эффективного взаимодействия между органами государственной власти и профессиональными «буржуазными» экономистами [Борох, 2011].

«Мнения» отмечали, что партийные экономические работники не общаются с беспартийными экономистами и не используют их творческий потенциал. Изучавшим в прошлом буржуазную экономическую науку беспартийным экономистам приходится много заниматься своим перевоспитанием. Основное бремя преподавательской, научной и административной нагрузки вынужденно ложится на немногочисленных экономистов, состоящих в КПК. Тем временем вузы и исследовательские организации блокируют беспартийным экономистам доступ к статистическим материалам. Ограничения на преподавание и исследование политической экономии вытесняют беспартийных учёных в сферу изучения экономической истории. Однако ряды китайских экономистов слишком малы на фоне стоящих перед Китаем огромных задач, тогда как подготовка нового поколения учёных требует длительного времени. Было заявлено, что «настало время для устранения границ между новым и старым, для укрепления сплочённости работников экономической науки вне партии и внутри неё» [Chen Zhenhan et al., 1957. P. 132].

С началом движения против «правых» эти воззрения стали мишенью для критики как воплощение замысла «реставрации» буржуазной экономической науки в Китае. Осуждение «Мнений» представителями профессионального экономического сообщества было продиктовано не только политической целесообразностью, но и ясным теоретическим пониманием невозможности совместить нормативную марксистскую политэкономию с кейнсианством и предельным анализом. После разоблачения «правых» в КНР возобладало настороженное отношение к сторонникам использования немарксистских экономических учений.

Чэнь Чжэньханя и его единомышленников осуждали не только за пропаганду западных экономических концепций. Другая линия критики была связана с рассуждениями «правых» о невозможности использовать труды классиков марксизма-ленинизма для анализа китайской экономики. Слова Чэнь Чжэньханя, что марксистско-ленинская политэкономия — по сути, набор цитат, не обладающих научной ценностью и не способных стать основой для планов экономического развития, были названы «клеветой на марксистско-ленинскую политическую экономию» [Song Tao, 1958. P. 351]. Сторонники официальной идеологии не считали отсутствие в марксизме конкретных проектов социально-экономического развития существенным недостатком. Им было достаточно того, что это учение объясняет суть явлений, законы развития экономики и общества.

Чэнь Чжэньханю приписывали замысел «позволить буржуазным экономистам участвовать в принятии решений и руководстве экономическим строительством в Китае, чтобы коренным образом изменить направление социалистического экономического строительства и возродить в Китае капитализм» [Song Tao, 1958. Рр. 359–360]. Интерес к кейнсианству трактовался как стремление превратить его в руководящую экономическую идеологию Китая и направить страну на путь реставрации капитализма.

«Три теории» Чэнь Чжэньханя и общественные науки в СССР

Преподаватель экономического факультета Пекинского университета Чжан Южэнь подверг критике «три реакционные теории», с которыми Чэнь Чжэньхань в феврале 1956 г. выступил на обсуждении в профсоюзном комитете факультета¹.

¹ Это заседание собрали в ответ на призыв партии за 12 лет приблизиться к передовому уровню мировой науки. Мероприятие прошло за несколько месяцев до выступления Мао Цзэдуна о необходимости переосмысления советского опыта и более чем за год до движения «ста цветов». Это свидетельствует о внимании Чэнь Чжэньханя к поставленным вопросам ещё до поворота в политике властей.

«Теория бесполезности общественных наук» осуждала марксистские общественные науки за догматизм и одновременно «вызывала духи умерших» реакционных буржуазных учений. Чжан Южэн утверждал, что Чэн Чжэньхань якобы не считал политэкономию способной принести пользу развитию страны и полагал, что буржуазные общественные науки содержат полезные идеи. А поскольку китайские власти не придавали значения буржуазным обществоведам, тем стало «негде применить оружие» [Zhang Youren, 1958. Pp. 369–370].

Единомышленник Чэн Чжэньханя Сюй Юйнань относился к нормативной политэкономии скептически и заявлял, что она занимается лишь игрой понятий и превратилась в «священное писание», а преподаватели политэкономии — в читающих каноны монахов. Появился тезис о всеобщей «разочарованности» китайских экономистов: Ло Чжижу сетовал, что состоящая из пропаганды и работы жизнь стала однообразной [Zhang Youren, 1958. P. 370].

Опровержение «теории бесполезности общественных наук» служило обоснованию важности марксистско-ленинской экономической теории для социалистического строительства. В русле разоблачения стремления Чэн Чжэньханя к «реставрации» буржуазной науки было заявлено, что экономист нападает на краеугольный камень марксистско-ленинской политэкономии — теорию прибавочной стоимости [Zhang Youren, 1958. P. 375].

В следующей теории — «истощения потенциальных возможностей» Чэн Чжэньхань исходил из того, что после образования КНР практическая, административная и общественная деятельность, участие в движении за перевоспитание привели к усталости интеллигенции. У неё оказались исчерпаны резервы для занятия научно-исследовательской работой, достигнутые за последние годы результаты не соответствуют имеющимся возможностям. Чжан Южэн полагал: чтобы создать условия для научных исследований, Чэн Чжэньхань якобы призвал отказаться от обучения преподавателей марксистско-ленинской теории, остановить кампанию идеологического перевоспитания, свернуть общественную и административную работу [Zhang Youren, 1958. P. 370].

Выдвижение учёным «теории истощения потенциальных возможностей» было истолковано как попытка под предлогом занятости работой самому отказаться от изучения марксизма-ленинизма и идейного перевоспитания. Материалом для критики стала научная биография Чэн Чжэньханя после образования КНР.

Экономист принял участие в проведении земельной реформы, но потом говорил, что жалеет о потраченных силах и времени. После реорганизации высших учебных заведений и факультетов в 1952 г. Чэн Чжэньхань лишь один год преподавал в Пекинском университете экономическую историю Китая Нового времени. Под предлогом занятости научной работой он передал этот курс доценту Сюн Чжэнвэню, с 1953 г. он четыре года ничего не преподавал. За это время одна его статья вышла в академическом журнале «Цзинцзи яньцзю» («Экономические исследования»), тогда как за восемь лет, предшествовавших образованию КНР, Чэн Чжэньхань опубликовал несколько десятков статей, направленных против СССР и коммунизма. Его публикация, подписанная «от редакции» и опубликованная в восстановленном в период «ста цветов» либеральном журнале «Гуаньча» («Наблюдение») была нацелена против СССР. Учёный по совместительству работал в Институте экономики АН Китая. Заместитель директора Института Янь Чжунпин сообщил, что Чэн Чжэньхань не выполнял годовые задания и переносил их, что влияло на выполнение институтского плана. Был сделан вывод, что на деле учёный все это время был занят «антисоциалистической деятельностью», «противодействием изучению теории и социалистическим преобразованиям» [Zhang Youren, 1958. Pp. 383–384].

Наконец, «теория мирового уровня» (дословно — «теория о том, где находится мировой уровень») Чэн Чжэньханя касалась оценки достижений общественных наук. Экономист считал их уровень в СССР очень отсталым. Полистав «Диалектический материализм» Г.Ф. Александрова и «Исторический материализм» Ф.В. Константинова, Чэн

Чжэнъхань заключил, что эти учебники написаны «неважно» и сам он мог бы составить их намного лучше. Его коллега Сюй Юйнань похожим образом утверждал, что «советские статьи действительно не являются выдающимися» и он мог бы написать лучше [Zhang Youren, 1958. P. 370].

Критики отмечали, что Чэнь Чжэнъхань воздержался от прямолинейного заявления о том, что передовой мировой уровень общественных наук достигнут не в СССР, а в капиталистических странах. Он лишь подчеркнул, что в технических и естественных науках передовой уровень очевиден, а в общественных науках он не столь явный. Поставив вопрос о том, может ли СССР служить критерием развитости общественных наук, учёный указал на незначительность советских достижений [Zhao Jing, 1957. Pp. 17–18].

По мнению Чэнь Чжэнъханя, за сорок лет СССР не внёс значительного вклада в экономическую науку. Множество людей вложили немало труда, опубликовали массу книг и статей, однако результаты применения теории для экономического развития были скромными. Причина в том, что вместо учёных-экономистов в СССР воспитали пропагандистов и защитников социализма. Истоки этой оценки оппоненты сводили к пониманию «правыми» социализма и марксизма. Чэнь Чжэнъхань и его единомышленники полагали, что централизованное руководство экономикой при социализме делает проблемы планомерного пропорционального развития и производственных отношений очень простыми. Тем временем при капитализме есть свободная конкуренция, при этом некоторые проблемы сложны и требуют экономического анализа.

Чэнь Чжэнъхань утверждал, что советские экономисты уже сделали всё возможное. На создание «Истории экономических учений» Д.И. Розенберг потратил много труда, его метод заключался в том, чтобы собрать материалы из классических трудов марксизма-ленинизма, поставить важные проблемы и правильно расположить их. При существующих ограничениях экономическое знание могло быть лишь таким. Чэнь Чжэнъхань считал Розенberга «человеком из прошлого». По его мнению, специалист по истории экономики П.И. Лященко также придавал значение глубине знаний и обладал эрудицией, но эти учёные остались в советской науке из старого общества [Zhao Jing, 1957. P. 18]. Советский учебник политэкономии, обретший в середине 1950-х гг. в Китае большое влияние, Чэнь Чжэнъхань назвал теоретически «пустым» в разделе о социализме [He Li, 1958. P. 361].

Критики Чэнь Чжэнъханя с возмущением отреагировали на тезис о том, что экономическая наука в СССР не движется вперед и уступает эпохе «прогнившей империи», вырастившей знающих людей. В заслугу советской экономической науке ставили выявление закономерностей переходного периода к социализму и социалистического общества. Оппоненты напоминали, что А.А. Богданов, И.А. Лапидус и К.В. Островитянов обучили экономической науке широкие массы, в СССР достигнуты большие успехи в упорядочении экономического наследия [Zhao Jing, 1957. P. 19].

Появление «теории мирового уровня» объяснили реакцией Чэнь Чжэнъханя на поставленную КПК задачу выйти на передовой уровень мировой науки. По мнению критиков, отрицание экономистом теоретических успехов общественных наук СССР свидетельствовало о его собственном стремлении к антинаучному мировому уровню буржуазных общественных наук [Zhang Youren, 1958. P. 385].

У Чэнь Чжэнъханя были единомышленники за пределами экономического сообщества. Известный этнограф и антрополог Фэй Сяотун поддержал его взгляды. В июле 1956 г. он посетил Чэнь Чжэнъханя и обсудил с ним «три теории». По мнению Фэй Сяотуна, не следует пассивно относиться к тому, что экономической науке и экономистам в Китае не уделяют необходимого внимания, необходимо бороться за укрепление их положения. Критик пояснил, что под экономической наукой Фэй Сяотун подразумевал буржуазную экономическую науку, а под экономистами — не желающих заниматься перевоспитанием буржуазных экономистов [Zhao Jing, 1958. P. 388].

Споры о социализме и экономическом планировании

Для демонстрации теоретических заблуждений критики вспомнили о дореволюционных публикациях Чэнь Чжэньханя 1947–1948 гг. Так, в статье «О том, что мало и не поровну» [Chen Zhenhan, 1948b] он писал о неприкосновенности частной собственности, полагая, что её уничтожение приведёт к спаду общественного производства. Оппоненты подчеркнули, что публикация появилась в 1947 г., когда со временем Октябрьской революции в России прошло уже три десятилетия [Zhang Youren, 1958. Р. 376].

В статье «Экономическая демократия и политическая демократия» [Chen Zhenhan, 1947] Чэнь Чжэньхань якобы принес в Китай содержащуюся в книге «Общественный строй американской экономики: введение в экономическую науку» («The Social Framework of the American Economy: an Introduction to Economics», 1945) реакционную «теорию неравных прав» «врага социализма» Дж. Хикса, утверждавшего, что неравенство в богатстве является формой неравенства прав. Используя эту теорию, китайский учёный заявил, что после получения прав распоряжения средствами производства революционная власть может действовать самовольно, не уважая свободы выбора народа. Вопрос Чэнь Чжэньханя о том, не заменяет ли социалистическое неравенство в правах капиталистическое неравенство в богатстве, был приравнен к выступлению против социализма [Zhang Youren, 1958. Р. 378].

Свидетельством защиты полуфеодального полуколониального Китая было названо организованное Чэнь Чжэньханем в журнале «Синь лу» («Новый путь») [Chen Zhenhan, 1948a] обсуждение выбора между смешанным строем и плановой системой. Когда Пекин уже был окружён силами НОАК и победа КПК была близка, Чэнь Чжэньхань утверждал, что в Китае нужно иметь одновременно смешанную (монополистический капитализм и частный капитализм) и плановую систему [Zhang Youren, 1958. Р. 379].

Толкование научной биографии экономиста через призму приверженности «реставрации капитализма» привело к созданию упрощённой картины. В республиканский период Чэнь Чжэньхань изучал экономическую историю в Нанькайском университете (г. Тяньцзинь) под руководством известного учёного Фан Сяньтина, написал работу «Кооперация в провинции Чжэцзян», потом защитил в Гарварде диссертацию «Размещение хлопкопрядильной промышленности в Америке: 1880–1910». В годы Войны сопротивления Японии будучи преподавателем Центрального университета в Чунцине он ввёл факультативные курсы экономической политики, на которых рассказывал студентам о плановой экономике при социализме. В 1946 г. Чэнь Чжэньхань стал профессором Пекинского университета, его курс «Сравнение экономических систем» знакомил учащихся с социалистической экономической системой [Wang Shuguang, 2005].

Интерес к социалистической экономике выделял Чэнь Чжэньханя среди прочих «буржуазных» экономистов. Однако опубликованная в 1948 г. статья о промышленном развитии и плановой системе СССР [Chen Zhenhan, 1948c] десятилетие спустя стала одним из поводов для критики в ходе кампании против «правых».

Учёный усомнился в том, что советские успехи в промышленном развитии обусловлены исключительно экономическим планированием. Принимая во внимание назревавшую необходимость выбора пути развития Китая, Чэнь Чжэньхань хотел показать, что планирование не является «чудодейственным средством, с помощью которого любая страна может излечиться от экономических болезней, возродиться после смерти и вернуть себе молодость» [Chen Zhenhan, 1948c. Р. 6]. Он подчёркивал, что достижения СССР обусловлены рядом факторов, включая рациональное размещение промышленности и наличие большого количества подготовленных кадров. Отсталой стране удалось мобилизовать людские и материальные ресурсы, низкий уровень жизни людей дал возможность ограничить потребление. В этих условиях плановой экономике было легко увеличить инвестиции, а отсутствие монополий позволило исходить из интересов общества [Chen Zhenhan, 1948c. Рр. 8–9].

По мнению Чэнь Чжэньханя, планирование не дало бы существенного эффекта в России в конце XIX в., тогда условий для этого не было. Лишь СССР смог использовать технику и опыт других стран. В Китае в обозримом будущем планирование, полагал экономист, не принесёт существенных результатов: техника есть, но нет обширной плодородной земли [Chen Zhenhan, 1948с. Р. 8].

Критики заявили, что подвергавшая сомнению преимущества социалистического экономического строя статья должна была помешать китайскому народу двигаться по советскому пути. Источником особого негодования стал эпиграф из Вольтера: «Заклинания и колдовство, если их использовать с большим количеством мышьяка, действительно могут убить всех овец в стаде» [Chen Zhenhan, 1948с. Р. 5]. Чжан Южэн истолковал его таким образом, что Чэнь Чжэньхань отождествил стимулирующую роль социалистических производственных отношений для развития советских производительных сил с магией и колдовством, приравнял к «мышьяку» строй диктатуры пролетариата в СССР, а советских трудящихся — к баранам [Zhang Youren, 1958. Р. 377].

Цитата из «Философского словаря» французского просветителя была напрочь лишена экономического содержания². Наиболее вероятным источником знакомства с ней китайского экономиста мог стать фрагмент книги Джоан Робинсон о марксистской экономической науке. «Вольтер заметил, что колдовством можно убить стадо овец, если одновременно дать им много мышьяка. Овцы в этом образе вполне могут обозначать самодовольных апологетов капитализма; проницательность Маркса и его жгучая ненависть к угнетению поставляет мышьяк, а трудовая теория стоимости дает заклинания» [Robinson, 1942. Р 27].

Чэнь Чжэньхань воспроизвёл схему рассуждений Робинсон о том, что аргументация Маркса против капитализма не строится на его теории стоимости. Китайский экономист стремился показать, что плановое хозяйство не является волшебным лекарством. Лишь в сочетании с другими условиями советская экономика добилась высоких темпов роста. В отличие от критиковавших его марксистов, он не обсуждал данную проблему в терминах производительных сил и производственных отношений.

Проблемы китаизации экономического образования

Движение «ста цветов» 1957 г. показало, что старая профессура способна к глубокому видению накопившихся проблем, но не в состоянии предложить идеологически приемлемых решений. На повестке дня стояла задача приближения преподавания политэкономии к китайским условиям. Этот вопрос был поставлен ещё в первой половине 1950-х гг. во времена присутствия в китайских вузах советских специалистов. Во второй половине десятилетия появилось пространство для критики заимствованной у СССР «догматической» системы экономического образования. Чтобы приблизить содержание курса политэкономии социализма к практике Китая, требовалось насытить образовательный процесс китайскими материалами вместо советских примеров, переосмыслить систему советского учебника.

Особенностью кампаний критики в Китае той эпохи было делегирование права голоса университетским «назаром». Наряду с преподавателями политэкономии на недостатки системы образования указывали студенты и аспиранты, получившие трибуну для выражения мнений.

² Фраза «Il est vrai que certaines paroles et certaines cérémonies suffisent pour faire périr un troupeau de moutons, pour vu qu'on y ajoute de l'arsenic» присутствует в «Философском словаре» Вольтера в статье «Колдовство» с подзаголовком «Магия, вызывание духов, чары» (Enchantement. Magie, Évocation, Sortilège), где речь шла о суевериях [Voltaire, 1878. Р. 537].

В журнале Народного университета Китая «Цзяосюэ юй яньцзю» («Преподавание и исследования») студент четвёртого курса экономического факультета опубликовал статью «О проблеме уклона в сторону догматизма в преподавании политической экономии» [Hou Shouye, 1958]. Он сообщил, что изучал политэкономию с сентября 1954 г. по июль 1956 г. на первом и втором курсе. Критика недостатков была основана на записях прослушанных лекций.

Первой претензией стало отсутствие чёткого классового подхода при рассмотрении буржуазных экономических учений. Студент указал, что многие преподаватели ограничивались теоретическими знаниями, объяснением понятий и концепций, они знакомили с реакционными теориями, но редко демонстрировали их классовый характер и истоки. Например, они критиковали теорию народонаселения Мальтуса лишь за ненаучность источников (его материалы о росте населения — американские, а о росте потребления — французские, к тому же относятся к разным периодам). Отсутствие рассмотрения классовых корней и реакционных замыслов создавало впечатление, что реакционность учения Мальтуса сводится к ненаучному использованию материалов [Hou Shouye, 1958. Р. 27].

Другая проблема — отрыв теории от китайской ситуации: в части политэкономии капитализма проблемы Китая в лекциях занимали 1%, социализма — 4,7% [Hou Shouye, 1958. Р. 28]. Преподаватели не упоминали о генеральной линии КПК в переходный период. В разделе о товарном производстве и законе стоимости при социализме преподаватели рассказывали о сущности и функциях денег исключительно на советском материале, не касаясь китайских денег жэнъминьби. В разделе о сельском хозяйстве говорили о закупках сельхозпродукции в СССР, не упоминая о китайской политике централизованных закупок и сбыта. В разделе про зарплату рассказывали о том, как в Советском Союзе с помощью снижения цен повышают реальную зарплату, не обращаясь к теме реальной зарплаты в Китае [Hou Shouye, 1958. Р. 28].

На фоне всестороннего изложения ситуации в СССР в лекциях было сказано, что в национальном доходе Китая воплощаются преимущества социализма без конкретного раскрытия этих преимуществ. В результате студенты получали абстрактное представление о национальном доходе. «Когда “правые” в этом вопросе наступают, мы, хотя и знаем, что они неправы, не можем эффективно вести войну с врагом» [Hou Shouye, 1958. Р. 28].

Отмечалось, что преподаватели не понимают настроений учащихся. В то время как среди многих студентов распространены настроения абсолютной уравниловки, преподаватели критикуют лишь представления о равенстве мелкой буржуазии.

Студент указал, что чрезмерная приверженность системе советского учебника политэкономии делает направленность преподавания нечёtkой. В разделе о социализме — 21 глава — из них о Китае лишь одна. Поскольку изложение политэкономии социализма опирается на советский опыт, отрыв от ситуации в Китае становится неизбежным. Преподавание идёт по главам учебника, в лекции редко добавляют новое содержание. При обсуждении социалистической индустриализации говорят лишь об исторических условиях в СССР, методах и источниках привлечения капитала, приводят слова Ленина и Сталина, включая сформулированные Сталиным пять пунктов, обосновывающих необходимость индустриализации в СССР. Был сделан вывод о необходимости приблизить образование к китайской ситуации, чтобы студенты могли в соответствии с указанием партии стать «и красными, и специалистами» [Hou Shouye, 1958. Рр. 28, 33].

Столкновение с оппозиционными настроениями старой интеллигенции подтолкнуло китайское руководство к провозглашению в 1957 г. стратегии сочетания в образовании «красных» политических убеждений и профессиональных знаний. Политические требования находились на первом месте, стремление быть просто специалистом воспринимали как уступку требованиям «правых». В то же время кадры с правильным политическим мировоззрением без профессиональных знаний не соответствовали требованиям времени.

Полное отрицание уже достигнутых в КНР успехов в преподавании политэкономии фактически было тождественно позиции «правых», рассуждавших о тотальном распространении догматизма в изложении теории и начётничества в изучении классики марксизма. Магистральным направлением стали призывы к укреплению связи теории с практикой, повышению внимания к задачам классовой борьбы, к принципу партийности образования.

Был поставлен вопрос о мировоззрении учащихся, воспринимающих овладение марксизмом-ленинизмом как средство обретения личной славы и выгоды. Аспирант по специальности политическая экономия Народного университета Китая Хун Хао сообщил, что в его группе 61% составляют выходцы из эксплуататорских классов. Многие не прошли революционной подготовки, часть вообще не участвовала в практической работе. Некоторые соученики подходят к марксизму-ленинизму с индивидуалистической точки зрения. Одни прямо говорят о том, что хотят из ассистентов стать преподавателями, а потом профессорами. Другие заняты исключительно чтением «Капитала». Они пытаются «ухватиться за теорию» и не участвуют в общественной деятельности, каждый день только «спят, читают книги и едят», пренебрегают реальной борьбой. Также бывает мнение, что у политической экономии слишком большая партийность. У изучающих политическую экономию перспективы небольшие, поэтому лучше учиться китайской медицине или театральному искусству [Hong Hao, 1958. Р. 29].

Эти свидетельства раскрывают сложную внутреннюю атмосферу второй половины 1950-х гг. в ведущем идеологическом вузе Китая. По словам аспиранта, руководитель группы однажды сказал, что мы сейчас главным образом изучаем «Капитал», овладеваем теорией и этого достаточно. Связь с практикой появится, когда приступим к освоению политэкономии социализма. Некоторые преподаватели прямо говорили, что отвечают лишь за образование, по вопросам идейной работы они советовали обращаться в парторганизацию. После таких указаний учащиеся приходили к выводу, что связь теории с практикой необязательна, она притянута искусственно. В группе распространены идеи «браться за теорию» и «браться за материалы», но не за критику и самокритику. Многие обучающиеся подчёркивают научность политической экономии и пренебрегают её «боевым характером». Они рассматривают политэкономию как «чистую науку», говорят исключительно о теории, пренебрегают исправлением идей, поддаются влиянию буржуазной идеологии [Hong Hao, 1958. Р. 30].

Аспирант обвинил преподавателей в том, что они много говорят об абстрактном и мало о практическом, много об иностранном и мало о китайском. За полтора года из 18 занятий 17 были посвящены главам «Капитала» и разъяснению понятий, связь с практикой присутствовала лишь в вопросе о производительных силах и производственных отношениях. При рассмотрении докапиталистических формаций преподаватель рассказал, что представляла собой община-марка в основанных германскими племенами государствах, а также об общинах в Индии, Перу, Алжире, не упомянув о первобытных общинах орочонов в Китае. В разделе о рабовладении говорили только о Греции и Риме, но не о китайском Ляншань-Ийском автономном округе, в лекциях о феодализме главное внимание уделяли феодальному обществу в зарубежных странах. При изложении истории экономических учений хотя и говорили, что экономические идеи Конфуция, Мо-цзы, Лао-цзы, Мэн-цзы очень богаты, но в основном рассказывали о Греции [Hong Hao, 1958. Р. 30]. Преподаватели сообщали, что в китайских классических книгах «Чуньцю», «Лунь юй», «Ицзин», «Шицзин» содержатся многочисленные экономические материалы, но не раскрывали тему [Hong Hao, 1958. Р. 32].

В ходе критики буржуазных экономических взглядов преподаватели больше упоминали западные экономические идеи, появившиеся несколько веков назад, а не те, которые оказали влияние на Китай. При рассмотрении «теории народонаселения» критиковали

только Мальтуса, а не современные китайские мальтузианские взгляды. В лекции о трудовой теории стоимости преподаватели разоблачали «теорию спроса и предложения», «теорию издержек производства», но не замечали «теории полезности» китайских буржуазных экономистов, отрицавших трудовую теорию стоимости. Обсуждая капитал и прибавочную стоимость, преподаватель не касался широко дискутируемой в Китае темы природы процента, но заставлял подробно разбирать фразу 18-й главы первого тома «Капитала» об «известном пункте», до истечения которого рабочий день считается нормальным [Hong Hao, 1958. Рр. 30–31].

Дискуссия о природе процента развернулась в Китае в ходе кампании борьбы против «правых». Экономист и государственный деятель Чжан Найци утверждал, чтофиксированный процент не является эксплуатацией, а представляет собой незаработанный доход. Выступая в июле 1957 г. с самокритикой Чжан Найци опроверг свое «первоначальное неверное утверждение» [Zhang Naiqi, 1957]. Он согласился с Мао Цзэдуном, который в речи «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (27 февраля 1957 г.) указал на двойственный характер китайской буржуазии. С одной стороны, она уже превращается из эксплуататоров в трудающихся, живущих за счёт собственного труда, а с другой — ещё получает от смешанных государственно-частных предприятий твёрдый процент, а это означает, что она ещё не отрешились от своей эксплуататорской сущности [Mao Цзэдун, 1977. С. 485–486].

По мнению аспиранта, внимание к древнему в ущерб современному и к далекому в ущерб близкому обусловлено тем, что преподаватели используют старые материалы. Обсуждая экономические кризисы, преподаватель упомянул лишь Сисмонди с теорией недопотребления, но не затронул теорию безработицы Кейнса, концепции «народного капитализма» и «планового капитализма». У студентов нет возможности самостоятельно анализировать и критиковать буржуазные экономические учения. До «упорядочения стиля» студенты изучали буржуазную теорию зарплаты, но когда «правые» назвали современную политику зарплаты в Китае «феодальной», многие не знали, как приступить к критике их взглядов. У студентов нет реального представления о капиталистических «банковских займах», «биржах», «акциях», «фиктивном капитале», они не понимают борьбы между зоной доллара и зоной британского фунта. Причина — в недостаточном обсуждении современных вопросов: в аудитории рассказывали о теории денег, но не о фунте, долларе или о «ложных деньгах» («вэйби»), с помощью которых гоминьдановцы грабили народ. Когда преподавателя попросили прокомментировать мнение, что китайские деньги жэньминьби являются лишь «символом» и не отражают стоимости общественного труда, он не согласился дать разъяснение [Hong Hao, 1958. Р. 31].

Преподавателей экономических дисциплин Народного университета упрекали за недостаточное внимание к борьбе с ревизионизмом. Они не используют материалы об обнищании современного зарубежного пролетариата для критики утверждений о высоком уровне жизни английских и американских рабочих, при обсуждении империализма не анализируют особенности современного этапа его развития. Автор статьи предлагал больше рассказывать о вкладе Ленина в развитие марксизма и одновременно критиковать взгляды «правых», утверждающих, что марксизм устарел и застыл на уровне 1895 г. [Hong Hao, 1958. Рр. 31–32].

Критика в адрес преподавателей, озабоченных собственным карьерным ростом больше, чем задачей воспитания пропагандистов, стала ответом на выпады «правых» в адрес советской экономической науки. Китай намеревался двигаться вперёд своим путём. Однако в области политэкономии ему, как и СССР, требовались пропагандисты и защитники социализма.

Целостное представление о ситуации с преподаванием экономических дисциплин в Народном университете позволяет составить статья заведующего кафедрой

политэкономии Су Сина [Su Xing, 1958]. По его мнению, донесения студентов и собственные проверки преподавателей показали, что главными недостатками являются догматизм и формализм в содержании и методах преподавания.

Оторванные от практики пустые разговоры о теории ведут к тому, что преподаватели повторяют взятое из книг, ходят кругами вокруг понятий, не затрагивают реальной ситуации. В результате студенты не знают, какие проблемы надо решать. При изложении переходного периода преподаватели обходят стороной политику КПК, при рассмотрении индустриализации не говорят о сформулированных Мао Цзэдуном в 1956 г. «десяти важнейших взаимоотношениях», при рассказе о кооперировании умалчивают о политике централизованных закупок и сбыта [Su Xing, 1958. Р. 40].

В части империализма некоторые преподаватели используют материалы о XIX в., мало анализируют современные вопросы. При критике буржуазных экономических идей в лекциях мы видим «много иностранцев и мало китайцев, много прошлого и мало настоящего, много мёртвых и мало живых» [Su Xing, 1958. Р. 40]. Отсутствие связи с практикой смещает акцент в направлении исторического и иностранного, основное содержание лекций касается докапиталистического периода, о современном капитализме и социализме говорят мало.

Преподаватели не осмеливаются рассуждать о том, о чём не говорили их предшественники. Их сознание не раскрепощено, скопированному зарубежному (т.е. советскому) методу преподавания присущ консерватизм и формализм. Ситуация с проведением обсуждений в аудитории улучшилась только с началом борьбы против «правых». В ходе кампании «упорядочения стиля» обнаружились ошибочные и даже реакционные суждения, ревизионистские идеи. Часть преподавателей пропагандирует реакционную теорию народонаселения Мальтуса. Они говорят, что население Китая надо сократить наполовину, после чего страна станет экспортёром зерна. Некоторые выступают против теории абсолютного обнищания пролетариата и утверждают, что Маркс не писал об этой закономерности. Другие отрицают, что процент является эксплуатацией. Среди преподавателей есть и те, кто считают неправильной идею воспитания «и красных, и специалистов». Взгляды части преподавателей оказались подверженными влиянию «правых» [Su Xing, 1958. Р. 40].

Заведующий кафедрой политэкономии указал на уже проведённые преобразования. Ради укрепления связи теории с практикой в разделе социализма темы были объединены, их число сократилось с 17 до 10, центральное место заняли китайские проблемы. Если прежде справочной литературой служили только труды Маркса, Энгельса и Ленина, то теперь к ним добавили работы Мао Цзэдуна, постановления ЦК КПК, китайские материалы.

С первого семестра 1958 г. при обсуждении буржуазных экономических теорий особое внимание уделяется критике воззрений китайских буржуазных учёных, в основном из числа «правых». Например, при обсуждении предмета политэкономии критикуют письмо Чэнь Чжэнъханя 1957 г. При изложении темы капитала и прибавочной стоимости осуждают теорию «правового элемента» Чжан Найци о том, что процент не является эксплуатацией. В лекциях об экономическом строе социализма критикуют реакционные высказывания «правого» экономиста У ЦзинчАО. Более активной стала борьба с современным ревизионизмом «правых» [Su Xing, 1958. Р. 41].

С точки зрения Су Сина, реформа образования началась недавно, но уже принесла результат. Раньше некоторые полагали, что раздел «Социализм» преподавать сложнее, чем проблемы капитализма, и не хотели читать лекции по политэкономии социализма. Теперь ситуация изменилась, преподаватели считают, что социализм излагать проще, так как он связан с практикой. Один из преподавателей во время самокритики сказал, что, просмотрев старые черновики своих лекций, обнаружил, что они догматичны и большая их часть бесполезна. В области методов обучения были улучшены формы обсуждения, появились возможности посещать практические организации, изменился способ проведения

обследований — студенты четвёртого курса всей группой направляются в деревню, где одновременно и трудятся, и занимаются обследованиями [Su Xing, 1958. Pp. 41–42].

В критических выступлениях студентов, аспирантов и профессуры Народного университета присутствовали сходные идеи. Все они говорили о недостаточном внимании к преподаванию современного и китайского материала, об уклоне в сторону старых и зарубежных концепций, в унисон критиковали ошибочные китайские идеи на примере малтизианства и теории процента. Можно предположить, что авторы следовали общим установкам, отразившим актуальные направления критики «правых».

Популяризация политической экономии

В октябре 1959 г. на фоне празднования десятилетия образования КНР журнал «Цзинцзи яньцю» («Экономические исследования») опубликовал статью, в которой обладатель докторской степени Гарварда декан экономического факультета Пекинского университета Чэнь Дайсунь обобщил опыт преподавания и исследовательской работы. Он отметил, что факультет создал и укрепил позиции в изучении марксистско-ленинских теорий политической экономии, подготовил большое количество соответствующих потребностям страны кадров, провёл ряд научных исследований. Соединению теории с практикой способствовал опыт преподавателей и студентов экономического факультета Пекинского университета, которые отправились читать лекции в сельскую местность и на фабрики. Известный экономист признал, что теоретические исследования слишком сосредоточены на «изучении, разъяснении и спорах о принципах, законах и отношениях» и полностью игнорируют «количественные» исследования, включая «количественный» аспект производительности. Конкретных рекомендаций по исправлению ситуации Чэнь Дайсунь не сделал. Он лишь заметил, что на этот недостаток следует обратить внимание [Chen Daisun, 1959. Pp. 52–53].

Через несколько лет кафедра политической экономии экономического факультета Пекинского университета отчиталась, что с 1960 г. накопила новый опыт. Ключевым звеном стало соединение теории с практикой.

Получившие базовые теоретические знания и навыки научно-исследовательской работы старшекурсники смогли углубиться в практику классовой борьбы на производстве. Кафедра организовала направление студентов пятого курса на работу на заводе в течение пяти месяцев. Важной целью этого было написание популярного пособия по курсу политической экономии. Такая деятельность охватывала теоретическую подготовку, участие в труде и обследованиях, проверку подготовленного материала вместе с рабочими. На этапе теоретической подготовки студенты изучали труды Мао Цзэдуна о социалистической революции, в основных вопросах уясняли разницу между марксизмом-ленинизмом и ревизионизмом. На этапе практики студенты взаимодействовали с заводскими рабочими, читали им лекции и узнавали их мнение о пособии. Студенты уже написали первый вариант девятнадцати глав популярного пособия по политической экономии, их теоретический уровень и навыки возросли, эта работа способствовала идеиному перевоспитанию.

Для преподавания политической экономии на других факультетах, где часов на этот предмет выделено меньше, рекомендовалось выбрать основные темы. В процессе преподавания политэкономии капитализма следовало изучить разделы о капитале и прибавочной стоимости, о накоплении капитала и обнищании рабочего класса, потребовать от студентов рассмотреть эти главы в связи с практикой, чтобы они поняли эксплуататорскую сущность капитализма и таким образом повысить их классовое сознание. В разделе социализма предлагалось рассказать о характере социалистического общества, чтобы студенты поняли: оно является низшим, переходным, этапом к коммунистическому обществу. Был сделан вывод, что преподаватели кафедры политической экономии под руководством

партии на основе тщательного обобщения опыта последовательно повышают качество преподавания [Zhengzhi jingjixue ..., 1961].

Итогом второй половины 1950-х гг. стала широкая популяризация марксистской политэкономии, из университетских аудиторий она пришла в трудовые коллективы и обрела массовое распространение. На новом, более высоком, уровне состоялось возвращение к стандартам дореволюционного идеально-теоретического преподавания КПК 1930–1940-х гг. — материала должно быть меньше, учить его следует лучше, излагать понятнее.

Заключение

В конце 1950-х гг. китайская экономическая наука пыталась избавиться как от советского «догматизма», так и от остаточного влияния «буржуазных» учений. Была поставлена цель — сблизить экономическую теорию с китайским материалом. Попытка отдалиться от советской модели экономического образования намечала поворот к китайской реальности. Однако наращивание идеологической критики в адрес западной экономической науки указывало не столько на преодоление, сколько на усугубление недостатков сталинской версии политэкономии. Последствием этой противоречивой политики в Китае стало упрощение трактовок как буржуазной экономической науки, так и марксистской политической экономии.

Достигнуть значительных результатов не удалось в том числе потому, что многие профессиональные экономисты, хорошо знавшие и понимавшие западные теории, были отлучены от научного творчества. Критика «правых» во главе с Чэнь Чжэньханем стала заметной страницей истории китайской экономической мысли XX в. Представители старой интеллигенции открыто усомнились в ценности советской политэкономии. В ответ оправившиеся на официальную идеологию марксисты указали на неприемлемость их позиции.

Резкая фразеология критики «правых» экономистов в Китае напоминала стиль советских выступлений против экономических «уклонов» на рубеже 1920–1930-х гг. Принципиально важная разница заключалась в степени тяжести наказания. После кампании 1957 г. Чэнь Чжэньханя понизили в должности, запретили писать научные труды и читать лекции, но с экономического факультета Пекинского университета не уволили, поручив заниматься переводами и обработкой материалов на английском языке. Учёный прошёл через трудовое перевоспитание в годы «культурной революции» (1966–1976 гг.), после чего в 1979 г. вернулся к преподаванию в Пекинском университете. В 1980–1990-е гг. он успел написать ряд научных трудов по экономической истории и вырастить талантливых учеников. Похожих научных биографий в истории китайской экономической науки XX в. было немало. Жёсткие слова во время кампаний идеиной критики не означали неминуемого наступления трагических необратимых последствий.

Прибывший в 1957 г. в Пекин собирать материалы для диссертации В.И. Шабалин вспоминал беседу в холодном кабинете ректора Пекинского университета экономиста Ма Иньчу, защитившего диссертацию в Колумбийском университете, вместе с деканом экономического факультета Чэнь Дайсунем и заведующим кафедрой политической экономии Фань Хуном. Светила дореволюционной экономической науки сидели «в помятых ватниках и ватных штанах, не снимая шапок-ушанок. Теоретический уровень и общий кругозор этих далеких от марксизма и замшелых на вид профессоров весьма высок» [Шабалин, 2011. С. 152–153]. Через два десятилетия в конце 1970-х гг. на волне политики реформ и открытости обладавшие знаниями и международным кругозором «буржуазные» экономисты (Чэнь Дайсунь, У Баосань и др.) обрели шанс вернуться в науку.

Преподававшие в Китае в 1950-е гг. советские экономисты донесли до китайских коллег самую новую и передовую по тем временам трактовку политэкономии, основанную на «Экономических проблемах социализма в СССР» И.В. Сталина и учебнике 1954 г. Они

также помогли наметить основные направления противодействия западной экономической науке. Получившие образование в СССР, они с ранних этапов преподавательской карьеры критиковали «буржуазные» учения без прямого контакта с ними. Китайские профессиональные экономисты, имевшие возможность учиться в США и Европе вплоть до конца 1940-х гг., гораздо лучше знали содержание современной экономической науки. Эта асимметричность повлияла на полемику 1957 г., когда приобщившимся к советскому образованию китайским экономистам было трудно находить научные аргументы для опровержения взглядов «правых».

Одним из последствий переосмыслиния советской политэкономии в КНР стал рост внимания к западной экономической науке. Китайские экономисты занялись систематической критикой кейнсианства. В 1957 г. вышли работы Фань Хуна «Критика “Общей теории занятости, процента и денег” Кейнса» и Бяо Жу «Критика теории занятости Кейнса», на китайском языке впервые была издана «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса в полном переводе Сюй Юйнаня. Появление книги стало важным научным событием на фоне предшествовавших споров о применимости кейнсианства в ходе строительства социализма. В 1958 г. в Китае были опубликованы «Цены и производство» Ф. фон Хайека и «Теория монополистической конкуренции» Э. Чемберлина [Sun Daquan, 2020. Р. 15]. В КНР продолжали внимательно следить за новыми экономическими публикациями в СССР и странах Запада, много переводили, старались не замыкаться в себе.

Осуждение «правых» экономистов за полное отрицание ценности советской политэкономии не было призывом вернуться к её восприятию как беспрекословного авторитета в духе первой половины 1950-х гг. Такой подход противоречил линии Мао Цзэдуна на преодоление догматического отношения к опыту СССР. Речь шла о поиске собственного пути развития с учётом уже состоявшегося заимствования советской версии марксизма, поскольку полное безапелляционное её отвержение поставило бы под удар идеино-теоретическую легитимность политики КПК. Призыв Мао Цзэдуна к осмыслению недостатков советской модели не означал согласия властей с её полным отрицанием.

Тяга к продвижению политэкономии в народные массы опустила теоретическую планку китайской экономической науки. Статьи с критикой недостатков системы экономического образования позволяют понять, чему учили китайских студентов и аспирантов в середине 1950-х гг. Привлечение инициативных учащихся к обоснованию китаизации содержания экономического образования порождало упрощённые суждения и способствовало усилению накала идеологической борьбы. Возможность критики «снизу» в адрес профессорско-преподавательского состава была инструментом сплочения вокруг политики КПК. Призывы к увеличению доли китайской тематики в учебных курсах не были беспочвенными. Однако найти баланс между обоснованной критикой и политизированным разоблачением тогда не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

- Борох О.Н. (2011). Обсуждение проблем политической экономии в Китае во время дискуссий 1957 г. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. № 2. С. 88–95.
- Борох О.Н. (2025). Трансформация системы экономического образования в Китае (первая половина 1950-х годов) // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 117–132. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_117_132.
- Мао Цзэдун (1977). К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа / Мао Цзэдун. *Избранные произведения*. Т. V. — Пекин. Изд-во литературы на иностранных языках. С. 461–508.
- Шабалин В.И. (2011). *Завтра будет дуть завтрашний ветер: разговор о времени*. — М.: Форум.
- Chen Daisun (1959). Cong jiaoxue he yanjiu gongzuo tantan jingji kexue de fazhan [Chen Daisun (1959). On the development of economic science from the perspective of teaching and research] // *Jingji yanjiu*. No. 10. Pp. 52–53. (In Chinese).
- Chen Zhenhan (1947). Jingji minzhu yu zhengzhi minzhu [Chen Zhenhan (1947). Economic democracy and political democracy] // *Zhishi yu shenghuo*. No. 4. Pp. 12–14. (In Chinese).

- Chen Zhenhan* (1948a). Hunhe zhidu yu jihua zhidu zhongjian de xuanze [Chen Zhenhan (1948a). The choice between a mixed system and a planned system] // *Xin lu*. Vol. 2. No. 5. Pp. 5–11. (In Chinese).
- Chen Zhenhan* (1948b). Lun gua yu bu jun [Chen Zhenhan (1948b). About what is not enough and not evenly distributed] // *Jingji pinglun*. Vol. 1. No. 3. Pp. 8–11. (In Chinese).
- Chen Zhenhan* (1948c). Sulian de gongye jianshe yu jihua zhidu [Chen Zhenhan (1948c). Industrial construction and planning system in the Soviet Union] // *Xin lu*. Vol. 2. No. 4. Pp. 5–9. (In Chinese).
- Chen Zhenhan, Xu Yunan, Luo Zhiru, Gu Chunfan, Wu Baosan, Ning Jiafeng* (1957). Women du dangqian jingji kexue gongzuo de yixie yijian [Chen Zhenhan, Xu Yunan, Luo Zhiru, Gu Chunfan, Wu Baosan, Ning Jiafeng (1957). Some our opinions concerning contemporary work in economic science] // *Jingji yanjiu*. No. 5. Pp. 123–133. (In Chinese).
- He Li* (1958). Bochi Chen Zhenhan fouding Makesi Lieningzhuyi zhengzhi jingjixue de yinmou [He Li (1958). Refuting the conspiracy of Chen Zhenhan and others to negate Marxist-Leninist political economy] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Kexue chubanshe. Pp. 361–368. (In Chinese).
- Hong Hao* (1958). Zai zhengzhi jingjixue jiaoxue zhong ying qieshi dangxiao yuanze [Hong Hao (1958). The principle of party spirit should be practically implemented in the teaching of political economy] // *Jiaoxue yu yanjiu*. No. 5. Pp. 29–33. (In Chinese).
- Hou Shouye* (1958). Guanyu zhengzhi jingjixue jiaoxue zhong de jiaotiaozhuyi qingxiang wenti [Hou Shouye (1958). On the dogmatic tendencies in the teaching of political economy] // *Jiaoxue yu yanjiu*. No. 5. Pp. 27–28, 33. (In Chinese).
- Robinson J.* (1942). *An Essay on Marxian Economics*. — London: Macmillan and Co.
- Song Tao* (1958). Bochi Chen Zhenhan wumie Makesi Lieningzhuyi zhengzhi jingjixue de miulun [Song Tao (1958). Refuting Chen Zhenhan's fallacy in slandering Marxist-Leninist political economy] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Kexue chubanshe. Pp. 351–360. (In Chinese).
- Su Xing* (1958). Zhengzhi jingjixue jiaoyanshi jiaoxue gongzuo de chubu gaige [Su Xing (1958). Initial reform of teaching in the political economy teaching and research section] // *Jiaoxue yu yanjiu*. No. 6. Pp. 40–42. (In Chinese).
- Sun Daquan* (2020). Xin Zhongguo 70 nian lilun jingjixue yanbian yu fazhan [Sun Daquan (2020). The evolution and development of theoretical economics in 70 years of New China] // *Renwen zazhi*. No. 5. Pp. 13–21. (In Chinese).
- Voltaire* (1878). *Dictionnaire philosophique / Œuvres complètes de Voltaire*. Nouvelle édition. 18. II. — Paris: Garnier frères.
- Wang Shuguang* (2005). Huiwang cangmang suiyue — Chen Zhenhan de rensheng yu xueshu [Wang Shuguang (2005). Remembering the long years — The life and academic work of Chen Zhenhan] // *Chen Zhenhan. Buliji: Chen Zhenhan wenji* [Chen Zhenhan. Collection of steps: Collection of articles by Chen Zhenhan]. — Beijing: Beijing daxue chubanshe. Pp. 402–427. (In Chinese).
- Zhang Naiqi* (1957). Wode jiantao [Zhang Naiqi (1957). My self-criticism] // *Renmin ribao*. 16.07. (In Chinese).
- Zhang Youren* (1958). Bochi Chen Zhenhan de «shehui kexue wuyong lun», «qianli jie jue lun», «guoji shuiping he zai lun» [Zhang Youren (1958). Refuting Chen Zhenhan's «social science is useless», «potential is exhausted», and «where is the world level» theories] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Kexue chubanshe. Pp. 369–386. (In Chinese).
- Zhao Jing* (1957). Bixu renshi he xuexi Sulian jingji kexue de guanghui chengjiu [Zhao Jing (1957). We must recognize and learn from the brilliant achievements of Soviet economic science] // *Xin jianshe*. No. 11. Pp. 17–20. (In Chinese).
- Zhao Jing* (1958). Chen Zhenhan de «san lun» shi youpai fenzi xiang Maliezhuyi jingong de xinhaodan [Zhao Jing (1958). Chen Zhenhan's «Three theories» are a signal flare for the rightists to attack Marxism-Leninism] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Kexue chubanshe. Pp. 387–389. (In Chinese).
- Zhengzhi jingjixue jiaoyanshi nuli tigao jiaoxue zhiliang* (1961) [Political economy section strives to improve teaching quality (1961)] // *Beijing daxue xuebao (renwenke)*. No. 2. P. 18. (In Chinese).

REFERENCES

- Borokh O.N. (2011). Discussion of political economy issues in China in 1957 // *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. № 2. Pp. 88–95. (In Russ.).
- Borokh O.N. (2025). Transformation of the economic education system in China (The first half of the 1950s) // *Issues of Economic Theory (Voprosy teoretičeskoy ekonomiki)*. № 4. Pp. 117–132. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_117_132. (In Russ.).
- Chen Daisun* (1959). Cong jiaoxue he yanjiu gongzuo tantan jingji kexue de fazhan [Chen Daisun (1959). On the development of economic science from the perspective of teaching and research] // *Economic Research Journal*. No. 10. Pp. 52–53. (In Chinese).

- Chen Zhenhan (1947). Jingji minzhu yu zhengzhi minzhu [Chen Zhenhan (1947). Economic democracy and political democracy] // *Knowledge and Life*. No. 4. Pp. 12–14. (In Chinese).
- Chen Zhenhan (1948a). Hunhe zhidu yu jihua zhidu zhongjian de xuanze [Chen Zhenhan (1948a). The choice between a mixed system and a planned system] // *New Way*. Vol. 2. No. 5. Pp. 5–11. (In Chinese).
- Chen Zhenhan (1948b). Lun gua yu bu jun [Chen Zhenhan (1948b). About what is not enough and not evenly distributed] // *Economic Review*. Vol. 1. No. 3. Pp. 8–11. (In Chinese).
- Chen Zhenhan (1948c). Sulian de gongye jianshe yu jihua zhidu [Chen Zhenhan (1948c). Industrial construction and planning system in the Soviet Union] // *New Way*. Vol. 2. No. 4. Pp. 5–9. (In Chinese).
- Chen Zhenhan, Xu Yunan, Luo Zhiru, Gu Chunfan, Wu Baosan, Ning Jiafeng (1957). Women du dangqian jingji kexue gongzuo de yixie yijian [Chen Zhenhan, Xu Yunan, Luo Zhiru, Gu Chunfan, Wu Baosan, Ning Jiafeng (1957). Some our opinions concerning contemporary work in economic science] // *Economic Research Journal*. No. 5. Pp. 123–133. (In Chinese).
- He Li (1958). Bochi Chen Zhenhan fouding Makesi Lieningzhuyi zhengzhi jingjixue de yinmou [He Li (1958). Refuting the conspiracy of Chen Zhenhan and others to negate Marxist-Leninist political economy] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Science Press. Pp. 361–368. (In Chinese).
- Hong Hao (1958). Zai zhengzhi jingjixue jiaoxue zhong ying qieshi guanche dangxing yuanze [Hong Hao (1958). The principle of party spirit should be practically implemented in the teaching of political economy] // *Teaching and Research*. No. 5. Pp. 29–33. (In Chinese).
- Hou Shouye (1958). Guanyu zhengzhi jingjixue jiaoxue zhong de jiaotiaozhuyi qingxiang wenti [Hou Shouye (1958). On the dogmatic tendencies in the teaching of political economy] // *Teaching and Research*. No. 5. Pp. 27–28, 33. (In Chinese).
- Mao Zedong (1977). On the correct handling of contradictions among the people / Mao Zedong. *Selected Works*. Vol. V. — Beijing: Foreign Languages Press. Pp. 461–508. (In Russ.).
- Robinson J. (1942). *An Essay on Marxian Economics*. — London: Macmillan and Co.
- Shabalin V. I. (2011). *Tomorrow will blow tomorrow's wind: Talking about time*. — Moscow: Forum. (In Russ.).
- Song Tao (1958). Bochi Chen Zhenhan wumie Makesi Lieningzhuyi zhengzhi jingjixue de miulun [Song Tao (1958). Refuting Chen Zhenhan's fallacy in slandering Marxist-Leninist political economy] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Science Press. Pp. 351–360. (In Chinese).
- Su Xing (1958). Zhengzhi jingjixue jiaoyanshi jiaoxue gongzuo de chubu gaige [Su Xing (1958). Initial reform of teaching in the political economy teaching and research section] // *Teaching and Research*. No. 6. Pp. 40–42. (In Chinese).
- Sun Daquan (2020). Xin Zhongguo 70 nian lilun jingjixue yanbian yu fazhan [Sun Daquan (2020). The evolution and development of theoretical economics in 70 years of New China] // *The Journal of Humanities*. No. 5. Pp. 13–21. (In Chinese).
- Voltaire (1878). *Dictionnaire philosophique / Œuvres complètes de Voltaire*. Nouvelle édition. 18. II. — Paris: Garnier frères.
- Wang Shuguang (2005). Huiwang cangmang suiyue — Chen Zhenhan de rensheng yu xueshu [Wang Shuguang (2005). Remembering the long years — The life and academic work of Chen Zhenhan] / Chen Zhenhan. *Bulüji: Chen Zhenhan wenji* [Chen Zhenhan. Collection of steps: Collection of articles by Chen Zhenhan]. — Beijing: Peking University Press. Pp. 402–427. (In Chinese).
- Zhang Naiqi (1957). Wode jiantao [Zhang Naiqi (1957). My self-criticism] // *People's Daily*. 16.07. (In Chinese).
- Zhang Youren (1958). Bochi Chen Zhenhan de «shehui kexue wuyong lun», «qianli jie jue lun», «guoji shuiping he zai lun» [Zhang Youren (1958). Refuting Chen Zhenhan's «social science is useless», «potential is exhausted», and «where is the world level» theories] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Kexue chubanshe. Pp. 369–386. (In Chinese).
- Zhao Jing (1957). Bixu renshi he xuexi Sulian jingji kexue de guanghui chengjiu [Zhao Jing (1957). We must recognize and learn from the brilliant achievements of Soviet economic science] // *New Construction*. No. 11. Pp. 17–20. (In Chinese).
- Zhao Jing (1958). Chen Zhenhan de «san lun» shi youpai fenzi xiang Maliezhu yi jingjixue de xinhaodan [Zhao Jing (1958). Chen Zhenhan's «Three theories» are a signal flare for the rightists to attack Marxism-Leninism] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Kexue chubanshe. Pp. 387–389. (In Chinese).
- Zhengzhi jingjixue jiaoyanshi nuli tigao jiaoxue zhiliang (1961) [Political economy section strives to improve teaching quality (1961)] // *Journal of Peking University. Philosophy and Social Sciences*. No. 2. P. 18. (In Chinese).

Борох Ольга Николаевна

borokh@hotmail.com

Olga Borokh

PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of sciences (Moscow)

borokh@hotmail.com

CHINESE ECONOMIC EDUCATION DURING THE CRITICISM CAMPAIGNS OF THE SECOND HALF OF THE 1950s

Abstract. In the second half of the 1950s in China were debates about the shortcomings of the economic education system established according to the Soviet model. Some professional economists criticized the postulates of Marxist political economy and called for the use of useful components of Western economics. They considered the Soviet version of Marxism unsuitable for solving China's practical problems, pointed out the low level and absence of theoretical achievements of economic science in the USSR, and called on the authorities to ease the ideological and educational pressure on the economic community. The supporters of this viewpoint were labeled "rightists" dreaming about restoring capitalism in China, and the Chinese interpretations of Malthusianism and the theory of interest were criticized. Marxists blamed the Soviet educational model for dogmatism and disconnection from Chinese reality; its influence served as explanation of teachers' one-sided attention to foreign economic history with insufficient interest in current issues of the development of the PRC. The recommendations to fill the courses with Chinese materials, to rethink the template of the Soviet political economy textbook, to strengthen the class character of the education, and to pay more attention to exposing "reactionary" economic theories came to the fore. The disputes of 1957–1958 enhanced the line of bringing economic theory closer to practice, popularizing Marxist political economy, and combining the political training with professional education. The main direction of changes was the Sinicization of the Soviet system of economic education without completely rejecting it. The intensification of ideological criticism in the field of economic science, along with the active promotion of political economy among the masses, has led to simplification of the interpretation of theoretical issues.

Keywords: *Soviet political economy, Marxism, Western economics, Hundred Flowers Movement, Anti-Rightist Campaign, Chen Zhenhan, popularization of economic knowledge.*

JEL: B2, B24, A2.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

д.филос.н., ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ДОБРОДЕТЕЛЬ И ПОРОК: ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ МАРГИНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ЧАСТЬ 1)

Аннотация. Принято считать, что в основе социальной и правовой стабильности любого общества лежит консенсус в отношении добродетели — фундаментальных ценностей должного поведения, способов их поддержания и воспроизведения. И, наоборот, разрушение этого консенсуса — признак утраты стабильности и расхождения позиций социальных институтов, групп и профессиональных сообществ в понимании и применении норм и санкций за их нарушение. Данное схематичное представление плохо объясняет параметры морального кризиса эпохи глобализации — утрата смысла понятия добродетели как основы нравственной вселенной человечества; отказ от универсальных нравственных стандартов, ранее поддерживавшихся религией или идеологией; растущий конфликт их интерпретаций в разных культурах, конфессиональных и этнических сообществах; противостояние ценностных иерархий внутри национальных культур и отдельных групп, а главное — отсутствие общих нравственных ориентиров, представлений о том, к чему следует стремиться. В этих условиях доминирующим мировым трендом стало обращение к кодификации норм так называемой «прагматической этики» — выработки разнообразных кодексов должного поведения для отдельных социальных и профессиональных групп, которые стремятся таким способом выразить свою идентичность, функции и место в динамике изменений социальной иерархии. Эта всеобщая мода на создание этических кодексов захватила и постсоветскую Россию, стала рассматриваться едва ли не как панацея от моральных искажений и основа эффективного социального регулирования. Между тем, кодификация этических стандартов всех без исключения социальных субкультур означает молчаливое признание как неустранимых противоречий, присутствующих в этих субкультурах, с конвенциональными стандартами добродетели, так и наличие той их части, которая не разделяет этих стандартов или однозначно восстаёт против них. На этой основе возникает явление моральной аномии (т.е. разрушения всей нормативной системы) и обоснования нон-конформистского и аморального поведения. Каковы должны быть параметры и пределы его принятия в демократическом обществе, а главное — кто их устанавливает? Этот круг проблем впервые становится предметом анализа в данной работе на основе всего корпуса новейших этических кодексов маргинальных сообществ современной России.

Ключевые слова: добродетель, порок, вера и разум, этические кодексы, конформистское поведение, девиантное поведение, преступное поведение, нигилизм, аморализм, моральная мизофобия, нравственное помешательство, маргинальные сообщества России.

JEL: K14, K15, L84, Z00

УДК: 172, 177, 34.096, 392, 393.05

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_145_163

© А.Н. Медушевский, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Медушевский А.Н. Добротель и порок: этические кодексы маргинальных сообществ современной России. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 145–163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_145_163.

FOR CITATION: Medushevskiy A. Virtue and Vice: Ethical Codes of Marginal Communities in Modern Russia. Part 1 // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 145–163. DOI: 10.52342/2587-666VTE_2026_1_145_163.

Введение

Основные проблемы морального выбора — определение понятия добродетели, создание иерархии ценностей (должного и недолжного поведения), распределение их приоритетов, согласование установок разных социальных групп. Поиск решения связан с проблемой выбора оптимальной стратегии по многим параметрам — добро/зло, справедливость/несправедливость, поощрение/подавление, традиция/рациональность, коллективное/индивидуальное, общество/власть, государство/личность. В концентрированном виде эти вопросы отражены в этических стандартах, определяющих соотношение права и нравственности в некой социальной среде конкретного исторического периода. Данная область исследований определялась Монтескье понятием «духа законов», позволяющим раскрыть этическую составляющую «природы» и «принципа правления». В современной литературе она раскрывается как соотношение «моральной» и «юридической» конституций, конфликт которых в ходе «моральных революций» способен завершиться полным пересмотром конституционного строя с позиций изменившихся ценностных приоритетов общества¹.

На важность этой проблемы для экономической науки указывает, в частности, и выделение в корпусе экономических исследований особого направления — «Моральной экономики», представители которого делают особый акцент на специфике этических принципов различных экономических акторов (см., например: [Коломбатто, 2016; Макклоски, 2018]). А С. Боулз, в частности, отмечает, что именно А. Смиту как автору не только «Исследования о природе и причинах богатства народов», но и «Теории нравственных чувств» лучше других удалось описать причинно-следственный механизм, объясняющий, почему рынки поддерживают устойчивую гражданскую культуру [Боулз, 2017. С. 197]. Этика акторов экономической деятельности, относящихся к самым разным группам населения, включая маргинальные, оказывается в центре исследований столь важной для экономического развития темы, как общее и институциональное доверие. Как известно, показатели этого типа доверия в современной России крайне низки.

Утрата идеологического единства с крушением «Морального кодекса строителя коммунизма» в СССР спровоцировала нравственную аномию постсоветского общества, столкнувшегося с когнитивным диссонансом по всем значимым направлениям социального регулирования. Его выражением стал раскол в отношении этических норм — представлений о добре и зле, должном и порицаемом поведении, оказавшихся едва ли не противоположными у разных групп общества. В центре острых споров стоит само понятие добродетели, которое в аретологии традиционно связывается с представлением о человеческой природе — нормами, приближающими человека к совершенству

¹ «Моральная революция», следуя новейшим интерпретациям данного понятия, представляет собой сдвиг в моральной парадигме общества, подразумевающий коллективные изменения, в ходе которых значительное большинство населения принимает моральные убеждения, ранее отвергавшиеся этим же большинством. Примерами служат Реформация, отмена рабства, движение за гражданские права. Перестройка в СССР вполне описывается этим понятием. Разновидностью моральных революций можно считать не менее радикальную трансформацию таких убеждений в эпохи ретрадиционализации моральных представлений (религиозный фундаментализм, консервативные ценности, правый популизм). Структура таких революций определяется как противоречие «моральной» и «юридической» конституций общества, когда стабильные нормы права перестают отражать господствующие этические ценности и утрачивают легитимность. Двигателем моральных революций и их противоположности — моральных контрреволюций (или «консервативных революций») — признаётся изменение представлений общества о достоинстве. Новая концепция достоинства, противостоящая правовым установлениям, изначально фиксируется не в юридических актах, но в нравственных манифестах и кодексах этического поведения, принципы которых со временем могут стать основой нового права (см., например: [Eriksen, 2020; Baker, 2019; Appiah, 2010]).

или, напротив, ограничивающими несовершенные стороны его натуры². Источником таких этических норм высшего порядка выступают прежде всего «метафизические потребности духа, в силу которых размышлять над этическими и религиозными проблемами заставляет не материальная нужда, а внутренняя потребность постичь мир как осмысленное целое и занять по отношению к нему определённую позицию» [Вебер, 1994. С. 165–166]. Утрата единства представлений общества о добродетели, в целом свойственного советскому обществу, вела к моральному релятивизму, компенсировать который призваны были этические кодексы разной направленности, предлагающие прагматическое решение проблем нравственного самоопределения в контексте текущих дилемм морального выбора³.

Разнообразие этических кодексов выражает дифференциацию культурных моделей и их стиля⁴, особенности правовых семей [Цвайгерт, Кетц, 2000], институциональную структуру общества⁵ и иерархию самих моральных установок в контексте преследуемых целей⁶. Рассмотрение корпуса этических кодексов маргинальных сообществ выдвигает ряд дискуссионных проблем: на какие принципы должно опираться правовое регулирование вопросов, по которым в обществе не существует единой моральной позиции или, напротив, представлен набор противоположных моральных установок; как право должно реагировать на изменение моральных представлений общества или его сегментов — социальных, институциональных, профессиональных; наконец, как юридически оценить аморальные нормы, которые определённая часть общества считает моральными? Если принять в качестве основополагающего принципа морали демократического общества уважение права индивида на самоопределение, то как установить нравственные и правовые рамки его реализации и решить вопрос о том, кто должен это делать? Превалирование публичного интереса в этом регулировании означает ограничение свободы самовыражения, а предпочтение последней означает необходимость уважать все различные моральные ценности, включая наиболее сомнительные из них.

В данной работе сделана попытка обобщить тематику группы этических кодексов, редко попадающих в сферу внимания исследователей, но предлагающих альтернативные ответы на экзистенциальные вопросы бытия. Предлагаются ответы — во многом выходящие за рамки конвенциональной общественной морали и отражающие нравственные представления преимущественно маргинальных — девиантных и делинквентных — сообществ, занятых поиском своего места в условиях быстрой социальной трансформации, конечные цели которой никем не определены, а будущие результаты едва ли поддаются достоверному научному прогнозу.

² Аретология — этика добродетели. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 04.12.2025)

³ В поле зрения исследователей оказываются преимущественно правовые нормы, кодексы государственных служащих, корпораций и общественных организаций, но практически отсутствует исследование кодексов маргинальных сообществ (см.: [Медушевский, 2015; Оболонский, 2016; Frohnen, Garey, 2016]).

⁴ Стиль — это связность формы, структуры и функции. «Стиль, во-первых, характерен; во-вторых, своеобразен, в-третьих, соотносится с определённой манерой, модальностью, модой» [Кребер, 2004. С. 804].

⁵ Отношения, формирующие социальную структуру и её преемственность, основаны на ожидании воспроизведения определённых правил и образцов поведения. Для обозначения этого ожидания используется понятие института. Он определяется как «установленная или социально признанная система норм и образцов поведения, относящихся к тому или иному аспекту социальной жизни», для предотвращения отклонений от которых используются санкции — моральные, юридические или дисциплинарные [Рэдклифф-Браун, 2001. С. 271]. Это определение вполне подходит для этического кодекса, поскольку сам факт его составления является переломным этапом в институционализации определённого сообщества.

⁶ Понятие иерархии этических ценностей используется в исследованиях закрытых религиозных сообществ, например индийских каст, где оно выражает триединство человеческих целей — дхарме, артхе и каме (долге, выгоде и удовольствии) [Дюмон, 2001. С. 289]. Данная иерархия представлена и в этических кодексах разных социальных и профессиональных сообществ.

Смысл жизни и смерти в современных этических кодексах

Тема смысла жизни и смерти — сфера, разделяющая религиозный и светский тип мышления. В рамках религиозного сознания смысл жизни — в обретении спасения, служении как свободном нравственном выборе определённой бескорыстной деятельности. Этой цели противостоитискажённое представление о служении в религиозной, военной и государственной деятельности как способе достижения материального успеха государства или личности. Но как быть, если общество и государство требует от верующих и духовенства вещей, несовместимых с верой, — поддерживать несправедливые законы, создавать себе кумиров, выполнять присягу, убивать людей на войне, участвовать в сомнительных коммерческих предприятиях? Все эти вопросы отношений общества, государства и церкви, предельно остро поставленные ещё Л.Н. Толстым, сохраняют свою актуальность [Толстой, 2010]. Задача усматривается религиозными публицистами в переходе от ложного к истинному пониманию общественного служения в его духовном понимании — самоотверженной жертвенности и подвига, сочетающего смирение и величие духа⁷. В этом контексте обсуждается вопрос о создании этического кодекса священника. Место РПЦ в общественно-политической системе определяется её Уставом, принятым в 2000 г.⁸, а общие требования к священнослужителям, их права и обязанности, регулируются традициями, канонами и правилами церковного права и законодательством РФ⁹, но они не дают однозначного ответа на вопрос, *нужно ли принять специальный этический кодекс священника?*

Поведение священника в светском обществе — трудная тема дебатов с позиций церковной политики, которая во многом противостоит светской. Конфликт религиозной и светской морали заложен уже в определении того, что есть жизнь и как она возникает (с зачатия или рождения) и что есть смерть (прекращение биологического бытия человека или переход души к сверхматериальному бытию). В этическом кодексе православного врача отчётливо постулируется приоритет моральных ценностей над законодательством: «В случаях, когда законодательство вступает в противоречие с христианскими моральными принципами, врачи должны действовать таким образом, чтобы изменить закон, так как традиционные моральные ценности, непосредственно связанные с христианской моралью, значительнее, чем принимаемые действующими законодателями правовые нормы»¹⁰. Близкое отношение к жизни как высшей ценности отражено в ряде медицинских кодексов, основным мотивом которых становится продолжение жизни¹¹. Этим ценностям противостоит сегодня философия рационализма (в высшем проявлении — постгуманизма), предлагающая отказ от антропоцентрического взгляда на мир с пересмотром ключевых понятий гуманистической этики, демографии и социальной политики — в различных этических кодексах инструментального характера, делающих упор на экономическую или профессиональную эффективность государственных

⁷ К ложному пониманию общественного служения, по мнению священника, «стремятся в основном люди амбициозные, жаждущие власти, почестей, обладания и манипулирования людскими ресурсами, ищащие различных преимуществ, материальных и иных благ». Его подлинное понимание — государственное служение, основанное на национальном самосознании [Свешников, 2003].

⁸ Устав Русской Православной Церкви. Принят на Архиерейском соборе в 2000 г. (с последующими поправками). РПЦ Московская городская епархия. URL: <https://moseparh.ru/ustav> (дата обращения: 04.11.2025).

⁹ Требования к священнослужителям: их права и обязанности. Шамордино. URL: <https://www.shamordino.m.ru/osnovy-verы/o-tainstvah-cerkvi/tainstvo-svjaschenstva/trebovaniya-k-svyashchennosluzhitelyam-ikh-prava-iobyazannosti.html> (дата обращения: 04.11.2025).

¹⁰ Этический кодекс православного врача. Принят на конференции «Церковь и медицина. Этика и мораль в современной медицине» в рамках Рождественских чтений 26 января 2012 г. Глинские чтения. URL: <https://old.glinskie.ru/common/message.php?table=news&num=23035> (дата обращения: 04.11.2025).

¹¹ Например: Кодекс профессиональной этики акушерок РФ. ГБПОУ «Кропоткинский медицинский колледж». URL: <http://goukmk.ru/?op=con&mid=12¶m=1,410,1,1> (дата обращения: 04.11.2025).

и военных служащих, корпораций или профессиональных сообществ, особенно с учётом вызова искусственного интеллекта.

Конфликт духовного и светского служения в России выражен в классических вопросах об отношениях духовенства и государства — как соотносится исполнение религиозной миссии и правовых норм, предписываемых государством: имеет ли тайна исповеди абсолютный характер; как священник должен относиться к таким неоднозначным понятиям, как патриотизм, присяга и воинский долг в контексте евангельского требования непротивления злу насилием; участие в коммерческих предприятиях; необходимость реагировать на вызовы новых технологий. В этом контексте предметом дебатов остаётся вопрос о тайне исповеди, возможности отступления от которой остаются предметом спора¹². Важны такие аспекты темы, как кодекс поведения духовенства в соцсетях или особые функции военных священников¹³; возможность «совмещения служения полного времени и занятия бизнесом»¹⁴. Все эти темы обобщены в текущей дискуссии о том, возможно ли регулировать эти вопросы в специальном этическом кодексе духовенства? Ожидаемый ответ имел, разумеется, негативный характер¹⁵. Обет, данный священником перед лицом Бога и людей, — это «принятие своего рода определённого духовного кодекса чести, это — присяга, которой следует соответствовать до конца своих дней, это, в конце концов, проверка на порядочность и мужество, ответственность и честность, верность своему долгу»¹⁶. Главная опасность для священника или монаха, — следя данной позиции, — отказ от этого обета принятием светского взгляда на этику, допускающего компромиссы с нормами религиозной этики, оправдывающие движение к материальному успеху, в виде стремления к славе, власти и богатству¹⁷.

Иная концепция смысла служения представлена в кодексах светского типа, упирающихся на понятие «долга» индивида перед обществом и государством. *Война и мир* как область «встречи жизни со смертью» (по определению К. фон Клаузевица) — одна из ключевых тем, получивших отражение в новейших этических кодексах. Важным ориентиром для них могли бы служить кодексы чести старой русской армии¹⁸ или офицерские дуэльные

¹² Конституция и законодательство РФ гарантируют соблюдение тайны исповеди. Наделяя священника «свидетельским иммунитетом», некоторые решения Конституционного Суда, однако, позволяют констатировать, что в отличие от гражданского судопроизводства (где этот иммунитет имеет абсолютный характер) в уголовном судопроизводстве допускается отступление от него — священник вправе прибегнуть к раскрытию тайны исповеди для защиты определённого круга лиц. Остаётся неясным, определяется ли это отступление добной волей священника или превращается в его моральную обязанность, особенно в случае угрозы тяжких преступлений (например, актов террора, угрозы убийства, похищения и т.п.)? [Соломатин, 2017].

¹³ См., например: Православие Приамурья: Кодекс поведения священника в светском обществе. Благовещенская епархия. URL: <https://blaginform.ru/pravoslavie-priamurya-kodeks-povedeniya-svyashennika/> (дата обращения: 04.11.2025).

¹⁴ Этические нормы священнослужителя в отношении финансов. Утверждено Генеральной Конференцией Российского объединенного Союза христианской веры евангельской (пятидесятников). 12.10.2011. Централизованная религиозная организация «Российский объединённый Союз христиан веры евангельской (пятидесятников). URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1378804> (дата обращения: 04.11.2025).

¹⁵ «Священник служит Господу Иисусу Христу и Его святому благовестию, то есть Евангелию (с греческого “Евангелие” — это “благая весть”, или даже “радостная новость”). Поэтому ни в каких дополнительных “этических кодексах” священник принципиально не нуждается, он и так находится на вершине доступной человеческому пониманию этики». — Где этический кодекс поведения священников? Отцы.ру. URL: https://www.otsy.ru/main/vopros_o_sviashennikah?id=326 (дата обращения: 04.11.2025).

¹⁶ Митрополит Бориспольский и Броварской Антоний (Паканич). Кодекс чести священника. Чем опасно стремление стать «своим» среди чужих? Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность. URL: https://ruskline.ru/opp/2019/avgust/06/kodeks_chesti_svyawennika_chem_opasno_stremlenie_stat_svoim_sredi_chuzhih (дата обращения: 4.11.2025).

¹⁷ Эти мотивы присутствуют в явной или завуалированной форме в ряде кодексов современных волонтёрских организаций, специальное рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи.

¹⁸ «Кодекс чести офицера Российской армии» 1904 г. (написан В. Кульчицким в период Русско-японской войны) опирается на максиму о том, что «в жизни бывают положения, когда надо заставить молчать своё сердце и жить рассудком». ЭКСПЕРТ. Группа компаний. Центр интеллектуальных психофизиологических технологий. URL: <https://expert-spfi.ru/kodex> (дата обращения: 04.11.2025).

кодексы¹⁹, но в действительности их влияние не стало значительным. В противоположность строгому рациональному формату традиционных военных нравственных установок, ряд современных кодексов апеллирует преимущественно к эмоциональной составляющей военной службы и вводит, фактически, этику милитаристского сознания. «Кодекс чести настоящего мужчины» (2017 г.)²⁰ использует понятие «братьской верности» (по крови), которая познаётся только «в бою» и стоит «многотысячных армий чужеземцев» (которым такая этика не свойственна). «Кодекс чести русского мужчины» (составленный женщиной) — инициативный документ, открытый для дополнений, — исходит из необходимости остановить «геноцид русского народа» и имеет поэтому ярко выраженный этно-националистический характер²¹. Таким образом, профессиональные кодексы чести военных (офицеров) трансформируются в военизированные кодексы этнического или гендерного типа, для которых характерно подчёркнутое внимание к «мужественности» и готовности умереть как социальной добродетели.

Моральные дилеммы, связанные с войной и убийством, обострились в связи с распространением наёмничества — созданием в условиях гибридных войн по всему миру так называемых частных военных компаний с неопределенным юридическим статусом, местом прописки (которое способно изменяться) и непрозрачными источниками финансирования. Если в рамках конвенциональных требований к военной службе эти этические принципы отодвигаются на задний план (до известной степени регулируются международным правом войны суверенных государств), то в случае с частными военными компаниями (действующими ради извлечения прибыли) их обсуждение требует дополнительной мотивации. Особый интерес представляет новейший «Кодекс ЧВК “Вагнер”» (2023 г.)²². Он включает, с одной стороны, такие ценности, как патриотизм («защищай интересы России всегда и везде»), этику военнослужащих («честь русского солдата — превыше всего») и даже приоритет идеальных устремлений над материальными («воюй не за деньги, а из принципа», которым является «победа»). Но, с другой стороны, не объясняет, как совместить эти моральные установки с определяющей мотивацией частной военной компании — извлечением коммерческой прибыли и готовностью лица, подписавшего контракт, убивать и погибнуть (в бою, или, в случае изменения, от рук товарищей). «Смерть в бою», в этой логике — не только естественна, но и предпочтительна²³. В целом, отмечают критики, «Вагнер» заменил закон корпоративным кодексом чести, провозгласив своим бизнесом — смерть.

Обращение к смерти с позиций светской морали — сравнительно новая тема, отражённая лучше всего в этике ритуальных услуг. Социологическое исследование этих услуг

¹⁹ «Дузельный кодекс» В. Дурасова — вполне рациональная и детально разработанная инструкция по разрешению конфликтов, связанных с оскорблением офицерской чести и способов их удовлетворения [Дурасов, 1912].

²⁰ Кодекс чести настоящего мужчины (30.04. 2017). ВКонтакте. Армия/Выживание. URL: https://vk.com/wall-69793374_200258 (дата обращения: 04.11.2025).

²¹ Кодекс чести русского мужчины (М. Ефремова). Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/ZMORU6LsO2uT7qF6> (дата обращения: 04.11.2025).

²² Кодекс ЧВК «Вагнер» (15.11.2023). ВКонтакте. ЧВК/Оркестр, который знает весь мир! URL: https://vk.com/wall-219932746_182038 (дата обращения: 04.11.2025).

²³ Кодекс Вагнера, в отличие от старых кодексов офицерской чести, культивирует особый дух воинского братства, сплочённого круговой порукой, скрепляющими элементами которой являются: готовность к самопожертвованию («не сдаваться врагам» и предпочтеть смерть плена); взаимовыручке (готовность прикрыть товарища в бою) и уважению памяти погибших (поскольку «рано или поздно с ними встретишься»). Главным приоритетом выступает вовсе не «честь», а преодоление страха смерти, которое определяется как лейтмотив поведения — «нам уготована смерть в бою, а не немощным стариком на кровати». Негативными образцами поведения предстают именно те, которые определяют обычную мотивацию «солдат удачи» — отказ от мародёрства, пьянства и наркотиков, грабёж, насилие и убийство мирных жителей. Им противопоставляются скромность («не кичись своим ремеслом»), дисциплина (сохранение жетона) и верность организации.

свидетельствует о табуированности темы смерти в обществе и потому недостаточной осведомлённости о ней²⁴. Рынок ритуальных услуг — компромисс сакрального и профанного, *сфера принудительного потребления* (где покупатель услуги не может отказаться от её потребления) [Моисеева, 2010]. Профессиональная этика в этой сфере исключает возможности продажи и покупки информации о смерти, требует уважения воли покойного или его родственников²⁵. Кодекс этики ритуальных агентов требует от них определённого уровня культуры — знания различий обрядов похорон в зависимости от национальных особенностей и религиозных воззрений²⁶. Эти положения есть и в кодексах деловой этики в сфере ритуальных услуг²⁷. Отдельной сферой этического регулирования выступают требования к сотрудникам мемориалов²⁸. Но эти требования могут варьировать и иметь иной характер, например, для работников мавзолея Ленина (следить за состоянием тела вождя и выполнять инструкции по уходу за его телом), т.е. совокупность правил, существование которых одними рассматривается как противоречащее традиционным христианским ценностям в отношении погребения, другими — как символический объект, имеющий культурное и политическое значение (как это отражено в текущей дискуссии о перспективах сохранения тела Ленина)²⁹.

Сходные проблемы стоят перед краеведами, деятельность которых предполагает высокую моральную составляющую (места захоронений, личные фонды, конфиденциальная информация) и профессионализм, исключающий корыстные мотивы [Московчук, 2019]. Обращение к теме смерти характерно для работы поисковиков, кодекс которых говорит о важности «не допустить оскорблении памяти павших солдат» (независимо от их национальности)³⁰. Данный круг проблем затрагивает и деятельность объединений, изучающих захоронения жертв сталинских репрессий. Но он стоит также перед археологами, которые должны, помимо традиционных проблем (сохранения памятников культурного наследия, предотвращения их разграбления «чёрными копателями», определения правовых оснований национальной принадлежности и собственности артефактов), решать и вопрос взаимодействия с местным населением — теми, кто считает себя наследниками

²⁴ Социологическое исследование ритуальных услуг. Юго-Западный государственный университет. URL: <https://swsu.ru/kva/publikatsii-partnyerov-yuzgu/organizacija-pokhoron-po-zhilogo-chjelovjeka-v-minskje.php> (дата обращения: 04.11.2025).

²⁵ Профессиональная этика в ритуальной сфере. Московский справочник ритуальных услуг. URL: <https://www.mos-ritual.ru/informatsiya/stati/professionalnaya-etika-v-ritualnoy-sfere> (дата обращения: 04.11.2025).

²⁶ Этика ритуальных агентов. Форум сотрудников ритуальных служб. URL: <https://ritual-forum.ru/topic/6999-%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2/> (дата обращения: 04.11.2025).

²⁷ Кодекс деловой этики и служебного поведения сотрудников и служебного поведения сотрудников МП г.о. Самара «Спецкомбинат ритуальных услуг», утверждён директором 11.01.2017. URL: <https://спецкомбинат-самара.рф/upload/iblock/223/kodeks-etiki.pdf> (дата обращения: 04.11.2025).

²⁸ Некоторые из них представляются странными (для мемориалов). Например, это требование от работников таких качеств, как «эффективность и сплочённость» для достижения «высоких производственных результатов» (Кодекс этики и служебного поведения работников ОГАУК «Ленинский мемориал» в Ульяновской области 18.08.2016. Ленинский мемориал URL: <https://leninmemorial.ru/upload/medialibrary/c95/c95de74b582b6fd2c476d11afd4061e5.pdf> (дата обращения: 04.11.2025)).

²⁹ В отношении тела Ленина в постсоветский период обсуждалось три основных опции — его захоронение, коммерческое использование (в интересах туризма), превращение в музейный экспонат. Эта дискуссия ничем не закончилась. Новейший пример: во внесённый 7.07.2025 г. в Государственную думу депутатом от КПРФ законопроект включён пункт о запрете ликвидации и переименования объектов, связанных с памятью о Ленине, включая Мавзолей. — Федеральный закон «Обувечении памяти В.И. Ульянова (Ленина). Проект». Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/960930-8> (дата обращения: 04.11.2025).

³⁰ Важная этическая проблема — обращение с захоронениями солдат противника, которые требуют специального анализа. — Моральный кодекс поисковика. Поисковое движение России. URL: <https://rf-poisk.ru/moralnyy-kodeks-poiskovika.html> (дата обращения: 04.11.2025).

древнего населения, в том числе и с верующими, протестующими против раскопок древних могил. Эти древние могилы из объекта культурно-исторического значения могут легко превратиться в объекты сакрального значения³¹. Одним из инструментов решения подобных проблем признаётся разработка этического кодекса археологов.

Итак, тема жизни и смерти в актуальных этических кодексах выявляет острое противоречие самого смысла этих понятий — религиозных и светских норм, конфликт которых усиливается по мере коммерциализации соответствующих практик, ритуалов и обрядов, в контексте их моральной оценки как принципиально различных форм общественного служения.

Мужчины и женщины: кодексы гендерного типа

Отношения мужчин и женщин — традиционная сфера внимания художественных произведений, поскольку эмоциональное проявление чувства любви трудно поддается формализации. Но в последнее время эту область отношений стремятся интерпретировать *кодексы гендерного типа*. В сравнении с официальной советской сексуальной моралью³², постсоветский тип сексуального регулирования отличается дифференциацией позиций, демонстрируя широкий спектр установок: от «свободной любви» до религиозного аскетизма. Кодексы гендерного типа в современной России выражают общий тренд к воссозданию традиционных представлений о семье и роли мужчины и женщины, противостоя идеям гендерного разнообразия и нео-феминистской волне, характерных для Запада³³. Они делятся на два вида — кодексы мужчин и кодексы женщин, причём некоторые написаны представителями противоположного пола, отражая определённые социальные ожидания новейшего времени.

К первой категории относится ряд новейших кодексов мужского поведения. Характерен «Кодекс мужчины и отца Российской Федерации» (2020 г.)³⁴. Он разработан новым институтом — Федеральным Советом отцов при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребёнка³⁵. Это свод этических правил, которые были разработаны «отцами России» в сотрудничестве с историками и исследователями генезиса «традиции российского отцовства». Главные задачи Кодекса — сформировать в общественном сознании «истинные понятия о роли мужчины» и возродить институт наставничества в воспитании юноши

³¹ Открытия в археологии, как выясняется, ставят острую проблему этического свойства — неприятия населением как методов, так и целей раскопок — от гробниц фараонов до «Алтайской принцессы». Это может быть связано с проявлениями регионального национализма, верованиями или суевериями традиционного населения, в том числе с предрассудками, увязывающими вскрытие подобных гробниц со стихийными бедствиями и т.д. [Желудева, 2015].

³² В основу советской сексуальной морали, как считают некоторые исследователи, были положены «двенадцать половых заповедей революционного пролетариата», выработанных А.Б. Залкиндом, фактически сохранивших значение до конца существования СССР. [Залкинд, 1924].

³³ Вопрос о том, что считать традиционными ценностями в отношении семьи не однозначен: считать ли ими исключительно признание семьи как «союза мужчины и женщины» или понимать их шире — как восстановление норм и представлений, восходящих к «Домострою»? Идёт ли речь о признании традиционной семьи в узком или широком смысле, например, её понимании в контексте родового быта, элементы которого сохранились на Кавказе? Включает ли понятие традиции исламские представления о многожёнстве? Как следует понимать принцип «уважения к старшим» (по возрасту, чину или социальному статусу)? Всё это ставит общую проблему: как разграничить реальную и изобретённую традицию?

³⁴ Кодекс мужчины и отца Российской Федерации. 2020. Единый правовой портал по просвещению граждан, Пермский край. URL: https://pravovsem59.ru/meropriyatiya/%D0%91%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%8E%D1%80%D0%B0_%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%86%D0%B0_2020-2.pdf (дата обращения: 04.11.2025).

³⁵ О разработке и целях этого кодекса см.: «Кодекс мужчины и отца» разработан Федеральным Советом отцов при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка. ВКонтакте. Сохраним семью — сберегём Россию. URL: https://vk.com/wall-155074174_4734 (дата обращения: 04.11.2025).

«достойным мужем и отцом». Пробудив личную ответственность каждого юноши и мужчины за свою семью и страну, полагают авторы, мы сможем содействовать формированию высоких моральных принципов созидания, чтобы сохранить историческую память и культуру нашего народа. Некоторые аналогичные документы адресованы молодёжной аудитории, например, «Кодекс современного мужчины»³⁶, который представляет собой, скорее, правила этикета для юношества. Интересно, что ряд кодексов этого типа имеет ограниченное число адресатов. Они апеллируют к мужчинам только определённого региона, например, курским мужчинам или тувинским мужчинам³⁷, или определённым социальным категориям — донскому казачеству (свод традиционных правил) для пробуждения его патриотических чувств³⁸. Есть и шутливые произведения, например «Кодекс правильного ловеласа», утверждающий, что для соблазнения женщины актуальны не столько технологии пикаперства, сколько стремление рассматривать её как ангела, которому следует «отдаваться всей душой»³⁹.

Кодексы женщин не имеют столь выраженной военно-патриотической направленности, но также отражают патриархальные представления, апеллируя к традиционной роли женщины, вдохновляющей мужчину на подвиги. Новейший Кодекс женщины⁴⁰ отмечает её роль в создании семьи и побуждении мужчин к смелым действиям, но при этом затрагивает и тему женской солидарности. Обсуждение этого кодекса, определённого СМИ как «девичий кодекс», выявило запрос на укрепление женской солидарности с учётом негативных сторон гендерных отношений (определяемых как «приставания мужчин»)⁴¹. Анализ особого статуса женщин-руководителей (в специальном исследовании Института социологии РАН) позволил утверждать, что для этой категории женщин характерно представление о профессионализме, отличное от мужского. Именно это представление якобы становится для женщин-руководителей основой «выживания во власти»⁴². В ряду этих «строгих» кодексов есть и те, которые обращаются к менее формализованным, но не менее важным сторонам женской природы. «Кодекс настоящей леди» определяет её отличительную особенность как высокий «стиль»⁴³. А «Кодекс любовницы» формулирует правила женской солидарности и успеха в противостоянии с разными категориями мужчин⁴⁴. В этих кодексах представлено определённое (умеренное) влияние феминизма, но

³⁶ Кодекс современного мужчины. Учебно-методический кабинет. URL: <https://ped-kopilka.ru/semeinaja-biblioteka/kodeks-sovremenogo-muzhchiny.html> (дата обращения: 04.11.2025).

³⁷ Кодекс чести мужчины Республики Тыва. Последнее обновление: 10.01.2022. Министерство лесного хозяйства и природопользования республики Тыва. URL: <https://mpr.rtyva.ru/node/20888/> (дата обращения: 04.11.2025).

³⁸ Шеремет А. Кодекс чести настоящего донца. Аргументы и факты — Ростов. 6.04.2022. URL: https://rostov.aif.ru/edu/kodeks_chesti_nastoyashchego_donca_ne_tolko_dlya_malchikov (дата обращения: 04.11.2025).

³⁹ Кратчий Е. Кодекс правильного ловеласа. Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2018/03/02/2009> (дата обращения: 04.11.2025).

⁴⁰ Кодекс женщины. Живой журнал. URL: <https://retro-ladies.livejournal.com/504862.html> (дата обращения: 04.11.2025).

⁴¹ «Приставания» — не очень ясная категория, но она, вероятно, не является аналогом понятия «хараксмента», поскольку последнее имеет более широкое значение и относится как к мужчинам, так и к женщинам. См.: Бурмакина Е. «Девичий кодекс»: женщины назвали самые важные негласные принципы жизни. А42.RU. URL: <https://gazeta.a42.ru/lenta/news/66026-devichii-kodeks-zhenshiny-nazvali-samye-vazhnye-neglasnye-pr> (дата обращения: 04.11.2025).

⁴² Добрынина Е. Социологи составили «женский кодекс выживания во власти». Российская газета. URL: <https://rg.ru/2009/06/26/jenschiny.html> (дата обращения: 04.11.2025).

⁴³ Кодекс настоящей леди. Живой журнал. URL: <https://permyakovr.livejournal.com/119782.html> (дата обращения: 04.11.2025).

⁴⁴ Предлагается не подстраиваться под мужчин, не афишировать отношений, ничего не требовать, но при этом не иметь дела с мужчинами, ругающими свою жену (женская солидарность?). — Кодекс любовницы: 7 правил очень плохой девочки. FISHKI.NET. URL: <https://fishki.net/2750447-kodeks-ljubovnicy-7-pravil-ocheny-plohoj-devochki.html> (дата обращения: 04.11.2025).

практически отсутствует традиционная западная повестка радикального феминистского и трансгендерного типа.

В этих кодексах прослеживается тренд к пересмотру социальных стереотипов рубежа XX — начала XXI вв. Один из актуальных образов современной девушки, навязанный массовой культурой и шоу-бизнесом, вызывает критику с позиций этического идеала. Данный образ девушки из высшего общества, или так называемой «светской львицы», был сконструирован в США и получил распространение в России в начале 2000-х гг. [Старвумен, Грей, 2004]. Современный рынок — следуя этой логике — превращает красоту в товар, формируя предложение определённого рода услуг, а удержание на этом пьедестале выглядит как настоящая военная операция⁴⁵. В новейшее время данный образ подвергается существенной ревизии с позиций традиционных ценностей. На этом фоне, полагают критики, традиционные добродетели женщины как верного спутника мужчины и хранительницы семейного очага уступают место образу развратной и беспринципной женщины-стервы — циничной «светской львицы», предпринимающей героические усилия по достижению призрачной цели — поддержания элитарного статуса любой ценой, балансируя на грани разорения, утраты идеалов и подлинного смысла жизни⁴⁶. Этот смысл жизни определяется в актуальных кодексах как осознание женщиной своего высшего призыва в семье, материнстве и социализации на этой основе.

Мораль против закона: этические кодексы преступных сообществ

Кодексы преступных сообществ — самостоятельное направление исследований социологии права, юридической антропологии и криминологии. Они могут иметь большую или меньшую степень разработанности и формализации, однако вполне определённо выполняют функцию морального регулирования социальных отношений в преступной среде [Криминология, 2003].

В известных устойчивых криминальных объединениях, наподобие итальянской мафии, представлен достаточно чёткий моральный кодекс. Он регулирует весь «этический универсум» и представляет собой нечто гораздо большее, нежели просто свод правил⁴⁷. Значение данного кодекса определяется как принципиальное для поддержания всей организации: «Зловещая церемония посвящения и “конституция”, первый пункт которой требовал смерти предателей, служили укреплению доверия, поскольку заставляли преступников, обычно предававших друг друга не раздумывая, задуматься о цене предательства» [Дикки, 2022. С. 53]. В постсоветской России кодификация норм таких сообществ не носит стабильного характера, что отражает быструю динамику изменений в данной среде. Это скорее совокупность неписанных норм и обычая, обобщённых в «Воровском законе»⁴⁸ или моральном кодексе «воров в законе»⁴⁹ — своде правил и норм поведения, которым должна

⁴⁵ Пять заповедей начинающей светской львицы. MAIL.RU — @леди. URL: <https://lady.mail.ru/article/132355-pyat-zapovedej-nachinayuschej-svetskoy-lvitsyi/> (дата обращения: 04.11.2025).

⁴⁶ Светская львица на трофеи войны. СТРАННИК (молодёжный журнал). URL: https://www.strannik-lit.ru/Uly_02_09.html (дата обращения: 04.11.2025).

⁴⁷ Кодекс чести Сицилийской мафии, ставший известным в 1984 г. в результате показаний одного из главарей, полученных судьей Фальконе, включает обряд посвящения «человека чести», приносимую им клятву повиновения, свод основных правил поведения в отношении товарищей и босса, трактовку отношения к религии и государству, систему иерархии, поощрений и наказаний. Главным положением этого кодекса является знаменитая *omerta* — обет молчания и отказ от любого сотрудничества с полицией. В целом, положения данного кодекса имеют давнюю историю, восходящую к истокам формирования мафии, которая рассматривалась некоторыми исследователями даже как ответвление католической церкви, в извращённой форме копируя её уставные нормы и ритуалы тайных масонских организаций.

⁴⁸ Воровской закон. Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Воровской_закон (дата обращения: 04.11.2025).

⁴⁹ Кодекс воров в законе. Дзен. URL: https://dzen.ru/a/Z4JAAYAfXyt9_X9 (дата обращения: 04.11.2025).

руководствоваться элитой преступного мира, а также его представители, признающие их власть («авторитет»).

Этот тип кодексов включает, фактически, все компоненты этического и правового регулирования данной субкультуры, выполняя одновременно функции «морального кодекса», «конституции»⁵⁰, «уголовного кодекса»⁵¹, а также совокупности организационных рекомендаций⁵² и требований по профессиональной пригодности. В качестве важнейших идеологических заповедей в кодексе фигурируют: поддержка «воровской идеи» и защита воровских законов (норм, традиций и правил); жизнь «по понятиям» и знание их смысла; честность перед «товарищами» по криминальной деятельности; солидарность и взаимопомощь в отношении других представителей сообщества, запрет на несправедливое и унизительное отношение к ним. В целом эти этические нормы, имеющие древнее происхождение (восходящие к дореволюционным временам), направлены на поддержание единства и безопасности криминальной субкультуры — «патrimonиального альянса» — «мужского братства» её членов (так называемой «братвы») и воспроизведения организованной преступности.

Подобно другим традиционным сводам этических норм, они, по свидетельству экспертов, не остаются неизменными. Процесс их кодификации относится к 30–40 гг. XX в. Однако в 1990-е гг. они трансформировались в направлении большей гибкости и pragmatизма под влиянием коммерциализации. В новых условиях постсоветского общества прослеживаются тенденции к известной либерализации жёстких запретов, в частности — ослабления традиций, допущения иметь семью и сотрудничества с властями ради прибыли. Эти изменения, безусловно, стали отражением новых социальных условий, определяемых иногда понятиями срашивания криминализата, бизнеса и власти, а также проникновением криминализата во власть (известные случаи появления уголовных авторитетов в структурах законодательной и исполнительной власти как в центре, так и в регионах). Это отражает гибкость преступного сообщества, способного модернизировать традиционные «понятия» с учётом новых социальных условий, освоения иностранного опыта и технологий [Галеотти, 2019].

Отражая элементы патерналистского и коллективистского сознания, данная группа кодексов выстраивает иерархию отношений, напоминающих распределение ролей в большой традиционной семье, с её делением на старших и младших, подчинение которых главе семьи носит почти абсолютный характер, а совокупность моральных предписаний

⁵⁰ «Конституционный блок» данных норм включает весь спектр взаимоотношений преступного сообщества с государством — полный отказ от сотрудничества с государством и особенно правоохранительными органами (отказ от дачи показаний); запрет на занятие официальной трудовой и политической деятельностью; бюджетные правила —уважительное отношение к общей казне — «общаку» (своего рода социальному фонду для поддержки заключённых и коллективных расходов на подкуп властей, покупку оружия, поддельных документов, организацию побегов и т.п.); соблюдение тайны (неразглашение информации о центре базирования — «малине» и тайных коммуникациях преступников); направления социальной активности — установление власти в исправительных учреждениях; даже параметры воспитательной деятельности (вовлечение и обучение молодёжи преступным навыкам).

⁵¹ «Уголовный кодекс» определяет систему кар за нарушение установленных законов и правил поведения — от менее жёстких, наказываемых порицанием (публичная пощёчина) или понижением в должности (из «блатных» в «мужики») до отстранения от должности самого лидера («раскоронования») и предания смертной казни. Известен и ряд требований к бытовому поведению участника криминального сообщества, главным из которых является, вероятно, запрет иметь семью и устойчивые привязанности.

⁵² Нормы преступного кодекса уделяют внимание вопросам организации сообщества, его иерархии и вводят своеобразную систему разделения властей: легитимность решений определяется общим собранием («сходка» или «стрелка»), способным вынести вотум недоверия лидеру — «вору в законе» (вплоть до его разжалования). Определяются и полномочия последнего по руководству организацией, включающие функции поддержания дисциплины, разрешения конфликтов, посредничества в разрешении споров (арбитражная функция); наказание отступников; суды и вынесения приговора в последней инстанции.

жёстко поддерживается всем сообществом, включая контроль частной жизни и бытовых отношений членов сообщества. Эти предписания направлены на поддержание единства и иерархии данной корпорации с учётом новых вызовов, требующих пересмотра некоторых форм поведения с точки зрения их внешнего соблюдения — тенденция, параллельно представленная также в регулировании стандартов поведения сотрудников пенитенциарной системы, ставших актуальными в свете раскрытия СМИ фактов преступного злоупотребления властью⁵³.

В промежуточной зоне этического регулирования криминального (делинквентного) и девиантного поведения находится часть молодёжных субкультур, например, так называемой «дворовой молодёжи» (эвфемизм, означающий близость к криминалиту и её отличие от молодёжи вообще). К ним относится, в частности, «Кодекс пацана» — свод правил и рекомендаций для жизненных ситуаций представителя данной группы⁵⁴. Часть этих представлений отражает традиции поведения «дворовой молодёжи» советского периода, выработавшей неформальный «кодекс чести хулигана», регулировавший правила, которыми должны руководствоваться представители этой субкультуры⁵⁵. В дальнейшем эти моральные установки подверглись релятивизации, обозначив тенденцию к росту жестокости и цинизма в сфере молодёжной преступности. Моральные кодексы криминальных сообществ имеют выраженный антиправовой характер, но сопровождаются жёсткими квазиправовыми санкциями за их нарушение (вплоть до смертной казни).

Таким образом, сохраняя свой преступный характер (в определении идентичности как противостоянии закону), этические нормы криминального сообщества также не избежали известной релятивизации и «инфляции почестей», характерных для всей иерархии постсоветских этических регуляторов.

⁵³ Сам факт детального регулирования отступлений сотрудников пенитенциарной системы от общепринятых норм морали косвенно свидетельствует о типичных параметрах этических и правовых нарушений, не исключающих произвола в отношении заключённых (ставших достоянием общественности в свете обвинений сотрудников ФСИН в применении пыток и уголовных преступлений). В Кодексе этики сотрудников органов принудительного исполнения постулируется «приоритет государственных и служебных интересов над личными», а в качестве позитивных установок предписывается поддержание «товарищества», уважение старших — «по должности, специальному званию или возрасту», преумножение профессиональных традиций органов и готовность передавать служебный опыт молодёжи. В силу этого сотрудникам вменяется воздержание от нецензурной браны, публичного участия в азартных играх, употребление алкоголя «накануне и во время служебных обязанностей», воздержание от «курения при нахождении в форменной одежде» и даже исполнение правил дорожного движения. Эти нарушения Кодекса, впрочем, подлежат исключительно «моральному осуждению»: учитываются в ходе аттестации, при формировании кадрового резерва и продвижении по службе и могут вести к наложению дисциплинарных взысканий (см.: Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов принудительного исполнения РФ. Федеральная служба судебных приставов. URL: <https://old.fssp.gov.ru/2728799/> (дата обращения: 04.11.2025)).

⁵⁴ Противопоставляя себя обществу, данная субкультура определяет «как жить достойно», отражает «сурочный мир настоящих мужчин, в котором существуют свои законы» для тех, кому «улица стала настоящей школой жизни» и отвергает тех, кого определяет «слюнями, чмошниками, дурачками и другими чушпаниами» [Махов, 2024].

⁵⁵ Эти правила включали определение статуса дворовых банд и их отношений, своеобразный «дуэльный кодекс» — правила драки («до первой крови»), критерии иерархии (отношения старших и младших), поддержания корпоративной солидарности (правила дружбы и отношения к «чужакам»), ухаживания за девушками, поддержания безопасности (стукач «своей смертью не умирает»), своеобразные стандарты поощрений и кар. формы выражения симпатии и агрессии (см.: Кодекс чести дворовой молодёжи: каким негласным дворовым законам подчинялась советская молодёжь. 06.11.2023. Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/ZUTqKEdrLxaSg-Y9> (дата обращения: 04.11.2025)).

Моральное регулирование аморального поведения: кодексы девиантных сообществ

Маргинальные субкультуры — те, которые находятся на границе представлений о морали и поведение которых может быть определено как отклоняющееся от стандартных правил, т.е. девиантное. Это значит, что данное поведение не является нарушением уголовных норм (как показано в случае с криминальными субкультурами), но рассматривается часто как нарушение административных норм и в целом аморальное (с точки зрения большинства). К данной категории в России традиционно относятся проституция, хулиганство, азартные игры, а также некоторые формы высказываний и поведения, оскорбляющие общественную нравственность (ненормативная лексика). В то же время следует отметить стремление данных маргинальных сообществ отстоять своё право на существование, апеллируя в том числе к этическим категориям. Особенность этого этического регулирования заключается в том, что данные сообщества, будучи аморальными в глазах большинства, стремятся не только выработать собственный моральный кодекс, но и следовать ему, вводя систему наград и поощрений за соответствие его предписаниям.

Парадокс в том, что чем последовательнее члены данных групп соблюдают их внутренние моральные установки поведения, тем более жёстким становится их обвинение в аморализме. Наиболее подробно эта тема обсуждается в связи с вопросом о легализации проституции. Российская общественная инициатива (РОИ) выдвинула предложение (Инициатива № 78 Ф25700) об отмене статьи 6.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) о запрете занятий проституцией⁵⁶. Данная статья находится в разделе КоАП о правонарушениях, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность. Понятие «общественная нравственность» рассматривается авторами инициативы как форма социального лицемерия, ставящего под угрозу жизнь и здоровье женщин-проституток, но не их клиентов и организаторов-сутенёров, а потому признаётся дискриминационной практикой, что ведёт к требованию отмены указанной статьи.

В ходе общественной дискуссии по этому вопросу высказывались прямо противоположные мнения. Одно из них было выдвинуто представительницами секс-услуг, настаивавших на преодолении моральной дискриминации и легализации данного профессионального сообщества вплоть до принятия «Трудового кодекса проституток»⁵⁷. Его структура и положения вполне соответствуют другим кодексам деловой этики, включая систематизированные нормы «коммерческого секса»⁵⁸. Данная профессия, по мнению её представителей, входит в группу риска, а потому принятие этих норм позволит ограничить произвол, насилие и зависимость от сутенёра, позволяя обеспечить медицинский контроль и избежать драматического конца многих представительниц древнейшей профессии.

⁵⁶ Отменить статью 6.11 «Занятие проституцией» Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ). Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru/25700/> (дата обращения: 04.11.2025).

⁵⁷ В Нижнем издали Трудовой кодекс для проституток. Комсомольская правда — Нижний Новгород. 1.10.2004. URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/23372/228608/> (дата обращения: 04.11.2025).

⁵⁸ Данные нормы сводятся к следующему: 1) Проститутка должна уважать человеческое достоинство клиента, его потребности и желания, обещать только те услуги, которые она действительно оказывает и стремиться выполнять свои обещания, хранить в тайне доверенные ей сведения, соблюдать установленные ею пределы безопасности и требования к качеству работы. 2) Предписывается «уважать себя», «плоды своего труда» и использовать их «разумно», следуя максиме, что «на деньги всего купить нельзя», а «человеческое достоинство, здоровье и друзья» — «важнее денег». 3) Продавая секс-услуги, — говорит этот кодекс — не нужно, да и невозможно, обслужить всех клиентов: «сексуальные потребности и объекты сексуального интереса так многообразны, что ни один человек не в состоянии предложить их всем без исключения». Не рекомендуется, поэтому, единовременно встречаться «с несколькими мужчинами», особенно, мужчинами «с дурными намерениями» (как будто эти намерения очевидны).

Специальный «Кодекс чести проституток»⁵⁹, написанный, скорее, с позиций содержателя дома терпимости, определяет его как «правила и рекомендации, которые помогают справляться с разными ситуациями во время работы», позволяя этим женщинам понять «как они должны себя вести, что обязаны делать, а также как поступать нельзя». У кодекса две задачи — «исключить неправильные и опасные действия со стороны девушек» и «дать клиентам то, чего они хотят». Подобно ряду стандартных кодексов корпораций или делового поведения, положения данного кодекса ни в коей мере не защищают прав женщин-проституток, но накладывает на них многочисленные обязанности, вытекающие из представления об эффективности бизнеса⁶⁰. Важная особенность кодексов девиантного поведения состоит в том, что общепринятые нормы морали или делового поведения не отрицаются (в отличие от кодексов криминального поведения), но служат достижению социализации в предположительно аморальной субкультуре. Жёсткие моральные императивы маргинальных сообществ порождают ситуацию, известную как преступления без наказания (например, обман клиента проституткой) или наказания без преступления (моральный ostracism или изгнание из сообщества за нарушение его этического кодекса, например, при неуплате карточного долга). Это — общее правило в отношении всех так называемых «аморальных сделок», которые трудно квалифицировать с позиций действующего гражданского или административного права⁶¹. Таким образом, моральные кодексы девиантного поведения, внешне мало отличные от кодексов конформного поведения, вполне могут выполнять роль усиления антисоциальных трендов, но их юридическая квалификация остаётся неопределенной.

Ключевая роль нормативного регулятора отношений сторон в кодексах девиантного поведения принадлежит, вероятно, понятию доверия сторон сделки друг к другу. Условия обеспечения доверия друг другу участников аморальной сделки не могут иметь тех социальных гарантий, которые присутствуют в правомерных и этически оправданных сделках. Последние находятся в области трактовки таких понятий, как традиции,

⁵⁹ Кодекс чести проституток. URL: <https://bestgirls.onerpage.website/> (дата обращения: 04.11.2025).

⁶⁰ Круг этих обязанностей проституток включает: соблюдение различных медицинских правил («никогда не врать о своем здоровье»); оказание качественных услуг («ставить интересы клиента выше собственных» и требовать оплату только по предоставлении услуг), соблюдать коммерческие интересы («полностью соответствовать своей стоимости», не предоставлять услуги «бесплатно» или оказывать их «в долг»); соблюдать права и интересы клиента (не разглашать информацию о нём или «делиться подробностями интимных встреч»); проявлять корпоративную солидарность (запрещается «заниматься дискредитацией других проституток»); соблюдать правила делового этикета (например, не пользоваться «обильным количеством парфюма»). Эти нормы имеют, скорее, рекомендательный характер, но, по мнению их автора (или авторов), «любой клиент всегда отдаст предпочтение именно тем, кто знает о кодексе и выполняет его требования, правила и запреты».

⁶¹ Аморальными в российском гражданском праве считаются сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности, признаваемые на этом основании ничтожными. Но признание сделки аморальной — сложное дело, поскольку понятие нравственности является оценочным, меняется со временем и допускает различные интерпретации. В ряде случаев безнравственность сделки может быть легко установлена в силу противоречия правовым нормам (например, договоры о найме киллера, продаже детей, содержании в рабстве, лжесвидетельстве, оказании платных сексуальных услуг и т.п.). Но в других случаях аморальность не очевидна и требует от суда рассмотрения конкретных обстоятельств дела, мотивов и целей заключения сделки. Трудность состоит в том, чтобы дать их точную юридическую квалификацию, например при определении юридической силы договоров об оплате услуг эскортницы, продажи девственности или завуалированного требования уплаты карточного долга, поскольку некоторые из них трудно отличить от стандартных договоров по оказанию услуг и практик современного бизнеса, которые теоретически также вполне могут быть квалифицированы как аморальные.

обычаи, общие нравственные принципы справедливости и тому подобные категории⁶². Но обеспечение доверия в сфере девиантного поведения не может быть гарантировано уже в силу моральной сомнительности сделки, неопределенности статуса её участников и отсутствия инстанции, способной осуществлять беспристрастное наблюдение за соблюдением договора и наказания за его нарушение.

Заключение. Моральный синкретизм как выражение нормативных дисфункций социальной трансформации

За провозглашаемым внешним единством этических представлений современного российского общества скрывается его нравственный синкретизм⁶³. Этические кодексы должны быть разделены на те, которые инициированы властью и другими публичными институтами (государством, корпорациями, руководством профессиональных сообществ) и те, которые отражают спонтанную самоорганизацию сообществ (и исторически сформировавшиеся в них ценности), выполняя преимущественно функции консолидации, социальной дрессировки и поддержания иерархии внутри данных сообществ. От направления, системности и координации этого регулирования, а также сопутствующих им мер контроля, зависит объём и интенсивность «морализации» формальных норм, институтов и практик, включая их избирательную морализацию, граничащую с социальным лицемерием. Отношение к праву трансформируется определением смысла конвенциональных этических норм, в том числе самых важных — представлений о добродетели, границах нравственного выбора, свободы, совести и долга. Из инструмента простой конкретизации общих моральных представлений в профессиональной деятельности кодексы способны стать формой обеспечения лояльности внутри замкнутых девиантных сообществ корпоративистского типа, имеющих мало точек соприкосновения друг с другом за пределами универсальных моральных стандартов.

Универсальные или конвенциональные (т.е. разделяемые большинством и поощряемые государством) нормы могут сохранять свой императивный характер в сообществах

⁶² Эти категории присутствуют и при заключении вполне правомерных сделок. Понятие «доверия» представлено, например, в кодексе адвокатской этики. Кодекс подробно рассматривает круг возможных этических проблем в этой области, связанных со « злоупотреблением доверием» — нарушением адвокатской тайны, обеспечивающей иммунитет доверителя, предоставленный ему Конституцией РФ. С этих позиций Кодекс подробно фиксирует целый ряд этических вопросов, требований и условий их осуществления — независимость, соблюдение профессиональной тайны (адвокатская тайна), отношения с доверителем, злоупотребление доверием, дача свидетельских показаний, корректность поведения в суде, оказание юридических услуг, отношения с адвокатской палатой, обоснованность гонорара, публичные комментарии, меры дисциплинарной ответственности. Но категория доверия здесь не абсолютна и подвержена серьёзным ограничениям, поскольку «закон и нравственность в профессии адвоката выше воли заявителя», что исключает выполнение адвокатом его требований, связанных с нарушением закона или этических норм, за которыми Кодекс признаёт общезначимый характер, устанавливаемый и разъясняемый Комиссией по этике и стандартам — коллегиальным органом Федеральной палаты адвокатов (См.: Кодекс профессиональной этики адвоката. Принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01. 2003 г. (с изменениями и дополнениями 2005, 2007, 2013, 2015, 2017, 2021 гг.). Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 4.11.2025)). Этих ограничений не может предусматривать договор аморальной сделки: возможный обман клиента проституткой или мошенником (включая ситуации, когда они получали удостоверение адвоката или государственного служащего для прикрытия своей подлинной деятельности) едва ли может толковаться как « злоупотребление доверием», поскольку выглядит почти естественной платой клиента за риск сознательного принятия условий аморальной сделки в ситуации нормативного вакуума.

⁶³ Синкретизм (лат. *suncretismus*) — устойчивое объединение (сочетание) разнородных принципов и начал в одной системе без их объединения. Эта разнородность этических принципов выражается в кодексах, внешнее сходство которых не свидетельствует о содержательном единстве понимания смысла ценностей, норм и правил поведения, которые сохраняют противоречивый или даже взаимоисключающий характер.

разного типа, в том числе — маргинальных, отстаивающих их применение для достижения целей, сомнительных или неприемлемых с моральной точки зрения. Они могут получать различные трактовки путём конкретизации их смысла применительно к определённым видам деятельности, иногда спорным с легальной точки зрения, или, напротив, получать расширительную трактовку, граничащую с установлением жёстких квазиправовых регламентов поведения в данном сообществе. С этим связана различная интерпретация правовых норм в кодексах разной направленности — формальное признание необходимости следовать им, их ограничение профессиональными требованиями к реализации или их полное отрицание (в кодексах преступных сообществ).

Кодексы различаются по таким параметрам, как институты, создающие их, роль в обеспечении социальной идентичности данной социальной группы и характер санкций за их нарушение (от правовых санкций до морального ostrакизма). Но в целом они успешно выполняют роль мощного социального регулятора, где индивид оказывается принуждён принять их положения под угрозой утери статуса, работы, должности или применения к нему не менее жёстких моральных санкций. Не имея по большей части юридического закрепления, этические кодексы в их совокупности определяют «моральную конституцию» общества — поощряемую систему ценностей, правил и установок поведения критически важных социальных групп — от чиновников, военных и бизнесменов до маргинальных сообществ, балансирующих на грани допустимых правовых норм или переходящих её.

Анализ корпуса этических кодексов в их трансформации убеждает в существовании имманентного противоречия традиционных этических стандартов (восходящих к религиозной или идеологической преемственности) и требований профессиональной эффективности. На пересечении их требований во всех без исключения кодексах формируется понятие тайны — ядра всех кодексов и служебных ритуалов в отношениях с обществом. Это — и тайна следствия, и судебная, адвокатская, нотариальная, журналистская, медицинская тайны, и корпоративная тайна, и тайна персональных данных и т.д. У них совершенно разный объём, степень защиты и формы контроля, а их соблюдение оспаривается сторонниками тотальной свободы в информационном пространстве. В кодексах маргинальных сообществ к ним добавляется защита тайны этих объединений от государственного и социального контроля в виде запретов на раскрытие информации, способной подорвать их единство (закон омерты в преступных сообществах). Но везде введение этого понятия как этической нормы имеет определённый смысл. Понятия тайны, ритуала и кодирования информации с помощью специальной терминологии есть традиционный способ отделения автономного профессионального сообщества от так называемого профанного сознания, не посвящённого в секреты профессионального мастерства.

Моральный синкретизм, отражаемый кодексами, связан с усложнением инфраструктуры общества, механизмом спонтанной селекции моральных императивов и усилением их конкуренции в условиях растущей непредсказуемости результатов социальной трансформации. Это позволяет высказать предположение, что задача соответствующих профессиональных кодексов — способ корректировки общезначимых моральных ценностей в интересах соответствующих профессиональных сообществ безотносительно к содержанию и мотивации их поведения. По мере распространения таких кодексов их вынуждены принимать даже те, кто в них не нуждается, в том числе маргинальные сообщества, ранее избегавшие такой кодификации или критически относившиеся к ней по роду деятельности (как, например, лица свободных профессий). А сама дискуссия об их принятии разными сообществами может стать инструментом формирования (ограничения) их реального публично-правового статуса. Следуя по этому пути, кодексы определяют идентичность сообщества, устанавливают рамки контроля и формируют

систему дисциплинарных ограничений, выполняющих дрессирующую роль. Эти рамки могут быть конституционными или экстра-конституционными, но в ряде случаев они вступают в противоречие с юридическими нормами, ограничивая или дезавуируя применение последних.

Принятие кодифицированных стандартов морального регулирования для маргинальных сообществ есть форма и инструмент самоорганизации в условиях растущего нормативного вакуума в трансформирующемся обществе. Эта тенденция может быть выражена итоговой формулой: чем выше уровень моральной консолидации и контроля внутри данных сообществ, тем выше степень их обособленности и противостояния общезначимым представлениям конвенциональной добродетели.

Импульс к размыванию традиционных границ нравственности находит выражение в дифференциации этических установок общества на уровне социальной стратификации — публичных институтов, сообществ, социальных и профессиональных групп, а также различных маргинальных субкультур. Систематизация этих установок в этических кодексах фиксируется как на межгрупповом уровне, так и на уровне внутригрупповой иерархии, вплоть до самоизоляции отдельных субкультур. Результатом становится появление новых (конкурирующих между собой) иерархий моральных установок, закрепляемых этическими кодексами посредством введения специальных норм, ритуалов и правил поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Боулз С. (2017). *Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан.* — М.: Издательство Института Гайдара.
- Вебер М. (1994). *Избранное. Образ общества.* — М.: Юрист.
- Галеотти М. (2019). *Воры. История организованной преступности в России.* — М.: Individuum.
- Дикки Дж. (2022). *Cosa Nostra. История сицилийской мафии.* — М.: Эксмо.
- Дюмон Л. (2001). *Homo Hierachicus. Опыт описания системы каст.* — СПб: Евразия.
- Дурасов В. (2012). *Дуэльный кодекс.* — СПб.: Тип. «Сириус».
- Жолудева Н.Р. (2015). К вопросу об общественной реакции на археологические открытия // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология.* Т. 13. С. 106–113.
- Залкинд А.Б. (1924). *Революция и молодежь.* — М.: Коммунистический университет им. Я. Свердлова.
- Коломбатто Э. (2016). *Рынки, мораль и экономическая политика.* — М.: Мысль.
- Кребер А. (2004). Стиль и цивилизация // Кребер А. (2004). *Избранное: природа культуры.* — М.: РОССПЭН. С. 803–928.
- Криминология (2003) / Под ред. Дж.Ф. Шели. — М.: Питер.
- Макклоски Д. (2018). *Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции.* — М.: Издательство Института Гайдара.
- Махов А.В. (2024). *Настоящий кодекс пацана.* — М.: Эксмо.
- Медушевский А.Н. (2015). *Социология права.* — М.: Директ-Медиа.
- Моисеева Е.Н. (2010). Рынок ритуальных услуг: трансформация правил ритуала в правила рынка // *Экономическая социология.* Т. 11. № 3. С. 84–99.
- Московчук Л.С. (2019). Этос краеведения: этические основания и моральные императивы // *Наследие веков.* № 3. С. 29–35. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.002.
- Оболонский А.В. (2016). *Этика публичной сферы и реалии политической жизни.* — М.: Мысль.
- Рэдклифф-Браун А.Р. (2001). *Метод социальной антропологии.* — М.: Канон-Пресс.
- Свешников В. прот. (2003). Этика общественного служения // *Русское православие. Вечное в настоящем.* №10. 17.07.2013. URL: https://social-orthodox.info/pages/1_3_dopmat_etika_obshestvennogo_sluzh.htm (дата обращения: 04.11.2025).
- Соломатин Е. (2017). Может ли священник после исповеди рассказать о готовящемся преступлении? URL: https://zakon.ru/blog/2017/4/11/mozhet_li_svyaschennik_posle_ispovedi_rasskazat_o_gotovyaschemsyu_prestuplenii_a_o_nevozmozhnosti_li (дата обращения: 04.11.2025).
- Старвумен А., Грей Д. (2004). *Светская львица, или Как стать девушки из высшего общества.* — М.: Феникс, 2004.

- Толстой Л.Н. (2010). В чём моя вера? // Толстой Л.Н. Избранное. — М.: РОССПЭН. С. 322–474.
- Цвайгерт К., Кемиц Х. (2000). Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. — М.: Международные отношения. Т. 1–2.
- Appiah A. (2010). *The Honor Code: How Moral Revolutions Happen*. — New York: Northon.
- Baker R. (2019). *The Structure of Moral Revolutions: Studies of Changes in the Morality of Abortion, Death, and the Bioethics Revolution*. — Cambridge, MA: MIT Press.
- Eriksen C. (2020). *Moral Change: Dynamics, Structure, and Normativity*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Frohnen B.P., Garey G.W. (2016). *Constitutional Morality and the Rise of Quasi-Law*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.

REFERENCES

- Appiah A. (2010). *The Honor Code: How Moral Revolutions Happen*. — New York: Northon.
- Baker R. (2019). *The Structure of Moral Revolutions: Studies of Changes in the Morality of Abortion, Death, and the Bioethics Revolution*. — Cambridge, MA: MIT Press.
- Bowles S. (2017). *The moral economy. Why good incentives are no substitute for good citizens*. — M.: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).
- Colombatto E. (2016). *Markets, morals, and policy-marking. A new defence of free-market economics*. — M.: Mysl'. (In Russ.).
- Criminology. (2003). *A Contemporary Handbook* / J.F. Sheley (ed.). — M.: Piter. (In Russ.).
- Dickkie J. (2022). *Cosa Nostra. History of the Sicilian Mafia*. — M.: Eksmo. (In Russ.).
- Dumont L. (2001). *Homo Hierachicus. Essay on the System of Casts*. — SPb.: Evrazia. (In Russ.).
- Durasov V. (2012). *Dueling Code*. — SPb.: Sirius Tografiya. (In Russ.).
- Eriksen C. (2020). *Moral Change: Dynamics, Structure, and Normativity*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Frohnen B.P., Garey G.W. (2016). *Constitutional Morality and the Rise of Quasi-Law*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Galeotti M. (2019). *Thieves. History of Organized Crime in Russia*. — M.: Individuum. (In Russ.).
- Kroeber A. (2004). Style and civilization // Kroeber A. (2004). *Selected Works: the Nature of Culture*. — M.: ROSSPEN. Pp. 803–928. (In Russ.).
- Makhov A.V. (2024). *The Real Code of the Kid*. — M.: Eksmo. (In Russ.).
- McCloskey D.N. (2018). *The Bourgeois Virtues. Ethics for an Age of Commerce*. — M.: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).
- Medushevsky A.N. (2015). *Sociology of Law*. — M.: Direkt-Media. (In Russ.).
- Moiseeva E.N. (2010). The market of funeral services: transformation of ritual rules into market rules // *Economic sociology (Ekonomicheskaya sotsiologiya)*. Vol. 11. No. 3. Pp. 84–99. (In Russ.).
- Moskovchuk L.S. (2019). The Ethos of Local History: The Ethical Foundation and Moral Imperatives // *Heritage of Centuries (Nasledie vekov)*. No. 3. Pp. 29–35. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.002 (In Russ.).
- Obolonsky A.V. (2016). *Ethics of the Public Sphere and the Realities of Political Life*. — M.: Misl'. (In Russ.).
- Radcliffe-Brown A.R. (2001). *Method in Social Anthropology*. — M.: Kanon-Press. (In Russ.).
- Solomatin E. (2017). *Can a priest tell about a planned crime after a confession?* URL: https://zakon.ru/blog/2017/4/11/mozhet_li_svyaschennik_posle_ispovedi_rasskazat_o_gotovyaschemsy_prestuplenii_a_o_nevozmozhnosti_li (In Russ.).
- Starwoman A., Gray D. (2004). *The Socialite, or How to Become a High Society Girl*. — M.: Fenix. (In Russ.).
- Sveshnikov V. prot. (2003). Ethics of Public Service // *Russian Orthodoxy. Eternal in the Present*. No. 10. (Electronic resource). 17.07.2013. URL: https://social-orthodox.info/pages/1_3_dopmat_etika_obshestvennogo_sluzh.htm (In Russ.).
- Tolstoy L.N. (2010). What is my faith? // *Tolstoy L.N. Selected Works*. — M.: ROSSPEN. Pp. 322–474. (In Russ.).
- Weber M. (1994). *Selected Works. Image of Society*. — M.: Jurist. (In Russ.).
- Zalkind A.B. (1924) *Revolution and Youth*. — M.: Sverdlov Communist University (Kommunisticheskiy universitet im. YA. Sverdlova. (In Russ.).
- Zholudeva N.R. (2015). On the issue of public reaction to archaeological discoveries] // *Bulletin of the Irkutsk State University. Ser. «Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology»* Vol. 13. Pp. 106–113. (In Russ.).
- Zweigert K., Kötz H. (2000). *Introduction into Comparative Studies of Law in the Area of Private Law*. — M.: International relations (Mezhdunarodnyye otnosheniya). Vol. 1–2. (In Russ.).

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy

doctor of Science (Philosophy), Tenured Professor Higher School of Economics (Moscow)

amedushevsky@mail.ru

VIRTUE AND VICE: ETHICAL CODES OF MARGINAL COMMUNITIES IN MODERN RUSSIA

Abstract. It is generally accepted that the basis of social and legal stability in any society is a consensus on virtue — the fundamental values of proper behavior, ways of maintaining and reproducing them. And, conversely, the destruction of this consensus is a sign of the loss of stability and divergence of positions of social institutions, groups and professional communities in understanding and applying norms and sanctions for their violation. This schematic representation poorly explains the parameters of the moral crisis of the era of globalization: the reasons for the loss of the meaning of the concept of virtue as the basis of the moral universe of humanity; the rejection of universal moral standards previously supported by religion or ideology, the growing conflict of their interpretations in different cultures, confessional and ethnic communities, the confrontation of value hierarchies within national cultures and individual groups, and most importantly — the lack of common moral guidelines of what to strive for. In these conditions, the dominant global trend has become the appeal to the codification of norms of so-called “pragmatic ethics” — the development of various codes of proper behavior for individual social and professional groups, which in this way seek to express their identity, functions and place in the dynamics of changes in the social hierarchy. This general fashion for the creation of ethical codes has captured post-Soviet Russia and is considered almost a panacea for moral distortions and the basis for effective social regulation. Meanwhile, the codification of ethical standards of all social subcultures without exception means a tacit recognition of both their insurmountable contradictions and that part of them that does not share conventional standards of virtue or clearly rebels against them. On this basis, the phenomenon of moral anomie (that is, the destruction of the entire normative system) and the justification of non-conformist and immoral behavior arises. What should be the parameters and limits of its acceptance in a democratic society, and most importantly — who sets them? This range of problems becomes the subject of analysis for the first time in this article, based on the entire corpus of the latest ethical codes of marginal communities in modern Russia.

Keywords: *virtue, vice, faith and reason, ethical codes, conformist, deviant and criminal behavior, nihilism, amorality, moral mysophobia, moral insanity, marginal communities of Russia.*

JEL: K14, K15, L84, Z00.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.А. Нисневич

д.полит.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

МИР ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ ХХI в.

Аннотация. Статья посвящена исследованию мира демократического правления в институциональной парадигме. Представлено структурирование мира демократического правления по признаку религии. Определено, что доминирующей религией является христианство, к различным конфессиям которого относит себя большинство граждан в более чем 85% государств этого мира. При этом в мире демократического правления 90% государств — светские, в соответствии с их конституциями. В восьми государствах христианские конфессии конституированы как государственные. Показано, что государства мира демократического правления неравномерно распределены по географическим регионам. В Америке, Европе и Океании сосредоточено более трёх четвертей всех государств с демократическим правлением, а в Азии и Африке — менее четверти таких государств. Результаты проведённого анализа показывают, что в ~ 70% государств мира демократического правления имеют место парламентарные формы правления, а в ~ 30% таких государств установлены такие формы правления, как президентская, президентско-парламентская и парламентско-президентская республика. Представлена типологизация государств с демократическим правлением. Показано, что в этом мире примерно 80% — свободные государства и порядка 20% — частично свободные. В двадцати восьми свободных государствах все политические и государственные порядки полиархической демократии реализуются на высоком уровне. В семи частично свободных государствах осуществляется режим бесплодного плюрализма, при котором происходит реальная сменяемость правящих политических акторов, но не решаются ключевые проблемы государства. В шести государствах мира демократического правления имеет место тенденция формирования режима доминирующей власти, что может привести к авторитарному откату и трансформации этих государств в недемократические.

Ключевые слова: демократическое правление, мировые религии, географические регионы, режим бесплодного плюрализма, режим доминирующей власти.

JEL: F02, F50, F54

УДК: 332, 327

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_164_188

© Ю.А.Нисневич, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нисневич Ю.А. Мир демократического правления в начале ХХI века // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 164–188. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_164_188.

FOR CITATION: Nisnevich Yu. The world of democratic governance at the beginning of the XXI century // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 164–188. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_164_188.

Введение

Для того чтобы эмпирически оценить, какие современные государства действительно являются демократическими в том смысле, что правящий в государстве политический режим на практике реализует современную демократию, которую американский политолог Роберт Даль обозначил как поликархическую, или «власть многих» [Даль, 2000. С. 90], необходима операционализация понятия «демократия» с преобразованием этого понятия из абстрактно-теоретического «в конкретные термины, которые позволяют нам действительно измерить то, что мы хотим» [Мангейм, Рич, 1997. С. 28]. Представляется, что для этого наиболее адекватным является определение демократии в институционально-целевой парадигме как формы организации политических и государственных порядков, основанной на использовании нормативно-правовых институтов и правил с целью обеспечения свободы выбора альтернатив развития, подотчётности и сменяемости публичной власти.

Набор политических и государственных порядков поликархической демократии включает:

- ▶ свободные, честные и регулярно проводимые выборы на избираемые должности публичной власти;
- ▶ сменяемость по результатам выборов политических должностных лиц публичной власти;
- ▶ свободу выражения мнений и убеждений;
- ▶ альтернативные источники информации;
- ▶ автономию ассоциаций, включая политические партии;
- ▶ всеобщие гражданские (личные) права;
- ▶ подотчётность и ответственность публичной власти;
- ▶ правозаконность (верховенство права и закона, включая конституционализм);
- ▶ независимость судебной системы [Нисневич, 2024].

Под демократическим правлением понимается политический режим, при котором однозначно реализуются первые два порядка, принципиально носящие бинарный характер. Остальные семь порядков, которые носят континуальный характер, реализуются в различной степени в разных государствах.

При этом бинарный порядок «свободные, честные и регулярно проводимые выборы» служит ключевым в смысле определения типа правления — демократического или недемократического, так как соответствует минималистскому подходу к институциональному пониманию демократии австрийского политолога и экономиста Й. Шумпетера, который определял демократию как «институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путём конкурентной борьбы за голоса избирателей» [Шумпетер, 1995. С. 210].

Для основополагающих акторов мирового политического пространства — суверенных государств — начало XXI в. ознаменовалось проявлением двух существенно значимых обстоятельств.

Во-первых, к началу этого века численность суверенных государств — членов ООН вплотную приблизилась к своему современному фиксированному уровню и составила 189 государств (рис. 1). В 2002 г. к членам ООН добавились два суверенных государства — Восточный Тимор, который получил независимость от Индонезии в 1999 г.¹, и Швейцария, в которой в 2002 г. с положительным результатом был проведён

¹ Как Восточный Тимор стал независимым. Коммерсантъ, 21.05.2002. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/323076> (дата обращения: 16.11.2025).

референдум о вступлении в ООН². В 2006 г. прекратила свое существование конфедерация Государственный союз Сербии и Черногории, что ознаменовало окончательный распад Социалистической Федеративной Республики Югославия, и вместо одного суверенного государства членами ООН стали два — Сербия и Черногория. В 2011 г. членом ООН стало отделившееся от Судана новое государство — Южный Судан, и численность членов ООН, которая сохраняется до настоящего времени на постоянном уровне, достигла 193-х государств.

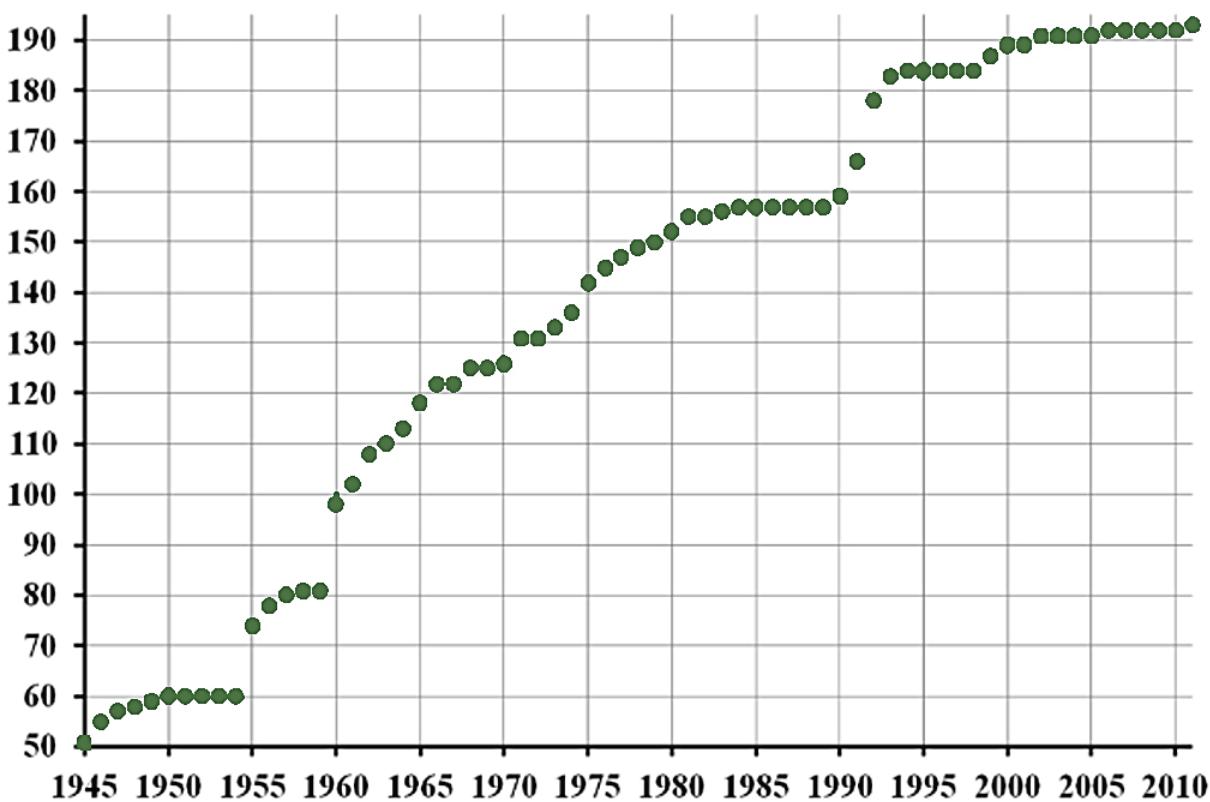

Рис. 1. Численность государств — членов ООН

Источник: составлено автором.

Второе обстоятельство обусловлено тем, что множество суверенных государств — членов ООН по предложенному организацией Freedom House^{3*} бинарному критерию электоральной демократии⁴ делятся на два кластера — кластер электоральных демократий, т.е. государств с демократическим правлением, как минимум, в формате электоральной демократии, и кластер недемократических государств, т.е. государств, правление которых не удовлетворяет даже критериям электоральной демократии.

При этом в кластере электоральных демократий можно выделить группу из 92 государств, в которых демократическое правление постоянно сохраняется с начала XXI в. до настоящего времени. К этой группе государств демократического правления, которое можно считать устоявшимся, целесообразно отнести также государства, в которых такое правление сформировалось несколько позже начала XXI в. и ему предшествовало

² Швейцарцы проголосовали за членство страны в ООН. РБК, 03 марта 2002. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/03/2002/5703b4ab9a7947783a5a3bd9> (дата обращения: 16.11.2025).

³ * Неправительственная организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

⁴ Под электоральной демократией понимается государство, в котором обеспечиваются минимальные стандарты политических прав и свобод, и демократическая избирательная система требует не только справедливых процедур голосования и базовой политической конкуренции, но и определённого уважения к верховенству закона и гражданским свободам, в частности, таким как свобода собрания.

авторитарное правление, т.е. произошёл так называемый демократический транзит, но такое правление постоянно сохраняется до настоящего времени. К таким государствам относятся Лесото и Восточный Тимор, где демократический транзит начался в 2002 г., а также Антигуа и Барбуда, Либерия и королевство Тонга, в которых демократический транзит начался, соответственно, в 2004, 2005 и в 2010 гг.

Таким образом, в кластере электоральных демократий сформировалась группа государств с устоявшимся демократическим правлением. В неё по состоянию на 2024 г. входят 97 суверенных государств — членов ООН. Подобный анализ позволяет выделить в кластере недемократических государств по состоянию на 2024 г. группу из 57 государств с авторитарным правлением как устоявшимся видом правления, постоянно сохраняющимся с начала XXI в. до настоящего времени.

В остальных 39-ти суверенных государствах — членах ООН в XXI в. имело место чередование демократических транзитов с авторитарными откатами — переходами от демократического правления к авторитарному. Именно динамика такого чередования и определяет колебания численности государств в кластерах электоральных демократий и недемократических государств.

В множестве государств с чередованием демократических транзитов и авторитарных откатов можно выделить семь, в которых последней сменой типа правления стал демократический транзит и которые входят в кластер электоральных демократий.

В этой группе необходимо прежде всего выделить государства, в которых с момента начала последнего демократического транзита прошло не более двух избирательных циклов. Это не позволяет с полной уверенностью утверждать, что в этих государствах устанавливается демократическое правление. К таким государствам относятся Непал (2019), Северная Македония (2019) и Армения (2021)⁵.

В трёх государствах рассматриваемой группы (Фиджи, Филиппины и Шри Ланка) с момента начала последнего демократического транзита прошло более двух избирательных циклов, и можно предположить, что в них имеет место процесс становления демократического правления.

Более сложной представляется ситуации с Бутаном. В этом государстве, которое в 2012 г. вошло в кластер электоральных демократий, только по состоянию на 2017 г. был зафиксирован электоральный откат, который при этом не был связан с избирательным процессом, но с изменением методологии оценки. Поэтому представляется возможным относить Бутан к государствам, в которых имеет место процесс становления демократического правления.

Таким образом, мы имеем 97 суверенных государств с устоявшимся демократическим правлением, которое сохраняется в XXI в., и четыре суверенных государства, где в XXI в. после периодов чередования демократических транзитов и авторитарных откатов начался процесс становления демократического правления. Это по состоянию на 2024 г. — 101 государство мира демократического правления, который и является объектом исследования. В отношении ещё трёх суверенных государств, входящих в кластер электоральных демократий, нельзя пока однозначно утверждать, что они относятся к миру демократического правления.

Исследование мира демократического правления и анализ его характерных особенностей осуществляется на основе институционального подхода [Ирхин, 2012] с использованием таких методов политических исследований, как исторический метод [Шестов, 2019] и методы политико-правовой и сопоставительно-институционального анализа [Нисневич, 2011]. Так как при таком подходе на характер типа правления важнейшее влияние оказывает религия (включая и современные квазирелигии), то, придерживаясь той

⁵ В скобках указано, в каком году произошёл демократический транзит.

структуры исследования, которая была предложена ранее [Нисневич, 2025], начнём анализ с рассмотрения стран демократической формы правления с влияния на эти формы господствующей в них религий.

Источники информации и исходных данных

При проведении исследования все исходные данные и информация используются по состоянию на 2024 г.

Основными источниками исходной информации о разных аспектах темы служат:

- ▶ о ключевых политических событиях в истории данного государства в XX и начале XXI вв. — Большая российская энциклопедия 2004–2017 (<https://old.bigenc.ru/>), Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия» (<https://bigenc.ru/>) и Википедия (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Содержание>);
- ▶ о географических регионах, государствах, относящихся к региону, и их названиях в краткой форме, используемой в деятельности ООН, — стандарт ООН M49 (<https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/>);
- ▶ о конституциях государств мира — Мастерская конституционного дизайна (<https://worldconstitutions.ru/>) и сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности (<https://www.wipo.int>);
- ▶ о численности населения государств и в мире в целом — база данных Всемирного банка Population (<https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>).

Оценка состояния и уровня реализации каждого из указанных ранее политических и государственных порядков демократии, которые носят континуальный характер, производится по индикатору, значения которого в нормализованном представлении изменяется в диапазоне от 0 (порядок из-за очень низкого качества реализации практически не реализуется) до 1 (порядок реализуется с максимально высоким качеством).

Для оценки уровня реализации такого порядка, как «всеобщие гражданские (личные) права», используется определяемый по результатам исследования «Свобода в мире» показатель «гражданские свободы (Civil Liberties)», который можно обозначить как индекс гражданских свобод (ИГС). Исходные значения индекса ИГС изменяются в пределах от 0 — свободы практически отсутствуют до 60 — свободы реализуются полностью.

Для оценки уровня реализации такого порядка, как «подотчётность и ответственность публичной власти» используется определяемый Всемирным банком по результатам исследования по программе «Worldwide Governance Indicators» индикатор «Учёт мнения населения и подотчётность власти (Voice and Accountability)», который можно обозначить как индекс подотчётности власти (ИПВ)⁶. Его исходные значения изменяются в диапазоне от -2,5 — минимальное качество реализации подотчётности до 2,5 — максимальное качество реализации подотчётности.

В современных государствоведческих исследованиях индикатор уровня реализации такого порядка, как «альтернативные источники информации», непосредственно не определяется. Для косвенной оценки уровня реализации этого порядка будем использовать такой индикатор как Всемирный индекс свободы прессы (ИСП) (Worldwide Press Freedom Index)⁷: исходные значения изменяются в диапазоне от 0 — минимальная свобода до 100 —

⁶ Worldwide Governance Indicators. World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators> (access date: 16.10.2025).

⁷ Рейтинг стран мира по уровню свободы средств массовой информации по версии Reporters Without Borders*.

максимальная свобода, рассчитываемой международной неправительственной организацией «Reporters Without Borders»^{8*}.

Для оценки уровня реализации такого порядка, как «правозаконность (верховенство права и закона)», используется соответствующий агрегированный индекс [WJP, 2024], определяемый независимой организацией «World Justice Project» по результатам исследования «Индекс верховенства закона» (ИВЗ). Исходно нормализованный ИВЗ оценивается по шкале от 0 — отсутствие верховенства закона до 1 — максимальный уровень верховенства закона.

По результатам указанного исследования определяются индикаторы «свобода мнений и их выражения» и «свобода собраний и ассоциаций». Эти индикаторы используются для оценки уровня реализации таких порядков, как «свобода выражения» и «автономия ассоциаций», и их можно обозначить как индекс свободы выражения (ИСВ) и индекс свободы ассоциаций (ИСА). Оба эти индекса исходно нормализованы и оцениваются по шкале от 0 — отсутствие свободы до 1 — полная свобода.

По результатам указанного исследования индикатор уровня реализации такого порядка, как «независимость судебной системы», непосредственно не определяется, но определяются такие два индикатора, как «свобода гражданского правосудия от неправомерного влияния государства и политического влияния» и «свобода уголовного правосудия от неправомерного влияния государства и политического влияния». Оба эти индикаторы используются для косвенной оценки уровня реализации порядка «независимость судебной системы» и могут быть обозначены как индекс независимости гражданского судопроизводства (ИНГС) и индекс независимости уголовного судопроизводства (ИНУС). Оба эти индекса исходно нормализованы и оцениваются по шкале от 0 — отсутствие независимости до 1 — полная независимость.

Как показали ранее проведённые исследования, интегральным индикатором качества реализации всех политических и государственных порядков демократии может служить состояние (распространение) коррупции в публичной сфере [Нисневич, 2017. С. 118]. В качестве показателя состояния (распространения) коррупции в государстве используется индекс восприятия коррупции (ИВК), который изменяется в диапазоне от 0 (максимальный уровень коррупции) до 100 (коррупция практически отсутствует). В нормализованном представлении (ИВКн) этот индекс изменяется в пределах от 0 — коррупция практически отсутствует до 1 — максимальный уровень коррупции.

Фактор религии в демократическом правлении

Абсолютное большинство государств мира демократического правления, а именно 88 из 101 (87%) — это государства так называемого христианского мира, представляющего собой 125 суверенных государств (две трети от всех государств — членов ООН), в которых более 50% населения составляют последователи христианских конфессий, а точнее те, кто относит себя к этим конфессиям.

В отношении влияния других религий в мире демократического правления сложилась следующая ситуация.

К миру демократического правления относятся всего три из 45-ти государств мусульманского мира (6,7%) — Албания, Сенегал и Сьерре-Леоне и три из семи государств, в которых более 50% населения относят себя к буддистам — Бутан, Монголия и Шри Ланка.

В Индии большинство населения в ~ 80,5% относит себя к индуистам. При этом в мире существует ещё только одно государство, в котором большинство населения

⁸ * Неправительственная организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

в ~ 80,7% относит себя к индуистам — это Непал, который пока не входит в мир демократического правления, но входит в кластер электоральных демократий. К миру демократического правления относится также Израиль — единственное государство, в котором большинство населения в ~ 73,2% относит себя к иудеям.

Кроме того, в Чехии, Эстонии, Южной Корее и Японии менее 50% населения причисляют себя к сторонникам какой-либо религии, а на Маврикии ни одна из религий не насчитывает среди населения более 50% сторонников.

Принципиально важным представляется тот факт, что 92 из 101-го (91%) государств мира демократического правления в соответствии с их конституциями являются светскими. При этом только христианские конфессии официально являются государственными религиями, исключая Ватикан, в восьми суверенных государствах, которые относятся к миру демократического правления. В Англии это Англиканская церковь, в Коста-Рике, Лихтенштейне, Монако и на Мальте — Римская католическая церковь, в Дании и Исландии — Евангелическая лютеранская церковь, в Греции — Восточная православная церковь. До 2000 г. Евангелическая лютеранская церковь была государственной религией в Швеции, а до 2012 г. — в Норвегии. Следует отметить, что христианские конфессии не являются государственными религиями ни в каких других суверенных государствах.

Важным представляется и тот факт, что, как показали ранее проведённые исследования, такие христианские монархии, как Великобритания, Дания, Норвегия и Швеция, занимают самые высокие позиции в рейтингах по качеству демократии [Нисневич, 2023].

Особая ситуация сложилась в Израиле, где официально нет государственной религии, но иудаизм играет существенную роль в политике и функционировании государства. В частности, в сформированное в 2022 г. крайне правое правительство премьер-министра Биньямина Нетаньяху вошли сразу пять религиозных партий, представляющих интересы ортодоксальных евреев: «Религиозный сионизм», «Ерейская сила», «Единство Торы», ШАС и «Ноам», и существование правительства напрямую зависит от удовлетворения требований этих партий⁹.

Следует отметить, что в конституциях некоторых светских государств с демократическим правлением особо выделяется отношение к религии, традиционной для данного государства в историческом контексте. Так, в конституциях Андорры, Аргентины, Боливии, Доминиканской Республики, Италии, Панамы и Польши в отдельное конституционное установление выделяется отношение к католической религии, в частности в Конституции Андорры (ст. 11) указано, что «Конституция гарантирует Католической церкви ... поддержку её особых отношений с государством, основанных на андоррской традиции», а в Конституции Аргентины (ст. 2) — «Федеральное правительство поддерживает культ Римско-католической апостольской церкви». В Конституции Болгарии (ст. 13) указано, что «Традиционной религией в Республике Болгарии является восточно-православное вероисповедание». В Конституции Бутана (глава 3) указано, что «Буддизм является духовным наследием Бутана», а в Конституции Шри Ланки (ст.9) — «Республика Шри Ланка придаёт буддизму особое значение». При этом особое отношение этих государств к религии не распространяется на сферу политики.

Таким образом, можно констатировать, что фактор религии, как правило, не оказывает существенного влияния на политические процессы в государствах мира демократического правления. Хотя в ряде демократических государств религиозные предпочтения избирателей активно используются для их мобилизации на поддержку тех или иных политических сил, и прежде всего в избирательных кампаниях.

⁹ Филиппова Н.И. Куда приведёт Израиль правительство противоречий. Независимая газета, 07.07.2024. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-07-07/3_9043_kb.html (дата обращения: 16.11.2025).

При этом во многих демократических государствах существуют влиятельные консервативные партии, ориентированные на идеи христианской демократии, выступающей за решение социальных и экономических проблем при соблюдении христианских принципов [Усманов, 2016]. Примерами могут служить Христианско-демократический союз в Германии, Народная партия в Испании, Христианский Союз в Нидерландах, Партия национального действия в Мексике, Национальная партия в Уругвае, Христианско-демократическая партия в Австралии, Христианско-демократический союз Тимора и другие.

Фактор региона в демократическом правлении

Государства мира демократического правления существенно неравномерно распределены по географическим регионам (см. Приложение).

В Океании 13 из 14-ти государств относятся к миру демократического правления. Только Папуа-Новая Гвинея входит в кластер недемократических государств. Там в 2022 г. произошёл авторитарный откат, обусловленный тем, что всеобщие выборы, прошедшие в июле и августе того года, были сопряжены с нарушениями и насилием, в результате которого погибло не менее 50 человек.

В Америке 28 из 35-ти (80%) государств этого региона относятся к миру демократического правления.

В обоих государствах Северной Америки — Канаде и США — присутствует демократическое правление. В Южной Америке демократическое правление в 11-ти государствах, и только в Венесуэле правление авторитарное. Из 13-и государств Карибского бассейна 11 относятся к миру демократического правления, а Куба и Гаити — к миру авторитарного правления. В Центральной Америке четыре из восьми государств относятся к миру демократического правления, Гондурас и Никарагуа — к миру авторитарного правления, а в Гватемале авторитарный откат произошёл в 2022 г., в Сальвадоре — в 2024 г.

В Европе 37 из 43-х (86%) государств относятся к миру демократического правления. Все девять государств Западной и десять Северной Европы принадлежат миру демократического правления. Из 14-ти государств Южной Европы в 11-ти — демократическое правление, в Боснии и Герцеговине авторитарный откат произошёл в 2018 г., в Сербии — в 2022 г., а в Северной Македонии, наоборот, только в 2019 г. начался демократический транзит. В Восточной Европе семь из десяти государств относятся к миру демократического правления.

Картина мира демократического правления в Азии и Африке принципиально иная, чем в Америке, Европе и Океании.

В Азии только 10 из 47-ми (21,3%) государств этого региона относятся к миру демократического правления. В Восточной и Южной Азии в каждой по три государства относятся к миру демократического правления, а в Западной и Юго-Восточной Азии — по два государства.

В Африке только 13 из 54-х (24,1%) государств этого региона относятся к миру демократического правления. В Западной Африке пять государств относятся к миру демократического правления, в Южной Африке — четыре государства, в Восточной Африке — три и одно в Центральной Африке.

Таким образом, в Америке, Европе и Океании сосредоточено более трёх четвертей (77%) всех государств с демократическим правлением, а в двух других географических регионах — Азии и Африке — менее четверти (23%) таких государств.

Значимой характеристикой мира демократического правления может служить географическое распределение и соотношение форм правления в государствах этого мира. В науке конституционного права форма правления определяется как «наиболее выраженное содержание государства, определяемое структурой и правовым положением

высших органов государственной власти» [Мишин, 2000. С. 77]. При этом следует учитывать, что, как писал российский юрист Август Мишин, «формы правления в большей степени говорят об исторической традиции» и «определяющие особенности современного государства... не находятся в прямой зависимости от формы правления» [Мишин, 2000. С. 77].

В Океании в 12-ти государствах мира демократического правления их конституциями установлены парламентарные формы правления и только в Палау — президентская республика. При этом в семи государствах имеет место парламентская республика, в четырёх — Вестминстерская модель правления и в королевстве Тонга — парламентская конституционная монархия.

В Америке формы правления в государствах мира демократического правления географически распределены следующим образом.

В расположенной в Северной Америке Канаде установлена Вестминстерская модель правления, а находящиеся в этом же регионе США служат наиболее последовательным примером президентской республики.

В Центральной Америке в трёх государствах установлена президентская республика, и только в Белизе — Вестминстерская модель правления.

Из 11-ти государств Карибского бассейна только в Доминиканской Республике установлена президентская республика. В семи государствах этого региона имеет место Вестминстерская модель правления и в трёх — парламентская республика. При этом следует отметить, что на Барбадосе до 2021 г. также была Вестминстерская модель правления, но в сентябре этого года единогласным решением нижней палаты парламента произошло изменение конституции, и Барбадос стал парламентской республикой¹⁰.

Иная картина в Южной Америке. Из 11-ти государств этого региона в восьми установленна президентская республика и только в трёх — парламентская республика.

Таким образом, в Америке в 13-ти государствах этого региона их конституциями установлена президентская республика, в девяти — Вестминстерская модель правления и в шести — парламентская республика.

В Европе формы правления в государствах мира демократического правления географически распределены следующим образом.

В Западной Европе в восьми государствах мира демократического правления установлены парламентарные формы правления и только во Франции — президентско-парламентской республики. Эта форма правления была установлена во Франции в 1958 г. конституцией Пятой Республики, основателем и первым президентом которой был генерал Шарль Де Голль, и она стала прообразом такой формы правления для других государств. В пяти государствах этого региона имеет место конституционная монархия (в четырёх — парламентская и в Монако — дуалистическая) и в трёх — парламентская республика.

В Восточной Европе все семь государств — парламентские республики.

В Северной Европе в девяти государствах установлены парламентарные формы правления и только в Финляндии — парламентско-президентской республики. При этом в пяти государствах существует парламентская республика и в четырёх конституционная монархия (в трёх парламентская и в Дании — дуалистическая). Парламентская конституционная монархия в Великобритании является «прародительницей» для Вестминстерской модели правления, которая установлена в 13-ти государствах Океании и Америки — бывших колониях Великобритании.

¹⁰ Барбадос стал республикой. ТАСС, 30 ноября 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13062047> (дата обращения: 16.11.1948).

В Южной Европе в 10-ти государствах мира демократического правления установлены парламентарные формы правления и только в Хорватии — президентско-парламентской республики. При этом в восьми государствах имеет место парламентская республика и в двух — парламентская конституционная монархия.

Таким образом, в Европе полностью доминируют парламентарные формы правления, которые установлены в 34-х государствах, в том числе 23 парламентские республики и 11 конституционных монархий (9 парламентских и 2 дуалистические), и только в трёх государствах установлены две президентско-парламентские и одна парламентско-президентская республика.

В Азии формы правления в государствах мира демократического правления географически распределены следующим образом.

В Западной Азии парламентская республика установлена в Израиле и президентская республика на Кипре.

В Восточной Азии парламентская республика — в Монголии, парламентская конституционная монархия — в Японии и президентская республика — в Южной Корее.

В Южной Азии установлены парламентско-президентская республика в Индии, президентская республика на Шри Ланке и парламентская конституционная монархия в Бутане. В Юго-Восточной Азии — парламентско-президентская республика на Восточном Тиморе и президентская республика на Филиппинах.

Таким образом, в Азии имеют место пять президентиальных форм правления, включая четыре президентские и одну парламентско-президентскую республики, и пять парламентарных форм правления, включая три парламентские республики и две парламентские конституционные монархии.

В Африке формы правления в государствах мира демократического правления географически распределены следующим образом.

В Западной Африке в четырёх государствах мы видим президентские республики и только в Кабо-Верде — парламентскую республику.

В Восточной Африке установлены две президентские республики в Малави и на Сейшельских островах, а на Маврикии — парламентская республика.

В Южной Африке ситуация противоположная: в трёх государствах установлены парламентарные формы правления, в том числе две парламентские республики и в Лесото — парламентская конституционная монархия, а только в Намибии — президентская республика.

Кроме того, в Сан-Томе и Принсипи, расположенному в Центральной Африке, установлена президентско-парламентская республика.

Таким образом, в Африке приоритет отдаётся президентиальным формам правления, которые установлены в восьми государствах, в том числе в семи — президентские республики и в одном — президентско-парламентская, а парламентарные формы правления установлены в пяти государствах, в том числе четыре парламентские республики и одна парламентарная конституционная монархия.

Представленные результаты анализа показывают, что в мире демократического правления в большинстве государств, а именно в 69-ти из 101-го (68,3%) существуют парламентарные формы правления, в том числе республиканского типа в виде парламентской республики в 43-х государствах, монархического типа в виде конституционной монархии в 12-ти государствах и Вестминстерской модели правления в 14-ти государствах. В остальных 32-х (31,7%) государствах мы видим такие формы правления, как президентская (27), президентско-парламентская (3) и парламентско-президентская республика (2).

Типологизация государств с демократическим правлением

В ряде государств мира демократического правления имеет место несменяемость высших должностных лиц публичной власти в течение двух и более избирательных циклов, что свидетельствует о возможном наличии проблемы реализации бинарного порядка представительной поликархической демократии «сменяемость политических должностных лиц по результатам выборов» и тенденции формирования режима доминирующей власти (*dominant-power politics*). При таком режиме, по определению автора этого понятия американского политолога Томаса Карозерса, «одна политическая группировка — будь то движение, партия, семья или отдельный лидер — доминируют в системе таким образом, что в обозримом будущем смена власти представляется маловероятной» [Carothers, 2002. Рр. 11–12].

Следует отметить, что периоды длительной несменяемости высших должностных лиц публичной власти и правящих политических партий, как показывает мировой политический опыт, вполне возможны и в государствах с устойчивым демократическим правлением должностного уровня. Последним примером такой ситуации может служить пребывание в течение 16-ти лет с 2005 по 2021 гг. на посту федерального канцлера Германии Ангелы Меркель, которая возглавляла партию «Христианский демократический союз», четырежды входившую в 2005, 2009, 2013 и 2017 гг. в побеждавшую на парламентских выборах правящую коалицию¹¹.

Существенно важным представляется то, что по мере формирования режима доминирующей власти создаётся ситуация, которая характеризуется тем, что «результатом длительного удержания власти одной политической группировкой обычно становится крупномасштабная коррупция и “приятельский капитализм” (crony capitalism)» [Carothers, 2002. Р. 12]. Следовательно, ещё одним индикатором тенденции формирования режима доминирующей власти наряду с несменяемостью высших должностных лиц публичной власти в течение двух и более избирательных циклов служит высокий уровень коррупции.

Формирование режима доминирующей власти может стать предтечей деформации порядка «свободные, честные и регулярно проводимые выборы» с целью дальнейшего удержания власти правящей политической группировкой, а также последующего авторитарного отката с переходом государства в кластер недемократических.

Ярким примером подобной ситуации могут служить события 2024 г. в Грузии. В 2012 г. партия Грузинская мечта–Демократическая Грузия, основателем и лидером которой является миллиардер Бидзина Иванишвили, победила на парламентских выборах и стала правящей. Затем она побеждала на парламентских выборах в 2016 и в 2020 гг. В октябре 2024 г. на очередных парламентских выборах, по официальным данным Центральной избирательной комиссии Грузии, эта партия снова победила с результатом 53,93%, но принимавшие участие в выборах оппозиционные партии отказались признавать их результаты и потребовали назначить новые выборы¹². Не признала результаты выборов и действующий в то время президент Грузии Саломе Зурабишвили. Европейский парламент принял резолюцию, в которой призвал не признавать итоги парламентских выборов в Грузии и провести повторное голосование¹³. Таким образом, длительная несменяемость правящей партии породила проблему с качеством выборов и адекватностью их результатов. В Грузии, по мнению западных экспертов, произошёл авторитарный откат, и она перешла в кластер недемократических государств.

¹¹ Меркель Ангела. Энциклопедия ТАСС. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/merkel-angela> (дата обращения: 16.11.2025).

¹² ЦИК Грузии обнародовал итоги выборов, которые выиграла «Грузинская мечта». Интерфакс, 16 ноября 2024. URL: <https://www.interfax.ru/world/993013> (дата обращения: 16.11.2025).

¹³ Мытарева Елизавета. Европарламент призвал к повторным выборам в Грузии. Лента.ру, 28 ноября 2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/11/28/evroparlament-prizval-k-povtornym-vyboram-v-gruzii/> (дата обращения: 16.11.2025).

В табл. 1 представлены ранжированные по уровню коррупции шесть государств рассматриваемого типа.

Таблица 1
Государства с тенденцией формирования режима доминирующей власти

№	Государство	Регион	Форма правления	Характер правления	ИВКн
1	Монголия	Восточная Азия	Парламентская республика	С 2000 г. (кроме избирательного цикла 2012–2016 гг.) правящая Монгольская народная партия (до ноября 2010 г. Монгольская народно-революционная партия).	0,67
2	Индия	Южная Азия	Парламентская республика	С 2014 г. премьер-министр Наренда Моди (выборы 2014, 2019, 2024 гг.), лидер правящей партии Бхаратия джаната парти	0,62
3	Южно-Африканская Республика	Южная Африка	Парламентская республика	С 1994 г. правящая партия Африканский национальный конгресс	0,59
4	Венгрия	Восточная Европа	Парламентская республика	С 2010 г. премьер-министр Виктор Орбан (выборы 2010, 2014, 2018, 2022 гг.), лидер правящей партии Фидес	0,59
5	Албания	Южная Европа	Парламентская республика	С 2013 г. премьер-министр Эди Рама (выборы 2013, 2017, 2021, 2025 гг.), лидер правящей Социалистической партии	0,58
6	Намибия	Южная Африка	Президентская республика	С 1990 г. все президенты — члены правящей партии «Организация народов Юго-западной Африки» (СВАПО)	0,51

Источник: составлено автором.

Анализ данных, представленных в табл. 1, показывает, что для государств этого типа ни фактор религии, ни фактор региона принципиального значения не имеют, а доминирующей формой правления служит парламентская республика, которая имеет место в четырёх из шести государств. При этом в Индии, где конституционно установлена парламентско-президентская республика, реально вся полнота власти принадлежит премьер-министру Наренде Моди, который является лидером правящей партии Бхаратия джаната парти, т.е. *de facto* наблюдается правление парламентского типа. В президентской республике Намибия ключевым актором правления с момента образования этого государства в 1990 г. служит правящая партия Организация народов Юго-западной Африки (СВАПО), и все президенты, которые регулярно сменяются по результатам президентских выборов, — члены этой партии.

По характеру правления государства рассматриваемого типа разделяются на государства с персоналистским правлением, в которых ключевым актором правления является премьер-министр, возглавляющий правящую партию, а именно Эди Рама в Албании, Виктор Орбан в Венгрии и Наренда Моди в Индии, и государства с корпоративным правлением, в которых ключевой актор правления — правящая партия, как это имеет место в Монголии, Южно-Африканской Республике и Намибии.

По результатам исследования «Свобода в мире» определяются три типа государств: свободные, частично свободные и несвободные. В свободном государстве политические права и гражданские свободы обеспечиваются на относительно высоком

уровне, в несвободном государстве такие права и свободы не обеспечиваются в должной мере, а в частично свободном государстве их обеспечение носит промежуточный характер между свободным и несвободным государством. При этом все свободные государства относятся к кластеру электоральных демократий, несвободные — к кластеру недемократических государств, а частично свободные распределяются между этими двумя кластерами.

Принципиально важно, что в соответствии с методологией проведения исследования «Свобода в мире» указанные типы государств классифицируются, исходя из соотношений оценок уровней реализации континуальных порядков, которые характеризуют политическую деятельность граждан и соблюдение их политических и гражданских прав, а оценки уровней реализации порядков деятельности государственной власти непосредственно не используются. Поэтому далее типологизация государств демократического правления основана на общепринятом подходе и оценок уровня коррупции, определяемых значениями нормированного индекса восприятия коррупции ИВКн, ибо «уровень коррупции в публичной сфере может быть использован как индикатор качества реализации порядков полиархической демократии» [Нисневич, 2017. С. 108].

Мир демократического правления включает 83 свободных государства, что составляет 82% всех государств с демократическим правлением, и 18 частично свободных государств, что составляет 18% таких государств.

Множество свободных государств мира демократического правления подразделяется по уровню коррупции на три подмножества. Первое из них составляют 28 (33,7%) свободных государств с низким уровнем коррупции ($\text{ИВКн} \leq 0,33$). Для государств этого подмножества характерен высокий уровень реализации всех демократических политических и государственных порядков (значения всех индикаторов таких порядков выше 0,67).

Второе подмножество составляют 33 (39,8%) свободных государств с уровнем коррупции ниже среднего ($0,33 < \text{ИВКн} \leq 0,5$). Для государств этого подмножества характерно, что все индикаторы демократических политических и государственных порядков превосходят среднее значение 0,5, но хотя бы один из таких индикаторов меньше 0,67.

Третье подмножество — 22 (26,5%) свободных государств с уровнем коррупции выше среднего ($\text{ИВКн} > 0,5$), но не превосходящим границу зоны высокой коррупции ($\text{ИВКн} = 0,67$). Для государств этого подмножества характерно, что по меньшей мере один из индикаторов демократических политических и государственных порядков меньше среднего значения 0,5, и такими, как правило, являются индикаторы государственных порядков.

Множество частично свободных государств с демократическим правлением включает четыре указанных ранее типа государств, в которых идет процесс становления демократического правления, и 14 государств с устоявшимся демократическим правлением.

В таких частично свободных государствах, как Бутан, Фиджи, Филиппины и Шри-Ланка, в которых осуществляется процесс становления демократического правления, реализация политических и государственных порядков, естественно, не находится пока на должном для полиархической демократии уровне и идет процесс трансформации таких порядков с целью преодоления наследия предшествующих режимов авторитарного правления. Такую ситуацию можно рассматривать как вторую стадию процесса демократизации — «собственно процесс перехода (транзита) к демократическим политическим институтам и практикам»¹⁴.

¹⁴ Демократизация. Портал «Большая российская энциклопедия». URL: <https://bigenc.ru/c/demokratizatsiya-f71395> (дата обращения: 16.11.2025).

В табл. 2 представлены частично свободные государства с устоявшимся демократическим правлением и значения индикаторов уровня реализации политических и государственных порядков для этих государств.

Таблица 2

Частично свободные государства с устоявшимся демократическим правлением

№	Государство	ИВКн	ИГСн	ИСВ	ИСА	ИСПн	ИПВн	ИВЗ	ИНГП	ИНУП
1	Албания	0,58	0,67	0,50	0,51	0,518	0,534	0,48	0,32	0,27
2	Боливия	0,72	0,65	0,47	0,56	0,5409	0,446	0,37	0,2	0,11
3	Венгрия	0,59	0,68	0,4	0,47	0,6282	0,572	0,51	0,31	0,31
4	Доминиканская Республика	0,64	0,68	0,67	0,71	0,6987	0,566	0,49	0,37	0,37
5	Индия	0,62	0,55	0,51	0,53	0,3296	0,518	0,5	0,58	0,49
6	Либерия	0,73	0,57	0,57	0,63	0,6661	0,51	0,44	0,34	0,28
7	Малави	0,66	0,62	0,59	0,71	0,592	0,516	0,52	0,68	0,65
8	Мексика	0,74	0,55	0,47	0,58	0,4555	0,476	0,41	0,39	0,37
9	Молдова	0,57	0,58	0,57	0,67	0,7336	0,548	0,54	0,41	0,37
10	Парагвай	0,76	0,62	0,62	0,62	0,5684	0,508	0,46	0,41	0,32
11	Перу	0,69	0,65	0,64	0,70	0,4288	0,512	0,49	0,48	0,41
12	Сенегал	0,55	0,65	0,59	0,68	0,5544	0,526	0,55	0,42	0,32
13	Сьерре-Леоне	0,67	0,6	0,52	0,54	0,5943	0,44	0,43	0,24	0,21
14	Черногория	0,54	0,7	0,62	0,68	0,7283	0,568	0,57	0,41	0,41

Источник: составлено автором.

Среди представленных в табл. 2 государств в первую группу следует выделить такие рассмотренные ранее государства, как Албания, Венгрия и Индия, в которых наблюдается тенденция формирования режима доминирующей власти.

Вторую группу в составе государств рассматриваемого типа составляют восемь государств с высоким уровнем коррупции ($ИВКн \geq 0,65$), для которых значения двух и более индикаторов уровней реализации политических и государственных порядков представительной демократии ниже среднего уровня 0,5. Единственное исключение составляет Малави, для которого значения всех индикаторов выше уровня 0,5.

Режим правления в таких семи государствах рассматриваемой группы, как Боливия, Доминиканская Республика, Либерия, Мексика, Парагвай, Перу и Сьерре-Леоне (исключая Малави) можно рассматривать как режим бесплодного плюрализма [Нисневич, 2017. С. 113]. Режим бесплодного плюрализма Карозерс, предложивший это понятие, охарактеризовал следующим образом: «В странах политическая жизнь которых отмечена синдромом бесплодного плюрализма (feckless pluralism), обычно существует некоторая политическая свобода, регулярно проводятся выборы и происходит чередование у власти действительно отличающихся друг от друга политических группировок. Несмотря на эти положительные признаки, демократия остаётся поверхностной и проблематичной. Политические элиты всех главных партий или группировок воспринимаются массовым сознанием как коррумпированные, неэффективные и эгоистичные, глубоко безразличные к судьбе страны. Чередуясь у власти, они только спекулируют на её проблемах, не решая ни одной из них» [Carothers, 2002. P. 10].

Третью группу составляют Молдова, Сенегал и Черногория с близкими высокими уровнями коррупции, которые определяются значениями ИКВн, соответственно, в 0,57, 0,55 и 0,54, а также с одинаковой ключевой проблемой — независимостью судебной системы. Индикаторы, которые характеризуют последнюю, у этих стран ниже среднего значения 0,5.

Таким образом, мир демократического правления состоит из 83-х (82%) свободных государств, из которых в 28-ми все политические и государственные порядки полиархической демократии реализуются на высоком уровне и 18-ти (18%) — на уровне частично свободного государства, из которых в семи осуществляется режим бесплодного плюрализма. При этом в мире демократического правления в шести государствах имеет место тенденция формирования режима доминирующей власти, что может привести к авторитарному откату и переходу в кластер недемократических государств.

Заключение

Проведённые исследования позволили выявить следующую картину мира демократического правления.

По состоянию на 2024 г. этот мир составляют 101 суверенные государства — члены ООН, из которых в 97 государствах демократическое правление является установившимся и в четырёх имеет место процесс становления такого правления.

Доминирующая религия в мире демократического правления — христианство, к последователям различных конфессий которого относят себе более 50% граждан в 88-и (87%) государствах этого мира. К последователям ислама относят себя более 50% граждан в трёх государствах — Албании, Сенегале и Сьерре-Леоне, к последователям буддизма также в трёх государствах — Бутане, Монголии и Шри Ланке, индуизма — в Индии и иудаизма — в Израиле. Кроме того, в Чехии, Эстонии, Южной Корее и Японии менее 50% населения причисляют себя к сторонникам какой-либо религии, а на Маврикии ни у одной из религий нет среди населения более 50% сторонников.

В мире демократического правления 92 (91%) государства в соответствии с их конституциями светские. В восьми государствах христианские конфессии конституированы как государственные. В Израиле официально нет государственной религии, но иудаизм играет существенную роль в политике и функционировании государства.

В Америке, Европе и Океании сосредоточено более трёх четвертей (77%) всех государств с демократическим правлением, а в двух других географических регионах — Азии и Африке — менее четверти (23%) таких государств.

В мире демократического правления в 69-ти (~ 70%) государствах имеют место парламентарные формы правления — парламентская республика, конституционная монархия, Вестминстерская модель, а в остальных 32-х (~ 30%) такие формы правления, как президентская, президентско-парламентская и парламентско-президентская республика.

По существующей типологизации мир демократического правления включает 83 (82%) свободных государства и 18 (18%) частично свободных.

В 28-ми свободных государствах все политические и государственные порядки полиархической демократии реализуются на высоком уровне. В семи частично свободных государствах осуществляется режим бесплодного плюрализма, при котором имеет место реальная сменяемость правящих политических акторов, но не решаются ключевые проблемы государства.

В шести государствах мира демократического правления — Монголии, Намибии и Южно-Африканской Республике, которые являются свободными с корпоративным правлением, а также в Албании, Венгрии, Индии, которые относятся к частично свободным с персоналистским правлением, наблюдается тенденция формирования режима доминирующей власти. Это может привести к авторитарному откату и их переходу в кластер недемократических государств.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица П1
Мир демократического правления

№	Государство	Регион	Население	Форма правления	Тип государства	ИВКи
ОКЕАНИЯ						
1	Австралия	Австралия и Новая Зеландия	27 204 809	Вестминстерская модель премьер-министр Энтони Албаниз с 2022 г.	свободное	0,23
2	Новая Зеландия	Австралия и Новая Зеландия	5 338 500	Вестминстерская модель премьер-министр Кристофер Лаксон с 2023 г.	свободное	0,17
3	Вануату	Меланезия	327 777	Парламентская республика премьер-министр Джотам Напат с 2025 г.	свободное	0,43
4	Соломоновы острова	Меланезия	819 198	Вестминстерская модель премьер-министр Джереми Манеле с 2024 г.	свободное	0,57
5	Фиджи*	Меланезия	928 784	Парламентская республика премьер-министр Ситивени Рабука с 2022 г.	частично свободное	0,50
6	Кирибати	Микронезия	134 518	Парламентская республика президент (кандидатов выдвигает парламент) Танети Маамау с 2016 г.	свободное	0,418
7	Маршалловы острова	Микронезия	37 548	Президентская республика президент (глава кабинета министров) Хильда Хайн с 2024 г.	свободное	0,418
8	Микронезия (Федеративные Штаты)	Микронезия	113 160	Парламентская республика президент (глава правительства) Уэсли Симина с 2023 г.	свободное	0,344
9	Нуару	Микронезия	11 947	Парламентская республика президент (глава правительства) Дэвид Аданг с 2023 г.	свободное	0,382
10	Палау	Микронезия	17 695	Президентская республика президент Сурангел Уиппс с 2021 г.	свободное	0,382
11	Самоа	Полинезия	218 019	Парламентская республика премьер-министр Наоми Матаафа с 2021 г.	свободное	0,354
12	Тонга	Полинезия	104 175	Конституционная монархия (королевство) премьер-министр Айсаке Эке с 2025 г.	свободное	0,562
13	Тувалу	Полинезия	9 646	Вестминстерская модель премьер-министр Фелети Тео с 2024 г.	свободное	0,370
		13 из 14 (92,85%)	$\Sigma 35\,265\,776$			

№	Государство	Регион	Население	Форма правления	Тип государства	ИВКи
АМЕРИКА						
14	Канада	Северная Америка	41 288 599	Вестминстерская модель премьер-министр Марк Карни с 2025 г.	свободное	0,25
15	США	Северная Америка	340 110 988	Президентская республика президент Дональд Трамп с 2025 г.	свободное	0,35
16	Белиз	Центральная Америка	417 072	Вестминстерская модель премьер-министр Джонни Брисенью с 2020 г.	свободное	0,546
17	Коста-Рика	Центральная Америка	5 129 910	Президентская республика президент Родриго Чавес Роблес с 2022 г.	свободное	0,42
18	Мексика (соединенные штаты)	Центральная Америка	130 861 007	Президентская республика федерация президент Клаудия Шейнбаум с 2024 г.	частично свободное	0,74
19	Панама	Центральная Америка	4 515 577	Президентская республика президент Хосе Рауль Мулино с 2024 г.	свободное	0,67
20	Антигуа и Барбуда	Карибский бассейн	93 772	Вестминстерская модель премьер-министр Гастон Браун с 2014 г.	свободное	0,434
21	Багамские острова	Карибский бассейн	401 283	Вестминстерская модель премьер-министр Филип Дэвис с 2021 г.	свободное	0,35
22	Барбадос	Карибский бассейн	282 467	Парламентская республика с 2021 г. премьер-министр Миа Моттли с 2018 г.	свободное	0,32
23	Доминика	Карибский бассейн	66 205	Парламентская республика премьер-министр Рузельт Скеррит с 2004 г.	свободное	0,40
24	Доминиканская Республика	Карибский бассейн	11 427 557	Президентская республика президент Луис Абинадер с 2020 г.	частично свободное	0,64
25	Гренада	Карибский бассейн	117 207	Вестминстерская модель премьер-министр Дикон Митчелл с 2022 г.	свободное	0,44
26	Сент-Китс и Невис	Карибский бассейн	46 843	Вестминстерская модель премьер-министр Терренс Дрю с 2022 г.	свободное	0,418
27	Сент-Люсия	Карибский бассейн	179 744	Вестминстерская модель премьер-министр Филип Джозеф Пьер с 2021 г.	свободное	0,41
28	Сент-Винсент и Гренадины	Карибский бассейн	100 616	Вестминстерская модель премьер-министр Ральф Гонсалвеш с 2001 г.	свободное	0,37
29	Тринидад и Тобаго	Карибский бассейн	1 368 333	Парламентская республика премьер-министр Камла Персад-Биссессар с 2025 г.	свободное	0,59

Продолжение табл. П1

№	Государство	Регион	Население	Форма правления	Тип государства	ИВКн
30	Ямайка	Карибский бассейн	2 839 175	Вестминстерская модель премьер-министр Эндрю Холнесс с 2016 г.	свободное	0,56
31	Аргентина	Южная Америка	45 696 159	Президентская республика федерация президент Хавьер Милей с 2023 г.	свободное	0,63
32	Боливия	Южная Америка	12 413 315	Президентская республика президент Луис Арсе с 2020 г.	частично свободное	0,72
33	Бразилия	Южная Америка	211 998 573	Президентская республика президент Лула да Силва с 2023 г.	свободное	0,66
34	Колумбия	Южная Америка	52 886 363	Президентская республика президент Густаво Петро с 2022 г.	свободное	0,61
35	Гайана	Южная Америка	831 087	Парламентская республика президент (глава правительства) Марк Филиппс с 2020 г.	свободное	0,61
36	Парагвай	Южная Америка	6 929 153	Президентская республика президент Сантьяго Пенья с 2023 г.	частично свободное	0,76
37	Перу	Южная Америка	34 217 848	Президентская республика президент Дина Болуарте с 2022 г.	частично свободное	0,69
38	Суринам	Южная Америка	634 431	Парламентская республика президент (избирается парламентом как глава исполнительной власти) Дженинифер Гирлингс-Саймонс с 2025 г.	свободное	0,60
39	Уругвай	Южная Америка	3 386 588	Президентская республика президент Яманду Орси с 2025 г.	свободное	0,24
40	Чили	Южная Америка	19 764 771	Президентская республика президент Габриэль Борич с 2022 г.	свободное	0,37
41	Эквадор	Южная Америка	18 135 478	Президентская республика президент Даниэль Нобоа с 2023 г.	свободное	0,68
		28 из 35 (80%)	Σ 946 140 121			

№	Государство	Регион	Население	Форма правления	Тип государства	ИВКи
ЕВРОПА						
42	Австрия	Западная Европа	9 178 482	Парламентская республика, федерация канцлер Кристиан Штокер с 2025 г.	свободное	0,33
43	Бельгия	Западная Европа	11 876 844	Конституционная монархия (королевство), федерация премьер-министр Барт Де Вевер с 2024 г.	свободное	0,31
44	Германия	Западная Европа	83 510 950	Парламентская республика, федерация премьер-министр Фридрих Мерц с 2025 г.	свободное	0,25
45	Лихтенштейн	Западная Европа	40 197	Конституционная монархия (княжество) глава правительства Бригитта Хаас с 2025 г.	свободное	0,158
46	Люксембург	Западная Европа	677 717	Конституционная монархия (герцогство) премьер-министр Люк Фриден с 2023 г.	свободное	0,19
47	Монако	Западная Европа	38 631	Конституционная монархия (княжество) государственный министр (глава правительства) Кристофф Мирман с 2025 г.	свободное	0,250
48	Нидерланды	Западная Европа	17 994 237	Конституционная монархия (королевство) премьер-министр Дик Схоф с 2024 г.	свободное	0,22
49	Франция	Западная Европа	68 516 699	Президентско-парламентская республика президент Эмманюэль Макрон с 2017 г.	свободное	0,33
50	Швейцария	Западная Европа	9 034 102	Парламентская республика, конфедерация президент (избирается Союзным собранием) Карин Келлер-Зуттер с 2025 г.	свободное	0,19
51	Болгария	Восточная Европа	6 444 366	Парламентская республика премьер-министр Росен Желязков с 2025 г.	свободное	0,57
52	Венгрия	Восточная Европа	9 562 314	Парламентская республика премьер-министр Виктор Орбан с 2010 г.	частично свободное	0,59
53	Молдова	Восточная Европа	2 389 275	Парламентская республика президент Майя Санду с 2020 г., премьер-министр Дорин Речан с 2023 г.	частично свободное	0,57

Продолжение табл. П1

№	Государство	Регион	Население	Форма правления	Тип государства	ИВКи
54	Польша	Восточная Европа	36 554 707	Парламентская республика премьер-министр Дональд Туск с 2023 г.	свободное	0,47
55	Румыния	Восточная Европа	19 069 340	Парламентская республика премьер-министр Илие Боложан с 2025 г.	свободное	0,54
56	Словакия	Восточная Европа	5 422 069	Парламентская республика председатель правительства Роберт Фицо с 2023 г.	свободное	0,51
57	Чехия	Восточная Европа	10 882 164	Парламентская республика председатель правительства Петр Фиала с 2021 г.	свободное	0,44
58	Великобритания	Северная Европа	69 226 000	Вестминстерская модель премьер-министр Кир Стармер с 2024 г.	свободное	0,29
59	Дания	Северная Европа	5 976 992	Конституционная монархия (королевство) премьер-министр Метте Фредериксен с 2019 г.	свободное	0,10
60	Исландия	Северная Европа	404 610	Парламентская республика премьер-министр Криструн Фростадоуттир с 2024 г.	свободное	0,23
61	Ирландия	Северная Европа	5 380 257	Парламентская республика премьер-министр Михол Мартин с 2025 г.	свободное	0,23
62	Латвия	Северная Европа	1 862 441	Парламентская республика президент министров (глава правительства) Эвика Силиня с 2023 г.	свободное	0,41
63	Литва	Северная Европа	2 888 055	Парламентская республика премьер-министр Инга Ругинене с 2025 г.	свободное	0,37
64	Норвегия	Северная Европа	5 572 272	Конституционная монархия (королевство) премьер-министр Йонас Гар Стёре с 2021 г.	свободное	0,19
65	Финляндия	Северная Европа	5 637 214	Парламентско-президентская республика президент Александр Стубб с 2024 г.	свободное	0,12
66	Швеция	Северная Европа	10 569 709	Конституционная монархия (королевство) премьер-министр Ульф Кристерссон с 2022 г.	свободное	0,20
67	Эстония	Северная Европа	1 371 986	Парламентская республика премьер-министр Кристен Михал с 2024 г.	свободное	0,24
68	Албания	Южная Европа	2 714 617	Парламентская республика премьер-министр Эди Рама с 2013 г.	частично свободное	0,58

№	Государство	Регион	Население	Форма правления	Тип государства	ИВКн
69	Андорра	Южная Европа	81 938	Княжество, сопредседатели: епископ Урхельский и президент Франции парламентское правление премьер-министр Ксавье Эспот Самора с 2019 г.	свободное	0,250
70	Греция	Южная Европа	10 388 805	Парламентская республика премьер-министр Кириакос Мицотakis с 2023 г.	свободное	0,51
71	Испания	Южная Европа	48 807 137	Конституционная монархия (королевство) председатель правительства Педро Санчес 2018 г.	свободное	0,44
72	Италия	Южная Европа	58 986 023	Парламентская республика премьер-министр Джорджа Мелони с 2022 г.	свободное	0,46
73	Мальта	Южная Европа	574 346	Парламентская республика премьер-министр Роберт Абела с 2020 г.	свободное	0,54
74	Португалия	Южная Европа	10 701 636	Парламентская республика премьер-министр Луиш Монтенегру с 2024 г.	свободное	0,43
75	Сан-Марино	Южная Европа	33 977	Парламентская республика государственный секретарь иностранных дел и политики (руководит правительством) Лука Беккари с 2020 г.	свободное	0,250
76	Словения	Южная Европа	2 126 324	Парламентская республика председатель правительства Роберт Голоб с 2022 г.	свободное	0,40
77	Хорватия	Южная Европа	3 866 300	Президентско-парламентская республика президент Зоран Миланович с 2020 г.	свободное	0,53
78	Черногория	Южная Европа	623 831	Парламентская республика премьер-министр Милойко Спаич с 2023 г.	частично свободное	0,54
		37 из 43 (86%)	Σ 538 986 564			

Продолжение табл. П1

№	Государство	Регион	Население	Форма правления	Тип государства	ИВКи
А З И Я						
79	Израиль	Западная Азия	9 974 400	Парламентская республика премьер-министр Биньямин Нетаньяху с 2009 г.	свободное	0,36
80	Кипр	Западная Азия	1 358 282	Президентская республика президент Никос Христодулидис с 2023 г.	свободное	0,44
81	Монголия	Восточная Азия	3 524 788	Парламентская республика премьер-министр Гомбожавын Занданшатар с 2025 г.	свободное	0,67
82	Южная Корея	Восточная Азия	51 751 065	Президентская республика президент Ли Чжэ Мён с 2025 г.	свободное	0,36
83	Япония	Восточная Азия	123 975 371	Конституционная монархия (империя) премьер-министр Санаэ Такаити с 2025 г.	свободное	0,29
84	Восточный Тимор	Юго-Восточная Азия	1 400 638	Парламентско-президентская республика президент Жозе Рамуш-Орта с 2022 г.	свободное	0,56
85	Филиппины*	Юго-Восточная Азия	115 843 670	Президентская республика президент Фердинанд Маркос с 2022 г.	частично свободное	0,67
86	Бутан*	Южная Азия	791 524	Конституционная монархия (королевство) премьер-министр Церинг Тобгай с 2024 г.	частично свободное	0,28
87	Индия	Южная Азия	1 450 935 791	Парламентская республика федерация премьер-министр Нарендра Моди с 2014 г.	частично свободное	0,62
88	Шри Ланка*	Южная Азия	21 916 000	Президентская республика президент Анура Кумара Диссанаяке с 2024 г.	частично свободное	0,68
		10 из 47 (21,3%)	Σ 1781471529			
А Ф Р И К А						
89	Кабо Верде	Западная Африка	524 877	Парламентская республика премьер-министр Жозе Улисеш ди Пина Коррея и Силва с 2016 г.	свободное	0,38
90	Гана	Западная Африка	34 427 414	Президентская республика президент Джон Драмани Махама с 2025 г.	свободное	0,58
91	Либерия	Западная Африка	5 612 817	Президентская республика президент Джозеф Боакай с 2024 г.	частично свободное	0,73

№	Государство	Регион	Население	Форма правления	Тип государства	ИВКн
92	Сенегал	Западная Африка	18 501 984	Президентская республика президент Бассику Диомай Фай с 2024 г.	частично свободное	0,55
93	Сьерра-Леоне	Западная Африка	8 642 022	Президентская республика президент Джалилус Маада Био с 2018 г.	частично свободное	0,67
94	Сан-Томе и Принсипи	Центральная Африка	235 536	Президентско-парламентская республика президент Карлуш Вила-Нова с 2021 г.	свободное	0,55
95	Малави	Восточная Африка	21 655 286	Президентская республика президент Лазарус Чаквера с 2020 г.	частично свободное	0,66
96	Маврикий	Восточная Африка	1 259 509	Парламентская республика премьер-министр Навинчандра Рамгулам с 2024 г.	свободное	0,49
97	Сейшельские острова	Восточная Африка	121 354	Президентская республика президент Уовел Рамкалаван с 2020 г.	свободное	0,28
98	Ботсвана	Южная Африка	2 521 139	Парламентская республика президент (глава правительства) Дума Гидеон Боко с 2024 г.	свободное	0,43
99	Лесото	Южная Африка	2 337 423	Конституционная монархия (королевство) премьер-министр Сэм Матекане с 2022 г.	свободное	0,63
100	Намибия	Южная Африка	3 030 131	Президентская республика президент Нетумбо Нанди-Ндайтва с 2025 г.	свободное	0,51
101	Южно-Африканская Республика	Южная Африка	64 007 187	Парламентская республика с 1994 г. правящая партия Африканского национального конгресса, президент Сирил Рамафоса с 2018 г.	свободное	0,59
		13 из 54 (24,1%)	Σ 162 876 679			
		101 из 193 (52,3%)	Σ 3 464 740 669 (42,6% из 8 142 056 450)			

Примечания:

Для Кирибати, Маршалловых островов, Микронезии, Нуару, Палау, Самоа, Тонга, Тувалу, Белиза, Антигуа и Барбуда, Сент-Китс и Невис, Лихтенштейна, Монако, Андорры и Сан-Марино индекс ИВК не определяется; для этих государств в качестве индикатора уровня коррупции указаны значения нормализованного индекса контроля коррупции (ИККн), который определяется по программе «Worldwide Governance Indicators» Всемирного Банка.

* В таблице курсивом выделены Фиджи, Филиппины, Бутан и Шри Ланка, в которых имеет место процесс становления демократического правления.

Источник: составлено автором.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль Р. (2000). *О демократии*. — М.: Аспект Пресс.
- Ирхин Ю.В. (2012). Институционализм и неоинституционализм: направления и возможности анализа // *Социально-гуманитарные знания*. №1. С. 58–77.
- Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. (1997). *Политология. Методы исследования*. — М.: Весь мир.
- Мишин А.А. (2000). *Конституционное право зарубежных стран*. — М.: Белые альвы.
- Нисневич Ю.А. (2011). Современные методы политических исследований // *Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология*. №2. С. 5–16. URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/8863>
- Нисневич Ю.А. (2017). *Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса*. — М: Изд-во «Юрайт».
- Нисневич Ю.А. (2023). Под сенью королей // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. № 3. С. 102–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-102-115.
- Нисневич Ю. (2024). «Кризис демократии» в условиях постиндустриального цивилизационного транзита // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 68. № 8. С. 117–128. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-8-117-128
- Нисневич Ю.А. (2025). Мир авторитарного правления в начале XXI века (Часть 1) // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 79–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_79_92.
- Усманов С.М. (2016). Консервативные течения христианской демократии Европы и Латинской Америки: сохранение достигнутого и поиски утраченного // *Исторические исследования*. №5. С. 128–132.
- Шестов Н. И. (2019). «Исторический метод» современного политического исследования: проблемы интерпретации // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. Т. 19. Вып. 1. С. 87–92. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-1-87-9.
- Шумпетер Й. (1995). *Капитализм, социализм и демократия*. — М.: Экономика.
- Carothers T. (2002). The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. Vol. 13. No. 1. Pp. 5–21. DOI: 10.1353/jod.2002.0003.
- WJP Rule of Law Index (2024). World Justice Project.

REFERENCES

- Carothers T. (2002). The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. Vol. 13. No. 1. Pp. 5–21. DOI: 10.1353/jod.2002.0003.
- Dahl R. (2000). *On Democracy*. — M.: Aspect Press. (In Russ.).
- Irhin Ju.V. (2012). Institutionalism and Neo-institutionalism: Directions and Possibilities of Analysis // *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 1. Pp. 58–77. (In Russ.).
- Manheim J.B., Rich R.K. (1997). *Political Science: Research Methods*. — M.: Ves' Mir. (In Russ.).
- Mishin A.A. (2000). *Constitutional Law of Foreign Countries*. — M.: Belue al'vu. (In Russ.).
- Nisnevich Yu.A. (2011). Modern Methods of Political Research] // *RUDN Journal of Political Sciences*. No. 2. Pp. 5–16. (In Russ.).
- Nisnevich Yu.A. (2017). *Politics and Corruption: Corruption as a Factor in the Global Political Process*. — M: Publishing house Yurait. (In Russ.).
- Nisnevich Ju.A. (2023). Under the Shadow of Kings // *World Economy and International Relations*. Vol. 67. No. 3. Pp. 102–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-102-115 (In Russ.).
- Nisnevich Y. (2024). «The Crisis of Democracy» in the Context of Post-industrial Civilizational Transition // *World Economy and International Relations*. Vol. 68. No. 8. Pp. 117–128. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-8-117-128 (In Russ.).
- Nisnevich Yu. (2025). The world of authoritarian rule at the beginning of the XXI century (Part 1) // *Issues of Economic Theory (Voprosy teoretycheskoy ekonomiki)*. № 1. Pp. 79–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_79_92.
- Shestov N.I. (2019). The «Historical Method» of Modern Political Research: Problems of Interpretation // *News of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*. Vol. 19. Is.1. Pp. 87–92. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-1-87-9 (In Russ.).
- Schumpeter J. (1995). *Capitalism, Socialism and Democracy*. — M.: Economika. (In Russ.).
- Usmanov S.M. (2016). Conservative Trends in Christian Democracy in Europe and Latin America: Preserving What has Been Achieved and Searching for What has Been Lost // *Historical Research*. No. 5. Pp. 128–132. (In Russ.).
- WJP Rule of Law Index (2024). World Justice Project.

Нисневич Юлий Анатольевич

jnisnevich@hse.ru

Yuly Nisnevich

Doctor of Political Sciences, professor of Department Policy and Management National Research University Higher School of Economics (Moscow)

jnisnevich@hse.ru

THE WORLD OF DEMOCRATIC GOVERNANCE AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Abstract. This article is devoted to the study of the world of democratic governance in the institutional paradigm. It presents a structuring of the world of democratic governance based on religion. It is determined that Christianity is the dominant religion, with the majority of citizens in more than 85% of the world's countries belonging to various Christian denominations. At the same time, in the world of democratic governance, approximately 90% of countries are secular in accordance with their constitutions. In eight countries, Christian denominations are established as state religions. It is shown that the countries of the world with democratic governance are unevenly distributed across geographical regions. More than three-quarters of all countries with democratic governance are concentrated in America, Europe, and Oceania, while less than a quarter of such countries are located in Asia and Africa. The results of the analysis show that in ~70% of the world's democratic states, parliamentary forms of government are in place, and in ~30% of such states, forms of government such as presidential, presidential-parliamentary, and parliamentary-presidential republics are established. A typology of democratic states is presented. It is shown that the world of democratic rule includes ~ 80% free states and ~ 20% partially free states. In twenty-eight free states, all political and state orders of polyarchic democracy are implemented at a high level. In seven partially free states, a regime of feckless pluralism is in place, in which there is real changeability of ruling political actors, but key problems of the state are not resolved. In six states of the world of democratic rule, there is a tendency toward the formation of a regime of dominant power, which can lead to an authoritarian rollback and the transformation of these states into undemocratic ones.

Keywords: *democratic rule, world religions, geographical regions, regime of feckless pluralism, regime of dominant power.*

JEL: F02, F50, F54.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

С.А. Васильев

д.э.н., проф., Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара
(Москва)

ПРОГРАММЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ И ЗАПУСК ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу программ реформирования отечественной экономики, которые разрабатывались в период 1984–1992 гг. Ранние программы реформирования экономики опирались в основном на опыт реформ в Югославии и Венгрии и предусматривали поэтапное введение рыночных механизмов при сохранении, по крайней мере на первых порах, партийной монополии на власть. Однако политическая либерализация, начавшаяся во время перестройки (1985–1991 гг.), и быстрое нарастание финансовых дисбалансов привели к пересмотру концепций поэтапного перехода к рынку в пользу радикальных и достаточно быстрых экономических реформ, что нашло отражение в Программе «500 дней». В 1991 г. после распада Советского Союза группой молодых экономистов под руководством Е. Гайдара была предложена программа рыночной трансформации российской экономики, реализация которой началась в 1992 г. Несмотря на некоторые успехи в реализации программы, она потерпела неудачу на своём главном направлении: не была осуществлена стабилизация финансов, и страна вступила в длительный период высокой инфляции.

Ключевые слова: программы реформирования советской экономики в 1980-е гг., постепенные и радикальные реформы, программа реформ Гайдара, экономические реформы Гайдара.

JEL: A11, A22, B25, B30, B52

УДК: 338(091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_189_214

© С.А. Васильев, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васильев С.А. Программы реформирования экономики и запуск экономических реформ в России // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 189–214. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_189_214.

FOR CITATION: Vasiliev S. Economic Reform Programs and the Launch of Economic Reform in Russia // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 189–214. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_189_214.

Введение

Эта работа является второй статьёй в цикле статей, посвящённых истории экономических реформ, проведённых в России в 1990–2000 х гг. В первой статье [Васильев, 2025] описывался процесс формирования группы молодых российских экономистов, осуществивших в 1990-х гг. радикальные экономические реформы. Данная работа охватывает период 1982–1992 гг., когда необходимость реформ была осознана и начата практическая разработка программ рыночных реформ — вплоть до того момента, когда в 1991 г. было сформировано первое правительство реформ и была осуществлена первая попытка их проведения. В следующей статье цикла будет рассматриваться процесс реализации реформ в 1993–1999 гг.

Период подготовки экономических реформ в 1985–1991 гг. неплохо освещён в современной научной литературе. Процесс подготовки программ экономических реформ достаточно полно описан в монографии А. Яника [Яник, 2012], работах П. Авена [Aven, 1991] и В. May [May, 2025]. Книга Н. Кротова [Кротов, 2019] основана в значительной

степени на интервью с рядом общественных деятелей конца 1980-х гг. и рисует картину полной неготовности советских властей к проведению сколь-нибудь осмысленной экономической политики. Анализ реализации программы реформ 1992 г. основан на материалах главы 6 монографии «Экономика переходного периода» [Экономика..., 1998] и главы 6 монографии «Сравнительный анализ стабилизационных программ 90-х годов» [Сравнительный..., 2003].

До начала реформ: Постановление № 695

Тему подготовки экономических реформ в начале 1980-х гг. стоит начать с Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 695 от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». По сути дела, это был первый программный документ по реформированию экономики после свёртывания косыгинской реформы.

Стимулом к разработке этого документа стало резкое снижение темпов роста советской экономики в конце 1970-х гг., упавших фактически до нулевых или отрицательных значений, хотя официальная статистика показывала просто низкие темпы роста [Смирнов, 2012 С. 26–27]. Негативные тенденции развития экономики отчасти маскировались притоком нефтедолларов, возникшим в результате развития сибирских нефтегазовых месторождений и роста мировых цен на нефть.

Постановление № 695 — пространный документ. Но основных идей в нём три: переход в планировании и оценке выполнения планов от валовой к чистой продукции, усиление роли предприятий в подготовке перспективных и в особенности текущих планов, превращение комплексной программы научно-технического прогресса в базовый документ для подготовки долгосрочных планов.

По замыслу авторов постановления, замена показателя валовой продукции показателем чистой продукции должна была стимулировать экономию материальных ресурсов; с повышением роли предприятий в подготовке планов предполагались повышение их реалистичности и частичная легализация механизмов административного торга. Реализация при подготовке перспективных планов положений Комплексной программы НТП была направлена на ускорение процесса внедрения инноваций.

Постановление принималось в условиях жёсткой аппаратной борьбы между «либералами» и «консерваторами» в аппаратах ЦК КПСС и Совета Министров СССР, и компромиссы между этими группами видны непосредственно в тексте. Так, постепенно понятие чистой продукции заменяется понятием условно-чистой или нормативно-чистой продукции, а в ряде отраслей сохраняются показатели товарной продукции. Идея повышения роли встречных планов осталась только на бумаге, тем более что и директивные, и встречные планы были весьма далеки от реальности.

Что касается Комплексной программы НТП, то она, возможно, имела некоторое позитивное влияние на развитие экономики: по крайне мере, в начале 1980-х гг. темпы роста промышленного производства несколько увеличились. Представляется, однако, что выбор плановиками технических и технологических альтернатив определялся не долгосрочной эффективностью тех или иных инноваций, а сравнительной лоббистской силой министерств и объединений. В любом случае погоня за достижениями НТП приводила к раздуванию объёмов инвестиций и усилению народнохозяйственной несбалансированности.

Постановление № 695 было выразительным признаком неспособности правящей верхушки выработать разумные меры по оживлению экономики, и именно в этом качестве оно было воспринято критически мыслящими экономистами. В то же время, стремительное старение состава Политбюро и Секретариата ЦК КПСС предвещало скорый выход на сцену нового поколения партийных и хозяйственных руководителей и появление

политического окна возможностей для экономических реформ. Это, собственно, и произошло, причём в исторически короткие сроки.

В этих условиях экономическая мысль обращалась не столько к опыту незавершённой косыгинской реформы, сколько, и даже в большей степени, к экономическим реформам конца 1960-х гг. в Венгрии и Югославии, реально продвинувшим эти страны к рыночной экономике.

Несмотря на некоторые отличия, в обеих этих странах сформировались сходные экономические системы, основными характерными чертами которых были:

- ▶ отсутствие у предприятий директивных планов;
- ▶ свобода предприятий в выборе поставщиков и покупателей их продукции;
- ▶ смешанная система ценообразования, включавшая фиксированные, регулируемые и свободные цены;
- ▶ наличие значительного частного сектора в сельском хозяйстве и в сфере услуг;
- ▶ возможность для предприятий выходить на внешние рынки;
- ▶ ограниченная конвертируемость национальной валюты.

Привлекательность проведения экономических реформ по венгерскому / югославскому сценарию объяснялась тем, что эти реформы привели к значительному росту эффективности экономики и росту уровня жизни практически без негативных социальных последствий. В середине 1970-х гг. экономические реформы и в Венгрии, и в Югославии были приторможены исключительно по политическим причинам — в Венгрии под давлением советского руководства, а в Югославии вследствие разворота в политической либерализации страны [Васильев, 1991. С. 32–36]. Несмотря на это, основные черты экономики рыночного социализма там сохранились, а их экономическое и социальное превосходство над советской системой было видно невооружённым глазом. Возможность трансфера венгерского и югославского опыта экономических реформ существенно облегчалась высоким профессиональным уровнем дискуссий об экономической политике в ведущих экономических журналах Венгрии и Югославии.

Программы градуалистских реформ

Первые предложения в этом направлении были разработаны ещё в 1984–1985 гг. группой молодых экономистов из ВНИИСИ в рамках работы Комиссии Политбюро по совершенствованию хозяйственного механизма. Основные элементы этой концепции были опубликованы в 1986 г. в сборнике трудов ВНИИСИ под скромным названием «Некоторые теоретические проблемы совершенствования хозяйственного механизма на современном этапе» [Ананьев, Гайдар, Герасимович, Шаталин, 1986]. В центре этой концепции — радикальное расширение самостоятельности предприятий и отказ от директивных плановых заданий. Централизованное регулирование представлено в ней следующими элементами:

- ▶ установление производственного профиля предприятия;
- ▶ определение системы плановых экономических нормативов;
- ▶ проведение соответствующей кредитной, финансовой и ценовой политики;
- ▶ государственные закупки продукции;
- ▶ текущее регулирование внешнеторговой деятельности.

Таким образом, предприятия получали возможность самостоятельно формировать номенклатуру выпускаемой продукции и выбирать своих поставщиков и потребителей. Цены в значительной части номенклатуры становились договорными или лимитными. В рамках этой концепции предприятия имели широкие полномочия в текущей, но не в инвестиционной деятельности. Основные инвестиционные решения по-прежнему оставались за государственными органами. В то же время предприятия получали определённую свободу инвестиционного манёвра, используя средства фондов развития и краткосрочные кредиты.

Авторы достаточно хорошо представляли отличия советской экономики от экономик стран Восточной Европы: масштабы экономики, её относительно закрытый характер, наличие большого комплекса стратегических (оборонных) отраслей. В этих отраслях предполагалось сохранить на длительный период традиционную систему управления.

Несколько иной вариант реформ был предложен группой ленинградских экономистов в сборнике «Проблемы целостной концепции управления промышленностью» [Проблемы..., 1987]. Здесь не предполагался немедленный отказ от директивных планов, однако планы для предприятий должны были постепенно становиться всё менее напряжёнными и распространяться на всё меньшую часть их производственных мощностей. Эти планы получили название «план-заказ», в то время как планы, формируемые предприятиями, обозначались термином «план-договор»; распределение прибыли предполагалось осуществлять по унифицированным нормативам, как и в московской концепции. Важные изменения предполагалось произвести в банковской системе, а именно: осуществить поэтапный переход к двухуровневой банковской системе, причём поначалу уровень резервирования активов коммерческих банков должен был сначала составлять 100% и лишь затем постепенно снижаться. Предполагалось, что именно на коммерческие банки будет возложена функция краткосрочного кредитования предприятий. С другой стороны, двухуровневая банковская система должна была сыграть важную роль в антиинфляционной политике, необходимость которой в переходном периоде была в это время уже осознана [Игнатьев, 1987].

Другим важным моментом в ленинградской концепции было признание неизбежности значительного экономического спада в ходе рыночной трансформации экономики. В качестве основных предпосылок такого спада выступали значительные структурные и ценовые диспропорции в экономике. По этой причине переход к рынку предполагалось осуществить в два этапа: сначала ввести систему ненапряжённых планов и стабильных нормативов распределения дохода, затем провести реструктуризацию экономики (конверсия ВПК, санация неэффективных предприятий), оздоровить финансовую систему и только затем разрешить свободное ценообразование [Васильев, Ярмагаев, 1987].

Нечего и говорить, что обе концепции предполагали сохранение партийной монополии на власть и относительную управляемость советской экономики. Молчаливо предполагалось, что сначала будет осуществлена экономическая либерализация, а затем естественным ходом вещей произойдёт либерализация и в политической сфере по югославскому и чехословацкому сценарию конца 1960-х гг. В реальности, однако, события разворачивались по совершенно другому сценарию: в СССР политическая либерализация существенно опередила экономические реформы. Партия стремительно теряла монополию на власть, столь же быстро снижалась управляемость экономики.

В экономической сфере реальные реформы начались только в 1987 г., когда были принят Закон об индивидуальной трудовой деятельности и постановление Совета Министров СССР о создании кооперативов в сферах общественного питания, бытового обслуживания и производства товаров народного потребления. Новый закон о государственном предприятии 1987 г. разрешал государственным предприятиям учреждать негосударственные предприятия и сдавать им имущество в аренду. В 1988 г. был принят полноценный закон о кооперации, который, между прочим, разрешал кооперативам создавать коммерческие банки [May, 2025].

Все эти меры выглядели весьма прогрессивными и в действительности способствовали развитию частнопредпринимательской инициативы. Однако в сочетании с мягкой бюджетно-финансовой политикой они стали крайне деструктивными. В результате разрушилась граница между безналичным и наличным оборотом, превращая эмиссию безналичных денег в денежный навес на потребительском рынке. Логика развёртывания этого бюджетно-финансового кризиса достаточно полно описана в разделе «Финансы без прикрас» [Явлинский, Михайлов, Задорнов, 1990. С. 30–48].

Программы радикальных реформ

Примерно на рубеже 1987–1988 гг. возникли большие сомнения в возможности реализации стратегии «win-win» при проведении экономических реформ, т.е. ситуации, при которой проводятся достаточно радикальные реформы и одновременно происходит существенное повышение стандартов потребления населения. Также под сомнения была поставлена возможность проведения поэтапной реформы в условиях сильной несбалансированности экономики.

Впервые новая концепция реформ была озвучена Борисом Львиным в апреле 1988 г. на большой конференции в новосибирском Академгородке. «Реформы могут быть, — сказал Б. Львин, — а) глубокими, радикальными или поверхностными, декоративными; б) мягкими, не требующими жертв или жёсткими, ведущими к ухудшению положения ряда слоёв общества. Не только исторический опыт, но и простая логика диктует нам непреложное правило: радикальная реформа не может не быть жёсткой» [Васильев, Львин, 1989. С. 412].

Также в 1988 г. Леонидом Пайдиевым были произведены расчёты возможного падения производства в отраслях тяжёлой промышленности из-за структурных изменений (инвестиционная пауза при переходе к рынку, сокращение избыточного потребления материальных ресурсов). Эти расчёты показали глубину падения производства в отраслях тяжёлой промышленности на 20–60% даже без учёта дополнительного влияния конъюнктурных факторов, таких как ценовые диспаритеты и проблемы с финансированием [Chubais, Vasiliev, 1990. Р. 61].

В 1989 г. в правительстве с опозданием была осознана глубина экономических проблем и необходимость проведения комплексных реформ в сочетании с финансовой стабилизацией. С этой целью был создан специальный орган при Правительстве — Государственная комиссия по экономической реформе (ГКЭР) под руководством академика Леонида Абалкина, в состав которой вошли многие экономисты рыночной ориентации: Станислав Шаталин, Евгений Ясин, Григорий Явлинский и др. Сотрудники комиссии в принципе правильно понимали основные направления предстоящих реформ (в частности, в это время стало возможным говорить об акционировании и приватизации предприятий), однако итоговый документ — программа реформ — пройдя жернова согласований в структурах Совмина, оказался весьма половинчатым: программа перехода к рынку здесь занимала пять лет. Но и она была отвергнута Верховным Советом СССР. К тому же против неё была развернута массовая кампания под лозунгом «Долой абалканизацию всей страны!».

Надо сказать, что подготовка всех предложений по проведению экономических реформ в 1986–1989 гг. велась примерно сходным образом: формировалась комиссия из высокопоставленных чиновников при Совмине, при ней создавалась рабочая группа из профессиональных экономистов и сотрудников министерств и ведомств. В это время не только экономисты, но и многие ministerские работники видели необходимость проведения достаточно радикальных реформ, что и фиксировали в своих предложениях, направляемых на рассмотрение комиссии. Затем в Комиссии радикальные предложения из документов исчезали, и все это докладывалось наверх. А высшие руководители, понимая, что в случае неуспеха реформ вся ответственность падёт на них, предпочитали не предпринимать вообще никаких содержательных мер и откладывали болезненные

решения на потом [Кротов, 2019. С. 190–198]¹. В этих условиях начальник сводного отдела ГКЭР Григорий Явлинский, понимая бесперспективность аппаратных методов продвижения программы реформ, разработал совместно с Михаилом Задорновым и Алексеем Михайловым инициативную программу реформ «400 дней».

Базовой идеей программы «400 дней» была быстрая приватизация государственного имущества в целях снятия «денежного навеса» и улучшения бюджетной сбалансированности. Предполагалось, что использование накоплений населения для приватизации позволит избежать резкого роста цен. Основными объектами приватизации должны были стать предприятия лёгкой и пищевой промышленности, промышленности строительных материалов, подрядные организации, предприятия торговли, общественного питания, бытового обслуживания. Предполагалась также платная приватизация жилья (с льготами для пенсионеров), садовых и приусадебных участков.

Программа предусматривала быстрый переход к рыночным отношениям: акционирование государственных предприятий, создание двухуровневой банковской системы, налоговая реформа с прогрессивными ставками налогообложения, свобода внешней торговли и переход к единому валютному курсу. В аграрной сфере предусматривалось право колхозников на выход из колхоза с земельным паем, были разработаны предложения по системе социальной защиты на основе минимальных потребительских бюджетов, поддержанных карточной системой распределения продовольствия.

В случае, если в процессе приватизации не удастся в достаточной мере снять «денежный навес», предполагалась реализация довольно жёсткого комплекса стабилизационных мероприятий, включающих замораживание сбережений населения в Сбербанке на 200–300 дней, деноминацию банкнот с заполнением деклараций на крупные суммы обмена и налогообложением сверхкрупных сумм, замораживание фондов экономического стимулирования предприятий, санацию счетов кредитных учреждений, секвестр госбюджета и ужесточение налоговой политики [Явлинский, Михайлов, Задорнов 1990. С. 26–27].

Это была программа быстрой и радикальной реформы, расписанной по этапам её реализации. Во многом она была утопичной: предполагалось, например, в течение первых пятидесяти дней провести инвентаризацию подлежащего приватизации государственного имущества, а затем осуществить его приватизацию менее чем за год, не имея ни обученных кадров, ни специализированных организаций. Причём всё это должно было осуществляться в республиках и регионах, силами местных властей, а все средства от приватизации при этом поступали бы в союзный бюджет.

Первая презентация программы состоялась в начале марта 1990 г. на семинаре в Международном институте прикладных системных исследований (МИПСА/IIASA),

¹ Интересна история ещё одной попытки принятия программы радикальных реформ на союзном уровне, о которой рассказал Евгений Ясин. В марте 1990 г. Л.И. Абалкин подготовил для М.С. Горбачева, готовящегося к избранию Президентом СССР, краткую записку о том, что надо делать в экономике. Но в это время ему позвонил Ю.Д. Маслюков (тогда Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР и Председатель Госплана СССР), которому также была поручена подготовка проекта реформ, и сказал, что они в тупике и нет ли у группы Абалкина каких-то идей. Абалкин передал Маслюкову подготовленную записку. Он одобрил её и попросил приготовить расширенный вариант для Н.И. Рыжкова, получил от него одобрение и велел работать над программой. Ясин подчёркивал, что в данном случае речь шла о проекте программы на самом высоком административном уровне. В этот проект вошло многое из того, что затем стало программой «400 дней». Рыжков её одобрил, и Ясин говорил, что это был самый счастливый день в его жизни. Рыжков передал программу Горбачеву, уже избранному Президентом СССР. А в апреле он провёл президентский совет, отвергший эту программу и поддержавший предложение В.С. Павлова о том, чтобы «для создания равновесия в стране, сокращения дефицита цены на все продовольственные товары повысили вдвое, а на хлеб — в три раза». С этим 24 мая 1990 г. в Верховном Совете СССР выступил Рыжков. «Эффект был необыкновенный... В магазинах редкие остатки продуктов сразу исчезли» [Девяностые..., 2019. С. 27–28]. Так были потеряны почти два года столь необходимого времени, за которое ситуация продолжала ухудшаться. И за это потом не только реформаторам, но прежде всего населению надо было платить.

проходившего в рамках проекта «Экономическая реформа и интеграция» [Yavlinsky, 1990]. Программа была хорошо встречена присутствующими там реформаторски настроенными экономистами, в том числе не аффилированными с ГКЭР, такими как Пётр Авен, Константин Кагаловский, Анатолий Чубайс, Александр Шохин. По сути, это была концепция «большого скачка», которая стала консенсусной основой для дальнейшей разработки программ реформ.

Как известно, в мае 1990 г. начал работать I Съезд народных депутатов РСФСР. Программа заинтересовала реформаторски настроенных депутатов, а при утверждении кандидатов на должность Председателя Совета Министров РСФСР один из кандидатов, М.А. Бочаров, даже использовал её. И хотя Председателем Совета Министров РСФСР был утвержден другой претендент, но решение о необходимости быстрого реформирования российской экономики было принято, что, в частности, выразилось в назначении Г.А. Явлинского Заместителем Председателя Совета Министров РСФСР и председателем государственной комиссии по экономическим реформам. На эти решения опирался в 1990 г. Б.Н. Ельцин после избрания его Председателем Верховного Совета РСФСР при встрече с М.С. Горбачевым, результатом которой стало создание рабочей группы по подготовке программы «500 дней». Свой окончательный вид она получила в рамках совместной работы экспертов Совмина СССР и Совмина РСФСР в августе 1990 г. [Переход к рынку... 1990].

К этому времени значительная часть союзных республик заявила о своём экономическом суверенитете. Рабочая группа, готовившая программу, была вынуждена привлечь к обсуждению представителей республик, в результате чего документ потерял первоначальную логику: например, вопросы приватизации, подробно изложенные в программе «400 дней», были в основном переданы в компетенцию республик. Согласно проекту программы республики могли самостоятельно формировать свои налоговые системы. Даже Центральный Банк СССР (Резервная система Союза) должен был управляться Советом, состоящим из председателей Центробанков республик и принимать решения квалифицированным большинством, что в кризисных условиях с большой вероятностью могло привести к параличу в проведении денежно-кредитной политики. Те же проблемы обозначились и в сфере общей координации. Совет Министров СССР предполагалось ликвидировать и заменить его Межреспубликанским экономическим комитетом, формируемым из представителей республик, в подчинении этого комитета оставалось всего 7 министерств и 7 ведомств (комитетов или управлений). В такой ситуации никакие радикальные реформы, конечно же, не могли быть реализованы.

Программа «500 дней» так и не была утверждена на союзном уровне из-за разногласий между союзным и российским правительствами. В результате Г. Явлинский 17 октября 1991 г. подал в отставку с поста Заместителя Председателя Совмина РСФСР и председателя государственной комиссии по экономическим реформам. Однако эта программа сыграла важную роль в подготовке рыночных реформ. Во-первых, в общественном сознании довольноочно утвердились необходимость быстрых и радикальных реформ. Во-вторых, в рамках разработки программы были подготовлены проекты ряда важных прорыночных законов. Некоторые из них были приняты ещё в период существования союзного и российского правительства.

В-третьих, в этот период были созданы новые российские структуры, важные с точки проведения реформ, а именно: Госкомитет по управлению государственным имуществом, Российский Фонд федерального имущества, Центральный Банк РСФСР, Госкомитет по земельной реформе, Госкомитет по антимонопольной политике.

Наконец, многие участники проекта впоследствии стали ключевыми фигурами в различных реформаторских правительствах 1990-х гг. Так, Борис Федоров стал заместителем председателя Правительства, Владимир Машиц — министром по делам СНГ, Михаил Задорнов — министром финансов, Леонид Григорьев — председателем Комитета по иностранным инвестициям, Андрей Вавилов — заместителем министра финансов.

Международные контакты реформаторов

Общение молодых экономистов с зарубежным экспертным сообществом началось довольно поздно — в 1988 г. Именно в этом году состоялась длительная стажировка А. Чубайса в Венгрии. В том же году в венгерском городе Дьере произошла первая крупная международная встреча экономистов западных стран с их коллегами из восточного блока, организованная Институтом международной экономики Венгерской Академии Наук. А. Чубайс смог принять в ней участие, а уже в 1989 г. на вторую подобную конференцию в Шопроне была приглашена большая группа молодых экономистов из Москвы и Ленинграда.

Непосредственным результатом этой встречи стало установление контактов с итальянскими исследователями советской экономики и участие большой группы молодых экономистов в конференциях в Падуе и Вероне в 1989–1990 гг. Однако более важные последствия имело знакомство с британским экономистом словенского происхождения Любо Сирцем, который в это время создал в Лондоне Центр по изучению коммунистических экономик (CRCE). В отличие от большинства советологов, которые придерживались социал-демократических и дирижистских взглядов, Любо Сирц был убеждённым либерал-консерватором. Активную роль в создании Центра сыграл Р. Харрис, директор лондонского Института экономических исследований (Institute of Economic Affairs), сотрудничавшего с Ф. Хайеком и М. Фридманом. Харрис был также тесно связан с консервативным правительством М. Тэтчера. За особые заслуги он удостоился титула лорда. С 1989 г. CRCE начал выпускать ежеквартальный журнал «Post-Communist Economies», в котором широко публиковались экономисты из группы Гайдара-Чубайса.

CRCE также выступил соучредителем Международного Центра исследований экономических реформ в Москве (МЦИЭР/ICRET), возглавленного К. Кагаловским. Одной из наиболее важных совместных инициатив CRCE и МЦИЭР стало проведение при поддержке Фонда Свободы (Liberty Fund) серии обучающих семинаров с участием ведущих специалистов в области либеральной экономической теории. Эти семинары прошли в Париже (март 1991 г.), Альпбахе (сентябрь 1991 г.), Индианаполисе (октябрь 1992 г.).

Другой международной инициативой, которая существенно повлияла на формирование идеологии экономических реформ стал проект «Экономическая реформа и интеграция», запущенный в 1990 г. в Международном институте прикладного системного анализа в Вене по инициативе П. Авена, который в 1989–1991 гг. был научным сотрудником этого института. В течение 1990 г. в Лаксенбурге под Веной прошла серия семинаров с участием советских и зарубежных экономистов, где обсуждались основные блоки радикальной экономической реформы: приватизация, финансовая стабилизация, реформа налоговой системы, либерализация внешнеторговой деятельности, динамика рынка труда [Economic Reform..., 1990].

Так случилось, что в январе 1990 г. большая группа экономистов была направлена под эгидой ГКЭР для исследования польского опыта. Увиденное не могло не привести к тому, что члены этой группы находились под сильным впечатлением от начавшейся в Польше радикальной экономической реформы. Так что польская стратегия «шоковой терапии» незримо присутствовала в дискуссиях.

Одной из проблем, обсуждаемых на семинарах, была высокая степень монополизации советской экономики, которая затрудняла переход к свободному ценообразованию. Зарубежные участники семинара отметили, что помимо традиционных антимонопольных мероприятий важную роль может сыграть либерализация внешнеэкономических отношений и переход к единому валютному курсу. Ранее эта тема в дискурсе молодых экономистов практически отсутствовала.

С точки зрения скорости преобразований большинство советских участников склонялось к тактике «большого скачка», в то время как зарубежные исследователи

предостерегали от повторения польского опыта, ссылаясь на большие размеры советской экономики, отсутствие рыночного сектора и рыночной традиции.

Наконец, в области приватизации на семинарах не удалось достичь существенных результатов. Программа «малой» приватизации по Явлинскому была одобрена, хотя высказывались сильные сомнения относительно возможности добиться желаемого финансового результата. В отношении большой приватизации консенсус был достигнут лишь по поводу необходимости преобразования крупных предприятий в акционерные общества и передачи государственных пакетов акций специализированным организациям (инвестиционным фондам). Каким образом и в какие сроки будет производиться приватизация этих госпакетов — осталось за рамками обсуждения.

Распад СССР и Альпбахская декларация

Острый политический кризис, начавшийся осенью 1990 г., привёл к полной остановке работ по подготовке экономических реформ. Этот политический кризис разрешился неудавшимся государственным переворотом 19–22 августа 1991 г. и фактическим распадом СССР. Формальное сохранение институтов союзной власти было именно что формальным: союзное правительство потеряло возможность что-либо требовать или что-то указывать республиканским органам власти.

Распад Союза не стал большим сюрпризом для реформаторов. Идея о том, что СССР в результате политической и экономической либерализации прекратит своё существование была высказана публично Б. Львиным в его нашумевшем (скандальном) выступлении в Академгородке в апреле 1988 г. Она интенсивно обсуждалась на неформальных встречах кружка молодых экономистов.

Действительно, все объективные предпосылки для формирования национальных государств на территории СССР были налицо: во всех республиках прошла индустриализация, появились местная интеллигенция и бюрократия, которые и стали выразителями националистической идеологии. Не забудем и то, что в своё время большевики сознательно отказались от политики принудительной русификации национальных окраин, проводимой ранее царским правительством. Наоборот, и способы формирования республиканских органов власти, и политика развития национальных языков способствовали процессам национального самоопределения.

Всё же общим местом в рассуждениях была мысль о том, что развод республик Союза будет постепенным, по крайней мере он пройдёт через стадию конфедерализации в духе Ново-Огаревского процесса. Обвальный распад Союза застал реформаторов врасплох и потребовалось некоторое время, чтобы осознать новую реальность. Отметим, что вне зависимости от личного эмоционального отношения к распаду СССР (а оно было весьма различным) все участники команды восприняли этот распад как состоявшийся факт и сделали соответствующие политические выводы.

Новая концепция реформ сформировалась достаточно быстро, хотя и несколько спонтанно. Дело в том, что в начале сентября большая группа молодых экономистов собралась на семинаре Фонда Свободы в австрийском Альпбахе, который проходил с 9 по 13 сентября (а не 17–28 августа, как указано в некоторых источниках). Уже в процессе семинара в Альпбах приехал В. Машиц, который непосредственно перед этим имел большую беседу с Г. Явлинским, только что назначенным заместителем председателя союзного Комитета по оперативному управлению народным хозяйством (преемник распущенного после попытки путча Кабинета Министров СССР). Как объяснил участникам семинара В. Машиц, в новое правительство Г. Явлинский пришёл с идеей своей концепции Экономического Союза республик, детально прописанной в программе «500 дней». Эта концепция была неработоспособной уже в августе 1990 г., когда в СССР ещё существовала центральная

власть. В условиях же полного суверенитета республик она стала просто утопической. При попытке её осуществления никакие разумные меры по либерализации и стабилизации экономики не могли бы быть реализованы, поскольку они потребовали бы длительного обсуждения в органах Экономического Союза и, скорее всего, утверждения квалифицированным большинством в парламентах республик.

Общее мнение собравшихся состояло в том, что этого допустить никак нельзя, и непосредственно в ходе семинара А. Улюкаевым был написан текст, отражавший мнение большинства присутствующих на семинаре и названный впоследствии «Альпахской декларацией» (*Независимая газета*. 1991.28.09, подпись П. Авеном, С. Васильевым, С. Глазьевым, А. Улюкаевым, А. Чубайсом, А. Шохиным).

По мнению авторов декларации, надреспубликанский экономический центр будет очень слабым, а процесс принятия решений окажется парализованным разногласиями между республиками. Характер же экономических проблем требовал очень сильного центра. Поэтому единственным реалистичным решением представлялось создание 15 независимых центров принятия финансово-экономических решений. Таким образом, формула Явлинского «политический суверенитет — экономический союз» переворачивалась и превращалась в формулу «экономический суверенитет — политический союз», которая впоследствии была реализована при создании Содружества Независимых Государств.

Далее были описаны первоочередные меры по стабилизации экономики: отказ от директивного регулирования цен, политика нулевого дефицита государственного бюджета, начало переговоров о разделе и переструктурировании государственного долга СССР. При этом предполагалось что при определённых условиях Россия сможет взять обязательства перед западными кредиторами на себя (что в конечном счёте и произошло). Предполагалось сохранение единого экономического пространства, которое может существовать даже при введении национальных валют, немедленное начало переговоров и подписание экономического соглашения с республиками на переходный период.

В заключение были отмечены две важнейшие политические проблемы: обеспечение добровольной и планомерной депатриации людей, оказавшихся за пределами своих национальных государств, а также вопросы военной реформы и контроля за стратегическими вооружениями и внешними границами, которые предполагалось урегулировать в рамках специального соглашения (Оборонного союза).

Программа реформ Е. Гайдара

В октябре 1991 г. началась разработка новой программы экономических реформ под руководством Е.Т. Гайдара. Инициатива её разработки принадлежала ближайшему советнику Б.Н. Ельцина Государственному секретарю Российской Федерации Г.Э. Бурбулису, который познакомился с Гайдаром в Доме Правительства Российской Федерации в дни неудавшегося госпереворота. Концепция программы реформ была доложена Бурбулисом президенту Ельцину в конце сентября. После её одобрения Гайдару было поручено начать её комплексную проработку. Октябрьская программа Гайдара — это единственная программа экономических реформ в стране, которая не имела единого текста: она состояла из набора коротких записок, обычно не превышавших по объёму восьми машинописных листов, что соответствовало стандарту оформления деловых бумаг в ЦК КПСС: восемь страниц составляли один «формат». Гайдар объяснял это так: начальство не читает бумаг длиной больше восьми страниц.

Октябрьская программа имеет ещё одну особенность: ни один документ, подготовленный группой экспертов под руководством Е. Гайдара, никогда не был опубликован. Поэтому далее изложение основных мер, предусмотренных этой программой, следует документу

«Система мер по подготовке стабилизации экономики России», сохранившемуся в архиве автора с октября 1991 г. (см. Приложение).

Основные разделы этого документа:

- консолидация бюджетов РСФСР и СССР;
- налоговая реформа;
- цены и социальные компенсации;
- открытие экономики и реформа регулирования внешнеэкономической деятельности;
- банковская политика;
- денежная политика;
- приватизация;
- инвестиционная и структурная политика;
- текущие задачи жизнеобеспечения в зимних условиях.

Первая мера — консолидация республиканского и союзного бюджетов — являлась необходимым условием для установления контроля за совокупной денежной массой. Эта консолидация произошла буквально в первые дни реформы, в начале ноября 1991 г., что позволило попросту упразднить большинство союзных министерств, объявив о прекращении их финансирования с 1 января 1992 г. Сотрудникам министерств были выданыуведомления об увольнении, а их перевод в новые республиканские структуры осуществлялся в индивидуальном порядке. В здания союзных министерств въехали новые республиканские органы.

Налоговая реформа по своей направленности сильно отличалась от мер, предусмотренных программами, разработанными в 1990 г. Основное отличие — введение налога на добавленную стоимость (НДС). Технические предпосылки для этого были созданы решением союзного правительства о введении налога с продаж с 1 января 1991 г. Дело в том, что технические процедуры исчисления и взимания налога с продаж и налога на добавленную стоимость практически одинаковы, а разработка законодательной базы для НДС велась в течение 1991 г. в Комитете по бюджету и налогам Верховного Совета РСФСР группой реформаторски настроенных депутатов, в которую входили, в частности, Сергей Шаталов и Александр Починок. НДС имеет важную особенность: он хорошо приспособлен для сбора налогов в условиях высокой инфляции, так что его введение в начале 1992 г. позволило поддерживать сбор налогов на приемлемом уровне.

Изначально в программе реформ не предусматривалась немедленная либерализация цен, предполагалась административная коррекция цен в период до введения национальной валюты. В отношении социальных компенсаций в условиях роста цен ключевыми предложениями были максимальное ограничение масштабов индексации с целью недопущения гиперинфляции и переход к программам поддержки наиболее нуждающихся слоёв населения, в том числе путём введения продовольственных купонов и целевого дотирования расходов на транспорт и жильё.

В сфере внешнеэкономической деятельности предполагалась отмена лицензирования и квотирования экспорта и их замена экспортными пошлинами, снижение и унификация налогов на импорт, легализация валютного рынка, ступенчатая девальвация курса рубля и переход к его конвертируемости после проведения денежной реформы.

В банковской политике предполагалось унифицировать резервные требования к коммерческим банкам, изменить механизм расчётов с целью исключения автоматизма кредитования, сформировать эффективную систему банковского надзора.

Ввиду практической невозможности межреспубликанской координации денежно-кредитной политики программа предполагала введение российской валюты на горизонте от 9 месяцев до года. Такие длительные сроки были связаны, в частности, с необходимостью завершения реконструкции предприятий Гознака и изготовления большого

количества новых российских банкнот. В течение подготовительного периода необходимо было перевести расчёты с республиками на корреспондентские счета и технически подготовить механизм обмена денег. Предполагалось в течение переходного периода устраниć основные диспропорции в области финансовых потоков и резко сократить показатель отношения денежной массы к ВВП. После введения российской валюты предполагалось обеспечить переход к конвертируемости рубля.

В сфере приватизации предполагался отход от принципов бесплатного распределения государственной собственности, т.е. приостановление действия российского закона о приватизации, предусматривающего введение именных приватизационных счетов. Предполагалось привлечение западных банков и иностранного капитала к «большой приватизации», т.е. приватизации крупных государственных предприятий.

Основные положения октябряской программы были озвучены Б.Н. Ельциным на V Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 г., а уже 6 ноября было сформировано новое правительство России под председательством Б.Н. Ельцина, в котором ключевые министерские посты заняли ведущие реформаторы: Е. Гайдар и А. Шохин (заместители председателя правительства), П. Авен, В. Лопухин, В. Машиц, А. Нечаев, А. Чубайс. Первым заместителем председателя правительства был назначен Г. Бурбулис (в этой должности он находился до мая 1992 г.). Программа экономических реформ стартовала 1 января 1992 г., когда были либерализованы цены на большинство товаров. В июне 1992 Е. Гайдар стал исполняющим обязанности председателя правительства.

Программа реформ была скорректирована и уточнена в феврале 1992 г., когда был подготовлен Меморандум об экономической политике Российской Федерации, связанный с вступлением России в Международный валютный фонд [Меморандум..., 1992].

Основное содержание Меморандума сводилось к следующим положениям:

1. Продолжение начатой жёсткой бюджетной политики. Предполагалось удерживать величину бюджетного дефицита на уровне 10% ВВП, причём чистое кредитование бюджета Центральным банком не должно было превышать 5% ВВП.

2. Ужесточение кредитной политики. Сохранение жёстких лимитов кредитования коммерческих банков и постепенный выход на положительную реальную ставку процента.

3. Дальнейшая либерализация цен. Отмена регулирования цен на продукты питания и товары производственного назначения, включая нефть и топливо. Изъятие в бюджет части рентных доходов, возникающих при повышении цен на топливо.

4. Введение единого обменного курса валюты и замена экспортных квот и лицензий экспортными пошлинами. Переход к фиксированному курсу рубля по мере стабилизации экономики и при накоплении необходимых валютных резервов.

5. Форсированное проведение программы «малой приватизации» и подготовка большой приватизации с заменой именных приватизационных счетов на приватизационные купоны (ваучеры).

Реализация программы реформ в 1992 г.

В течение 1992 г. правительству удалось осуществить ряд мер, предусмотренных программой. Так, уже в марте были либерализованы цены на продукты питания, при этом региональные власти получили право регулировать розничные цены при помощи дотаций. В мае в соответствии с программой были существенно повышенны цены на нефть и газ: на нефть с 350 до 2 200 руб. за т, на газ — с 260 до 1 600 руб. за куб. м. При этом по нефти прогрессивный налог с продаж начинался с уровня 1 800 руб. за т. Таким образом, несмотря на существенное повышение цен на энергоносители, планировавшееся ранее дополнительное налогообложение нефтегазового сектора было введено в крайне усечённой форме. Проблема недообложения энергетического сектора осталась ключевой и в последующие годы реформ, причём успехов в этой сфере было гораздо меньше, чем неудач.

Однако же в целом налоговая реформа разворачивалась весьма успешно. НДС, который поначалу собирался в небольших объёмах, к концу года стал основным источником поступлений в государственный бюджет. Доходы расширенного правительства по итогам 1992 г. составили около 40% ВВП, что было очень высоким показателем для страны, проходящей тяжёлый финансовый кризис.

С 1 июля 1992 г. была отменена система параллельных обменных курсов и введён единый официальный рыночный курс валюты, определяемый на основе текущего курса валютной биржи (ММВБ), при этом сохранилась система продажи 50% валютной выручки. Также в июле 1992 г. было осуществлено разделение денежных систем республик (перевод их центральных банков на корреспондентские счета в Центральном банке России), что остановило бесконтрольную эмиссию со стороны центральных банков бывших союзных республик.

В условиях перехода от подавленной инфляции к открытой существенную угрозу представляли механизмы различных индексаций. Несмотря на то, что в течение года правительству неоднократно приходилось пересматривать масштабы бюджетных выплат и компенсаций, удалось избежать автоматической индексации расходных статей бюджета. Побочным эффектом такой политики стало усиление дифференциации различных социальных групп по доходам, не выходившее, впрочем, за социально приемлемые рамки [Цели политики..., 1993. С. 4].

В сфере приватизации, несмотря на недовыполнение программы 1992 г. по количественным показателям, темпы малой приватизации были весьма внушительными: число приватизированных предприятий выросло с 1,4 тыс. в конце 1991 г. до 46,8 тыс. в декабре 1992 г. В июне 1992 г. Верховным Советом РФ была утверждена программа чековой приватизации, которая хотя и содержала возможность предоставления контрольного пакета работникам предприятий (второй вариант приватизации), вопреки положениям Меморандума об экономической политике, но позволяла провести в короткие сроки корпоратизацию и приватизацию российской промышленности.

К числу неудавшихся мероприятий экономической реформы следует отнести либерализацию внешнеторговой деятельности. Программой правительства была предусмотрена немедленная отмена ограничений внешней торговли и переход к тарифному регулированию экспорта и импорта. Правительство отказалось от своих намерений, даже не приступив к их реализации. Новый режим внешней торговли, введённый в январе 1992 г., предусматривал не только экспортный тариф, но и сохранение квот практически по всем видам сырьевого экспорта. В дальнейшем система внешнеторгового регулирования продолжала ужесточаться: весной 1992 г. было введено лицензирование организаций экспортёров, а в конце года — система централизованного экспорта. Система квот, лицензий и экспортно-импортных льгот стала ключевым источником коррупции в экономике России. Хотя импорт стал нерегулируемым, его основную долю составлял так называемый централизованный импорт, который в больших масштабах субсидировался и подрывал тем самым основы свободного импорта.

Макроэкономические последствия внешнеторговой политики, проводившейся в 1992 г., были крайне негативными. Во-первых, в отличие от большинства стран, имевших после либерализации экономики взрывной рост экспорта и большое положительное сальдо внешней торговли, в России экспорт в 1992 г. упал на 20%, а положительное сальдо внешней торговли составило лишь 3 млрд долл. Во-вторых, зарегулированность внешней торговли делала её нечувствительной к валютному курсу, а сам валютный курс определялся паритетами цен по очень узкому кругу товаров. В-третьих, сохранявшаяся изоляция России от мирового рынка дезориентировала процесс структурной перестройки экономики [Цели политики..., 1993. С. 5].

Однако самые большие неудачи ждали правительство на главном направлении реформ — в бюджетной и кредитной политике. Бюджет I-го квартала 1992 г., рассчитанный

на кассовой основе, был сведён с балансом — хотя этот баланс не учитывал огромные импортные субсидии в форме бесплатной раздачи иностранных кредитов и продажи валюты импортерам по заниженному курсу. Баланс бюджета первого квартала был достигнут в результате сильнейшего сжатия расходных статей, которое оказалось невозможным поддерживать в течение длительного периода.

В последующие месяцы расходы на социальные нужды возросли с 6 до 10% ВВП, субсидии народному хозяйству — с 7,5 до 15% ВВП, расходы на оборону — с 4,5 до 6%. Общие расходы консолидированного бюджета выросли от 25% ВВП в I-м квартале до 45% ВВП в IV-м квартале. С учётом импортных субсидий уровень расходов бюджета по отношению к ВВП составлял 53–55% в течение трёх первых кварталов и достиг 65% в IV квартале [Васильев, Одинг, 2003. С. 206–207].

Несмотря на рост доходов бюджета в течение года, бюджет во II-м и III-м кварталах был сведён с дефицитом порядка 10% ВВП, и Центральный банк начал покрывать этот дефицит за счёт эмиссии. Эмиссионное финансирование дефицита бюджета существенно превысило программные показатели и составило во 2-м полугодии около 8% ВВП. При этом кредиты Центрального банка федеральному правительству превысили во 2-м полугодии 15% ВВП. Таким образом, примерно половина кредитов Центрального банка правительству не учитывалась в бюджете.

Уже в начале марта возникло сильнейшее давление на правительство и Центральный банк с требованиями смягчения кредитно-денежной политики. Объективной предпосылкой этого давления стал кризис неплатежей, в значительной степени вызванный тем, что уровень повышения регулируемых цен в январе был чрезмерным по сравнению с накопленным денежным навесом, а трёхкратное увеличение скорости обращения денег (с 1,7 до 5 оборотов в год) оказалось недостаточным для обеспечения потребностей экономики. Дополнительными факторами снижения ликвидности в экономике стали изъятие в бюджет 50% от переоценки запасов на 1 января и техническая неспособность расчётно-кассовых центров Центрального банка обеспечить быстрое прохождение средств.

На фоне кризиса неплатежей усилились требования лоббистских групп по представлению им льготной кредитной и бюджетной поддержки. В течение апреля — июля 1992 г. Президент и правительство последовательно принимали решения о льготном кредитовании весеннего сева, оборотных средств предприятий, северного завоза, выделении конверсионных кредитов.

Необходимость субсидирования вышеизложенных секторов трудно отрицать, но в конкретных условиях середины 1992 г. принятие решений о кредитовании сопровождалось грубыми экономическими ошибками. Во-первых, объёмы кредитования были совершенно несопоставимы с целями монетарной политики. Во-вторых, кредиты предоставлялись под крайне низкий процент — меньше половины учётной ставки Центрального банка. В-третьих, не был установлен контроль за целевым расходованием льготных кредитов, которые предоставлялись через систему коммерческих банков.

Масштабы субсидированного и, по сути, безвозвратного кредитования почти сравнялись с объёмами бюджетных субсидий. По данным МВФ, бюджетные и квазибюджетные субсидии в 1992 г. составили 29% ВВП, а льготные кредиты — 23% ВВП. В макроэкономическом плане основным источником субсидий являлся сеньораж, а дополнительным — иностранные займы.

Достаточно высокий уровень монетизации экономики в 1992 г. и низкая эластичность этого уровня по отношению к темпам инфляции позволили Центральному банку получить крайне высокий объём сеньоража в размере 43% ВВП. По своему реальному экономическому содержанию сеньораж представлял собой налог на денежные балансы предприятий и населения. С учётом сеньоража масштабы перераспределения доходов через «расширенное правительство» достигли в 1992 г. 76% ВВП. Таким образом, при уровне

доходов расширенного правительства около 40% дефицит его бюджета, рассчитанный по методологии МВФ, составил 36% ВВП. Даже если из этой цифры вычесть иностранные кредиты (11% ВВП), поступавшие в страну в основном в виде централизованного импорта и не оказывавшие реального влияния на рост денежной массы, то цифра дефицита 1992 г. составит 25% ВВП — величина, достаточная для того, чтобы обречь на неудачу любые попытки финансовой стабилизации [Васильев, Одинг, 2003. С. 208–209].

Сжатие реальной денежной массы в I квартале 1992 г. привело к резкому снижению инфляции в течение летних месяцев до уровня 9–12% в месяц, при этом курс доллара к рублю также снижался: от 180 руб./долл. в среднем за январь до 119 руб./долл. в июне. Ситуация полностью развернулась в июне 1992 г.: темпы роста денежной массы M2, составлявшие в месячном исчислении от 9 до 14%, с июня выросли до 30% в месяц. Даже весьма мягкие целевые показатели роста чистых внутренних активов Центрального банка на 2-е полугодие были существенно превышены: вместо плановых значений прироста на III-й и IV-й кварталы в 80 и 30%, соответственно, фактические значения составили 180 и 90%.

Курс доллара с июня по декабрь 1992 г. вырос в 3,5 раза, став и двигателем, и индикатором инфляционных процессов. В октябре инфляция ускорилась до 20% в месяц и оставалась затем на этом уровне в течение длительного времени. К осени политические возможности первого правительства реформ оказались исчерпанными. В декабре 1992 г. под давлением большинства Съезда народных депутатов Е.Т. Гайдар был отправлен в отставку, а премьер-министром стал В.С. Черномырдин, бывший руководитель «Газпрома», крупнейшей корпорации России. Первая попытка финансовой стабилизации российской экономики закончилась неудачей.

Промежуточные итоги

Неудача первой попытки стабилизации главным образом была связана с широкой раздачей льготных кредитов в первой половине 1992 г. При очень серьёзном сокращении реальной денежной массы в январе 1992 г. властям было чрезвычайно трудно противостоять давлению, направленному на смягчение финансовой политики. Особенно негативным оказалось то, что такое смягчение происходило в форме льготного кредитования: при высокой отрицательной ставке процента по этим кредитам спрос на них оказался неограниченным, но очень небольшая часть выделенных кредитов доходила по назначению.

Значительная часть предприятий, получивших кредиты, ссужала их под более высокий процент, обеспечивая себе прибыль за счёт ростовщических операций. В итоге предприятиям, получившим кредиты, не нужно было прикладывать усилия по структурной перестройке производства, а как раз те предприятия, которые кредитов не получили, были вынуждены проводить более активную политику рационализации и повышения эффективности за счёт внутренних резервов.

Большая часть льготных кредитов распределялась через коммерческие банки, которые в условиях дезорганизации платёжной системы Центрального банка России (ЦБР) имели возможность тормозить выделение денег предприятиям и «прокручивать» льготные кредиты в краткосрочных операциях.

Массированные льготные кредиты сельскому хозяйству (около 40% от всей суммы кредитов) позволяли сельхозпроизводителям компенсировать высокий уровень издержек и использовались государством наряду с дотациями для сдерживания уровня цен. Такая политика создавала порочный круг: льготные кредиты позволяли покрыть «ножницы цен» между сельским хозяйством и промышленностью, а устойчивые «ножницы цен» служили оправданием для дальнейшего льготного кредитования.

Наконец, важным фактором стали бесконтрольная эмиссия рублей центральными банками бывших союзных республик (в первом полугодии 1992 г.) и фактически

безвозвратное кредитование государств рублёвой зоны для покрытия дефицитов их платёжных балансов с Россией (во 2-м полугодии 1992 г. после перевода центробанков бывших союзных республик на корреспондентские отношения с ЦБР), так называемые «технические кредиты». Эти кредиты составили около трети от прироста в 1992 г. чистых внутренних активов ЦБР [Синельников, Трофимов, 1998. С. 186].

Надо отметить, что неудача первой попытки стабилизации экономики не стала таким уж большим сюрпризом для молодых реформаторов. Ещё 27 августа 1991 г. в своём выступлении на семинаре Института экономической политики Е. Гайдар отметил, что трудно рассчитывать на успех первой попытки стабилизации в связи с большими структурными деформациями в советской экономической системе. Ближайшие годы ему представлялись последовательностью инфляционных и стабилизационных эпизодов. Причём периоды стабилизации могли быть использованы для проведения необходимых институциональных реформ.

Действительно, уже в 1992 г. был реализован ряд институциональных реформ, имевших ключевое значение для построения рыночной экономики. Это налоговая реформа, и прежде всего введение НДС. Это проведение малой приватизации и коммерциализации предприятий торговли, общественного питания и сферы обслуживания, а также запуск большой приватизации. Это, наконец, введение единого курса рубля и перевод центральных банков бывших союзных республик на корреспондентские счета, что превращало тему введения национальной российской валюты в вопрос политического выбора.

Тем не менее крах первой российской попытки стабилизации произошёл слишком уж быстро: все «судьбоносные» решения были приняты в короткий период апреля — июля 1992 г. Посмотрим, какие внешние факторы привели к столь быстрому провалу первой стабилизационной программы.

Главным из них стала неспособность реформаторов ввести в министерские структуры достаточное количество образованных и харизматичных специалистов. Действительно, хотя ключевые министерские посты занимали члены команды Гайдара-Чубайса, внутри основных экономических министерств реформаторов практически не было. В министерстве финансов только два заместителя министра были из команды Гайдара: А. Вавилов и С. Игнатьев, который вскоре перешёл в ЦБР. В министерство экономики вместе с А. Нечаевым пришёл его заместителем И. Матеров. Несколько человек из научных учреждений пришло в социальный блок правительства вместе с А. Шохиным. С. Дубинин стал заместителем В. Машица в Министерстве по делам СНГ. С П. Авеном в Министерство внешнеэкономических связей пришёл С. Глазьев, и несколько позже Ю. Петров из новосибирского ИЭиОПП.

В течение 1992–1997 гг. (в период активной фазы экономических реформ) примерно половину этого периода Минфин вообще не контролировался реформаторами (при министрах В. Барчуке в 1992–1993 гг. и В. Панскове (1994–1996 гг.)). Также совершенно необъяснимой выглядит поддержка Е. Гайдаром кандидатуры откровенного противника реформ В. Геращенко при его назначении на должность председателя Центрального банка летом 1992 г.

Неудивительно, что лобисты ВПК, АПК и северных территорий находили поддержку в структурах Минфина и Минэкономики. Этого, однако, было недостаточно для реализации их планов, поэтому все решения о льготном кредитовании принимались под давлением Администрации Президента, которая в это время была сформирована в основном из людей, близких к Б.Н. Ельцину в его период работы в Свердловске, таких как руководитель Администрации Ю. Петров и руководитель секретариата В. Илюшин, т.е. бывших партийных и комсомольских функционеров. В администрации президента в это время не было ни одного профессионального экономиста, а экономические проблемы рассматривались исключительно с точки зрения динамики рейтингов президента в общественном

мнении. Поддержку реформам оказывало только государственно-правовое управление Администрации и его руководители С. Шахрай и Р. Орехов. Лидер реформаторского крыла Администрации государственный секретарь Г. Бурбулис, который вошёл на первом этапе в правительство в качестве первого вице-премьера, быстро потерял своё влияние на президента и до конца 1992 г. был лишён всех государственных постов.

Несспособность (или нежелание) привлечь в правительство квалифицированных экономистов из академических и иных исследовательских институтов определялась несколькими обстоятельствами. Изначально группа экономистов, связанных с Гайдаром, находилась в непростых отношениях с большинством московских молодых экономистов, что было связано с их различными житейскими и профессиональными ориентациями. Большинство молодых московских экономистов, работавших преимущественно в академических институтах, были ориентированы на научные карьеры: публикации, диссертации, продвижение в академической иерархии, зарубежные поездки. Экономистов из группы Гайдара это интересовало в весьма ограниченной степени, они были готовы прикладывать для подготовки программы реформ значительные усилия, которые не приносили им непосредственных академических выгод. Очень многие из них так и не обзавелись докторскими степенями, а некоторые даже кандидатскими.

Дополнительным фактором, ограничивавшим приток молодых профессионалов в правительственные структуры, была шаткость положения реформаторского правительства плюс открывшиеся для них возможности получения иностранных грантов и даже работы за рубежом на финансовых условиях, несопоставимых с условиями работы в российском правительстве. Кадровая ситуация в этом смысле менялась достаточно медленно, только к концу 1990-х гг. в правительственные структурах накопилась критическая масса профессионально грамотных и реформаторски настроенных функционеров.

Во внешнем окружении позиции команды реформаторов оказались слабыми в двух смежных сферах: в средствах массовой информации и в политическом пространстве. В некоторое оправдание реформаторам надо отметить, что Б.Н. Ельцин и его окружение всячески препятствовали попыткам команды реформ проводить собственную информационную политику. Так, проект создания Информационного центра по продвижению повестки экономических реформ, подготовленный осенью 1992 г., был заблокирован М. Полтораниным (совмещавшим в то время посты вице-премьера и министра средств массовой информации).

Работа по созданию политической партии, поддерживающей реформы, была начата с большим запозданием только весной 1993 г. и велась настолько неудовлетворительно, что на выборы в Государственную Думу в декабре 1993 г. вышли четыре реформаторские партии (Выбор России, Яблоко, ПРЕС и РДДР)², а избирательная кампания Выбора России была полностью провалена.

Важным фактором, способствовавшим падению правительства Е. Гайдара, стало обострение конфликта между президентом и парламентом осенью 1992 г. и особенно во время проведения VII Съезда народных депутатов России в первой половине декабря 1992 г. В ходе съезда был достигнут определённый компромисс между Президентом и руководством Верховного Совета России, нашедший свое выражение в Постановлении Съезда «О стабилизации конституционного строя». Отставка правительства Гайдара была элементом этого компромисса. Но народные депутаты РФ не выполнили свою часть компромисса — обязательство по проведению перевыборов — и продолжали работать в прежнем составе и с прежними установками. В итоге это привело сначала к политическому кризису весны 1993 г., а затем и к трагическим событиям осени 1993 г.

² ПРЕС — Партия российского единства и согласия (лидеры — С. Шахрай, А. Шохин и др.), РДДР — Российское движение демократических реформ (лидеры: Г. Попов и А. Собчак).

Реформы Е. Гайдара на фоне Великих реформ

По своей глубине реформы 1990-х гг. вполне могут быть сравнимы с Великими реформами 1860–1870-х гг. Совпадают даже сроки подготовки (созревания) реформ: Александр II пришёл к власти в 1855 г., а Крестьянская реформа была запущена в 1861 г. М.С. Горбачев стал Генеральным секретарём ЦК КПСС в 1985 г., а рыночные реформы были начаты в 1991 г. Концепции реформ также сформировались не сразу, а в процессе обсуждения в правительстве и обществе.

Главная разница между этими реформами состоит в том, что Александр II сразу наметил главную цель Крестьянской реформы — отмену крепостного права — и неуклонно ей следовал, преодолевая сопротивление консервативных кругов. В то время как Горбачев вообще не понимал, что станет финальным результатом реформ, развивал тезис «больше социализма», боялся принимать радикальные решения и своими метаниями только углублял разворачивающийся в стране политический и экономический кризис.

Для разработки положений Крестьянской реформы в 1859 г. был создан эффективный вневедомственный рабочий орган: Редакционные комиссии, которые фактически докладывали результаты своей работы непосредственно Государю. Разработанный Редакционными комиссиями проект Крестьянской реформы практически без изменений вошёл в Положение 19 февраля 1861 г. и был блестяще реализован.

Аналогичный орган, созданная в 1989 г. Государственная комиссия по экономической реформе, имел несравненно более низкий аппаратный статус, а разработанные этой Госкомиссией вполне разумные предложения по стабилизации и реформированию экономики не были реализованы высшим советским руководством из-за нерешительности и некомпетентности. В результате всех затяжек реформу 1992 г. пришлось проводить в условиях острого финансового кризиса и практически полного паралича государственных структур, последовавшего за распадом СССР.

Наконец, последний элемент сходства: главный идеолог Крестьянской реформы Н. Миллютин так и не смог избавиться от приставки и.о. к должности заместителя министра внутренних дел и был уволен непосредственно после запуска реформы. Главный идеолог экономической реформы 1992 г. Е. Гайдар также не смог избавиться от приставки и.о. председателя правительства и также был уволен в тот момент, когда были уже запущены основные системные реформы.

Обе отставки были вынужденными и представляли собой меры по умиротворению консервативных кругов. Однако ни та, ни другая отставка не смогли развернуть ход реформ. Назначенный в 1861 г. на должность министра внутренних дел в качестве компромиссной фигуры П. Валуев продолжил реализацию крестьянской реформы, провёл земскую реформу и сыграл важную роль в доведении до конца военной реформы. Также и В. Черномырдин, несмотря на свои идеиные колебания, оказался в состоянии продолжить проведение реформ, хотя финансовая политика возглавляемых им кабинетов привела в конечном счёте к тяжёлому кризису 1998 г.

Заключение

Анализ подготовки программ перехода к рынку показывает, что первые серьёзные предложения на этом направлении были сделаны участниками команды Гайдара–Чубайса уже в 1984–1986 гг., задолго до начала подготовки правительственные программы. Эти предложения были отвергнуты властями как слишком радикальные.

Вместо радикальных изменений хозяйственного механизма партия и правительство ограничивались эффектными, но частными изменениями (закон об индивидуальной трудовой деятельности, законодательство о кооперации) и быстро наращивали бюджетный

дисбаланс. В результате к 1989 г. речь шла уже не только об экономических преобразованиях, но и о финансовой стабилизации, что серьёзно осложняло проведение реформ.

Созданная в 1989 г. Государственная комиссия по экономической реформе предложила весьма разумный проект экономических реформ, который был отвергнут руководством СССР, но впоследствии лёг в основу программы «500 дней».

Общественное обсуждение вопросов экономических реформ позволило существенно расширить состав профессиональной команды, разделявшей идеи рыночных реформ. Важным элементом в структуризации программы реформ стало её обсуждение с ведущими западными экономистами в 1990 г. в рамках проекта «Экономическая реформа и интеграция».

Стихийный распад СССР после неудавшегося государственного переворота в августе 1991 г. серьёзно переформатировал политический контекст проведения экономических реформ. Большой заслугой Гайдара и его единомышленников стала выработка формулы цивилизованного развода республик. Её реализация позволила избежать крупных вооружённых конфликтов и обеспечить формирование единого экономического и политического пространства на большей части территории бывшего СССР.

Разработанная в октябре 1991 г. группой Гайдара программа реформ и финансовой стабилизации уже в середине 1992 г. потерпела неудачу на главном направлении: не удалось добиться сбалансированности бюджета и остановить инфляцию, хотя некоторые важные структурные реформы были осуществлены (начало программы приватизации, налоговая реформа, переход к внутренней конвертируемости рубля). Неудачный старт программы реформ и отставка Гайдара с поста и.о. председателя Правительства положили начало трудному периоду постепенных структурных реформ и попыток финансовой стабилизации, продолжавшихся до конца 1990-х гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Система мер по подготовке стабилизации экономики России³

Консолидация бюджета РСФСР и СССР

В настоящее время около половины расходов союзного бюджета осуществляется за счёт различных форм денежной эмиссии. Вопрос о финансировании наиболее существенной части союзных расходов (оборона) в договоре об экономическом сообществе обойдён. Россия заинтересована в том, чтобы другие республики взяли на себя хотя бы часть финансового бремени, связанного с финансированием союзных вооружённых сил, но шансы на то, что такие договорённости удастся обеспечить и что они будут соблюдаться, невелики. При любых обстоятельствах Россия не может снять с себя ответственность за финансирование существенной части расходов, покрываемых в настоящее время из союзного бюджета, в том числе оборонных, хотя бы в масштабах, необходимых для упорядоченной демилитаризации экономики.

В условиях единой рублёвой зоны распределение дефицита бюджетов между РСФСР и СССР имеет чисто политическое значение, на масштабы инфляции не влияет. Даже полная ликвидация дефицита бюджета РСФСР, не учитывая союзную составляющую, почти ничего не даёт для обеспечения эффективного контроля совокупного спроса. Отсюда необходимость срочной организации работы по подготовке консолидированного

³ Из архива автора. Документ подготовлен в посёлке Архангельское на даче №15 в период с 15 по 20 октября 1991 г. Автор неизвестен. Судя по стилю документа можно предположить, что, по крайней мере, его финальную правку делал Е.Гайдар.

бюджета РСФСР, включающего часть расходов союзного бюджета, которую России придется взять на себя.

В организационном плане это потребует интеграции существующих структур министерств финансов СССР и РСФСР. В настоящее время, когда финансовые трансферты из других союзных республик крайне незначительны, разделение этих органов стало явно искусственным. Если и когда республики договорятся о согласованной схеме финансирования деятельности экономического сообщества и военно-политического союза, эти структуры смогут создать свои собственные финансовые службы.

Налоговая реформа

Неизбежное принятие Россией на себя части бюджетных расходов, которые в настоящее время покрываются из эмиссионных источников, делает проблему дефицита консолидированного бюджета РСФСР особенно острой. При сохранении сложившихся тенденций динамики налога с оборота и дотаций дефицит в следующем году превысит 20% ВНП. Существующая структура налогов к условиям начавшейся высокой открытой инфляции не приспособлена. Сокращение доли доходов государства в ВНП при ускорении роста цен (эффект Танци) с 1991 г. оказывает определяющее влияние на макроэкономическую ситуацию. Отсюда необходимость срочной налоговой реформы, позволяющей перестроить налоговую систему в соответствии с принципами, применяемыми в современных рыночных экономиках, и адаптировать её к условиям открытой инфляции. Реформа должна обеспечить темпы роста доходов бюджета больше/равное темпам роста цен.

Стержень перестройки налоговой системы — замена налога с оборота и налога с продаж налогом на добавленную стоимость и системой акцизов. В качестве основы можно использовать соответствующие разделы документов, подготовленных ВС РСФСР, а также проработки союзного Минфина. Вместе с тем, учитывая неизбежное резкое снижение реального объема поступлений по ряду налоговых статей при ускорении роста цен, придется существенно повысить налоговые ставки по сравнению с ними. Параллельно придется пересмотреть непропорционально разросшуюся систему налоговых льгот, отменив их подавляющую часть (за исключением льгот по подоходному налогу с населения). На основе анализа перспектив консолидированного бюджета РСФСР могут быть определены возможности общего снижения (отмены) налогов на прибыль, изменения отчислений на социальное страхование и повышения необлагаемого минимума доходов населения.

Цены и социальные компенсации

Опережающий рост оптовых цен по сравнению с розничными последние месяцы (август 1991 г. к августу 1990 г.: оптовые — 254%, розничные — 199,5%) — важнейший фактор нарастающего развала денежной системы. Введение налога на добавленную стоимость неотделимо от размораживания цен, по меньшей мере позволяющего привязать динамику розничных цен к изменению оптовых. Параллельно необходимо ликвидировать подавляющую часть субсидий и дотаций, не имеющих в настоящее время какого-либо социально-экономического смысла.

Размораживание цен непосредственно не затронет уровень реальных доходов населения (он определяется поставками потребительских товаров на рынок), но существенно изменит соотношение цен и номинальных доходов. Учитывая неизбежную в ближайшие месяцы неопределенность в вопросе о будущем рубля, колебания спроса на деньги, надежда стабилизировать цены сразу после их размораживания при любой бюджетной политике была бы нереалистичной. Отсюда неминуем компенсирующий рост денежных доходов населения.

Низкий уровень долларизации экономики, слабая зависимость внутренних цен от валютного курса, неприспособленность всех экономических институтов к условиям

высокой открытой инфляции будут сдерживать темпы её разгона. Принципиальная задача этапа между либерализацией цен и финансовой стабилизацией — не допустить появления мощной инфляционной инерции, максимально ограничить масштабы индексации. Отсюда принципиальная значимость внесения коррективов и по меньшей мере отсрочки принятия подготовленного закона об индексации (в современном виде он способен развалить финансовую систему не только России, но Японии). Общий подход здесь диктуется логикой экономической ситуации: чёткая увязка схемы индексации за счёт бюджета с его реальными доходами, ориентация в первую очередь на сохранение реального уровня выплат из системы социального обеспечения и постепенное подтягивание фиксированных доходов к доходам в рыночном секторе экономики.

В настоящее время расходы бюджета на социальные нужды нейтральны по отношению к складывающейся дифференциации денежных доходов населения. Существенного перераспределения в пользу низкодоходных групп они не обеспечивают. Их перестройка, свёртывание универсальных, безадресных программ (дотаций), перераспределение финансовых ресурсов на поддержку наиболее нуждающихся — предпосылка сохранения хотя бы минимального уровня политической стабильности в условиях размораживания цен.

Сложность ситуации состоит в том, что две трети населения России живёт ниже черты бедности (прожиточного минимума, рассчитанного на основе достаточного умеренных критериев). Требования профсоюзов и популистских лидеров довести уровень всех минимальных выплат (заработной платы, пенсии и др.) до прожиточного минимума нереализуемы даже теоретически.

Основное внимание в этих условиях должно быть сосредоточено на создании условий для выживания беднейших групп населения. Эффективными здесь могут оказаться формы прямой (натуральной) поддержки этих групп, механизмы прямого доступа к потребительским рынкам (продовольственные купоны) и строго целевое дотирование основных видов расходов малоимущих (транспорт, жильё). Необходимо направить на эти цели и подавляющую часть иностранной продовольственной помощи, увязав её с системой продовольственных купонов. Учитывая уровень коррупции в отечественных товаропровозящих структурах, целесообразно привлечь западные организации к непосредственному управлению программами продовольственной помощи, совместив её начало по времени с либерализацией цен.

Наиболее существенные организационные проблемы, связанные с размораживанием различных цен: подготовка закона (указа) о порядке применения свободных цен (за основу можно взять польский вариант 1990 г., адаптируя его к отечественным условиям); снятие барьеров на пути рыночного ценообразования, формируемых бюрократическими структурами государственной торговли; определение набора продуктов и услуг, на которые придётся сохранить государственные цены (связь, железнодорожный и авиационный транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, нефть и нефтепродукты), а также масштабы повышения этих цен.

Необходимое условие проведения политики социальной защиты — выявление наиболее уязвимых групп населения и подготовка программы социального мониторинга уровня жизни этих групп.

Открытие экономики и реформа регулирования внешнеэкономической деятельности

Система лицензирования экспортно-импортных операций в России (как это часто бывает в развивающихся странах) быстро становится одним из важнейших очагов коррупции. Экономических причин, обуславливающих целесообразность её сохранения, не существует. Необходимо оперативно подготовить отмену лицензирования экспорта (за исключением экспорта вооружений), заменив её системой таможенных сборов на вывоз сырья

и энергоносителей, выплачиваемых в конвертируемой валюте. Постепенное снижение этих налогов, сближение внутренних цен на сырьё и энергоносители с ценами мирового рынка позволит отечественной обрабатывающей промышленности адаптироваться к принципиально иным ценовым пропорциям.

При экспорте сырья и энергоносителей в бывшие союзные республики им можно предоставлять налоговые льготы (замена платежей в СКВ оплатой в рублях, снижение ставок, освобождение от налогов) на основе специальных соглашений, учитывающих интересы РСФСР (соглашение о взаимных поставках, отсутствие ограничений и запретов на поставки в Россию хлопка, мяса, зерна, растительного масла, сахара, жмыхов, шрот и т.д.).

Снижение и унификацию налогов на импорт, позволяющие выровнять условия налогообложения отечественных и импортных товаров, также целесообразно увязать по срокам с размораживанием цен.

Снятие административных ограничений на пути к внешнеторговой деятельности, легализация валютного рынка и последовательное увеличение доли валюты, реализуемой через рыночные каналы, ступенчатая (помесячная) девальвация коммерческого курса рубля должны подготовить основу обеспечения его конвертируемости после проведения денежной реформы.

Банковская политика

Линия Центрального банка России на протяжении последнего года была последовательно проинфляционной, привела к формированию масштабной системы мелких коммерческих банков, подавляющее большинство которых было бы признано неликвидными и закрыто в любой развитой капиталистической стране. Система цивилизованного банковского контроля за их деятельностью не сформирована. Произвольные манёвры с нормой резервирования и распределение дешёвых кредитов объективно становятся источником коррупции. Система автоматического кредитования коммерческих банков центральным банком порождает полную финансовую безответственность. Необходимо срочно унифицировать резервные требования, существенно повысить ставку процента по кредитам Центрального банка, организационно и технически обеспечить изменения механизма расчётов, исключающие автоматизм кредитования. Параллельно, в тесном взаимодействии с экспертами Мирового Банка должна быть начата работа по реструктуризации системы коммерческих банков и формированию эффективной системы банковского контроля.

Денежная политика

В ближайшей перспективе добиться формирования на межреспубликанской основе банковских органов, способных взять на себя ответственность за проведение последовательной политики и неизбежно связанные с ней социальные издержки (закрытие предприятий, рост безработицы и т.д.), представляется невозможным. В этой ситуации введение российской республиканской валюты становится необходимым условием стабилизации экономики. Институциональная денежная реформа — технически сложное и дорогостоящее мероприятие. Срок, требуемый для её подготовки — не менее 9 месяцев.

В порядке её подготовки необходимо установить российский контроль за расположеными на территории России предприятиями Гознака СССР, выделить необходимые для завершения их реконструкции валютные ресурсы (около 50 млн долл.), разместить на них заказ на печатание новых российских банкнот (предельно упрощённый вариант). Параллельно придётся начать перестройку механизма расчётов с другими республиками (перевод на корреспондентские счета), технически подготовить механизм обмена денег (порядок и масштабы конверсии союзных денег в российские; категории граждан, имеющих право на обмен по официальному курсу; порядок регулирования межреспубликанских денежных трансфертов в период, предшествующий денежной реформе; масштабы

и порядок предоставления союзным республикам кредитов для обеспечения текущих платежей, создание инфраструктуры обмена республиканских валют по плавающему курсу и т. д.). Если удастся — договориться с другими республиками (в первую очередь с Украиной) о координации действий по введению республиканских валют по плавающему курсу и т.д.

Поддержание стабильности новых российских денег предполагает:

- предшествующее устранение основных диспропорций в области финансовых потоков. Если в период между либерализацией цен и институциональной денежной реформой такие диспропорции будут воспроизведены, её придётся сочетать с дополнительными мерами по сокращению бюджетного финансирования дотаций и субсидий;
- сокращение в ходе реформ отношения денежной массы к объёму валового национального продукта до уровня, характерного для конца 70-х — начала 80-х годов;
- введение внутренней конвертируемости рубля, поддержание устойчивости его фиксированного курса после резкой девальвации (до уровня 70-80% свободного рыночного курса перед реформой).

Обеспечение конвертируемости рубля, совпадающее по времени с денежной реформой, важно не только как создание номинального регулятора антиинфляционной политики (в этой роли в условиях закрытой экономики она будет сравнительно малоэффективной), но и в первую очередь для облегчения межреспубликанских расчётов. Вопрос о выборе курса нового рубля к доллару — одна из наиболее сложных технических проблем предстоящей стабилизации. Её придётся решать, исходя из динамики номинальной заработной платы после размораживания цен и возможностей создания валютных резервов.

Приватизация

Популистские принципы — бесплатное распределение государственной собственности среди населения с помощью именных инвестиционных счетов и увлечение льготной продажей акций предприятий их работникам, заложенные в законе РСФСР о приватизации, в преддверии стабилизации экономики и серьёзной экономической реформы неуместны. Придётся приостановить реализацию нормативных актов, принятых в исполнение этого закона. Необходимо привлечь ведущие западные банки к организации процесса приватизации на постоянной основе. Особенно важно привлечение иностранного капитала к так называемой «большой приватизации» — приватизации крупных государственных предприятий.

В течение 6-9 месяцев необходимо начать широкое акционирование крупных государственных предприятий и параллельно через Фонд государственных имуществ начать массовую продажу акций физическим лицам и частным компаниям. «Малая приватизация» в сфере торговли и услуг, а также небольших промышленных предприятий должна быть проведена в кратчайшие сроки.

В рамках программ технической помощи необходимо привлечь иностранных экспертов к разработке и реализации механизмов регулирования приватизации жилья. Продажа недвижимости и жилья государственными организациями иностранным фирмам и совместным предприятиям должна осуществляться исключительно на основе открытых конкурсов.

Инвестиционная и структурная политика

В условиях резкого сокращения инвестиций (как централизованных, так и децентрализованных), ограниченные инвестиционные ресурсы республики должны быть сконцентрированы на развитии производства тех видов продукции, по которым велика зависимость от поставок из других республик и по которым отсутствуют эффективные возможности замены импортом.

Централизованные инвестиции необходимо также сосредоточить в тех отраслях инфраструктуры, где «узкие места» имеют хронический и легко идентифицируемый характер. Специальные антикризисные программы должны быть разработаны для регионов, в которых будет устойчиво сокращаться производство (оборонная промышленность, инвестиционное машиностроение). Такие программы должны включать организацию некапиталоёмких рабочих мест (общественные работы), а также поддержку малого предпринимательства.

Текущие задачи жизнеобеспечения в зимних условиях

В ближайшие месяцы центр тяжести в жизнеобеспечении неизбежно падёт на административно-организационные меры. Учитывая глубину экономического кризиса, важно предельно ограничить круг задач, которые можно решать, опираясь на механизмы государственной власти. Это, в первую очередь, обеспечение надёжного теплоснабжения и обеспечение населения продовольствием.

В этой связи необходимо:

- создать условия для свободной закупки и продажи продовольствия любыми магазинами и частными лицами (с открытием расчётных счетов в банках, разрешением торговли на улицах и т.п.), поощрять закупку у фермеров и частных производителей продовольствия;
- развернуть оказание продовольственной помощи на основе системы продовольственных купонов;
- проверить состояние военно-мобилизационного планирования, предусмотренных им систем организационного обеспечения снабжения населения в экстремальных условиях, управления движением товаропотоков, состояние государственных резервов. Привести их готовность к использованию при неблагоприятном развитии ситуации. Сконцентрировать часть продовольственных ресурсов, получаемых в рамках международной помощи, на военных складах, создав возможность оперативного манёвра и их перераспределения в те регионы, где положение может стать действительно критическим (по всей видимости, Урал, Восточная Сибирь, Северное Поволжье);
- составить и довести графики отключения производств при низких температурах, перераспределения энергии на нужды жилищно-бытового хозяйства и жизнеобеспечивающих производств.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев О.И., Гайдар Е.Т., Герасимович В.Н., Шаталин С.С. (1986). Некоторые теоретические проблемы совершенствования хозяйственного механизма на современном этапе // Сборник трудов ВНИИСИ. Вып. 6. С. 4–22.
- Васильев С.А. (1991). *Хозяйственные реформы в Югославии: развитие и кризис экономического самоуправления*. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Университета экономики и финансов.
- Васильев С.А. (2025). Экономические реформы в России 90-х гг.: формирование команды и идеологии реформаторов // Вопросы теоретической экономики. № 4. С. 158–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_158_179.
- Васильев С.А., Львин Б.М. (1989). Социальные механизмы экономической реформы и характер переходного процесса // Постижение / Под ред. Ф.М. Бородкина, Л.Я. Косалса, Р.В. Рыжиковой. — М.: Прогресс. С. 409–421.
- Васильев С.А., Одиг Н.Ю. (2003). Стабилизационные программы в России // Сравнительный анализ стабилизационных программ 90-х гг. / Под редакцией С.Васильева. — М.: Гендальф. С. 199–240.
- Васильев С.А., Ярмагаев Ю.В. (1987). Хозрасчётный механизм управления производством: теоретические основы и предпосылки внедрения // Проблемы целостной концепции управления промышленностью. Сб. науч. тр. / Редколл. А.Б. Чубайс (гл. ред.) и др. — Ленинград: ЛИЭИ. С. 36–50.
- Девяностые — годы тягот, надежд и свершений. (2019). — М.: Социум.

- Игнатьев С.М. (1987). Перестройка системы распределения доходов предприятий и финансово-кредитных отношений. // *Проблемы целостной концепции управления промышленностью: Сб. науч. тр.* / Редколл. А.Б. Чубайс (гл. ред.) и др. — Ленинград: ЛИЭИ. С. 79–111.
- Кротов Н.И. (2019). *Акела промахнулся, запускайте Берлагу. Попытка понять смысл экономических реформ 1980-х годов.* — М.: Товарищество научных изданий КМК.
- May В.А. (2025). Экономические реформы в СССР: последний акт (1985–1991). К 40-летию перестройки // *Вопросы экономики.* № 7. С. 49–81. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-7-49-81
- Меморандум об экономической политике Российской Федерации (1992). Архив Егора Гайдара. URL: <http://gaidar-arc.ru> (дата обращения 05.09.2025).
- Переход к рынку. Концепция и Программа. (1990). Рабочая группа, образованная совместным решением М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, авг. 1990 г. / Подгот. С. Шаталин и др. — М.: «Архангельское».
- Проблемы целостной концепции управления промышленностью (1987). Сб. науч. тр. / Редколл. А.Б. Чубайс (гл. ред.) и др. — Ленинград: ЛИЭИ.
- Синельников С., Трофимов Г. (1998). Проблемы макроэкономической политики на этапе либерализации экономики // Экономика переходного периода: очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997 / Рук. авт. колл. Е.Т. Гайдар. — М.: Институт экономических проблем переходного периода. С. 176–194.
- Смирнов С.В. (2012). *Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012.* — М.: Изд. дом ВШЭ.
- Сравнительный анализ стабилизационных программ 90-х годов. (2003) / Под ред. С.А. Васильева. — М.: Гендальф.
- Цели политики Правительства в 1992 году. (1993). Доклад Рабочего Центра экономических реформ. — М.: Бюллетень РЦЭР, февраль 1993 г. — М.: б/и.
- Экономика переходного периода: очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997. (1998) / Рук. авт. кол. Е. Гайдар. — М.: Ин-т экономических проблем переходного периода.
- Явлinsky Г.А., Михайлова А.Ю., Задорнов М.М. (1990). *400 дней доверия.* — М.: Недра.
- Яник А.А. (2012). *История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999).* — М.: Фонд современной истории, Изд-во Московского университета.
- Aven P. (1991). Economic policy and the reforms of Mikhail Gorbachev: A Short history // *What is to be Done: Proposals for the Soviet Transition to the Market* / M.J. Peck and T.J. Richardson (eds.). — New Haven, Connecticut. Pp. 179–206.
- Chubais A.B., Vasiliev S.A. (1990). Privatization in the USSR: Necessary for Structural Change // *Economic Reform and Integration*, Proceedings of 1–3 March 1990 Meeting. CP-90-4. — Laxenburg, Austria: IIASA. Pp. 59–67.
- Economic Reform and Integration. (1990). Proceedings of 1–3 March 1990 Meeting. CP-90-4 // Eds. P.O. Aven, S.S. Shatalin, F. Schmidt-Bleek. — Laxenburg, Austria: IIASA.
- Yavlinsky G.A. (1990). Program of Economic Reform: Popular Support, Stabilization, Restructuring. // *Economic Reform and Integration*, Proceedings of 1–3 March 1990 Meeting. CP-90-4. — Laxenburg, Austria: IIASA. Pp. 23–34.

REFERENCES

- Ananyin O.I., Gaidar Ye.T., Gerasimovich V.N., Shatslin S.S. (1986). Some theoretical problems of improving economic mechanism at the present stage // *Collection of works of the All-Union Institute of Systems Research.* Iss. 6. Pp. 4–22 (In Russ.).
- Aven P. (1991). Economic policy and the reforms of Mikhail Gorbachev: A Short history// *What is to be Done: Proposals for the Soviet Transition to the Market* / M.J. Peck, T.J. Richardson (eds.). — New Haven, Connecticut. Pp. 179–206.
- Chubais A.B., Vasiliev S.A. (1990). Privatization in the USSR: Necessary for Structural Change // *Economic Reform and Integration*, Proceedings of 1–3 March 1990 Meeting. CP-90-4. — Laxenburg, Austria: IIASA. Pp. 59–67.
- Comparative analysis of stabilization programs of the 90s. (2003). / Ed. S.A. Vasiliev. — M.: Gendalf. (In Russ.).
- Economic Reform and Integration. (1990). Proceedings of 1–3 March 1990 Meeting. CP-90-4 // Eds. P.O. Aven, S.S. Shatalin, F. Schmidt-Bleek. — Laxenburg, Austria: IIASA.
- Economics of transition. Essays on the economic policy of post-communist Russia, 1991–1997. (1998). / Ed. E.T. Gaidar. — M.: Institute of Economy in transition. (In Russ.).
- Ignatiev S.M. (1987). Reorganization of the distribution of income of enterprises and of financial and credit relations // *Problems of a holistic concept of industrial management.* — Leningrad: Leningrad Institute of Economy and Engineering. Pp. 79–111. (In Russ.).
- Krotov M.I. (2019). *Akela missed, launch Berлага. An attempt to understand the meaning of economic reforms of 80s.* — M.: Tovarishchestvo nauchnyh izdaniy KMK. (In Russ.).
- Mau V.A. (2025). Economic reforms in the USSR: the last act (1985–1991) // *Voprosy ekonomiki.* №7. Pp. 49–81. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-7-49-81 (In Russ.).

- Memorandum on Economic Policy of the Russian Federation.* (1992). Yegor Gaidar Archive. URL: <http://gaidar-arc.ru> (access date: 05.09.2025). (In Russ.).
- Problems of a holistic concept of industrial management* (1987). / A.B. Chubais et al. (eds.). — Leningrad: Leningrad Institute of Economy and Engineering. (In Russ.).
- Sinelnikov S., Trofimov G. (1998). Problems of macroeconomic policy at the stage of economic liberalization // *Economics of Transition* / Ye.T. Gaidar (ed.). — M.: Institute of economy in transition. Pp. 176–194 (In Russ.).
- Smirnov S.V. (2012). *Dynamics of industrial output and economic cycle in the USSR and Russia. 1861–2012.* — M.: HSE Press. (In Russ.).
- The nineties — years of hardship, hopes, and accomplishments.* (2019). — Moscow: Socium. (In Russ.).
- The objectives of the government's policy in 1992* (1993). *Report of the Working Centre for economic reforms.* Bulletin of WCER, February. — Moscow. (In Russ.).
- Transition to the market. Concept and Program.* (1990). Working group by decision of M.S. Gorbachev and B.N. Yeltsin, Aug. 1990 / S. Shatalin et al. — M.: «Arkhangelskoe». (In Russ.).
- Vasiliev S.A. (1991). *Economic reforms in Yugoslavia: development and crisis of easels-management system.* — Saint-Petersburg: Saint Petersburg Univ. of Economy and Finance. (In Russ.).
- Vasiliev S.A. (2025). Economic Reforms in Russia in the 1990s: Forming a Team and Ideology of Reformers // *Voprosy teoretycheskoy ekonomiki.* No. 4. Pp. 158–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_158_179.
- Vasiliev S.A., Lvin B.M. (1989). Social mechanisms of the economic reform and the nature of transition // *Postizhenie /* Eds. F.M. Borodkin, L.Y. Kosals, R.V. Ruvkina. — M.: Progress. Pp. 409–421 (In Russ.).
- Vasiliev S.A., Oding N.Yu. (2003). Stabilization programs in Russia // *Comparative analysis of the stabilization programs of the 90s.* — M.: Gendalf. Pp. 199–240. (In Russ.).
- Vasiliev S.A., Yarmagaev Yu.V. (1987). Self-accounting mechanism in the production management: theoretical foundations and prerequisites for implementation// *Problems of a holistic concept of industrial management.* — Leningrad: LIEE. Pp. 36–50. (In Russ.).
- Yanik A.A. (2012). *History of modern Russia: origins and lessons of the latest Russian modernization.* — M.: Fond sovremennoy istorii, Moscow State Univ. (In Russ.).
- Yavlinsky G.A. (1990). Program of Economic Reform: Popular Support, Stabilization, Restructuring. // *Economic Reform and Integration*, Proceedings of 1–3 March 1990 Meeting. CP-90-4. — Laxenburg, Austria: IIASA. Pp. 23–34.

Васильев Сергей Александрович

savasliev.78@gmail.com

Sergey Vasiliev

Doctor of Economics, Professor, E.T. Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow)

savasliev.78@gmail.com

ECONOMIC REFORM PROGRAMS AND THE LAUNCH OF ECONOMIC REFORM IN RUSSIA

Abstract. The article contains analysis of the programs of economic reforms developed in the USSR and Russia in 1984–1992. Early programs were based mainly on the experience of reforms in Yugoslavia and Hungary and assumed gradual introduction of market mechanisms while preserving for time being Soviet political system. However, the political liberalization, which accompanied the “perestroika” process and the rapid growth of fiscal imbalances, led to the revision of the concept of phased transition to market in favor of radical and fairly rapid economic reforms, which was reflected in the economic program “500 days”. In 1991 after the collapse of the Soviet Union a group of young economists led by Yegor Gaidar proposed a program of market transformation, which was launched early in 1992. Despite some successes in the implementation of the program, it nevertheless failed in its main direction: financial stabilization was not carried out and the country entered a protracted period of high inflation.

Keywords: Soviet economic reform programs in the 80s, gradual and radical reforms, reform program of Gaidar, economic reforms of Gaidar.

JEL: A11, A22, B25, B30, B52.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О.А. Кислицына

д.э.н., главный научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: «ЛЕКАРСТВО» ИЛИ «ЯД»?

Аннотация. Стоимость медицинского обслуживания населения увеличивается по всему миру из-за роста населения, старения, распространения хронических заболеваний, расширения доступа к медицине и удорожания технологий и препаратов. На этом фоне всё большее значение приобретает искусственный интеллект (ИИ). ИИ применяется в диагностике, разработке лекарств, хирургии, административных процессах, реабилитации, индивидуализации лечения и в удалённой медицине. Он ускоряет процессы, снижает затраты, повышает точность и качество лечения. Однако его использование вызывает споры. Цель исследования – выявить преимущества и риски применения ИИ в здравоохранении на основе анализа публикаций на русском и английском языках. Установлено, что внедрение ИИ в здравоохранение обеспечивает различные медицинские (поддержка принятия решений, персонализированное лечение, прогнозирование заболеваний, повышение точности хирургии, помочь в сфере психического здоровья), экономические и социальные преимущества (снижение расходов, повышение доступности, автоматизация задач, ускорение диагностики, расширение возможностей для пациентов через носимые устройства). Риски ИИ можно сгруппировать как этические и политico-правовые (возможные ошибки и отсутствие ответственности, потеря эмпатии, чрезмерная зависимость от ИИ, угрозы конфиденциальности и национальной безопасности, отсутствие правовой базы и стандартов регулирования), социально-экономические (высокие затраты на внедрение, риск усиления неравенства и цифрового разрыва, сопротивление со стороны как врачей, так и пациентов), технологические (ограниченность и предвзятость данных, недостаточная прозрачность и надёжность моделей, трудности интеграции в клиническую практику). Таким образом, ИИ имеет огромный потенциал в здравоохранении, но его внедрение связано с серьёзными вызовами. Поскольку риски пока преобладают, его использование должно быть поэтапным, с чётким контролем, ограничением этическими и правовыми рамками.

Ключевые слова: искусственный интеллект, здравоохранение, медицинские технологии, преимущества, недостатки.

JEL: I11, I18, M15, O14, O31

УДК: 614.2, 004.89

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_215_227

© О.А. Кислицына, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кислицына О.А. Искусственный интеллект в здравоохранении: «лекарство» или «яд»? // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 215–227. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_215_227.

FOR CITATION: Kislytsyna O. Artificial Intelligence in Healthcare: «Medicine» or «Poison»? // Voprosy teoricheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 215–227. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_215_227.

Введение

Стоимость медицинского обслуживания населения продолжает неуклонно расти во всём мире. Это объясняется: 1) ростом населения, создающим дополнительную нагрузку на системы здравоохранения, требуя расширения инфраструктуры и ресурсов; 2) старением населения, дополнительно увеличивающим потребность в профилактике, лечении хронических заболеваний и уходе за пожилыми людьми; 3) распространённостью заболеваний, требующих больше ресурсов для их диагностики, лечения и реабилитации; 4) расширением доступности здравоохранения, повышением уровня информированности людей и развитием технологий, что стимулирует спрос на услуги; 5) ростом цен на медицинские препараты, оборудование и услуги, так как инновационные лекарства, передовые технологии и специализированное оборудование требуют значительных инвестиций, отражающихся на конечной стоимости процедур и медикаментов.

На фоне этих сложных процессов на помощь приходят инновационные технологии, в том числе искусственный интеллект, открывающие новые возможности для управления расходами и повышения доступности качественной медицинской помощи для всех. Искусственный интеллект (ИИ) — это программное обеспечение, позволяющее компьютерам анализировать данные и принимать решения, подобно человеку [Nahet, Tremblay, 2017].

Конечной целью разработчиков ИИ является создание компьютерного программного обеспечения, способного к сверхчеловеческому обучению, мышлению, реагированию, адаптации, рассуждению и, в конечном счёте, решению проблем [Izere, Sibomana, 2024]. Впервые ИИ появился в 1950-х гг. и первоначально основывался на простых правилах «если..., то...» [Kaul, Enslin, Gross, 2020]. С тех пор программы на основе ИИ постоянно совершенствуются и за последние несколько десятилетий превратились в мощный инструмент, трансформирующий сектор здравоохранения, обещая революцию в диагностике, лечении, управлении ресурсами и профилактике заболеваний. На сегодняшний день ИИ используется в первую очередь для повышения скорости и точности в сфере здравоохранения. Некоторые примеры использования ИИ в этой области приводятся в [Куракова, Цветкова, Черченко, 2020; Ламоткин и др. 2023; Морозов, Омельяновский, 2024; Al Kuwaiti et al., 2023; Maleki Varnosfaderani, Forouzanfar, 2024; Аликперова, 2024; Rahman et al., 2024]. Это:

- ▶ *диагностика пациентов.* ИИ может анализировать медицинские изображения (рентгеновские снимки, МРТ, КТ), помогая в раннем выявлении и диагностике заболеваний;
- ▶ *открытие и разработка лекарственных препаратов.* ИИ ускоряет процесс открытия лекарственных препаратов, анализируя обширные наборы данных для выявления потенциальных кандидатов на лекарственные препараты и прогнозирования их эффективности;
- ▶ *административная эффективность.* ИИ оптимизирует административные задачи, такие как выставление счетов и составление расписаний, сокращая объём бумажной работы и повышая общую эффективность работы в организациях здравоохранения;
- ▶ *уход и наблюдение за пациентами.* ИИ может оказывать виртуальную помощь и поддержку пациентам, например, отвечать на вопросы, напоминать о тех или иных медицинских процедурах, приёме лекарств, контролировать показатели жизнедеятельности. ИИ может анализировать данные с носимых датчиков для обнаружения падений или других чрезвычайных ситуаций;
- ▶ *разработка индивидуальных планов лечения.* ИИ может анализировать данные пациента (историю болезни, генетическую информацию, образ жизни) для созда-

ния индивидуальных планов лечения. Также он может прогнозировать реакцию пациента на различные варианты лечения, помогая врачам принимать более обоснованные решения;

- **медицинская робототехника.** ИИ используется в роботизированной хирургии для повышения точности и минимизации инвазивности. ИИ также играет роль в разработке других медицинских роботов для решения таких задач, как реабилитация и уход за пациентами;
- **улучшение доступности здравоохранения.** Использование ИИ позволяет улучшить доступность здравоохранения, особенно в отдалённых или недостаточно обслуживаемых районах. Виртуальные помощники на базе ИИ также могут предоставлять основную медицинскую информацию и поддержку пациентам, у которых может быть затруднён доступ к медицинским учреждениям.

Несмотря на очевидную полезность, применение ИИ в здравоохранении стало предметом споров среди многих учёных. Цель данного обзора — изучить преимущества и недостатки применения ИИ в здравоохранении; возможности и риски, которые он может представлять в этой области.

Материалы и методы

Для выполнения поставленной цели был проведён поиск публикаций из открытых научных источников в базах данных PubMed, Google Scholar, связанных с ИИ в здравоохранении и медицине, например, об истории применения ИИ, его положительном и отрицательном влиянии на здравоохранение и т.п. Для данного обзора были выбраны публикации, написанные на русском и английском языке.

Результаты

Проведённый обзор выявил широкий спектр преимуществ использования ИИ в здравоохранении и возможных рисков.

Преимущества применения ИИ в здравоохранении

Внедрение ИИ в здравоохранение обеспечивает различные медицинские, экономические и социальные преимущества [Chustecki, 2024; Shaheen, 2021].

Медицинские преимущества

Прогнозирование рисков и заболеваний

ИИ способен прогнозировать возникновение заболеваний высокого риска [Rysavy, 2013] и оценивать степени риска среди пациентов по определённым болезням или несчастным случаям [Rajkomar *et al.*, 2018; Shimabukuro *et al.*, 2017]. Например, модель Google DeepMind предсказывает риск острого повреждения почек за 48 часов до появления симптомов — точность прогноза достигает 90% [Tomašev *et al.*, 2019]. Кроме того, алгоритмы ИИ помогают в классификации заболеваний и обеспечивают более персонализированную медицинскую помощь [Cheng *et al.*, 2016].

Профилактика и борьба с заболеваниями

ИИ играет важную роль в профилактике и контроле заболеваний. Например, он, анализируя открытые источники данных из социальных сетей, способен прогнозировать распространение инфекций, передающихся половым путём (ИППП), на уровне отдельных районов, что позволяет повысить эффективность профилактических мероприятий [Young, Crowley, Vermund, 2021].

Принятие решений на основе данных

Технологии ИИ могут оказать помощь в процессе принятия решений, предлагая рекомендации в реальном времени, основанные на клинических протоколах или последних достижениях, что снижает риск ошибок со стороны медицинских специалистов [Aung, Wong, Ting, 2021].

Улучшение в хирургии

ИИ достиг значительных успехов в области хирургии. Роботизированная хирургия широко используется во многих областях, включая хирургию полости рта и челюсто-лицевую хирургию [Hashimoto, Ward, Meireles, 2020]. Хирургические роботы повысили точность и предсказуемость операций. Телемедицинские технологии, основанные на ИИ, дают возможность выполнять операции удалённо и обеспечивают более эффективный контроль за действиями хирургов.

Поддержка психического здоровья

Растёт использование ИИ в сфере психического здоровья. Специалисты разрабатывают алгоритмы, способные интерпретировать человеческие эмоции по тексту, что уже применяется для отслеживания психического самораскрытия в соцсетях, прогнозирования суицидальных рисков [Le Glaz et al., 2021].

Экономические и социальные преимущества

Помимо пользы для здоровья, использование ИИ в здравоохранении имеет экономические и социальные преимущества [Shaheen, 2021; Chustecki, 2024].

Сокращение расходов

▲ Экономия средств за счёт ранней диагностики

ИИ обеспечивает высокую точность и скорость анализа медицинских изображений, таких как маммограммы, что помогает рано выявлять рак молочной железы и снижать затраты на лечение поздних стадий [Shaheen, 2021]. Он также эффективно интерпретирует результаты исследований, например КТ, уменьшая вероятность врачебных ошибок и экономя средства.

▲ Сокращение расходов после лечения

Системы, основанные на ИИ, могут определять наиболее эффективные методы лечения на основе индивидуальных профилей пациентов. Это позволяет значительно уменьшить расходы, связанные с осложнениями после лечения, — одной из главных статей затрат в системах здравоохранения [Nguyen, Do, 2019].

▲ Экономия средств за счёт расширенного проведения клинических испытаний

ИИ может моделировать и оценивать многочисленные потенциальные методы лечения, чтобы предсказать их эффективность в конкретных случаях, что приводит к значительной экономии средств при разработке жизненно важных лекарств [Beck et al., 2020].

Расширение прав и возможностей пациентов

ИИ открывает новые перспективы для людей при управлении ими собственным здоровьем. Они могут действовать более осознанно и активно, заботясь о своём организме. Носимые ими устройства, такие как умные часы, непрерывно собирают базовые показатели здоровья, а алгоритмы ИИ анализируют эти данные, предлагая индивидуальные рекомендации и своевременные предупреждения о возможных угрозах здоровью [Ichikawa, Saito, Ujita, Oyama, 2016]. Мобильные приложения, основанные на машинном обучении, помогают пациентам с хроническими заболеваниями лучше контролировать своё состояние, что способствует повышению общего уровня здоровья населения и снижению затрат на медицинское обслуживание [Vollmer et al., 2020].

Повышение производительности

▲ Автоматизация рутинных задач

ИИ может автоматизировать широкий спектр рутинных задач: анализ медицинских изображений (рентген, МРТ, КТ), расшифровка ЭКГ, обработка документации (клинические записи, страховые претензии). Это позволяет высвободить время врачей для анализа сложных случаев и прямого общения с пациентами и в результате способствует сокращению трудозатрат, оптимизации штатного расписания, что в конечном итоге приводит к повышению производительности труда и улучшению качества ухода за пациентами [Verghese, Shah, Harrington, 2018; Dilsizian, Siegel, 2014].

▲ Ускорение диагностики и разработки лечения

Алгоритмы ИИ способны анализировать огромные массивы данных (медицинские карты, научные публикации, геномные данные) быстрее и точнее человека, помогая в ранней диагностике (например, онкологии) и подборе персонализированных схем лечения. Это способствует сокращению сроков лечения, снижению потребности в дорогостоящих повторных исследованиях, уменьшению числа ошибок, ведущих к осложнениям.

Риски ИИ в здравоохранении

Хотя использование ИИ в здравоохранении открывает множество перспективных возможностей для улучшения диагностики, лечения и управления медицинскими данными, одновременно возникают и значительные риски, которые необходимо учитывать и минимизировать [Khan et al., 2023; Chustecki, 2024; Rahman et al., 2024; Shaheen, 2021; Li, Parikh, Costa, 2025; Siafakas, Vasarmidi, 2024; Botha et al., 2024].

Этические, политические и правовые риски

Ошибки в диагностике заболеваний и отсутствие ответственности

С самого начала использование ИИ породило много этических вопросов, главный из которых — ответственность за ошибки, особенно в медицине. Часто ИИ называют «чёрным ящиком», поскольку сложно понять, как алгоритм пришёл к определённому выводу. В менее важных сферах это менее критично, но в здравоохранении ошибки могут иметь серьёзные последствия [Shaheen, 2021]. Определение ответственности за сбои в работе систем ИИ остаётся актуальной проблемой, поскольку привлечение к ответственности врача, особенно когда врачи не участвуют в разработке алгоритмов, может показаться несправедливым, а привлечённый к ответственности разработчик может быть слишком оторванным от клинической практики [Aung, Wong, Ting, 2021]. Отсутствие объяснений, предоставляемых алгоритмами глубокого обучения, может препятствовать как определению того, кто подлежит юридической ответственности, так и научному пониманию самой рекомендации ИИ [Wang, Preininger, 2019].

Потеря эмпатии и человеческой связи

Пациентам угрожает потеря эмпатии, доброты и адекватного поведения врача-человека при их взаимодействии с роботами — врачами и медсёстрами. Ведь эти роботы не обладают такими человеческими качествами, как сострадание [Farhud, Zokaei, 2021].

Зависимость от технологий

Чрезмерная зависимость от рекомендаций ИИ может привести к снижению критического мышления и способности решать проблемы среди медицинских работников. Таким образом, может усиливаться синдром «ленивого студента» и «ленивого врача» [Siafakas, Vasarmidi, 2024], в результате чего повышается риск уязвимости системы при сбоях или кибератаках.

Риски конфиденциальности данных и кибербезопасности

Опасения по поводу нарушения конфиденциальности возникают из-за сбора больших наборов данных и возможности ИИ предугадывать личную информацию [Shaheen, 2021; Marwan, Kartit, Ouahmane, 2018]. Пациенты могут воспринимать это как нарушение своей конфиденциальности, особенно если результаты становятся общедоступными для третьих лиц [van der Schaar et al., 2021].

Сбор и использование огромных объёмов чувствительных медицинских данных (биометрических, генетических) создаёт риски утечек, несанкционированного использования (страховыми компаниями, работодателями) и коммерческой эксплуатации.

Регулирование (или его отсутствие) ИИ на рынке ИИ технологий

Во-первых, на рынке нет единого официального определения того, что такое технология ИИ. Это создаёт неопределённость среди конкурентов. Во-вторых, в отрасли нет единых официальных стандартов, касающихся того, как ИИ может использоваться организациями и как должна оцениваться его эффективность. Это приводит к неопределенности относительно легальности использования ИИ медицинскими организациями [Sun, Medaglia, 2019].

В настоящее время отсутствуют чётко определённые правила для решения правовых и этических проблем, которые могут возникнуть в связи с использованием искусственного интеллекта в учреждениях здравоохранения.

Потенциальная угроза национальной безопасности

Внедрение технологий ИИ в сферу здравоохранения, когда компаниям иностранных государств предоставляется доступ к сбору и хранению больших объёмов персональных данных пациентов, может сделать страну более уязвимой, например, для биологического оружия [Sun, Medaglia, 2019].

Экономические и социальные риски

Высокие затраты на разработку и внедрение ИИ

Инструменты ИИ очень дороги [Zafar et al., 2019], и их использование требует углублённого обучения. Системы здравоохранения, стремящиеся внедрить ИИ, потребуют огромных расходов и непрерывного обучения для повышения квалификации персонала [Izere, Sibomana, 2024]. Исследования свидетельствуют, что проводимое с поддержкой ИИ лечение влечёт за собой высокую плату для пациентов. Кроме того, внедрение ИИ также обходится дорого медицинским организациям, и эти затраты не компенсируются ожидаемым ростом прибыли [Sun, Medaglia, 2019].

Усиление социального и экономического неравенства

▲ Предвзятые и дискриминационные алгоритмы

Потенциальная алгоритмическая предвзятость может привести к неправильной или недостаточной диагностике определённых демографических групп, усугубить существующие противоречия в результатах лечения. Алгоритмы ИИ опираются на исторические данные, которые часто содержат расовые, гендерные и возрастные стереотипы (например, меньший объём данных по определённым этническим группам, гендерные стереотипы в диагностике), которые существуют в нашем обществе, что ещё больше искажает процесс принятия решений и влияет на лечение ряда групп пациентов и сообществ [Shaheen, 2021]. Нерепрезентативные данные могут ещё больше усугубить неравенство в здравоохранении и привести к недооценке или переоценке риска для определённых групп пациентов [Rishi, Rajnandani, Akanksha, Sanjeev, 2025].

▲ «Цифровой разрыв» в здоровье

Доступ к самым передовыми методам в ИИ-диагностике и персонализированному лечению может стать привилегией для богатых или жителей развитых стран/регионов. Это будет способствовать углублению диспропорций в состоянии здоровья и продолжительности жизни между разными социально-экономическими группами [Mishori, 2025].

Недоверие и сопротивление технологиям ИИ

Люди опасаются, что ИИ, пришедший в здравоохранение, может лишить их работы, они скептически и даже враждебно относятся к его внедрению [Sun, Medaglia, 2019]. Действительно, хотя ИИ создаёт новые профессии (специалисты по данным, ИИ-инженеры в медицине), он может привести к сокращению спроса на некоторые традиционные роли в медицинском обслуживании (лаборанты, администраторы, даже некоторые функции врачей-диагностов). Утверждается, что специальности, основанные на распознавании образов, такие как радиология, патология, цитология, микробиология и дерматология, могут стать первыми, которые будут заменены ИИ [Wang *et al.*, 2024]. Однако некоторые исследователи полагают, что появление ИИ не обязательно означает устаревание некоторых видов работы, а скорее её реинжиниринг [Topol, 2019]. Даже если ИИ со временем сможет заменить часть функций тех или иных специалистов, он скорее потребует реорганизации трудовых процессов, а не полного устранения занятости. Медицинские процессы остаются непредсказуемыми, что усложняет полную автоматизацию.

Технологические проблемы

Проблема данных и развития алгоритмов

Для обучения алгоритмов ИИ в здравоохранении требуются большие объёмы данных из различных источников, таких как электронная медицинская информация, документы аптек, страховых претензий или данные, генерируемые потребителями, такие как трекеры активности или история покупок [Hu, Perer, Wang, 2016]. Однако доступ к медицинской статистике может быть затруднён из-за их фрагментации на разных платформах и системах [Ibid]. Доступность данных в здравоохранении ограничена, и учреждения здравоохранения часто неохотно обмениваются данными [Johnson *et al.*, 2018].

Также данные могут быть неполными или содержать ошибки, что сдерживает развитие алгоритмов. Потенциально искажённые результаты могут быть следствием предвзятости в процессах сбора данных, используемых для разработки модели. Например, недостаточное представительство меньшинств вследствие расовых предвзятостей при разработке набора данных может привести к неудовлетворительным результатам прогнозирования [Hu *et al.*, 2024].

Недостаточная прозрачность алгоритмов ИИ

Технология ИИ представляет собой «чёрный ящик», и её пользователи не имеют возможности понять её механизмы или модифицировать их для решения потенциальных проблем. Врачи, не понимающие внутреннюю работу моделей ИИ, могут испытывать трудности при объяснении процесса лечения пациентам [Vayena, Blasimme, Cohen, 2018]. Вдобавок «чёрный ящик» может привести к тому, что люди вообще потеряют доверие к медицинской системе.

Ограничения технологии ИИ

Хотя ИИ обладает потенциалом для повышения точности диагностики, он не всегда превосходит диагностику, проводимую человеком [Bush, 2018]. Кроме того, модели ИИ могут страдать от переобучения, генерируя нерелевантные корреляции между характеристиками пациентов и результатами. Это может привести к неверным прогнозам при применении к новым случаям [Wiens, Shenoy, 2018].

Согласно сообщениям врачей, рекомендации по лечению, выдаваемые ИИ, соответствуют рекомендациям врачей-людей примерно в 80% случаев [Sun, Medaglia, 2019]. Однако, если при работе со структурированными данными ИИ показал свою эффективность, то при работе с неструктуризованными данными, такими как медицинские изображения, составляющие значительную долю данных в здравоохранении, он пока испытывает трудности. Это означает, что система ИИ всё ещё нуждается в дополнении опытом врачей-людей.

Проблемы клинической реализации

Отсутствие эмпирических данных, подтверждающих эффективность методов лечения на основе ИИ в перспективных клинических испытаниях, препятствует успешному внедрению ИИ [Sun, Medaglia, 2019]. Большая часть исследований ИИ в здравоохранении находится на доклиническом этапе и не имеет подтверждения в реальных условиях [Fogel, Kvedar, 2018]. Интеграция ИИ в рабочий процесс врача имеет решающее значение для его успешного внедрения, но существует ограниченное количество примеров такой интеграции в клиническое лечение, а обучение врачей эффективному использованию ИИ может быть трудоёмким процессом [Stewart, Sprivulis, Dwivedi, 2018].

Выводы

Анализируя современные возможности ИИ, можно утверждать, что в целом эта технология обладает огромным потенциалом в сфере здравоохранения. При успешном применении она приносит значительные преимущества. Однако внедрение ИИ в здравоохранение сопряжено с определёнными вызовами. И, похоже, пока риски перевешивают преимущества. Поэтому внедрение ИИ в здравоохранение должно быть продуманным и постепенным процессом, включающим строгий контроль и мониторинг его использования и эффективности. ИИ должен не заменять врачей, а дополнять их. Только при таком подходе можно обеспечить безопасность пациентов и повысить качество медицинских услуг. Необходимы чёткие стандарты этики и нормативные акты, регулирующие использование ИИ в медицине, а также постоянное обучение медицинского персонала новым технологиям. Важный аспект — защита конфиденциальности и персональных данных пациентов, что требует внедрения современных мер кибербезопасности. В целом, правильный баланс между инновациями и ответственностью позволит максимально использовать потенциал ИИ, минимизируя возможные риски и создавая условия для устойчивого развития здравоохранения будущего.

ЛИТЕРАТУРА

- Аликперова Н.В. (2023). Искусственный интеллект в здравоохранении: риски и возможности // *Здоровье мегаполиса*. № 4(3). С. 41–49. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2023.v.41;41-49.
- Куракова Н.Г., Цветкова Л.А., Черченко О.В. (2020). Технологии искусственного интеллекта в медицине и здравоохранении: позиции России на глобальном патентном и публикационном ландшафте // *Врач и информационные технологии*. № 2. С. 81–100. DOI: 10.37690/1811-0193-2020-2-81-100.
- Ламоткин А.И., Корабельников Д.И., Ламоткин И.А., Лившиц С.А., Перевалова Е.Г. (2024). Искусственный интеллект в здравоохранении и медицине: история ключевых событий, его значимость для врачей, уровень развития в разных странах // *ФАРМАКОЭКОНОМИКА. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология*. № 17(2). С. 243–250. DOI: 10.17749/2070-4909/farmakoekonomika.2024.254.
- Морозов Д.Ю., Омельяновский В.В. (2024). Нужен ли искусственный интеллект системе здравоохранения? // *Медицинские технологии. Оценка и выбор*. № 46(4). С. 40–48. DOI: 10.17116/medtech20244604140.
- Al Kuwaiti A., Nazer K., Al-Reedy A., Al-Shehri S., Al-Muhanna A., Subbarayalu A.V., Al Muhanna D., Al-Muhanna F.A. (2023). A Review of the Role of Artificial Intelligence in Healthcare // *Journal of Personalized Medicine*. Vol. 13. No. 6. P.951. DOI: 10.3390/jpm13060951.
- Aung Y.Y.M., Wong D.C.S., Ting D.S.W. (2021). The promise of artificial intelligence: a review of the opportunities and challenges of artificial intelligence in healthcare // *British Medical Bulletin*. Vol. 139. No. 1. Pp. 4–15. DOI: 10.1093/bmb/ldab016.
- Beck J.T., Ramage M., Jackson G.P., Preininger A.M., Dankwa-Mullan I., Roebuck M.C., Torres A., Holtzen H., Coverdill S.E., Williamson M.P., Chau Q., Rhee K., Vinegra M. (2020). Artificial Intelligence Tool for Optimizing Eligibility Screening for Clinical Trials in a Large Community Cancer Center // *JCO Clinical Cancer Informatics*. No. 4. Pp. 50–59. DOI: 10.1200/CCI.19.00079.
- Botha N.N., Segbedzi C.E., Dumahasi V.K., Maneen S., Kodom R.V., Tsedze I.S., Akoto L.A., Atsu F.S., Lasim O.U., Ansah E.W. (2024). Artificial intelligence in healthcare: a scoping review of perceived threats to patient rights and safety // *Archives of Public Health*. Vol. 82. No. 1. Pp.188. DOI: 10.1186/s13690-024-01414-1.
- Bush J. (2018). How AI is taking the scut work out of health care // *Harvard Business Review Digital Article*. URL: <https://hbr.org/2018/03/how-ai-is-taking-the-scut-work-out-of-health-care>
- Cheng J.Z., Ni D., Chou Y.H., Qin J., Tiu C.M., Chang Y.C., Huang C.S., Shen D., Chen C.M. (2016). Computer-Aided Diagnosis with Deep Learning Architecture: Applications to Breast Lesions in US Images and Pulmonary Nodules in CT Scans // *Scientific Reports*. No. 6. Pp. 24454. DOI: 10.1038/srep24454.
- Chustecik M. (2024). Benefits and Risks of AI in Health Care: Narrative Review // *Interactive Journal of Medical Research*. No. 13. P. e53616. DOI: 10.2196/53616.
- Dilsizian S.E., Siegel E.L. (2014). Artificial intelligence in medicine and cardiac imaging: harnessing big data and advanced computing to provide personalized medical diagnosis and treatment // *Current Cardiology Reports*. Vol. 16. No. 1. Pp. 441. DOI: 10.1007/s11886-013-0441-8.
- Farhud D.D., Zokaei S. (2021). Ethical Issues of Artificial Intelligence in Medicine and Healthcare // *Iranian Journal of Public Health*. Vol. 50. No. 11. Pp. 1–5. DOI: 10.18502/ijph.v50i11.7600.
- Fogel A.L., Kvedar J.C. (2018). Artificial intelligence powers digital medicine // *NPJ Digit Medicine*. No. 1. P. 5. DOI: 10.1038/s41746-017-0012-2.
- Hamel P., Tremblay J. (2017). Artificial intelligence in medicine // *Metabolism*. No. 69. Pp. 36-40. DOI: 10.1016/j.metabol.2017.01.011.
- Hashimoto D.A., Ward T.M., Meireles O.R. (2020). The Role of Artificial Intelligence in Surgery // *Advances in Surgery*. No. 54. Pp. 89–101. DOI: 10.1016/j.yasu.2020.05.010.
- Hu Y., Chen Q., Du J., Peng X., Keloth V.K., Zuo X., Zhou Y., Li Z., Jiang X., Lu Z., Roberts K., Xu H. (2024). Improving large language models for clinical named entity recognition via prompt engineering // *Journal of the American Medical Informatics Association*. Vol. 31. No. 9. Pp. 1812–1820. DOI: 10.1093/jamia/ocad259.
- Hu J., Perer A., Wang F. (2016). Data Driven Analytics for Personalized Healthcare // *Healthcare Information Management Systems* / C. Weaver, M. Ball, G. Kim, J. Kiel (eds). — Cham: Health Informatics, Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-20765-0_31.
- Ichikawa D., Saito T., Ujita W., Oyama H. (2016). How can machine-learning methods assist in virtual screening for hyperuricemia? A healthcare machine-learning approach // *Journal of Biomedical Informatics*. No. 64. Pp. 20–24. DOI: 10.1016/j.jbi.2016.09.012.
- Izere S., Sibomana O. (2024). Artificial intelligence in medicine: advantages and disadvantages for today and the future // *International Journal of Surgery Open*. Vol. 62. No. 4. Pp. 471-473. DOI: 10.1097/IIO.0000000000000133.
- Johnson K.W., Torres Soto J., Glicksberg B.S., Shameer K., Miotto R., Ali M., Ashley E., Dudley J.T. (2018). Artificial Intelligence in Cardiology // *Journal of the American College of Cardiology*. Vol. 71. No. 23. Pp. 2668–2679. DOI: 10.1016/j.jacc.2018.03.521.
- Kaul V., Enslin S., Gross S.A. (2020). History of artificial intelligence in medicine // *Gastrointestinal Endoscopy*. Vol. 92. No. 4. Pp. 807–812. DOI: 10.1016/j.gie.2020.06.040.
- Khan B., Fatima H., Qureshi A., Kumar S., Hanan A., Hussain J., Abdullah S. (2023). Drawbacks of Artificial Intelligence and Their Potential Solutions in the Healthcare Sector // *Biomed Mater Devices*. No. 8. Pp. 1–8. DOI: 10.1007/s44174-023-00063-2.

- Le Glaz A., Haralambous Y., Kim-Dufor D.H., Lenca P., Billot R., Ryan T.C., Marsh J., DeVylder J., Walter M., Berrouiguet S., Lemey C.* (2021). Machine Learning and Natural Language Processing in Mental Health: Systematic Review // *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 23. No. 5. Pp. e15708. DOI: 10.2196/15708.
- Li D.M., Parikh S., Costa A.* (2025). A critical look into artificial intelligence and healthcare disparities // *Frontiers in Artificial Intelligence*. No. 8. P. 1545869. DOI: 10.3389/frai.2025.1545869.
- Maleki Varnosfaderani S., Forouzanfar M.* (2024). The Role of AI in Hospitals and Clinics: Transforming Healthcare in the 21st Century // *Bioengineering (Basel)*. Vol. 11. No. 4. Pp. 337. DOI: 10.3390/bioengineering11040337.
- Marwan M., Kartit A., Ouahmane H.* (2018). Security enhancement in healthcare cloud using Machine Learning // *Procedia Computer Science*. Vol. 127. Pp. 388–397. DOI: 10.1016/j.procs.2018.01.136.
- Mishori R.* (2025). Artificial Intelligence Technology in Healthcare and the Digital Divide // *Digital Health, AI and Generative AI in Healthcare / T. Adirim (ed)*. — Cham: Springer, DOI: 10.1007/978-3-031-83526-1_11.
- Nguyen L.T., Do T.T.H.* (2019). *Artificial Intelligence in Healthcare: A New Technology Benefit for Patients and Doctors / Portland International Conference on Management of Engineering and Technology (PICMET)*. — Portland. OR. USA. Pp. 1–15. DOI: 10.23919/PICMET.2019.8893884.
- Rahman M.A., Victoros E., Ernest J., Davis R., Shanjana Y., Islam M.R.* (2024). Impact of Artificial Intelligence (AI) Technology in Healthcare Sector: A Critical Evaluation of Both Sides of the Coin // *Journal of Clinical Pathology*. No. 17. Pp. 2632010X241226887. DOI: 10.1177/2632010X241226887.
- Rajkomar A., Oren E., Chen K., Dai A.M., Hajaj N., Hardt M., Liu P.J., Liu X., Marcus J., Sun M., Sundberg P., Yee H., Zhang K., Zhang Y., Flores G., Duggan G.E., Irvine J., Le Q., Litsch K., Mossin A., Tansuwan J., Wang D., Wexler J., Wilson J., Ludwig D., Volchenboum S.L., Chou K., Pearson M., Madabushi S., Shah N.H., Butte A.J., Howell M.D., Cui C., Corrado G.S., Dean J.* (2018). Scalable and accurate deep learning with electronic health records // *NPJ Digital Medicine*. No. 1. Pp. 18. DOI: 10.1038/s41746-018-0029-1.
- Rishu C., Rajnandani R., Akanksha S., Sanjeev P.* (2025). AI Bias: Causes, Impacts, and Ways to Address It // *International Journal of Algorithms Design and Analysis Review*. Vol. 3. No. 1. Pp. 55–62.
- Rysavy M.* (2013). Evidence-based medicine: a science of uncertainty and an art of probability // *Virtual Mentor*. Vol. 15. No. 1. Pp. 4–8. DOI: 10.1001/virtualmentor.2013.15.1.fred1-1301.
- Shaheen M.Y.* (2021). AI in Healthcare: medical and socio-economic benefits and challenges // *Science Open Preprints*. DOI: 10.14293/S2199-1006.1.SOR-PPRQNI1.v1.
- Shimabukuro D.W., Barton C.W., Feldman M.D., Mataraso S.J., Das R.* (2017). Effect of a machine learning-based severe sepsis prediction algorithm on patient survival and hospital length of stay: a randomised clinical trial // *BMJ Open Respiratory Research*. Vol. 4. No. 1. Pp. e000234. DOI: 10.1136/bmjresp-2017-000234.
- Siafakas N., Vasarmidi E.* (2024). Risks of Artificial Intelligence (AI) in Medicine // *Pneumon*. Vol. 37. No. 3. P. 40. DOI: 10.18332/pne/191736.
- Stewart J., Sprivulis P., Dwivedi G.* (2018). Artificial intelligence and machine learning in emergency medicine // *Emergency Medicine Australasia*. Vol. 30. No. 6. Pp. 870–874. DOI: 10.1111/1742-6723.13145.
- Sun T.Q., Medaglia R.* (2019). Mapping the challenges of artificial intelligence in the public sector: evidence from public healthcare // *Government Information Quarterly*. Vol. 36. No. 2. Pp. 368–383. DOI: 10.1016/j.giq.2018.09.008.
- Tomašev N., Glorot X., Rae J.W., Zielinski M., Askham H., Saraiva A., Mottram A., Meyer C., Ravuri S., Protsyuk I., Connell A., Hughes C.O., Karthikesalingam A., Cornebise J., Montgomery H., Rees G., Laing C., Baker C.R., Peterson K., Reeves R., Hassabis D., King D., Suleyman M., Back T., Nielson C., Ledsam J.R., Mohamed S.* (2019). A clinically applicable approach to continuous prediction of future acute kidney injury // *Nature*. Vol. 572. No. 7767. Pp. 116–119. DOI: 10.1038/s41586-019-1390-1.
- Topol E.J.* (2019). High-performance medicine: the convergence of human and artificial intelligence // *Nature Medicine*. Vol. 25. No. 1. Pp. 44–56. DOI: 10.1038/s41591-018-0300-7.
- van der Schaar M., Alaa A.M., Floto A., Gimmon A., Scholtes S., Wood A., McKinney E., Jarrett D., Lio P., Ercole A.* (2021). How artificial intelligence and machine learning can help healthcare systems respond to COVID-19 // *Machine Learning*. Vol. 110. No. 1. Pp. 1–14. DOI: 10.1007/s10994-020-05928-x.
- Vayena E., Blasimme A., Cohen I.G.* (2018). Machine learning in medicine: Addressing ethical challenges // *PLOS Medicine*. Vol. 15. No. 11. Pp. e1002689. DOI: 10.1371/journal.pmed.1002689.
- Verghese A., Shah N.H., Harrington R.A.* (2018). What This Computer Needs Is a Physician: Humanism and Artificial Intelligence // *JAMA*. Vol. 319. No. 1. Pp. 19–20. DOI: 10.1001/jama.2017.19198.
- Vollmer S., Mateen B.A., Bohner G., Király F.J., Ghani R., Jonsson P., Cumbers S., Jonas A., McAllister K.S.L., Myles P., Granger D., Birse M., Branson R., Moons K.G.M., Collins G.S., Ioannidis J.P.A., Holmes C., Hemingway H.* (2020). Machine learning and artificial intelligence research for patient benefit: 20 critical questions on transparency, replicability, ethics, and effectiveness // *BMJ*. No. 368. P. l6927. DOI: 10.1136/bmj.l6927.
- Wang F., Preininger A.* (2019). AI in Health: State of the Art, Challenges, and Future Directions // *Yearbook of Medical Informatics*. Vol. 28. No. 1. Pp. 16–26. DOI: 10.1055/s-0039-1677908.
- Wang X.Q., Sun H.Q., Si J.Y., Lin Z.Y., Zhai X.M., Lu L.* (2024). Challenges and suggestions of ethical review on clinical research involving brain-computer interfaces // *Chinese Medical Sciences Journal*. Vol. 39. No. 2. Pp. 131–139. DOI: 10.24920/004377.
- Wiens J., Shenoy E.S.* (2018). Machine Learning for Healthcare: On the Verge of a Major Shift in Healthcare Epidemiology // *Clinical Infectious Diseases*. Vol. 66. No. 1. Pp. 149–153. DOI: 10.1093/cid/cix731.

- Young S.D., Crowley J.S., Vermund S.H. (2021). Artificial intelligence and sexual health in the USA // *Lancet Digital Health*. Vol. 3. No. 8. Pp. e467–e468. DOI: 10.1016/S2589-7500(21)00117-5.
- Zafar H.M., Ip I.K., Mills A.M., Raja A.S., Langlotz C.P., Khorasani R. (2019). Effect of Clinical Decision Support-Generated Report Cards Versus Real-Time Alerts on Primary Care Provider Guideline Adherence for Low Back Pain Outpatient Lumbar Spine MRI Orders // *American Journal of Roentgenology*. Vol. 212. No. 2. Pp. 386–394. DOI: 10.2214/AJR.18.19780.

REFERENCES

- Alikperova N.V. (2023). Artificial Intelligence in Healthcare: Risks and Opportunities // *The health of the metropolis*. No. 4 (3). Pp. 41–49. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2023.v.4i3;41-49. (In Russ.).
- Al Kuwaiti A., Nazer K., Al-Reedy A., Al-Shehri S., Al-Muhanna A., Subbarayalu A.V., Al Muhanna D., Al-Muhanna F.A. (2023). A Review of the Role of Artificial Intelligence in Healthcare // *Journal of Personalized Medicine*. Vol. 13. No. 6. Pp. 951. DOI: 10.3390/jpm13060951.
- Aung Y.Y.M., Wong D.C.S., Ting D.S.W. (2021). The promise of artificial intelligence: a review of the opportunities and challenges of artificial intelligence in healthcare // *British Medical Bulletin*. Vol. 139. No. 1. Pp. 4–15. DOI: 10.1093/bmb/ldab016.
- Beck J.T., Rammage M., Jackson G.P., Preininger A.M., Dankwa-Mullan I., Roebuck M.C., Torres A., Holtzen H., Coverdill S.E., Williamson M.P., Chau Q., Rhee K., Vinegra M. (2020). Artificial Intelligence Tool for Optimizing Eligibility Screening for Clinical Trials in a Large Community Cancer Center // *JCO Clinical Cancer Informatics*. No. 4. Pp. 50–59. DOI: 10.1200/CCI.19.00079.
- Botha N.N., Segbedzi C.E., Dumahasi V.K., Maneen S., Kodom R.V., Tsedze I.S., Akoto L.A., Atsu F.S., Lasim O.U., Ansah E.W. (2024). Artificial intelligence in healthcare: a scoping review of perceived threats to patient rights and safety // *Archives of Public Health*. Vol. 82. No. 1. P.188. DOI: 10.1186/s13690-024-01414-1.
- Bush J. (2018). How AI is taking the scut work out of health care // *Harvard Business Review Digital Article*. URL: <https://hbr.org/2018/03/how-ai-is-taking-the-scut-work-out-of-health-care>
- Cheng J.Z., Ni D., Chou Y.H., Qin J., Tiu C.M., Chang Y.C., Huang C.S., Shen D., Chen C.M. (2016). Computer-Aided Diagnosis with Deep Learning Architecture: Applications to Breast Lesions in US Images and Pulmonary Nodules in CT Scans // *Scientific Reports*. No. 6. Pp. 24454. DOI: 10.1038/srep24454.
- Chustecik M. (2024). Benefits and Risks of AI in Health Care: Narrative Review // *Interactive Journal of Medical Research*. No. 13. P. e53616. DOI: 10.2196/53616.
- Dilsizian S.E., Siegel E.L. (2014). Artificial intelligence in medicine and cardiac imaging: harnessing big data and advanced computing to provide personalized medical diagnosis and treatment // *Current Cardiology Reports*. Vol. 16. No. 1. P. 441. DOI: 10.1007/s11886-013-0441-8.
- Farhud D.D., Zokaei S. (2021). Ethical Issues of Artificial Intelligence in Medicine and Healthcare // *Iranian Journal of Public Health*. Vol. 50. No. 11. Pp. 1–5. DOI: 10.18502/ijph.v50i11.7600.
- Fogel A.L., Kvedar J.C. (2018). Artificial intelligence powers digital medicine // *NPJ Digit Medicine*. No. 1. Pp. 5. DOI: 10.1038/s41746-017-0012-2.
- Hamel P., Tremblay J. (2017). Artificial intelligence in medicine // *Metabolism*. No. 69. Pp. 36–40. DOI: 10.1016/j.metabol.2017.01.011.
- Hashimoto D.A., Ward T.M., Meireles O.R. (2020). The Role of Artificial Intelligence in Surgery // *Advances in Surgery*. No. 54. Pp. 89–101. DOI: 10.1016/j.yasu.2020.05.010.
- Hu Y., Chen Q., Du J., Peng X., Keloth V.K., Zuo X., Zhou Y., Li Z., Jiang X., Lu Z., Roberts K., Xu H. (2024). Improving large language models for clinical named entity recognition via prompt engineering // *Journal of the American Medical Informatics Association*. Vol. 31. No. 9. Pp. 1812–1820. DOI: 10.1093/jamia/ocad259.
- Hu J., Perer A., Wang F. (2016). Data Driven Analytics for Personalized Healthcare // *Healthcare Information Management Systems* / C. Weaver, M. Ball, G. Kim, J. Kiel (eds). — Cham: Health Informatics, Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-20765-0_31.
- Ichikawa D., Saito T., Ujita W., Oyama H. (2016). How can machine-learning methods assist in virtual screening for hyperuricemia? A healthcare machine-learning approach // *Journal of Biomedical Informatics*. No. 64. Pp. 20–24. DOI: 10.1016/j.jbi.2016.09.012.
- Izere S., Sibomana O. (2024). Artificial intelligence in medicine: advantages and disadvantages for today and the future // *International Journal of Surgery Open*. Vol. 62. No. 4. Pp. 471–473. DOI: 10.1097/IJO.0000000000000133.
- Johnson K.W., Torres Soto J., Glicksberg B.S., Shameer K., Miotto R., Ali M., Ashley E., Dudley J.T. (2018). Artificial Intelligence in Cardiology // *Journal of the American College of Cardiology*. Vol. 71. No. 23. Pp. 2668–2679. DOI: 10.1016/j.jacc.2018.03.521.
- Kaul V., Enslin S., Gross S.A. (2020). History of artificial intelligence in medicine // *Gastrointestinal Endoscopy*. Vol. 92. No. 4. Pp. 807–812. DOI: 10.1016/j.gie.2020.06.040.
- Khan B., Fatima H., Qureshi A., Kumar S., Hanan A., Hussain J., Abdullah S. (2023). Drawbacks of Artificial Intelligence and Their Potential Solutions in the Healthcare Sector // *Biomed Mater Devices*. No. 8. Pp. 1–8. DOI: 10.1007/s44174-023-00063-2.

- Kurakova N.G., Tsvetkova L.A., Cherchenko O.V. (2020). Artificial Intelligence Technologies in Medicine and Healthcare: Russia's Position in the Global Patent and Publication Landscape // *Doctor and information technology*. No. 2. Pp. 81–100. DOI: 10.37690/1811-0193-2020-2-81-100. (In Russ.).
- Lamotkin A.I., Korabelnikov D.I., Lamotkin I.A., Livshits S.A., Perevalova E.G. (2024). Artificial intelligence in healthcare and medicine: the history of key events, its importance for doctors, the level of development in different countries // *PHARMACOECONOMICS. Modern pharmacoeconomics and pharmacoepidemiology*. No. 17(2). Pp. 243–250. DOI: 10.17749/2070-4909/farmakoeconomika.2024.254. (In Russ.).
- Le Glaz A., Haralambous Y., Kim-Dufor D.H., Lenca P., Billot R., Ryan T.C., Marsh J., DeVylder J., Walter M., Berrouiguet S., Lemey C. (2021). Machine Learning and Natural Language Processing in Mental Health: Systematic Review // *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 23. No. 5. Pp. e15708. DOI: 10.2196/15708.
- Li D.M., Parikh S., Costa A. (2025). A critical look into artificial intelligence and healthcare disparities // *Frontiers in Artificial Intelligence*. No. 8. Pp. 1545869. DOI: 10.3389/frai.2025.1545869.
- Maleki Varnosfaderani S., Forouzanfar M. (2024). The Role of AI in Hospitals and Clinics: Transforming Healthcare in the 21st Century // *Bioengineering (Basel)*. Vol. 11. No. 4. Pp. 337. DOI: 10.3390/bioengineering11040337.
- Marwan M., Kartit A., Ouahmane H. (2018). Security enhancement in healthcare cloud using Machine Learning // *Procedia Computer Science*. Vol. 127. Pp. 388–397. DOI: 10.1016/j.procs.2018.01.136.
- Mishori R. (2025). Artificial Intelligence Technology in Healthcare and the Digital Divide // *Digital Health, AI and Generative AI in Healthcare* / T. Adirim (ed). — Cham: Springer, DOI: 10.1007/978-3-031-83526-1_11.
- Morozov D.Yu., Omelyanovsky V.V. (2024). Does the healthcare system need artificial intelligence? // *Medical Technologies: Evaluation and Selection*. No. 46(4). Pp. 40–48. DOI: 10.17116/medtech20244604140. (In Russ.).
- Nguyen L.T., Do T.T.H. (2019). *Artificial Intelligence in Healthcare: A New Technology Benefit for Patients and Doctors* / Portland International Conference on Management of Engineering and Technology (PICMET). — Portland. OR. USA. Pp. 1–15. DOI: 10.23919/PICMET.2019.8893884.
- Rahman M.A., Victoros E., Ernest J., Davis R., Shanjana Y., Islam M.R. (2024). Impact of Artificial Intelligence (AI) Technology in Healthcare Sector: A Critical Evaluation of Both Sides of the Coin // *Journal of Clinical Pathology*. No. 17. Pp. 2632010X241226887. DOI: 10.1177/2632010X241226887.
- Rajkomar A., Oren E., Chen K., Dai A.M., Hajaj N., Hardt M., Liu P.J., Liu X., Marcus J., Sun M., Sundberg P., Yee H., Zhang K., Zhang Y., Flores G., Duggan G.E., Irvine J., Le Q., Litsch K., Mossin A., Tansuwan J., Wang D., Wexler J., Wilson J., Ludwig D., Volchenboum S.L., Chou K., Pearson M., Madabushi S., Shah N.H., Butte A.J., Howell M.D., Cui C., Corrado G.S., Dean J. (2018). Scalable and accurate deep learning with electronic health records // *NPJ Digital Medicine*. No. 1. Pp. 18. DOI: 10.1038/s41746-018-0029-1.
- Rishu C., Rajnandani R., Akanksha S., Sanjeev P. (2025). AI Bias: Causes, Impacts, and Ways to Address It // *International Journal of Algorithms Design and Analysis Review*. Vol. 3. No. 1. Pp. 55–62.
- Rysavy M. (2013). Evidence-based medicine: a science of uncertainty and an art of probability // *Virtual Mentor*. Vol. 15. No. 1. Pp. 4–8. DOI: 10.1001/virtualmentor.2013.15.1.fred1-1301.
- Shaheen M.Y. (2021). AI in Healthcare: medical and socio-economic benefits and challenges // *Science Open Preprints*. DOI: 10.14293/S2199-1006.1.SOR-PPRQNI1.v1.
- Shimabukuro D.W., Barton C.W., Feldman M.D., Mataraso S.J., Das R. (2017). Effect of a machine learning-based severe sepsis prediction algorithm on patient survival and hospital length of stay: a randomised clinical trial // *BMJ Open Respiratory Research*. Vol. 4. No. 1. Pp. e000234. DOI: 10.1136/bmjresp-2017-000234.
- Siafakas N., Vasarmidi E. (2024). Risks of Artificial Intelligence (AI) in Medicine // *Pneumon*. Vol. 37. No. 3. Pp. 40. DOI: 10.18332/pne/191736.
- Stewart J., Sprivulis P., Dwivedi G. (2018). Artificial intelligence and machine learning in emergency medicine // *Emergency Medicine Australasia*. Vol. 30. No. 6. Pp. 870–874. DOI: 10.1111/1742-6723.13145.
- Sun T.Q., Medaglia R. (2019). Mapping the challenges of artificial intelligence in the public sector: evidence from public healthcare // *Government Information Quarterly*. Vol. 36. No. 2. Pp. 368–383. DOI: 10.1016/j.giq.2018.09.008.
- Tomašev N., Glorot X., Rae J.W., Zielinski M., Askham H., Saraiva A., Mottram A., Meyer C., Ravuri S., Protsyuk I., Connell A., Hughes C.O., Karthikesalingam A., Cornebise J., Montgomery H., Rees G., Laing C., Baker C.R., Peterson K., Reeves R., Hassabis D., King D., Suleyman M., Back T., Nielson C., Ledsam J.R., Mohamed S. (2019). A clinically applicable approach to continuous prediction of future acute kidney injury // *Nature*. Vol. 572. No. 7767. Pp. 116–119. DOI: 10.1038/s41586-019-1390-1.
- Topol E.J. (2019). High-performance medicine: the convergence of human and artificial intelligence // *Nature Medicine*. Vol. 25. No. 1. Pp. 44–56. DOI: 10.1038/s41591-018-0300-7.
- van der Schaar M., Alaa A.M., Floto A., Gimmon A., Scholtes S., Wood A., McKinney E., Jarrett D., Lio P., Ercole A. (2021). How artificial intelligence and machine learning can help healthcare systems respond to COVID-19 // *Machine Learning*. Vol. 110. No. 1. Pp. 1–14. DOI: 10.1007/s10994-020-05928-x.
- Vayena E., Blasimme A., Cohen I.G. (2018). Machine learning in medicine: Addressing ethical challenges // *PLOS Medicine*. Vol. 15. No. 11. Pp. e1002689. DOI: 10.1371/journal.pmed.1002689.
- Verghese A., Shah N.H., Harrington R.A. (2018). What This Computer Needs Is a Physician: Humanism and Artificial Intelligence // *JAMA*. Vol. 319. No. 1. Pp. 19–20. DOI: 10.1001/jama.2017.19198.
- Vollmer S., Mateen B.A., Bohner G., Király F.J., Ghani R., Jonsson P., Cumbers S., Jonas A., McAllister K.S.L., Myles P., Granger D., Birse M., Branson R., Moons K.G.M., Collins G.S., Ioannidis J.P.A., Holmes C., Hemingway H.

- (2020). Machine learning and artificial intelligence research for patient benefit: 20 critical questions on transparency, replicability, ethics, and effectiveness // *BMJ*. No. 368. Pp. l6927. DOI: 10.1136/bmj.l6927.
- Wang F., Preininger A. (2019). AI in Health: State of the Art, Challenges, and Future Directions // *Yearbook of Medical Informatics*. Vol. 28. No. 1. Pp. 16–26. DOI: 10.1055/s-0039-1677908.
- Wang X.Q., Sun H.Q., Si J.Y., Lin Z.Y., Zhai X.M., Lu L. (2024). Challenges and suggestions of ethical review on clinical research involving brain-computer interfaces // *Chinese Medical Sciences Journal*. Vol. 39. No. 2. Pp. 131–139. DOI: 10.24920/004377.
- Wiens J., Shenoy E.S. (2018). Machine Learning for Healthcare: On the Verge of a Major Shift in Healthcare Epidemiology // *Clinical Infectious Diseases*. Vol. 66. No. 1. Pp. 149–153. DOI: 10.1093/cid/cix731.
- Young S.D., Crowley J.S., Vermund S.H. (2021). Artificial intelligence and sexual health in the USA // *Lancet Digital Health*. Vol. 3. No. 8. Pp. e467–e468. DOI: 10.1016/S2589-7500(21)00117-5.
- Zafar H.M., Ip I.K., Mills A.M., Raja A.S., Langlotz C.P., Khorasani R. (2019). Effect of Clinical Decision Support-Generated Report Cards Versus Real-Time Alerts on Primary Care Provider Guideline Adherence for Low Back Pain Outpatient Lumbar Spine MRI Orders // *American Journal of Roentgenology*. Vol. 212. No. 2. Pp. 386–394. DOI: 10.2214/AJR.18.19780.

Кислицына Ольга Анатольевна

olga.kislitsyna@gmail.com

Olga Kislitsyna

doctor habilitatus in economics, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

olga.kislitsyna@gmail.com

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HEALTHCARE: «MEDICINE» OR «POISON»?

Abstract. The cost of medical treatment is increasing worldwide due to population growth, aging, the spread of chronic diseases, expanded access to healthcare, and the rising cost of technologies and pharmaceuticals. Against this backdrop, artificial intelligence (AI) is becoming increasingly important. AI is used in diagnostics, drug development, surgery, administrative processes, rehabilitation, personalized treatment, and telemedicine. It accelerates processes, reduces costs, and improves the accuracy and quality of care. However, its use is subject to debate. The aim of this study is to identify the benefits and risks of using AI in healthcare based on an analysis of publications in Russian and English. It has been established that the introduction of AI into healthcare provides various medical benefits (decision support, personalized treatment, disease prediction, improved surgical accuracy, mental health assistance), as well as economic and social advantages (cost reduction, increased accessibility, automation of tasks, faster diagnostics, expansion of patient capabilities through wearable devices). The risks of AI can be grouped into ethical and policy-legal risks (possible errors and lack of accountability, loss of empathy, excessive dependence on AI, threats to privacy and national security, lack of legal frameworks and regulatory standards), socio-economic risks (high implementation costs, the risk of increasing inequality and the digital divide, resistance from doctors and patients), and technological risks (limited and biased data, insufficient transparency and reliability of models, difficulties in integrating AI into clinical practice). Thus, AI has enormous potential in healthcare, but its implementation is associated with serious challenges. For now, the risks predominate; therefore, its use should be gradual, with clear oversight and well-defined ethical and legal frameworks.

Keywords: *artificial intelligence, healthcare, medical technologies, advantages, disadvantages.*

JEL: I11, I18, M15, O14, O31.